

НИЖНЕВОЛЖСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

2026
Том 25. № 3

THE LOWER VOLGA ARCHAEOLOGICAL BULLETIN

2026
Volume 25. No. 3

ISSN 2587-8123 (Print)
ISSN 2658-5995 (Online)

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**
ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**НИЖНЕВОЛЖСКИЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК**

2026

Том 25. № 3

**MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION**
VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

**THE LOWER VOLGA
ARCHAEOLOGICAL BULLETIN**

2026

Volume 25. No. 3

THE LOWER VOLGA ARCHAEOLOGICAL BULLETIN

2026. Vol. 25. No. 3

Academic Periodical

First published in 1998

4 issues a year

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Certificate **ПН № ФС77-68211** of December 27, 2016)

The journal is included in the following Russian and international databases: **Scopus**, **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **eLIBRARY.RU** (Russia), **AWOL** (USA), **DOAJ** (Sweden), **MIAR** (Spain), **ROAD** (France), **SHERPA/RoMEO** (Spain)

Editorial Staff:

M.A. Balabanova – Dr. Sc., Prof., Chief Editor (Volgograd);
M.V. Krivosheev – Cand. Sc., Deputy Chief Editor (Volgograd);
K.S. Kovaleva – Executive Secretary (Volgograd);
V.I. Moiseev – Assistant Editor (Volgograd);
A.A. Novozhilova – Cand. Sc., Assoc. Prof., Editor of English Texts (Volgograd);
V.M. Klepikov – Cand. Sc., Assoc. Prof. (Volgograd);
E.V. Pererva – Dr. Sc. (Volgograd);
A.N. Dyachenko (Volgograd);
N.M. Malov – Cand. Sc. (Saratov);
V.N. Myshkin – Cand. Sc. (Samara)

A.S. Skripkin – Dr. Sc., Prof. (Chief Editor of the Periodical from 1998 to 2021) is permanently included in the Editorial Staff by the decision of the Academic Council of the Volgograd State University due to his outstanding contribution to the Journal's development

Address of the Editorial Office and the Publisher:
Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.
Volgograd State University.
Tel.: (8442) 40-55-35. Fax: (8442) 46-18-48.
E-mail: nav@volsu.ru

Journal Website: <https://nav.jvolsu.com>
English version of the Website:
<https://nav.jvolsu.com/index.php/en>

Editorial Board:

Dr. Sc., Prof. *A.I. Aybabin* (Simferopol); Dr. Sc. *A.Yu. Alekseev* (Saint Petersburg); Dr. Sc., Acad. of RAS *Kh.A. Amirkhanov* (Moscow); Cand. Sc. *A.V. Borisov* (Pushchino); Dr. Sc., Acad. of RAS *A.P. Buzhilova* (Moscow); Senior Researcher *I.O. Gavritukhin* (Moscow); Dr. Sc., Prof. *M.S. Gadzhiev* (Makhachkala); Dr. Sc. *I.P. Zasetskaya* (Saint Petersburg); Dr. Sc. *E.D. Zilivinskaya* (Moscow); Dr. Sc., Corr. Member of RAS *A.I. Ivanchik* (Moscow); Docteur habilité *M.M. Kazanskiy* (Paris, France); Dr. Sc., Prof. *A.V. Kiyashko* (Saint Petersburg); Dr. Sc. *A.G. Kozintsev* (Saint Petersburg); Dr. Sc., Prof. *L.N. Koryakova* (Yekaterinburg); Dr. Sc., Assoc. Prof. *V. Kulchar* (Szeged, Hungary); Dr. Sc. *S.I. Lukyashko* (Rostov-on-Don); Cand. Sc. *V.Yu. Malashev* (Moscow); Dr. Sc., Prof. *S.Yu. Monakhov* (Saratov); Dr. Sc., Prof. *N.L. Morgunova* (Orenburg); Dr. Sc., Prof. *L.F. Nedashkovsky* (Kazan); Dr. Sc., Prof., Corr. Member of RAS *N.V. Polosmak* (Novosibirsk); Cand. Sc. *O.A. Radyush* (Moscow); Cand. Sc. *B.A. Raev* (Rostov-on-Don); Dr. Sc. *N.N. Seregin* (Barnaul); Dr. Sc. *M.Yu. Treister* (Bonn, Germany); Dr. Sc., Prof. *A.M. Khazanov* (Madison, USA); Dr. Sc., Prof. *I.N. Khrapunov* (Simferopol); Cand. Sc. *S.V. Sharapova* (Yekaterinburg); Cand. Sc. *L.V. Yavorskaya* (Moscow)

Editors, Proofreaders: *S.A. Astakhova*, *U.V. Naumova*
Making up by *E.S. Reshetnikova*
Technical editing by *Ya.A. Nikitina*

Passed for printing on June 26, 2026.
Date of publication: , 2026. Format 60×84/8.
Offset paper. Typeface Times.
Conventional printed sheets 20.9. Published pages 22.5.
Number of copies 500 (1st printing 1–27 copies).
Order . «C» 20.

Open price

Address of the Printing House:
Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:
Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.
Publishing House of Volgograd State University.
E-mail: izvolgu@volsu.ru

НИЖНЕВОЛЖСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

2026. Т. 25. № 3

Научный журнал

Основан в 1998 году

Выходит 4 раза в год

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации **ПИ № ФС77-68211** от 27 декабря 2016 г.)

Журнал включен в следующие российские и международные базы данных: **Scopus**, **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **РИНЦ** (Россия), **AWOL** (США), **DOAJ** (Швеция), **MIAR** (Испания), **ROAD** (Франция), **SHERPA/RoMEO** (Испания)

Редакционная коллегия:

М.А. Балабанова – д-р ист. наук, проф., главный редактор (г. Волгоград);

М.В. Кривошеев – канд. ист. наук, заместитель главного редактора (г. Волгоград);

К.С. Ковалева – ответственный секретарь (г. Волгоград);

В.И. Моисеев – технический секретарь (г. Волгоград);

А.А. Новожилова – канд. филол. наук, доц., редактор текстов на английском языке (г. Волгоград);

В.М. Клепиков – канд. ист. наук, доц. (г. Волгоград);

Е.В. Перерва – д-р ист. наук (г. Волгоград);

А.Н. Дьяченко (г. Волгоград);

Н.М. Малов – канд. ист. наук (г. Саратов);

В.Н. Мышкин – канд. ист. наук (г. Самара)

А.С. Скрипкин – д-р ист. наук, проф. (главный редактор журнала с 1998 по 2021 г.) решением Ученого совета Волгоградского государственного университета навечно включен в состав редакционной коллегии в связи с огромным вкладом в развитие журнала

Адрес редакции и издателя:

400062 Волгоград, просп. Университетский, 100.

Волгоградский государственный университет.

Тел.: (8442) 40-55-35. Факс: (8442) 46-18-48.

E-mail: nav@volsu.ru

Сайт журнала: <https://nav.jvolsu.com>

Англояз. версия сайта журнала:

<https://nav.jvolsu.com/index.php/en>

Редакционный совет:

д-р ист. наук, проф. *А.И. Айбабин* (г. Симферополь);

д-р ист. наук *А.Ю. Алексеев* (г. Санкт-Петербург); д-р

ист. наук, акад. РАН *Х.А. Амирханов* (г. Москва); канд.

биол. наук *А.В. Борисов* (г. Пушино); д-р ист. наук,

акад. РАН *А.П. Бужилова* (г. Москва); ст. науч. сотр.

И.О. Гаврилухин (г. Москва); д-р ист. наук, проф.

М.С. Гаджиев (г. Махачкала); д-р ист. наук *И.П. За-*

сецкая (г. Санкт-Петербург); д-р ист. наук *Э.Д. Зи-*

ливинская (г. Москва); д-р ист. наук, чл.-кор. РАН

А.И. Иванчик (г. Москва); д-р хаб. *М.М. Казанский*

(г. Париж, Франция); д-р ист. наук, проф. *А.В. Кияшко*

(г. Санкт-Петербург); д-р ист. наук *А.Г. Козинцев*

(г. Санкт-Петербург); д-р ист. наук, проф. *Л.Н. Коря-*

кова (г. Екатеринбург); канд. ист. наук, доц. *В. Куль-*

чар (г. Сегед, Венгрия); д-р ист. наук *С.И. Лукьяшко*

(г. Ростов-на-Дону); канд. ист. наук *В.Ю. Малашев*

(г. Москва); д-р ист. наук, проф. *С.Ю. Монахов* (г. Са-

ратов); д-р ист. наук, проф. *Н.Л. Моргунова* (г. Орен-

бург); д-р ист. наук, проф. *Л.Ф. Недашковский* (г. Ка-

зань); д-р ист. наук, проф., чл.-кор. РАН *Н.В. Полось-*

мак (г. Новосибирск); канд. ист. наук *О.А. Радюхи*

(г. Москва); канд. ист. наук *Б.А. Раев* (г. Ростов-на-

Дону); д-р ист. наук *Н.Н. Серегин* (г. Барнаул); д-р ист.

наук *М.Ю. Трейстер* (г. Бонн, Германия); д-р ист. наук,

проф. *А.М. Хазанов* (г. Мэдисон, США); д-р ист. наук,

проф. *И.Н. Храпунов* (г. Симферополь); канд. ист. наук

С.В. Шарипова (г. Екатеринбург); канд. ист. наук

Л.В. Яворская (г. Москва)

Редакторы, корректоры: *С.А. Астахова*, *У.В. Наумова*

Верстка *Е.С. Решетниковой*

Техническое редактирование *Ю.А. Никитиной*

Подписано в печать 26.06 2026 г.

Дата выхода в свет: 2026 г. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 20,9.

Уч.-изд. л. 22,5. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–27 экз.).

Заказ . «С» 20.

Свободная цена

Адрес типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Почтовый адрес:

400062 Волгоград, просп. Университетский, 100.

Издательство Волгоградского государственного университета.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- Купцова Л.В., Медникова М.Б.* Синташтинский могильник у с. Беляевка в степном Приуралье по данным биоархеологии 5
- Хегай К.М.* История антропологического изучения населения позднего бронзового века степного Поволжья 26
- Синика В.С., Зеленков Н.В., Сыромятников Е.В., Кочнев А.В., Косинцев П.А., Тарасова М.С., Гимранов Д.О.* Редкие археозоологические находки из скифских памятников левобережья Нижнего Днестра 41
- Храпунов И.Н.* Хронология крымских комплексов с вещами в позднеримском полихромном стиле 71
- Воронцов А.М.* Находки фибул черняховской традиции в бассейне верхней Оки 121
- Котеньков С.А., Соловьев Д.С., Макишаев Р.Р., Матлахова Е.Ю., Ткач Н.Т., Ткач А.А., Лобачева Д.М., Лысенко Е.И., Тихонова Т.И.* Влияние колебаний Каспийского моря во второй половине X в. на хазарские поселения Семибугоринского археологического комплекса, центральная часть дельты р. Волги 144
- Васильев Д.В.* Влияние природных факторов на условия существования памятников археологии в астраханском Поволжье в эпоху средневековья 169
- Бочаров С.Г., Масловский А.Н.* Редкие группы тарной импортной керамики на территории Золотой Орды 189

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Чибиров А.Л.* XII Всероссийская научная конференция «Проблемы сарматской археологии и истории»: основные направления исследований культурогенеза савроматской и сарматских культур 220

CONTENTS

ARTICLES

- Kuptsova L.V., Mednikova M.B.* Sintashta Burial Ground near the Village of Belyaevka in the Steppe Urals, According to Bioarchaeology 5
- Khegai K.M.* History of Anthropological Study of the Late Bronze Age Population of the Steppe Volga Region 26
- Sinika V.S., Zelenkov N.V., Syromyatnikov E.V., Kochnev A.V., Kosintsev P.A., Tarasova M.S., Gimranov D.O.* Rare Archaeozoological Finds from Scythian Sites on the Left Bank of the Lower Dniester 41
- Khrapunov I.N.* Chronology of the Crimean Assemblages with Artefacts Featuring the Late Roman Polychrome Style 71
- Vorontsov A.M.* Archaeological Finds of Fibulae of the Chernyakhov Tradition in the Upper Oka Basin 121
- Kotenkov S.A., Soloviev D.S., Makshaev R.R., Matlakhova E.Yu., Tkach N.T., Tkach A.A., Lobacheva D.M., Lysenko E.I., Tikhonova T.I.* Impact of the Caspian Sea Fluctuations in the Second Half of the 10th Century on the Khazar Settlements of the Semibugorinsky Archaeological Complex, Central Part of the Volga Delta 144
- Vasiliev D.V.* The Influence of Natural Factors on the Conditions of Existence of Archaeological Sites in the Astrakhan Volga Region in the Middle Ages 169
- Bocharov S.G., Maslovskiy A.N.* Rare Groups of Imported Transportation Pottery in the Territory of the Golden Horde 189

SCIENTIFIC LIFE

- Chibirov A.L.* 12th All-Russian Scientific Conference “Problems of Sarmatian Archaeology and History”: Main Directions in the Study of the Cultural Genesis of Sauromatian and Sarmatian Cultures 220

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.3.1>

UDC 903.5(470.56)

LBC 63.4(2Poc-4Ope)

Submitted: 02.07.2025

Accepted: 01.09.2025

SINTASHTA BURIAL GROUND NEAR THE VILLAGE OF BELYAEVKA IN THE STEPPE URALS, ACCORDING TO BIOARCHAEOLOGY¹

Lydiya V. Kuptsova

Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation

Maria B. Mednikova

Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation;
Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation

Abstract. The paper presents results of an interdisciplinary study of anthropological materials of the initial stage of the late Bronze Age from the burial site Belyaevka (Central Orenburg region), left by representatives of the Sintashta culture. Data of morphology, paleopathology, isotopic, and ancient DNA analyses in the archaeological context are considered. Among 17 remains of the Sintashta culture representatives, there are seven males, six females, and four children. It is possible that the topographic features of their burials reflect the social structure of society in accordance with age differentiation. We identified closely situated burials of pairs of three-year-old children and individuals of 15–19, 30–39, and 40–49 years old at death. The distinctiveness of the Belyaevka group is reflected in the presence of dental diseases, including caries, periodontitis, abscess, and antemortem tooth loss, which appear to be unusual for pastoralists of the Bronze Age. Stable isotope analysis suggests that in addition to a predominantly livestock-based diet, this population may have exploited food resources from freshwater bodies. Isotopic study of mobility established their “local” (Southern Ural) origin. Ancient DNA analysis identified the Y-chromosome haplogroup R1a1a1b2a (Z94) in a male from burial 1, a haplogroup previously found in Sintashta males from the Kamenny Ambar necropolis. However, the mitochondrial haplogroups (U5a1a1 and K1b2b) from the Belyaevka burial ground differ from those observed in the Kamenny Ambar sample, although they are widespread in the Volga-Ural region beginning with the Yamnaya population. Evidence of a well-healed intravital trepanation was identified, which in terms of the technique (scraping), has the closest analogies among people of the Middle Volga Abashevo culture.

Key words: steppe Urals, late Bronze Age, Sintashta culture, bioarchaeology, diet, mobility, DNA.

Citation. Kuptsova L.V., Mednikova M.B., 2026. Sintashtinskiy mogil'nik u s. Belyayevka v stepnom Priural'ye po dannym bioarkheologii [Sintashta Burial Ground near the Village of Belyaevka in the Steppe Urals, According to Bioarchaeology]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 25, no. 3, pp. 5-25. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.3.1>

УДК 903.5(470.56)
ББК 63.4(2Рос-4Оре)

Дата поступления статьи: 02.07.2025

Дата принятия статьи: 01.09.2025

СИНТАШТИНСКИЙ МОГИЛЬНИК У с. БЕЛЯЕВКА В СТЕПНОМ ПРИУРАЛЬЕ ПО ДАННЫМ БИОАРХЕОЛОГИИ¹

Лидия Владимировна Купцова

Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Российская Федерация

Мария Борисовна Медникова

Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация;

Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлены результаты исследования антропологических материалов из могильника начального этапа позднего бронзового века у с. Беляевка в Центральном Оренбуржье, оставленного представителями синташтинской культуры. Наше исследование предлагает контекстуальный анализ с учетом данных морфологии, палеопатологии, изотопных исследований и анализа древней ДНК. В могилах 17 представителей синташтинской культуры обследованы останки 7 мужчин, 6 женщин и 4 детей. Возможно, топографические особенности погребений отражают социальную структуру общества в соответствии с возрастной дифференциацией. Выявлены близкие захоронения пар трехлетних детей, лиц в возрасте 15–19, 30–39, 40–49 лет. Своеобразие группы из Беляевки проявляется в присутствии заболеваний зубочелюстного аппарата, таких как кариес, пародонтоз, абсцесс и прижизненная утрата зубов, в основном не характерных для скотоводов эпохи бронзы. Анализ стабильных изотопов позволяет предполагать привлечение этим населением дополнительных источников питания из пресных водоемов при преимущественном потреблении продуктов животноводства. Изотопный анализ мобильности установил их «местное» (южноуральское) происхождение. Анализ древней ДНК определил наличие у мужчины из погребения 1 гаплогруппы Y-хромосомы R1a1a1b2a (Z94), ранее встреченной у синташтинских мужчин из некрополя Каменный Амбар. Но митохондриальные гаплогруппы (U5a1a1 и K1b2b) по материалам из могильника Беляевка отличаются от встреченных в выборке из Каменного Амбара, хотя имеют распространение в Волго-Уральском регионе начиная с ямного времени. Выявлены последствия хорошо зажившей прижизненной трепанации, которая по технике исполнения (scraping) имеет ближайшие аналогии в среде средневожских абашевцев.

Ключевые слова: степное Приуралье, поздний бронзовый век, синташтинская культура, биоархеология, диета, мобильность, ДНК.

Цитирование. Купцова Л. В., Медникова М. Б., 2026. Синташтинский могильник у с. Беляевка в степном Приуралье по данным биоархеологии // Нижневолжский археологический вестник. Т. 25, № 3. С. 5–25. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.3.1>

Введение

Могильник у с. Беляевка, исследованный Оренбургской археологической экспедицией в 2021–2023 гг., расположен на территории степного Приуралья, в Беляевском районе Оренбургской области, на краю современного коренного берега реки Урта-Буртя, левобережного притока р. Урал, недалеко от места их слияния (рис. 1). К моменту начала раскопок большая часть памятника была утрачена в связи с разрушением его территории руслом р. Урта-Буртя. Визуально курганные насыпи на могильнике не фиксировались, поэтому первоначально было сделано предположение о

том, что он носил грунтовый характер. Однако изучение палеопочв показало, что здесь имели место быть сооружения из грунтовых конструкций, возведенные над погребениями [Khokhlova et al., 2026]. Всего было выявлено два таких сооружения, под которыми находились погребальные площадки, окруженные рвами (рис. 2). В общей сложности в пределах двух площадок и за рвом погребальной площадки № 2 обнаружено 12 захоронений. Из них 9 (№ 1, 5–12) отнесены к синташтинской культуре Приуралья, одна яма (№ 4) оказалась пустой, культурная принадлежность одного комплекса (№ 2) не определена, но с большой долей вероятности оно также дати-

руется начальным этапом позднебронзовой эпохи, погребение № 3 являлось впускным и относилось к эпохе раннего железного века.

Изученные погребения синташтинской культуры приблизительно одновременны, впускных комплексов этого времени не обнаружено. Не для всех захоронений удалось проследить особенности погребального обряда: однако, полностью либо частично сохранившиеся комплексы дают представление о нем. В погребения помещались один, два, реже три индивида в позе адорации, как правило, на левом боку. В погребении 1 женский индивид покоился в позе скорченно на правом боку, лицом к мужскому. Скелеты ориентированы головами на ЮВ, либо на ЮЗ. Погребальный инвентарь разнообразен – он представлен керамическими сосудами, украшениями, металлическими орудиями труда, роговыми деталями конской упряжи, каменными орудиями металлургического производства. Погребения и сопровождающий инвентарь отражены на рисунке 3.

Антропологические останки выявлены в погребениях 1–3, 6, 9–12 (рис. 3). Кроме того, кости скелета человека были обнаружены в составе некоторых жертвенных комплексов, а также в виде разрозненных фрагментов собраны в обрыве берега р. Урта-Буртя. В настоящий момент в научный оборот введены только данные по погребению 1 [Купцова, Халыпин, 2023; Купцова, Усачук, 2024; Купцова, Медникова, 2025]. Между тем в настоящей статье результаты изучения антропологических останков в значительной степени дополнены. Данные по остальным захоронениям публикуются впервые. Целью данной работы является ввод в научный оборот биоархеологической информации, полученной по всем антропологическим останкам, собранным в процессе изучения могильника. В общей сложности обследованы останки 18 индивидов (17 синташтинских и 1 эпохи РЖВ). Отметим, что биоархеологический анализ для группы синташтинской культуры степного Приуралья проведен впервые.

Материалы и методика

Изучены все антропологические останки, происходящие с территории могильника, как из закрытых погребальных комплексов,

так и разрозненные части скелетов, оказавшиеся вне пространства погребений в результате того, что большая часть некрополя была разрушена рекой.

Обследование скелетных останков человека производилось в лабораторных условиях, на базе Института археологии РАН. Оно включало визуальный осмотр, оценку сохранности, измерения скелетов по стандартной остеометрической программе [Алексеев, 1966], описание палеопатологических проявлений и регистрацию индикаторов физиологического стресса. Половозрастная идентификация осуществлялась в соответствии со стандартной методикой [Standards for Data Collection ... , 1994; и др.]. Производилась палеопатологическая диагностика [Ortner, Putschar, 1981; и др.]. В ее рамках применялась цифровая микрофокусная рентгенография. Она была выполнена с использованием приборной базы ЦКП для археометрических исследований при ИА РАН на оборудовании производства ЗАО Элтех-Мед, система визуализации Продис. Скан.

Параллельно производился отбор образцов для радиоуглеродного анализа, исследования прижизненной мобильности (соотношения изотопов стронция) и изучения древней ДНК. Для изотопного анализа Sr86/Sr87 для индивида 1 (объект 1) был отобран первый моляр нижней челюсти, для скелета 2 – второй моляр, что дает возможность оценить особенности геохимической ситуации, в которой проживали эти люди на протяжении примерно первых десяти лет жизни. Масс-спектрометрическое исследование соотношения изотопов стронция в соответствии с ранее опубликованным протоколом [Киселева и др., 2021] выполнялось на базе Института геологии и геохимии Уральского отделения РАН под руководством Д.В. Киселевой.

Кроме того, для двух образцов из погребения 1 мы привлекаем данные, полученные при изучении древней ДНК. Она была выделена в лаборатории исторической генетики МФТИ в соответствии с ранее опубликованной методикой [Энговатова и др., 2023]. Генетически было подтверждено антропологическое определение половой принадлежности (табл. 1).

Также привлекались результаты таргетного секвенирования (NGS Y-хромосомы и митохондриальной ДНК), которое осуществ-

лялось с помощью специально разработанной панели зондов для обогащения выбранных участков генома с использованием метода гибридизации. Кастомная панель маркеров включала 700 SNP Y-хромосомы локуса NRY, полную митохондриальную ДНК и 100 SNP, связанных с предсказанием фенотипических признаков. Контроль качества полученных библиотек производился на приборе Agilent Bioanalyzer 2100 с помощью набора реагентов High Sensitivity Kit (Agilent Technologies) по протоколу производителя.

Результаты

Индивид 1 (погр. 1, скелет 1).

Пол женский, возраст – 40–44 года.

Сохранность: фрагменты ребер, позвонки грудного и поясничного отделов, левые плечевая, лучевая, локтевая (кости предплечья разрушены в нижней трети и имеют заостренные очертания, диафиз и эпифиз локтевой разрушены вертикально), изолированный фрагмент нижнего эпифиза правой локтевой, отдельно – фрагмент нижней трети левой лучевой кости, левая ключица, разрушенные бедренные, фрагменты большеберцовых костей (без следов окрашивания), фрагмент крестца, парные тазовые, надколенник.

Череп был взят монолитом, после расчистки в лабораторных условиях установлено, что сохранилась правая часть свода и отдельные фрагменты лицевого скелета, к сожалению, не позволяющие произвести реконструкцию внешнего облика.

Патологические проявления: наблюдается парадонтоз, зубной камень. На телах поясничных позвонков сильные краевые разрастания, имеются узлы Шморля (последствия хрящевых грыж, вызванных элеваторными физическими нагрузками). На сохранившейся головке правой бедренной кости – проявления артроза (рис. 5, Б). Отмечен далеко зашедший остеопороз.

На правой тазовой кости сильно выражены преушковидная и межкостная борозды – возможное следствие гормональных изменений после перенесенной беременности [Kelley, 1979; Pany-Kucera et al., 2019].

В центральной части правой теменной кости наблюдаются последствия полностью

зажившей обширной трепанации, выполненной задолго до смерти индивида (рис. 4).

Дефект костной поверхности подокруглой формы, диаметром 25 × 27 мм, слегка вытянут в переднезаднем направлении. Его края идут под углом примерно 45 градусов в задней части и более пологие (30 градусов) в передней. Операция производилась в технике скобления (так называемый *scraping*), и, как считается, это наиболее щадящее воздействие при совершении подобных рискованных процедур, создававшее больше шансов для благоприятного исхода [Медникова, 2001]. В данном случае, судя по краям краниального дефекта, «опылившимся» в процессе заживления, «пациентка» могла находиться в положении сидя лицом к оператору. Скобление проводилось до внутренней компактной пластинки на глубину до 4 мм. Примечательно, что в двух местах области понижения костной поверхности имеются очаги прободения в полость эндокрана, основное – в задней части дефекта. Это позволяет отнести данную трепанацию к категории «хирургических» по классификации Поля Брока [Медникова, 2001], хотя подавляющая часть трепанационного дефекта осталась закрыта нижним слоем компакты. Со стороны эндокрана видно, как близко пролегал венозный синус, кровотечение из которого могло создать угрозу в момент прободения свода черепа. Микрофокусная рентгенография с разным увеличением (рис. 4, В) показывает, вместе с тем, полное заживление и отсутствие каких бы то ни было осложнений.

Длина тела реконструирована по размерам плечевой кости (формула Троттер, Глезер для европеоидов) – 166,5 см.

Индивид 2 (погр. 1, скелет 2).

Пол мужской, возраст – 35–44 года.

Сохранность: череп, нижняя челюсть, фрагмент мыщелка плечевой кости со следами старого разруба; правая локтевая с выраженными следами контаминации медными окислами в нижней трети; левая локтевая разрушена в верхней метафизарной части, фрагменты лучевых костей плохой сохранности, кости предплечья и отдельные элементы кисти со следами медной патины, парные бедренные, правая большеберцовая с разрушенным верхним эпифизом (окрашена охрой или киноварью).

На основной фаланге большого пальца при визуальном осмотре были зафиксирова-

ны возможные последствия рубленой травмы, но проведенное радиологическое исследование не подтвердило эту версию.

Длина тела реконструирована на основании измерений бедренных костей (формула Троттер, Глезер для европеоидов) – 172,5 см.

Индивид 3 (погр. 1, скелет 3 (?)).

В вышедшей в печать публикации погребение 1 обозначено как парное [Купцова, Усачук, 2024, с. 117], однако разбор антропологических останков в лабораторных условиях показал, что здесь также присутствовала кость третьего индивида.

Останки представлены фрагментом правой большеберцовой кости взрослой женщины. Эпифизы и поверхностный слой сильно разрушены.

Индивид 4 (останки, собранные в обрыве внешнего рва ритуальной площадки 1).

Останки мужчины 25–35 лет подверглись сильной эрозии. Их сохранность: фрагмент большеберцовой кости с саблевидной формой диафиза, малоберцовая, правые таранная и пяточная кости.

Индивид 5 (погр. 2).

Сильно разрушенный диафиз правой бедренной кости взрослой женщины (?).

Индивид 6 (погр. 3).

Останки младенца (по размерам костей скелета около 3 месяцев).

Сохранность: фрагменты черепа, парные плечевые, бедренные, большеберцовые, лопатки, элементы таза, позвонков, ребра.

Встречены палеопатологические проявления цинги – оссифицированные гематомы на эндокране и на поверхности нижней челюсти (синоним: болезнь Моллера-Барлоу), диафизы большеберцовых костей изогнуты в переднем направлении, что не исключает рахит (табл. 2).

Индивид 7 (погр. 6).

Мелкие фрагменты трубчатых костей и таранная кость мужчины (?) старше 30 лет.

Индивид 8 (погр. 8).

Мужчина (?) 35–39 лет.

Сохранность: 2 фрагмента центральной части нижней челюсти, парные разрушенные плечевые, верхний фрагмент левой локтевой кости, мелкие фрагменты стенок трубчатых костей.

Зубы стерты на $\frac{1}{3}$ коронки, присутствует зубной камень, последствия парадонтоза и одонтогенного остеомиелита.

Индивид 9 (погр. 9).

Пол женский (?), возраст – 30–39 лет.

Сохранность: парные бедренные, больше- и малоберцовые (разр.), кости стопы, фрагменты таза, парные пяточные, таранная, 5 метатарзальная кость левой стопы, разрушенная фаланга стопы. Без видимых патологий.

Индивид 10 (погр. 10, скелет 1).

Сохранность: фрагменты черепа и посткраниального скелета, изолированные закладки постоянных зубов ребенка. Рентгенографически определен его возраст около 3 лет (рис. 5,Д). Окружность середины диафиза бедренной кости – 46 мм.

Индивид 11 (погр. 10, скелет 2).

Сохранность: фрагменты нижней челюсти с молочными зубами, изолированная закладка первого моляра верхней челюсти (?), корень не сформирован, элементы грудной клетки (ребра), взятые в монолите.

Микрофокусная рентгенография подтвердила принадлежность останков ребенку 3–4 лет (рис. 5,Е). Длина левой бедренной кости не менее 170 мм, окружность середины ее диафиза 52 мм.

Индивид 12 (погр. 11, скелет 1).

Останки первого индивида из погребения 11 представлены разрушенными фрагментами диафизов плечевой, левой локтевой, бедренной, парных большеберцовых костей ребенка до года. Ему же, очевидно, принадлежат очень мелкие фрагменты свода черепа. Диафизарная длина бедренной кости – 73 мм, окружность середины диафиза – 22 мм, что позволяет определить возраст смерти данного индивида в первые месяцы после рождения.

Индивид 13 (погр. 11, скелет 2).

Останки второго индивида из погребения 11 принадлежат ребенку постарше, но также возрастной категории *infantis* 1. Они представлены изолированным диафизом бедренной кости и фрагментом височной кости со слуховым проходом. Окружность середины диафиза бедренной кости – 35 мм.

Индивид 14 (погр. 12).

Пол мужской (?), возраст – 40–44 года.

Сохранность: разрушенный череп, нижняя челюсть, парные плечевые, локтевые, лучевые (разр.), бедренные, больше- и малоберцовые, ребра, разрушенные позвонки, ключица, кости стопы.

Генерализованная патология с поражением позвонков, суставных поверхностей, пяточных и таранных костей. *Cribra orbitalia* не присутствует, кости свода черепа без травматических повреждений. На эндокране встречены арахноидальные лизисы. На фрагменте верхней челюсти можно видеть утрату передних зубов верхней челюсти с облитерацией альвеолярного отростка, также на верхнем небе наблюдаются множественные поротические изменения.

Дифференциальная диагностика включала онкологическое или инфекционное заболевание.

Индивид 15 (кость человека, найденная на погребальной площадке 2 вне погребального пространства на квадрате С20).

Разрушенная фаланга кисти взрослой женщины (?).

Индивид 16 (кость человека, найденная в жертвенном комплексе, обнаруженном в пределах ритуальной площадки 2, квадрат У22).

Пол – женский (доступно единичное измерение: наименьшая ширина лба 91 мм). Возраст – около 15 лет.

Лицевой скелет (лобная, носовые кости и верхняя челюсть разрушены), что препятствует измерениям, но в целом очень грацильный. Отдельно присутствует трехкорневой моляр с закрытыми корнями, стертой жевательной поверхностью коронки и зубным камнем. Признаков анемии не встречено. Имеются надглазничные вырезки.

Индивид 17 (кость человека, найденная в жертвенном комплексе в пределах ритуальной площадки 2 вне погребального пространства, квадрат У21).

Пол – мужской. Возраст – ювенильный (?) (швы черепа не облитерированы).

Лобная кость с надглазничными вырезками, в этой выборке отмеченными еще у одного индивида (индивид под № 16). Без видимых патологий.

Индивид 18. Фрагменты черепа (подобраны на берегу реки, где оказались в результате разрушения могильника).

Пол – мужской, возраст – 25–35 лет.

Сохранность: фрагменты свода черепа, подвергнувшиеся значительным тафономическим изменениям. Единственное доступное измерение – наименьшая ширина лба – 100 мм.

Обсуждение

Материалы из раскопок синташтинских памятников ранее служили поводом для комплексных междисциплинарных исследований, обсуждавших теоретические подходы развития такого направления, как «археология образа жизни» [Корякова и др., 2019]. Данные, полученные при исследовании нового синташтинского комплекса, позволяют нам обратиться к характеристике повседневной жизни представителей этого населения с опорой на антропологический источник, в рамках контекстуального биоархеологического подхода.

Антропологические материалы из раскопок могильника Беляевка немногочисленны и их сохранность зачастую фрагментарна. Из этой выборки следует исключить хорошо сохранившиеся останки младенца раннего железного века (индивид 6 (?), погр. 3). Поэтому наши наблюдения, к сожалению, носят мозаичный характер и применение статистических методов для этих материалов не приведет к достоверным результатам. Единичные определения по материалам парного погребения 1 свидетельствуют, например, что реконструированная длина тела могла быть несколько выше по сравнению с синташтинцами из раскопок Большекараганского могильника [Lindstrom, 2002]: 172,5 см для мужчины (на фоне средней 171,5 см) и 166,5 см для женщины (при среднем значении 163,25 см). Но, учитывая высокую индивидуальную изменчивость признака, делать из этого далеко идущие выводы относительно более полноценного питания этих людей в процессе роста было бы неправильно.

Всего обследованы останки 17 синташтинцев: 7 мужчин, 6 женщин, 4 детей. Возможно, топографические особенности захоронений отражают социальную структуру общества в

соответствии с возрастными классами. Так, выделяются пары трехлетних детей в погребении 10 и детей до года – в погребении 11, на квадратах У21 и У22 (в южной части ритуальной площадки № 2) – останки юноши и девушки 15–19 лет. В погребении 1 открыты захоронения мужчины и женщины, с точки зрения объективных погрешностей в определении биологического возраста, сорокалетних ровесников. В погребениях 8 и 9 – останки мужчины и женщины предшествующей возрастной категории: 30–39 лет.

Для скелета 1 из погребения 1, а также для кости МРС из этого же комплекса получены данные радиоуглеродного анализа, соотношения N15 и C13 [Купцова, Халяпин, 2023, с. 242, табл. 1; Купцова, Усачук, 2024, с. 127, табл. 1], для погребений 1, 10, 12 – данные по соотношению изотопов стронция [Купцова, Медникова, 2025] (см. табл. 3 и 4).

В исследованной выборке обращает внимание наличие комплекса патологий зубочелюстного аппарата, не свойственных для эпохи бронзы в целом, и для населения, приверженного скотоводству, в частности. Это кариес, парадонтопатия, одонтогенный остеомиелит и прижизненная утрата зубов (погр. 1, скелет 1, погр. 8). Ранее в синташтинской выборке из Большекараганского могильника (суммарная численность 28 человек) Р.В. Линдстромом также были отмечены два случая абсцесса и прижизненная утрата зубов, что сближает эти материалы с группой из Беляевки [Lindstrom, 2002].

Примечательно, что, как ранее было показано по материалам раскопок Неплюевского могильника, у постсинташтинского населения уральского региона кариес отсутствовал, что наряду со средней скоростью изнашивания жевательных поверхностей зубов говорило о низком содержании углеводов в рационе питания и о высоком содержании протеинов или крахмала [Карапетян и др., 2019, с. 32].

Наличие подобных проявлений у синташтинцев может отражать кариесогенные особенности диеты или даже стресс, характерный для мигрантов, меняющих геохимические условия среды обитания [Бужилова, 2005]. Вместе с тем изотопные сигналы, определенные в зубной эмали погребенных в Беляевском

могильнике (0,709), соответствуют местным геохимическим характеристикам (табл. 4). И на фоне контрольных образцов животного происхождения женщина из могильника Беляевка (погр. 1) при сходстве значений дельта углерода, характеризующего растительный компонент диеты, обнаруживает резкое завышение дельта азота (табл. 3). Ранее мы предположили, что этот результат вызван употреблением в пищу продуктов речного (озерного) происхождения, что подтверждается и несколько удревненными значениями радиоуглеродной даты, полученной по кости человека, по сравнению с датой, полученной для кости животного (табл. 3). Подтверждением этому является и то, что в одном из погребений могильника был обнаружен рыболовный крючок (рис. 3, Г, 2). Также обсуждалась роль рыбы в питании населения, оставившего могильник Каменный Амбар [Корякова и др., 2019, с. 47]. Между тем употребление в пищу речных продуктов может являться следствием недостатка мясной пищи (например, в результате падежа скота) [Бикбулатов и др., 2002, с. 72–73; Купцов, Крюкова, 2016, с. 186].

Таким образом, рацион питания был полноценным и статус группы из Беляевки был достаточно высок. Распространение у них заболеваний зубочелюстного аппарата, в том числе предположительно, можно связать с распространением генерализованной инфекции, возможно, присутствовавшей у сорокалетнего мужчины из погребения 12.

Касательно других палеопатологических проявлений, как и в группе из Большекараганского могильника [Lindstrom, 2002], были встречены дегенеративно-дистрофические изменения позвоночника у старших представителей этой выборки. Но симптом анемии *crista orbitalia*, отмеченный у некоторых аркаимских детей [Lindstrom, 2002; Медникова, 2002], в материалах из Беляевского некрополя не зафиксирован.

О происхождении этой группы отчасти можно судить по результатам пилотного анализа древней ДНК (табл. 5).

По результатам таргетного секвенирования для мужчины из погребения 1 (скелет 2) была предсказана гаплогруппа Y-хромосомы R1a1a1b2a (Z94). Она типична для большинства мужчин этого культурного круга и ранее

была, в частности, встречена при исследовании материалов могильника Каменный Амбар 5, а также у представителей полтавкинской и потаповской культур самарского региона [Narasimhan et al., 2019a; 2019b, Table 1 Supplementary].

Гаплогруппы митохондриальной ДНК отражают наследование по материнской линии. Митохондриальная гаплогруппа U5a1a1 демонстрирует давнее ее присутствие у населения степного коридора начиная с раннего бронзового века (например, в самарском регионе у ямников из Лопатино, р. Сок, Лужки 1 образцы I0439, I0438; у алтайских афанасьевцев Нижнего Тюмечина 1, I5278).

Она также была встречена в среде фатьяновского населения (у мужчины из погребения 15 могильника Никульдино, образец F-59) [Энговатова и др., 2023, табл. 3]. Не будет преувеличением констатация факта циркулирования этой гаплогруппы в среде древнеямной культуры и у их потомков смешанного происхождения.

Интерес вызывает предсказанная для мужчины из Беляевки (погр. 1, скелет 2) мт гаплогруппа K1b2b.

Ранее она также была определена для населения эпохи ранней бронзы на Алтае и населения поздней бронзы в самарском регионе (афанасьевская культура – I2069, срубная – I0235), в выборке из Ботая.

Примечательно, что ранее другая мт гаплогруппа этой ветки (K1b1a1+199) была встречена у погребенных рядом мужчин № 16 и 17 в Пепкинском кургане, и ее обнаружение подкрепляло тезис не только об их родстве по материнской линии, но и недавней миграции из Центральной Европы, где генетический след неолитических земледельцев был очень заметен [Энговатова и др., 2023]. Действительно, гаплогруппа K1b1a1 была типична еще для анатолийских неолитических земледельцев, а позднее отмечалась у носителей культур линейно-ленточной керамики и шаровидных амфор в Европе [Narasimhan et al., 2019a; 2019b, Table 1 Supplementary].

В реперной синташтинской выборке из Каменного Амбара гаплогруппа ветки K1 встречалась редко и тоже в других вариантах, по сравнению с группой из Беляевки – K1a+195, K2a5b (например, образцы I1013, I7480).

У погребенного (погр. 1, скелет 2) в могильнике Беляевка мт гаплогруппа вполне могла быть древнее и иметь «местное» происхождение по сравнению с упомянутыми носителями средневожской абашевской культуры из Пепкинского кургана.

Тем не менее при описании случая трепанации у женщины из Беляевки в числе ближайших аналогий следует упомянуть трепанацию у мужчины из Пепкинского кургана (похороненный изолированно череп 136 в центре погребальной конструкции) [Медникова, 2001, с. 197–198, рис. 3а]. В отличие от женщины из Беляевки этот индивид был трепанирован совсем незадолго до смерти или даже после смерти (?), поскольку следов заживления или послеоперационных осложнений на его краниуме не наблюдается. Отметим, что техника операции методом скобления идентична, хотя в случае мужчины из Пепкинского кургана операция была целиком сквозной и локализована в верхней центральной части левой теменной кости, а не на правой теменной кости, как у женщины из могильника Беляевка.

Заключение

Биоархеологическое изучение останков группы населения синташтинской культуры, оставившей Беляевский некрополь, показало, что здесь сохранились останки индивидов трех возрастных групп: *infantis* I, индивидов юношеского возраста и взрослых. В небольшой по численности выборке зафиксировано присутствие комплекса патологий зубочелюстного аппарата (кариес, парадонтоз, одонтогенный остеомиелит, прижизненная утрата зубов), в целом не типичных для скотоводческого населения эпохи бронзы.

Анализ стабильных изотопов C13 и N15 вкупе с радиоуглеродной датой позволяет уверенно говорить о том, что их диета была довольно разнообразна и могла включать в том числе продукты речного происхождения.

Судя по соотношению изотопов стронция, эти люди не были мигрантами первого поколения и провели свое детство в южноуральском регионе. Пилотное исследование древней ДНК установило наличие у мужчины из погребения 1 могильника Беляевка гаплогруппы Y-хромосомы R1a1a1b2a (Z94), ранее встре-

ченной не только у большинства мужчин из палеопопуляции Каменный Амбар, но и в самарском регионе – среди носителей полтавкинской и потаповской культур. Но митохондриальные гаплогруппы (U5a1a1 и K1b2b), отражающие наследование по материнской линии, не имеют прямых соответствий в выборке из Каменного Амбара, зато распространены в Волго-Уральском регионе начиная с эпохи ранней бронзы. Следует отметить, что другой вариант гаплогруппы мт ДНК (K1b1a1+199), встреченный у двух мужчин из Пепкинского кургана, напротив, подкреплял гипотезу об их происхождении из центральноевропейского региона.

Между тем прижизненная трепанация на черепе сорокалетней женщины из Беляевки демонстрирует отчетливый параллелизм культурных традиций синташтинской и средневолжской

абашевской культур, на генетическую связь которых уже не раз обращали пристальное внимание археологи, занимающиеся изучением материальной культуры двух этих образований (см., например: [Кузьмина, 1992, с. 74–76]).

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 23-68-10006 «Этнокультурные процессы в бронзовом и раннем железном веке в свете междисциплинарных исследований в Южном Приуралье», <https://rscf.ru/project/23-68-10006/>.

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 23-68-10006 “Ethnocultural Processes in the Bronze and Early Iron Ages in the Light of Interdisciplinary Research in the Southern Urals”, <https://rscf.ru/project/23-68-10006/>.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1. Результаты промера концентрации ДНК и половой принадлежности образцов из могильника у с. Беляевка

Table 1. Results of measuring the DNA concentration and gender of samples from a burial ground near the village of Belyaevka

Наименование археологического памятника, погребения	Наименование образца	Содержание коротких фрагментов ДНК (нг/мкл)	Содержание длинных фрагментов ДНК (нг/мкл)	Содержание Y-хромосомы (нг/мкл)	Половая принадлежность
Погр. 1, скелет 1	Бел-1	0,0043	0,034	0	Ж
Погр. 1, скелет 2	Бел-2	0,0078	0,098	0,0067	М

Таблица 2. Диафизарные размеры трубчатых костей младенца из погребения 3

Table 2. Diaphyseal dimensions of the tubular bones of an infant from burial 3

Кости	Правая	Левая
Плечевые	65	64
Локтевые	62	62
Лучевые	53,5	—
Бедренные	77	77,5
Большеберцовые	67	66
Малоберцовые	63	—
Ключицы	43	—

Таблица 3. Результаты радиоуглеродного анализа органических останков из погребения 1 могильника Беляевка

Table 3. Results of radiocarbon analysis of organic remains from burial 1 of the Belyaevka burial ground

№ п/п	Лаборатор. №	Образец	14C (BP)	Cal BC (1sigma)	$\delta^{13}C$, ‰	$\delta^{15}N$, ‰	% Coll	C/N _{at}
1	IGAN _{AMS} 10211	Ребро скелета 1 (жен.)	3550 ± 20	1932–1881	–18,85	12,71	11,24	3,18
2	IGAN _{AMS} 10212	Альчик MPC	3495 ± 25	1880–1767	–18,51	7,31	19,96	3,19

Таблица 4. Соотношение изотопов стронция в останках человека из синташтинских погребений могильника Беляевка

Table 4. The ratio of strontium isotopes in human remains from the Sintashta burials of the Belyaevka burial ground

№ п/п	Место взятия образца	87Sr/86Sr	SE, abs	Данные по расположению памятника
1	ГМ Беляевка, погр. 1, ск. 1	0,709791	0,000005	с. Беляевка Беляевского района Оренбургской области, в 2,3 км к востоку от с. Беляевка
2	ГМ Беляевка, погр. 1, ск. 2	0,709417	0,000005	
3	ГМ Беляевка, погр. 10, ск. 1	0,708776	0,000008	
4	ГМ Беляевка, погр. 10, ск. 2	0,709066	0,000010	
5	ГМ Беляевка, погр. 12	0,709131	0,000006	

Таблица 5. Результаты NGS митохондриальной ДНК

Table 5. NGS results of mitochondrial DNA

Наименование образца	Мутации в полной митохондриальной ДНК	Гаплогруппа митохондриальной ДНК
Бел-1	73G 263G 750G 1438G 1700C 2706G 3197C 4769G 5495C 7028T 8860G 9477A 11467G 11719A 12308G 12372A 13617C 14766T 14793G 15218G 15326G 15924G 16192T 16256T 16270T 16399G	U5a1a1
Бел-2	73G 146C 195C 263G 750G 1189C 1438G 1811G 2706G 3480G 4769G 5237A 5913A 6845T 7028T 8860G 9055A 9698C 10154G 10398G 10550G 11299C 11467G 11719A 12308G 12372A 12738G 14167T 14766T 14798C 15301A 15326G 16224C 16311C	K1b2b

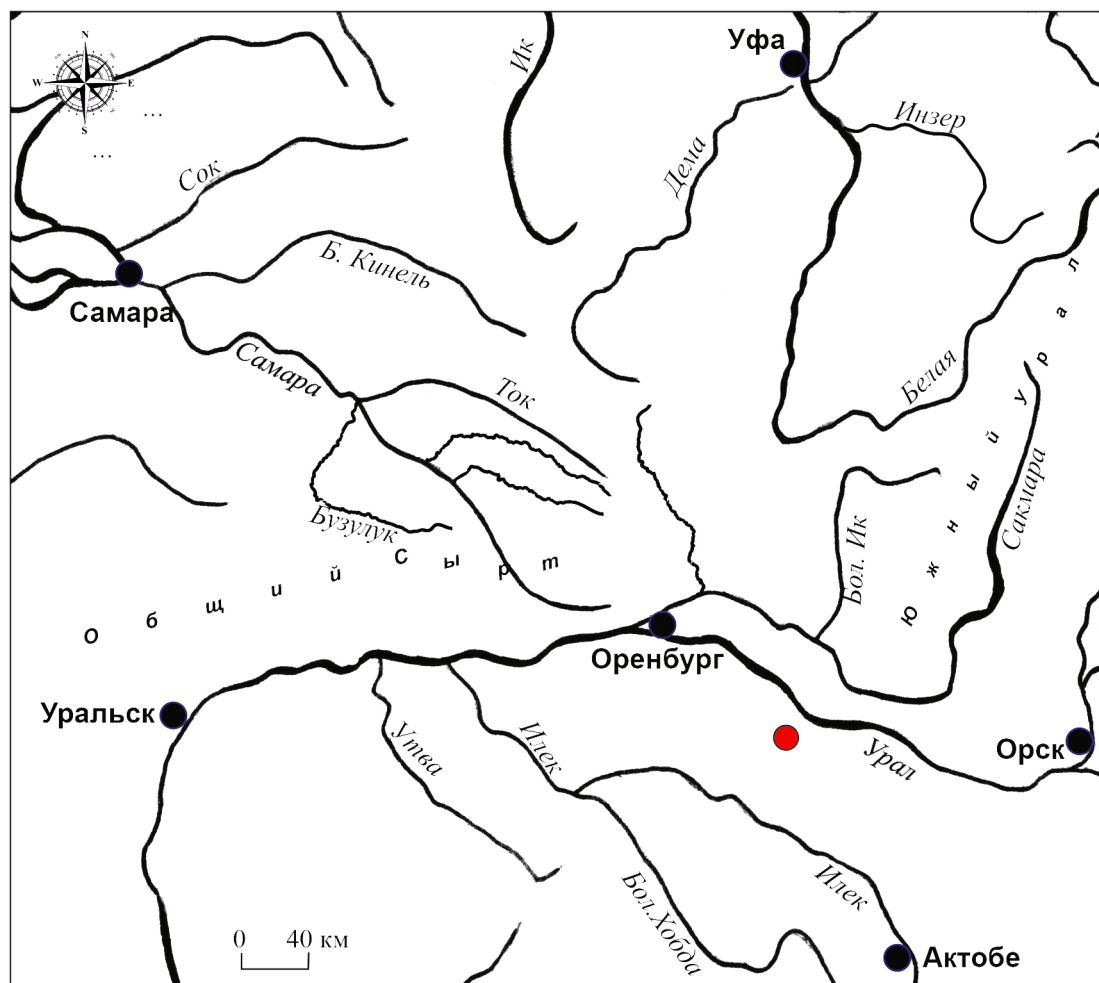

Рис. 1. Расположение могильника у с. Беляевка на карте Приуралья и на карте Беляевского района Оренбургской области

Fig. 1. Location of the burial ground near the village of Belyaevka on the map of the Southern Urals and on the map of the Belyaevsky district of the Orenburg region

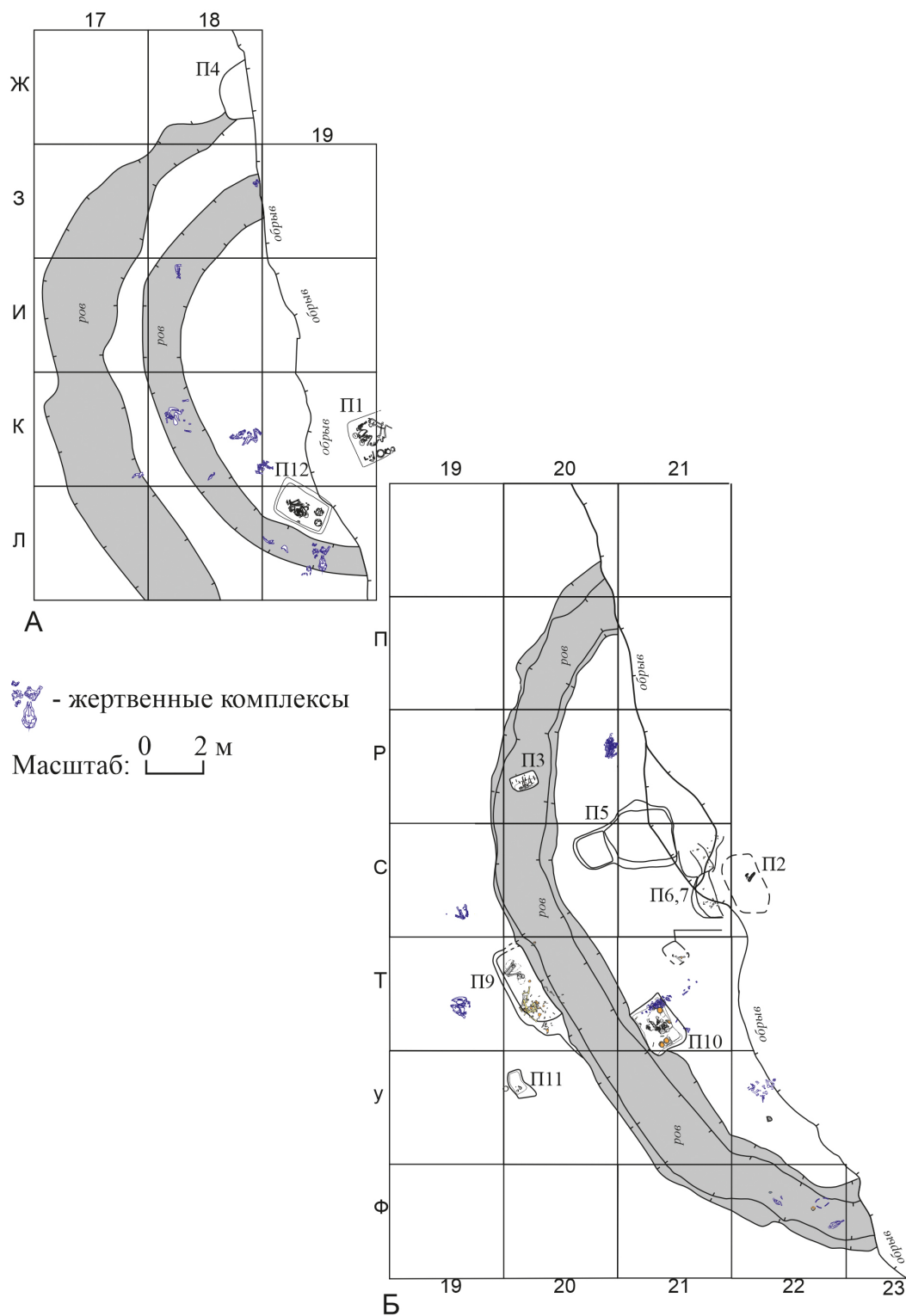

Рис. 2. Погребальные площадки, исследованные на территории могильника у с. Беляевка:

А – ритуальная площадка 1; Б – ритуальная площадка 2

Авторы чертежей: Л.В. Купцова, Е.А. Крюкова, В.С. Мельников

Fig. 2. Burial sites examined on the territory of the burial ground near the village of Belyaevka:

А – ritual site 1; Б – ritual site 2

Authors of the drawings: L.V. Kuptsova, E.A. Kryukova, V.S. Melnikov

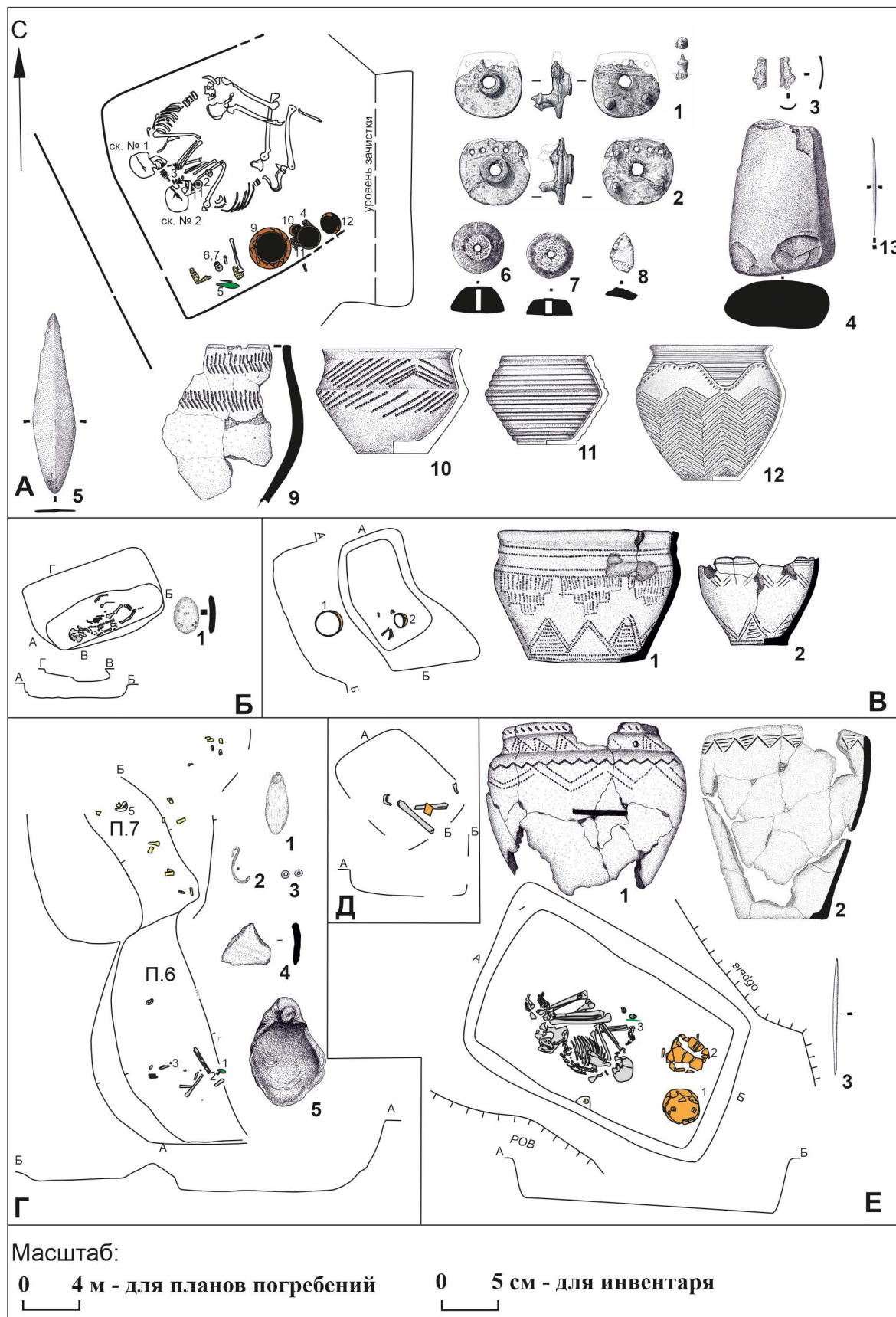

Рис. 3. Погребальные комплексы могильника у с. Беляевка (см. также с. 19)

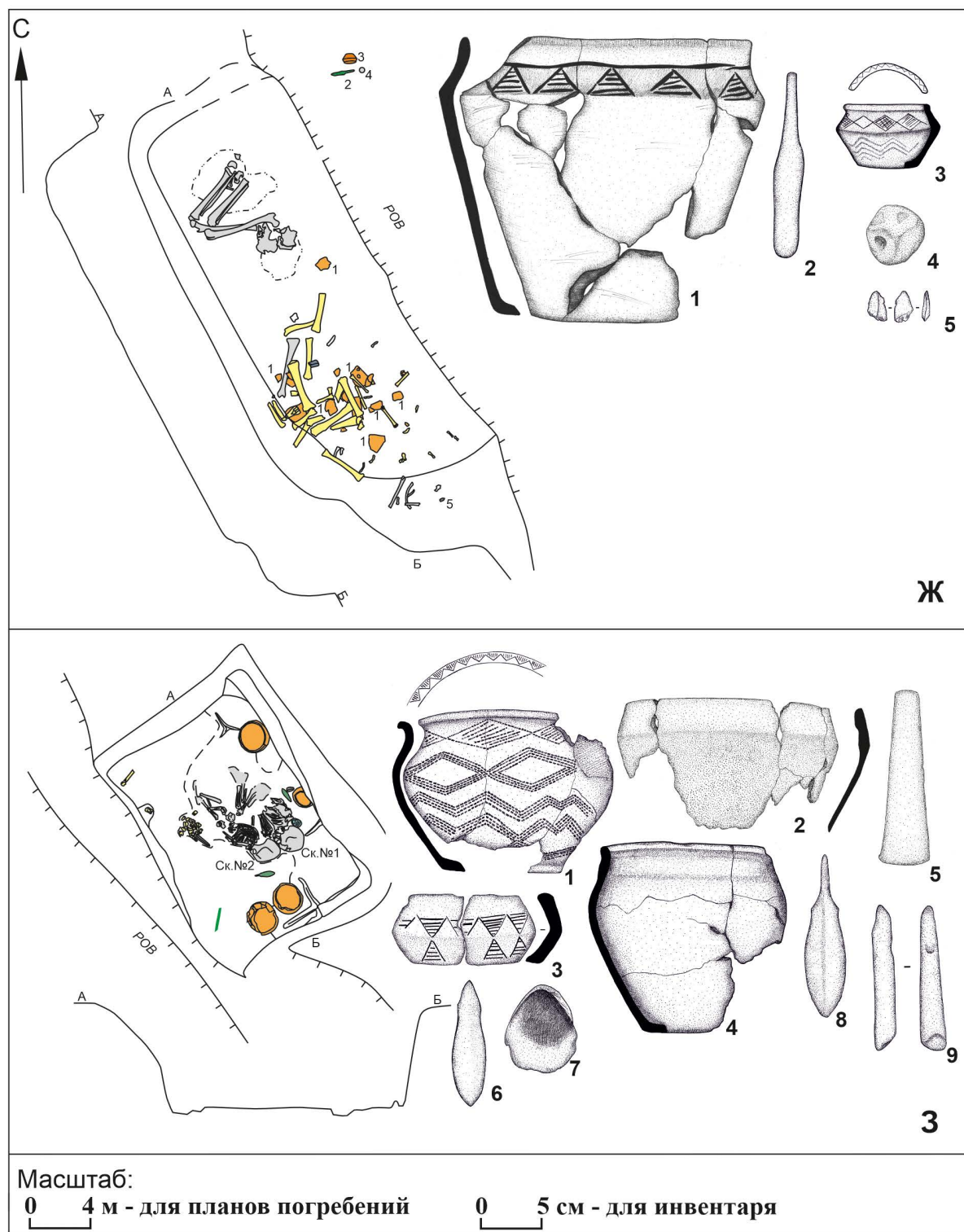

Рис. 3. Погребальные комплексы могильника у с. Беляевка (окончание):

- А – погребение 1: 1, 2 – роговые псалии; 3 – фрагмент бронзового браслета; 4 – каменный кузнечный молот;
 5 – бронзовый нож; 6, 7 – костяные пряслица; 8 – заготовка каменного наконечника стрелы;
 9–12 – керамические сосуды. Б – погребение 3: 1 – каменный оселок. В – погребение 11: 1, 2 – керамические сосуды.
 Г – погребения 6, 7: 1 – бронзовый нож; 2 – бронзовый рыболовный крючок; 3 – пастовые бусы;
 4 – фрагмент керамики; 5 – раковина *Grifea*. Д – погребение 8. Е – погребение 12: 1, 2 – керамические сосуды;

3 – бронзовое шило. Ж – погребение 9: 1 – керамический сосуд, склеенный из фрагментов; 2 – бронзовый нож; 3 – миниатюрный керамический сосуд; 4 – каменный оселок; 5 – кремневый отщеп. 3 – погребение 10: 1–4 – керамические сосуды; 5 – бронзовое тесло; 6, 8 – бронзовые ножи; 7 – раковина Grifea; 9 – каменный оселок

Авторы чертежей: Л.В. Купцова, Е.А. Крюкова, В.С. Мельников.

Авторы рисунков инвентаря: А.Н. Усачук (рис. 3, А1, А2, А6, А7);

Л.Ю. Петрова (рис. 3, А3, А4, А5, А8, А9, А10, А11, А12); В.О. Толочко (остальные рисунки инвентаря на рис. 3)

Fig. 3. Burial complexes of the burial ground near the village of Belyaevka (end):

А – burial 1: 1, 2 – horn cheekpieces; 3 – a fragment of a bronze bracelet; 4 – a stone blacksmith's hammer;

5 – a bronze knife; 6, 7 – bone spindle whorls; 8 – a blank stone arrowhead; 9–12 – ceramic vessels.

Б – burial 3: 1 – a whetstone. В – burial 11: 1, 2 – ceramic vessels. Г – burials 6, 7: 1 – a bronze knife; 2 – a bronze fishhook; 3 – paste beads; 4 – a ceramic fragment; 5 – a Grifea shell. Д – burial 8. Е – burial 12: 1, 2 – ceramic vessels; 3 – a bronze awl. Ж – burial 9: 1 – a ceramic vessel glued together from fragments; 2 – a bronze knife; 3 – a miniature ceramic vessel; 4 – a whetstone; 5 – a flint flake. 3 – burial 10: 1–4 – ceramic vessels; 5 – a bronze adze; 6, 8 – bronze knives; 7 – a Grifea shell; 9 – a whetstone

Authors of the drawings: L. V. Kuptsova, E. A. Kryukova, V. S. Melnikov.

Authors of the inventory drawings: A. N. Usachuk (fig. 3, А1, А2, А6, А7);

L. Yu. Petrova (fig. 3, А3, А4, А5, А8, А9, А10, А11, А12); V. O. Tolochko (all other inventory illustrations in Fig. 3)

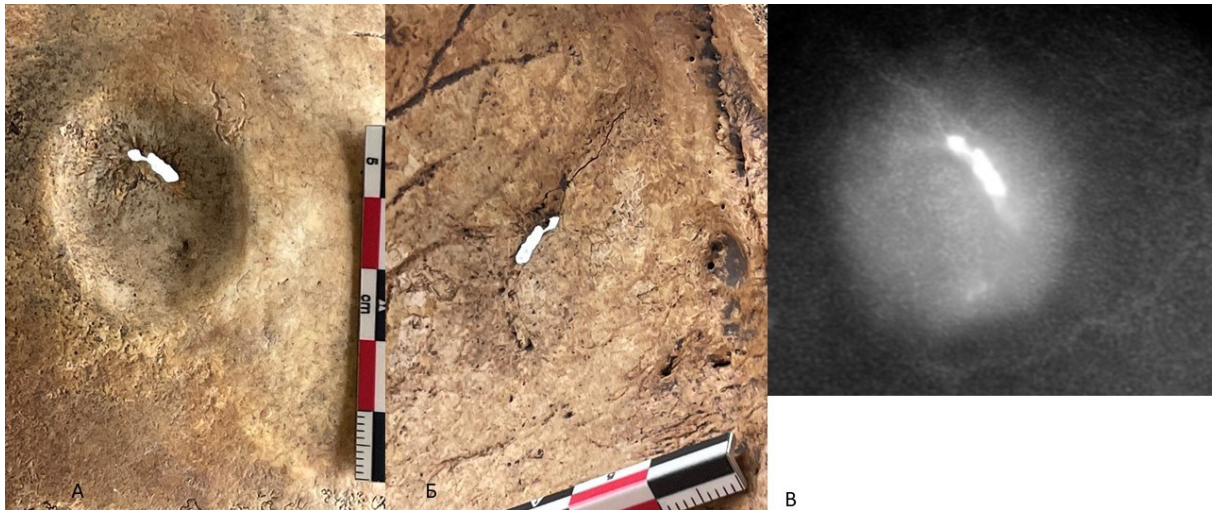

Рис. 4. Хорошо заживший трепанационный дефект на черепе женщины из погребения 1:
А – вид с внешней стороны; Б – со стороны эндокрана; В – микрофокусная рентгенограмма с увеличением
Фотографии антропологических материалов: М.Б. Медникова

Fig. 4. A well-healed trepanation defect on the skull of a woman from burial 1:
А – external view; Б – endocranial view; В – microfocus X-ray with magnification
Photo of the anthropological materials: M.B. Mednikova

Рис. 5. Антропологические материалы из раскопок Беляевского могильника:

А – окислы цветного металла в нижней трети диафизов лучевых костей (погр. 1, № 2);
Б – изменения суставной поверхности головки бедренной кости (погр. 1, № 1); *В* – скелет ребенка из погребения 8; *Г* – возможные патологические изменения на поверхности его лопатки. Микрофокусная рентгенография; *Д* – закладки постоянных зубов на нижней челюсти (ребенок № 1, погр. 10);
Е – закладки постоянных зубов на верхней челюсти (ребенок № 2, погр. 10).

Фотографии антропологических материалов: М.Б. Медникова

Fig. 5. Anthropological materials from the excavations of the Belyaevka burial ground:

A – non-ferrous metal oxides in the lower third of the radial bone diaphyses (burial 1, no. 2);
Б – changes in the articular surface of the femoral head (burial 1, no. 1); *В* – the skeleton of a child from burial 8;
Г – possible pathological changes on the surface of its shoulder blade (microfocus radiography);
Д – permanent teeth on the lower jaw (child no. 1, burial 10); *Е* – permanent teeth in the maxilla (child no. 2, burial 10).

Photo of the anthropological materials: M.B. Mednikova

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев В. П., 1966. Остеометрия: методика антропологических исследований. М. : Наука. 249 с.
- Бикбулатов Н. В., Юсупов Р. М., Шитова С. Н., Фатыхова Ф. Ф., 2002. Башкиры: этническая история и традиционная культура. Уфа : Башкир. энцикл. 248 с.
- Бужилова А. П., 2005. Homo Sapiens: история болезни. М. : Языки славянской культуры. 321 с.
- Карапетян М. К., Шарапова С. В., Якимов А. С., 2019. Материалы к характеристике населения эпохи бронзы Южного Зауралья // Уральский исторический вестник. № 1 (62). С. 28–37. DOI: [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-1\(62\)-28-37](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-1(62)-28-37)
- Киселева Д. В., Анкушева П. С., Анкушев М. Н., Окунева Т. Г., Шагалов Е. С., Касьянова А. В., 2021. Определение фоновых изотопных отношений биодоступного стронция для рудника бронзового века Новотемирский // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 263. С. 176–187. DOI: <http://dx.doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.263.176-187>
- Кузьмина О. В., 1992. Абашевская культура в лесостепном Волго-Уралье : учеб. пособие к спецкурсу. Самара : Самар. пед. ин-т. 128 с.
- Корякова Л. Н., Краузе Р., Шарапова С. В., Пантелеева С. Е., Косинцев П. А., 2019. Археология образа жизни (по материалам исследований памятников эпохи бронзы Южного Зауралья) // Уральский исторический вестник. № 4 (65). С. 40–51. DOI: [http://dx.doi.org/10.30759/1728-9718-2019-4\(65\)-40-51](http://dx.doi.org/10.30759/1728-9718-2019-4(65)-40-51)
- Купцов Е. А., Крюкова Е. А., 2016. К вопросу о рыболовстве ранних кочевников Южного Приуралья // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 12. Оренбург : Изд-во ОГПУ. С. 159–192.
- Купцова Л. В., Халяпин М. В., 2023. Погребения с сейминско-турбинским инвентарем из Оренбургского Предуралья: хронологический, палеодиетический и миграционный аспекты // Археология Евразийских степей. № 3. С. 235–248. DOI: <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.3.235.248>
- Купцова Л. В., Усачук А. Н., 2024. Пара щитковых псалиев с территории Степного Приуралья // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 275. С. 114–131. DOI: <https://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.275.114-131>
- Купцова Л. В., Медникова М. Б., 2025. Население Оренбургского Приуралья в конце среднего – начале позднего бронзового века по данным изотопных исследований // Археология Евразийских степей. № 3. С. 196–209. DOI: <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.3.196.209>
- Медникова М. Б., 2001. Трепанации у древних народов Евразии. М. : Науч. мир. 304 с.
- Медникова М. Б., 2002. Погребение ребенка (№ 16) в кургане 25 Большекараганского могильника: палеоантропологическое описание // Аркаим: некрополь (по материалам 25 Большекараганского могильника). Кн. 1. Челябинск : Южно-Уральское кн. изд-во. С. 164–166.
- Энговатова А. В., Альборова И. Э., Мустафин Х. Х., Луньков В. Ю., Лунькова Ю. В., Канапин А. А., Самсонова А. А., Медникова М. Б., 2023. Древняя ДНК носителей фатьяновской и абашевской культур : (К вопросу о миграциях населения эпохи бронзы в лесной полосе на Русской равнине) // Stratum plus. № 2. С. 207–228. DOI: <https://doi.org/10.55086/sp232207228>
- Kelley M. A., 1979. Parturition and Pelvic Changes // American Journal of Physical Anthropology. Vol. 51 (4). P. 541–545.
- Khokhlova O. S., Kuptsova L. V., Myakshina T. N., 2026. Geoarchaeological Analysis of Earthen Constructions and Soils Buried Beneath Them at the Sintashta Burial Ground Near the Village of Belyaevka in the Cis-Ural Steppe // Eurasian Soil Science. Vol. 59, № 4. DOI: [10.1134/S1064229325602628](https://doi.org/10.1134/S1064229325602628)
- Lindstrom R. W., 2002. Anthropological Characteristics of the Population of the Bolshekaragansky Cemetery // Аркаим: некрополь (по материалам 25 Большекараганского могильника). Кн. 1. Челябинск : Южно-Уральское кн. изд-во. С. 159–164.
- Narasimhan V. M., Patterson N., Moorjani P., Rohland N., Bernardos R. et al., 2019a. The Formation of Human Populations in South and Central Asia // Science. Vol. 365, iss. 6457. P. 1–18. DOI: <https://doi.org/10.1126/science.aat7487>
- Narasimhan V. et al., 2019b. Supplementary Materials for the Formation of Human Populations in South and Central Asia // Science. Vol. 365, iss. 6457. P. 1–341. DOI: <https://doi.org/10.1126/science.aat7487>
- Ortner D. J., Putschar W. G. J., 1981. Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains. Smithsonian Contributions to Anthropology. No. 28. Washington (DC) : Smithsonian Institution Press. 645 p.

- Pany-Kucera D., Spannagl-Steiner M., Argeny S., Maurer-Gesek B., Weninger W. J., Rebay-Salisbury K., 2019. Sacral Preauricular Extensions, Notches and Corresponding Iliac Changes: New Terms and the Proposal of a Recording System // *International Journal of Osteoarchaeology*. Vol. 29. P. 1013–1021.
- Standards for Data Collections of Human Skeletal Remains, 1994. Arkansas Archaeological Survey Research. Ser. No. 44. 206 p.

REFERENCES

- Alekseyev V.P., 1966. *Osteometriya: metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Osteometry: A Methodology of Anthropological Research]. Moscow, Nauka Publ. 249 p.
- Bikbulatov N.V., Yusupov R.M., Shitova S.N., Fatykhova F.F., 2002. *Bashkiry: etnicheskaya istoriya i traditsionnaya kultura* [Bashkirs: Ethnic History and Traditional Culture]. Ufa, Bashkir. entsikl. Publ. 248 p.
- Buzhilova A.P., 2005. *Homo Sapiens: istoriya bolezni* [Homo Sapiens: A Medical History]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ. 321 p.
- Karapetyan M.K., Sharapova S.V., Yakimov A.S., 2019. Materialy k kharakteristike naseleniya epokhi bronzы Yuzhnogo Zauralia [New Data on Lifestyle of the Population During the Bronze Age in the Southern Trans-Urals]. *Uralskiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Journal], no. 1 (62), pp. 28-37. DOI: [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-1\(62\)-28-37](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-1(62)-28-37)
- Kiseleva D.V., Ankusheva P.S., Ankushev M.N., Okuneva T.G., Shagalov E.S., Kasianova A.V., 2021. Opredeleniye fonovykh izotopnykh otnosheniy biodostupnogo strontsiya dlya rudnika bronzovogo veka Novotemirskiy [Bioavailable Strontium Isotope Baseline for the Novotemirskiy Bronze Age Mine]. *Kratkiye soobshcheniya instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], iss. 263, pp. 176-187. DOI: <http://dx.doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.263.176-187>
- Kuzmina O.V., 1992. *Abashevskaya kultura v lesostepnom Volgo-Uralye: ucheb. posobiye k spetskursu* [Abashevskaya Culture in the Forest-Steppe Volga-Urals. Textbook for a Special Course]. Samara, Samara Pedagogical Institute. 128 p.
- Koryakova L.N., Krause R., Sharapova S.V., Panteleyeva S.E., Kosintsev P.A., 2019. Arkheologiya obraza zhizni (po materialam issledovaniy pamyatnikov epokhi bronzы Yuzhnogo Zauralia) [Archaeology of the Lifestyle (Investigating the Bronze Age Sites of the Southern Trans-Urals)]. *Uralskiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Journal], no. 4 (65), pp. 40-51. DOI: [http://dx.doi.org/10.30759/1728-9718-2019-4\(65\)-40-51](http://dx.doi.org/10.30759/1728-9718-2019-4(65)-40-51)
- Kuptsov E.A., Kryukova E.A., 2016. K voprosu o rybolovstve rannikh kochevnikov Yuzhnogo Priuralia [On the Fishing of the Early Nomads of the Southern Urals]. *Arkheologicheskiye pamyatniki Orenburgskoy oblasti* [Archaeological Sites of Orenburg Region], iss. 12. Orenburg, OGPU, pp. 159-192.
- Kuptsova L.V., Khalyapin M.V., 2023. Pogrebeniya s seyminsko-turbinskim inventarem iz Orenburgskogo Preduralia: khronologicheskiy, paleodiyeticheskiy i migratsionnyy aspekty [Burials with Seima-Turbino Inventory from the Orenburg Cis-Urals: Chronological, Paleodietological and Migration Aspects]. *Arkheologiya Evraziyskikh stepey* [Archaeology of the Eurasian Steppes], no. 3, pp. 235-248. DOI: <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.3.235.248>
- Kuptsova L.V., Usachuk A.N., 2024. Para shchitkovykh psaliyev s territorii Stepnogo Priuralia [A Pair of Cheek-Pieces from the Steppe Urals Region]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], iss. 275, pp. 114-131. DOI: <https://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.275.114-131>
- Kuptsova L.V., Mednikova M.B., 2025. Naseleniye Orenburgskogo Priuralia v kontse srednego - nachale pozdnego bronzovogo veka po dannym izotopnykh issledovaniy [Population of the Orenburg Ural Region in the Late Middle – Early Late Bronze Age Based Isotopic Studies]. *Arkheologiya Evraziyskikh stepey* [Archaeology of the Eurasian Steppes], no. 3, pp. 196-209. DOI: <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.3.196.209>
- Mednikova M.B., 2001. *Trepanatsii u drevnikh narodov Evrazii* [Trepanations in the Ancient Peoples of Eurasia]. Moscow, Nauch. mir Publ. 304 p.
- Mednikova M.B., 2002. Pogrebeniye rebenka (№ 16) v kurgane 25 Bolshekaraganskogo mogilnika: paleoantropologicheskoye opisaniye [Burial of a Child (No. 16) in Mound 25 of the Bolshekaragansky Burial Ground: Paleoanthropological Description]. *Arkaim: nekropol (po materialam 25 Bolshekaraganskogo mogilnika)* [Arkaim: Necropolis (Based on Materials from the 25th Bolshekaragansky Burial Ground)]. Book 1. Chelyabinsk, Yzhno-Uralskoe kn. izd-vo Publ., pp. 164-166.

- Engovatova A.V., Alborova I.E., Mustafin Kh.Kh., Lunkov V.Yu., Lunkova Yu.V., Kanapin A.A., Samsonova A.A., Mednikova M.B., 2023. Drevnyaya DNK nositeley fatianovskoy i abashevskoy kultur: (K voprosu o migratsiyakh naseleniya epokhi bronzy v lesnoy polose na Russkoy ravnine) [Ancient DNA of the Bearers of the Fatyanovo and Abashevo Cultures (Concerning Migrations of the Bronze Age People in the Forest Belt on the Russian Plain)]. *Stratum plus*, no. 2, pp. 207-228. DOI: <https://doi.org/10.55086/sp232207228>
- Kelley M.A., 1979. Parturition and Pelvic Changes. *American Journal of Physical Anthropology*, vol. 51 (4), pp. 541-545.
- Khokhlova O.S., Kuptsova L.V., Myakshina T.N., 2026. Geoarchaeological Analysis of Earthen Constructions and Soils Buried Beneath Them at the Sintashta Burial Ground Near the Village of Belyaevka in the Cis-Ural Steppe. *Eurasian Soil Science*, vol. 59, no. 4. DOI: <https://doi.org/10.1134/S1064229325602628>
- Lindstrom R.W., 2002. Anthropological Characteristics of the Population of the Bolshekaragansky Cemetery. *Arkaim: nekropol (po materialam 25 Bolshekaraganskogo mogilnika)* [Arkaim: Necropolis (Based on Materials from the 25th Bolshekaragansky Burial Ground)]. Book 1. Chelyabinsk, Yzhno-Uralskoe kn. izd-vo Publ., pp. 159-164.
- Narasimhan V.M., Patterson N., Moorjani P., Rohland N., Bernardos R. et al., 2019a. The Formation of Human Populations in South and Central Asia. *Science*, vol. 365, iss. 6457, pp. 1-18. DOI: <https://doi.org/10.1126/science.aat7487>
- Narasimhan V. et al., 2019b. Supplementary Materials for the formation of Human Populations in South and Central Asia. *Science*, vol. 365, iss. 6457, pp. 1-341. DOI: <https://doi.org/10.1126/science.aat7487>
- Ortner D.J., Putschar W.G.J., 1981. *Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains*. Smithsonian Contributions to Anthropology, no. 28. Washington (DC), Smithsonian Institution Press. 645 p.
- Pany-Kucera D., Spannagl-Steiner M., Argeny S., Maurer-Gesek B., Weninger W.J., Rebay-Salisbury K., 2019. Sacral Preauricular Extensions, Notches and Corresponding Iliac Changes: New Terms and the Proposal of a Recording System. *International Journal of Osteoarchaeology*, vol. 29, pp. 1013-1021.
- Standards for Data Collections of Human Skeletal Remains*, 1994. Arkansas Archaeological Survey Research. Ser. no. 44. 206 p.

Information About the Authors

Lidiya V. Kuptsova, Candidate of Sciences (History), Leading Researcher, Department of Scientific Research, Orenburg State Pedagogical University, Sovetskaya St, 19, 460014 Orenburg, Russian Federation, orelin.84@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3171-6760>

Maria B. Mednikova, Doctor of Sciences (History), Leading Researcher, Department of Theory and Methodology, Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanova St, 19, 117292 Moscow, Russian Federation; Chief Researcher, Department of Scientific Research, Orenburg State Pedagogical University, Sovetskaya St, 19, 460014 Orenburg, Russian Federation, medma_pa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1918-2161>

Информация об авторах

Лидия Владимировна Купцова, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела научных исследований, Оренбургский государственный педагогический университет, ул. Советская, 19, 460014 г. Оренбург, Российская Федерация, orelin.84@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3171-6760>

Мария Борисовна Медникова, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела теории и методики, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, 117292 г. Москва, Российская Федерация; главный научный сотрудник отдела научных исследований, Оренбургский государственный педагогический университет, ул. Советская, 19, 460014 г. Оренбург, Российская Федерация, medma_pa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1918-2161>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.3.2>

UDC 572:303.446.4

LBC 63.1:28.7(235.4)

Дата поступления: 19.08.2025

Дата принятия: 01.10.2025

HISTORY OF ANTHROPOLOGICAL STUDY OF THE LATE BRONZE AGE POPULATION OF THE STEPPE VOLGA REGION¹

Konstantin M. Khagai

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The study presents the results of a historiographic analysis of scientific publications on the anthropological study of the Srubnaya culture population of the Volga steppe region. Special attention was paid to the issue of the evolution of theoretical and methodological foundations of research. As a result, two stages in the development of anthropological thought were identified: paleoanthropological and phenetic. The influence of the works of G.F. Debets on the formation of a paleoanthropological research program was noted. Analysis of the scientific publications from the first stage of historiography revealed a predominance of descriptive and typological research. The central focus of the works of G.F. Debets, V.V. Ginzburg, and B.V. Firstein and others was the study of skull morphology, the processes of ethnogenesis, and the classification of racial types within the anthropological structure of populations. During the study, it was found that the field of research within the framework of the paleoanthropological approach was characterized by the researchers' particular interest in reconstructing specific aspects of historical processes. Within the framework of the phenetic approach, the primary focus of attention in the research of anthropologists, particularly those associated with the Moscow school, lies in the analysis of pathological conditions, the reconstruction of the paleodiet and the life-support system. At the same time, the paleoanthropological approach continued to be further developed within the Leningrad/St. Petersburg school. This development was accompanied by the widespread application of descriptive and multivariate statistical methods. In the concluding portion of the article, it is argued that the association of archaeologists and anthropologists within regional scientific centers has fostered a more robust interdisciplinary exchange, thereby enhancing the safety and completeness of paleoanthropological materials. This, in turn, has resulted in a significant expansion of the current understanding of the morphological features of the local territorial groups of the srubnaya culture, and contributed to the implementation of the complex approach in the analysis of anthropological materials.

Key words: Late Bronze Age, Srubnaya culture, steppe Volga region, paleoanthropology, historiography.

Citation. Khagai K.M., 2026. Istoriya antropologicheskogo izucheniya naseleniya pozdnego bronzovogo veka stepnogo Povolzh'ya [History of Anthropological Study of the Late Bronze Age Population of the Steppe Volga Region]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 25, no. 3, pp. 26-40. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.3.2>

УДК 572:303.446.4

ББК 63.1:28.7(235.4)

Дата поступления статьи: 19.08.2025

Дата принятия статьи: 01.10.2025

ИСТОРИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА СТЕПНОГО ПОВОЛЖЬЯ¹

Константин Михайлович Хегай

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлены результаты историографического анализа научных публикаций, посвященных антропологическому изучению населения срубной культуры степного Поволжья. В исследовании особое внимание было уделено эволюции теоретико-методологических основ научных изысканий. По итогу в процессе развития антропологической мысли было выделено два этапа: палеоантропологический и фенетический. Отдельно отмечено влияние трудов Г.Ф. Дебеца на формирование программы палеоантро-

пологических исследований. Анализ научной литературы, относящейся к первому этапу историографии, позволил выявить преобладание описательных, типологических изысканий. Центральное место в трудах Г.Ф. Дебеца, В.В. Гинзбурга, Б.В. Фирштейн и др. занимали вопросы морфологии черепа, этногенеза и выделения расовых типов в антропологическом составе населения. В ходе исследования было установлено, что проблемное поле в рамках палеоантропологического подхода характеризовалось подчеркнутым интересом исследователей к реконструкции отдельных аспектов исторического процесса. В рамках фенетического подхода основное внимание в работах антропологов, в первую очередь московской школы, уделялось анализу патологических состояний, реконструкции палеодиеты и системы жизнеобеспечения. В то же время в рамках ленинградской / петербургской школы получил дальнейшее развитие палеоантропологический подход, который был дополнен широким применением методов простой и многомерной статистики. В заключительной части статьи сделан вывод, что объединение специалистов археологов и антропологов в рамках региональных научных центров способствовало улучшению междисциплинарной кооперации, повышению сохранности и комплектности палеоантропологического материала. Это, в свою очередь, позволило существенно расширить имеющиеся представления о морфологической специфике локально-территориальных групп срубной культурно-исторической общности и способствовало реализации комплексного подхода к анализу антропологического материала.

Ключевые слова: поздний бронзовый век, срубная культура, степное Поволжье, палеоантропология, историография.

Цитирование. Хегай К. М., 2026. История антропологического изучения населения позднего бронзового века степного Поволжья // Нижневолжский археологический вестник. Т. 25, № 3. С. 26–40. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.3.2>

Формирование срубной культурно-исторической общности явилось результатом сложных миграционных и культурогенетических процессов, протекавших в конце среднего – начале позднего бронзового века на обширной территории Восточно-Европейской равнины. Уже на этапе становления физической антропологии как самостоятельной области знания данное обстоятельство определило широкое привлечение результатов анализа костных останков для реконструкции отдельных аспектов исторического процесса. Дальнейшие антропологические изыскания не только позволили сформировать целостное представление о морфологии черепа и посткраниального скелета носителей срубной культуры, но и значительно дополнили данные исторической науки касательно вопросов генезиса населения эпохи поздней бронзы и его хозяйственного уклада. В последние десятилетия предметом изучения антропологов все чаще становятся особенности половозрастной структуры, рациона питания, патологий и адаптации популяций к условиям окружающей среды. При этом изменения в проблематике исследований не носили стихийного характера, а были непосредственно связаны с глубокими трансформациями в структуре и методологических подходах антропологической науки, которые пришлось на вторую половину XX века.

В истории антропологического изучения населения позднего бронзового века степного Поволжья можно выделить два этапа в соответствии с теоретической спецификой исследований: палеоантропологический (или дебецевский) и фенетический.

Первый охватывает период от выхода в свет фундаментальных работ Г.Ф. Дебеца до парадигмального сдвига второй половины XX в., когда вследствие достижений в области физиологии человека и генетики произошел пересмотр теоретико-методологического базиса антропологической науки. На данном этапе основное внимание исследователей акцентировалось на проблемах морфологической характеристики краниологических серий, анализа внутригруппового состава древнего населения, а также реконструкции этногенетических процессов. Это было обусловлено тем, что в рамках палеоантропологического подхода Г.Ф. Дебеца получила дальнейшее развитие установка русской палеоэтнологической школы на привлечение данных биологической антропологии к реконструкции некоторых аспектов исторического процесса, в частности доисторических миграций. Расширение краниологической и остеологической базы исследований в рассматриваемый период происходило резко и скачкообразно, что являлось следствием специфики накопления материала в ре-

зультате проведения археологических раскопок в зонах строительства масштабных гидротехнических сооружений. Значительная часть трудов носила описательный характер и была направлена на систематизацию и публикацию антропологических материалов, поступавших в фонды лабораторий и научно-исследовательских институтов. Методологическую основу изысканий на первом этапе составили историческая концепция расы, сформулированная В.В. Бунаком в конце 1930-х гг., и типологический подход, в рамках которого конечной целью палеоантропологического исследования предполагалось выделение в антропологическом составе населения четко очерченных расовых типов вплоть до индивидуального типологизма.

Следующий этап развития историографии срубной культуры связан с методологическим сдвигом, пришедшимся на вторую половину XX века. Наибольшее влияние на проблематику исследований оказали популяционно-генетический и экологический повороты в антропологической науке, которые легли в основу современного понимания антропологии как дисциплины, изучающей «итоговый, реальный организм» с его особым соотношением генетических и негенетических факторов во взаимодействии с окружающей средой (фенетический подход) [Зубов, Халдеева, 1993, с. 3]. В результате в работах ученых, в особенности представителей московской школы, основное внимание стало уделяться вопросам адаптации древнего населения, встречаемости аномалий и патологических состояний на костях черепа и посткраниального скелета, реконструкции палеодиеты и системы жизнеобеспечения. В то же время в трудах ленинградских исследователей палеоантропологический подход был дополнен широким применением количественных методов. В последние годы важным направлением антропологического изучения населения срубной культуры стало внедрение междисциплинарного и комплексного подходов к анализу антропологического материала. Кроме того, создание системы региональных центров археологических и антропологических исследований привело к более систематическому накоплению палеоантропологических данных. Это, в свою очередь, позволило не только заполнить пробелы

в имеющихся представлениях о региональной специфике населения срубной культуры, но и приступить к разработке дискуссионных проблем историографии, в том числе вопросов реконструкции морфогенетических процессов в переходные периоды.

Первым исследованием, в котором были представлены результаты антропологического изучения материалов позднего бронзового века, стала статья Г.Ф. Дебеца, опубликованная в 1936 г. и впоследствии включенная в фундаментальный труд «Палеоантропология СССР» [Дебеч, 1936; 1948]. Здесь ученый впервые сформулировал основные задачи советской палеоантропологии, которые во многом определили магистральное направление исследований срубной культуры во второй трети XX в. и обосновали правомерность исторической проблематики в антропологических изысканиях [Дебеч, 1948, с. 17–23]. Крайниологический тип срубного населения Г.Ф. Дебеч определил как долихокранный, близкий к верхнепалеолитическим черепам типа Брюнн-Пшедмост, но несколько более грацильный, что выражалось в менее развитых надбровных дугах, меньшей ширине лица и длине тела [Дебеч, 1948, с. 106]. Межгрупповое сопоставление серий раннего и позднего бронзового века позволило автору высказать предположение о местных истоках формирования антропологического состава степного Поволжья в позднебронзовый период. Кроме того, наличие аналогичного долихокранного компонента в финно-угорских сериях XIV–XV вв., по мнению исследователя, могло свидетельствовать об их возможной генетической связи с населением северо-восточной периферии срубной культуры [Дебеч, 1936, с. 70].

В дальнейшем Г.Ф. Дебецем была проанализирована антропологическая выборка из 44 черепов (16 мужских, 16 женских, 12 детских) и 25 посткраниальных скелетов (12 мужских, 13 женских), относившихся к эпохе поздней бронзы и полученных в результате археологических раскопок Куйбышевской экспедиции (курганы у с. Хрящевка и с. Ягодное). Данное исследование представляет собой пример типологического изыскания, но в то же время выходит за рамки общепринятой на тот момент методологии. В частности, помимо метрических признаков, ученый ана-

лизовал отдельные демографические показатели населения срубной культуры в сравнении с данными о смертности афроамериканцев в США [Дебец, 1954, с. 485]. Выводы автора представляют значительный интерес и с фактологической точки зрения. Так, по мнению Г.Ф. Дебца, в антропологическом составе срубной культуры Среднего Заволжья количественно преобладал долихокранный умеренно гиперморфный протоевропеоидный тип с длиной тела выше среднего по рубрикации Р. Мартина. С данным вариантом резко контрастировали отдельные группы населения северной (лесостепной) части ареала срубной культуры, для которых было характерно наличие монголоидной примеси [Дебец, 1954, с. 493]. Исследователь полагал, что обозначенный смешанный тип впоследствии оказал влияние на формирование антропологического состава современных народов Среднего Поволжья: мордвы, коми, чувашей, удмуртов и татар. Выводы автора касательно специфики этногенетических процессов, вероятно, были обусловлены преобладанием автохтонных гипотез происхождения древних и современных народов в советской науке 30–50-х гг. XX в., что явилось результатом борьбы с расизмом и германским миграционизмом.

Материалы, опубликованные Г.Ф. Дебцем в 1936 г., впоследствии были проанализированы М.М. Герасимовым в обобщающем труде, посвященном методу пластической реконструкции по черепу [Герасимов, 1955]. Несмотря на то что данная работа акцентирует внимание на вопросах методического характера, автором было высказано предположение относительно генезиса антропологического состава населения эпохи поздней бронзы. Полемизируя с Г.Ф. Дебцем, М.М. Герасимов отмечал, что нет никакой возможности сближать черепа срубной культуры с резко массивными, гиперморфными краниумами из Брюнн-Пшедмоста [Герасимов, 1955, с. 472]. Аналогично, по мнению исследователя, отсутствуют основания говорить о преемственности антропологического типа населения степного Поволжья от периода неолита до поздней бронзы. Анализ метрических и описательных признаков позволил ученому с достаточной уверенностью заключить, что носители ямной культуры были генетически связаны с насе-

лением срубно-хвалынской стадии бронзового века. Однако данный факт не исключал влияния других компонентов в формировании антропологического состава эпохи поздней бронзы. Это, в частности, подтверждает женский череп из курганного могильника Маклашеевка III, который, по мнению М.М. Герасимова, обнаруживает аналогии в женской серии Балановского могильника [Герасимов, 1955, с. 476–477].

В послевоенный период в Советском Союзе развернулись масштабные археологические изыскания в зонах строительства гидротехнических сооружений, что позволило собрать и систематизировать обширную коллекцию палеоантропологических материалов эпохи бронзы с территории степного Поволжья и Волго-Донского междуречья. Небольшая по объему публикация материалов Куйбышевской экспедиции (курганные группы у с. Кайбелы и хут. Красная Звезда) была подготовлена М.М. Герасимовой [Герасимова, 1958]. В данной работе была проанализирована серия срубной культуры, включавшая костные останки 25 индивидов. Общий антропологический тип мужской части выборки характеризовался исследователем как долихокранный, массивный, с сильно выраженным макрорельефом, среднешироким лицом и сильно выступающим носом [Герасимова, 1958, с. 72]. В то же время автор отмечала внутригрупповую неоднородность населения позднего бронзового века. В частности, М.М. Герасимова описала два черепа из курганного могильника Кайбелы (Чердаклинский район, Ульяновская область), которые характеризовались резкой брахикранией, широким лицом и умеренно выступающим носом. Данный европеоидный широкоголовый вариант без монголоидной примеси, по мнению исследователя, обнаруживает аналогии с брахикранными черепами катакомбной культуры [Герасимова, 1958, с. 73]. Это, в свою очередь, позволило М.М. Герасимовой предположить наличие связи между брахикранным населением среднего и позднего бронзового века. Данный труд представляет особый интерес и с той точки зрения, что в работе полностью отсутствует проблематика определения расового типа. Сам термин «тип» используется лишь в отношении отдельных компонентов,

что отражает значительные сдвиги, произошедшие в развитии антропологической мысли на рубеже 50–60-х гг. XX в., особенно в рамках московской школы.

В результате работы Калиновского отряда Сталинградской экспедиции ИИМК АН СССР, возглавляемого В.П. Шиловым, а также раскопок, проводившихся в разные годы на территории Саратовской, Волгоградской областей и Калмыцкой АССР под руководством П.С. Рыкова, Т.М. Минаевой, Н.К. Арзютова и И.В. Сеницына, существенно обогатилась антропологическая коллекция Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера). Собранный скелетный материал был впоследствии изучен сотрудниками Отдела антропологии ИЭ АН СССР В.В. Гинзбургом и Б.В. Фирштейн. В статье В.В. Гинзбурга была проанализирована антропологическая серия из Калиновского могильника, располагавшегося в волгоградском Заволжье. Выборка позднего бронзового века насчитывала останки 6 индивидов (мужчин – 3, женщин – 1, детей – 2) [Гинзбург, 1959]. Небольшая численность скелетной серии определила индивидуально-типологический, описательный характер исследования. Основное внимание в работе было уделено проблемам определения расового типа и реконструкции этногенетических связей населения степного Поволжья начиная с эпохи палеометалла и до Средневековья. Как и в предшествующих работах, В.В. Гинзбургом было установлено значительное сходство между носителями ямной и срубной культур, что особенно примечательно ввиду того, что, по уточнению М.А. Балабановой, только один из черепов, включенных исследователем в выборку ямной культуры, относился к периоду ранней бронзы (см.: [Балабанова, 2016, с. 73]). В антропологической структуре исследуемого населения В.В. Гинзбург выделил два варианта европеоидной расы: средиземноморский (долихокранный, узколицый тип) и степной (мезодолихокранный) [Гинзбург, 1959, с. 534]. Примечательно, что долихокранный протоевропеоидный тип, характерный для серий эпохи поздней бронзы самарского и саратовского Поволжья, в выборке Калиновского могильника не был представлен вовсе. Особенно интересны выводы ученого касательно сходства населения позднего бронзового века волгоградс-

кого Заволжья с серией черепов из погребений катакомбной культуры, полученных в результате раскопок М.И. Артамонова и Ю.В. Подгаецкого на р. Маныч [Гинзбург, 1959, с. 525]. Таким образом, В.В. Гинзбургом впервые в отечественной историографии срубной культуры была выявлена связь катакомбных племен Предкавказья и Волго-Донского междуречья с населением эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья.

Работа по систематизации обширного краниологического и остеологического материала, полученного в ходе охранных раскопок на территории Нижнего Поволжья, была продолжена Б.В. Фирштейн. Исследователем была проанализирована краниологическая серия из 74 черепов эпохи бронзы, из которых к срубной культуре относились останки 41 индивида (мужчин – 29, женщин – 10, детей – 2) [Фирштейн, 1967]. Выборка посткраниальных скелетов позднего бронзового века включала 12 костяков (10 мужских, 2 женских). С методологической точки зрения данный труд выполнен в рамках палеоантропологического подхода и типологической концепции расы. Работа Б.В. Фирштейн, таким образом, явилась логическим продолжением исследований В.В. Гинзбурга по анализу антропологической структуры населения бронзового века и реконструкции этно- и расогенетических процессов. В результате изучения выборки мужских черепов срубной культуры с территории волгоградского и саратовского Поволжья автором было выявлено преобладание андроновского типа с тенденцией к увеличению доли средиземноморского компонента с севера на юг. Протоевропеоидный тип был представлен в серии незначительно [Фирштейн, 1967, с. 106, 109]. Черепной указатель в анализируемой группе варьировался от резко долихокранного до мезобрахикранного. Длина тела находилась в пределах больших величин. Гетерогенность населения эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья, выявленная Б.В. Фирштейн, резко контрастирует с выводом Г.Ф. Дебеца о принадлежности носителей ямной и срубной культур к протоевропеоидному типу [Дебеч, 1948, с. 106; 1954, с. 493]. Данный факт, вероятно, был обусловлен более широкой интерпретацией обозначенного расового типа Г.Ф. Дебецем как древней формы европеоидной расы,

что впоследствии и было подвергнуто критике со стороны М.М. Герасимова [Герасимов, 1955, с. 472]. В то же время работа по систематизации материала, предпринятая в рамках ленинградской антропологической школы, имела своим следствием увеличение дробности типологической классификации. В заключительной части исследования Б.В. Фирштейн была рассмотрена проблема генезиса антропологического состава племен бронзового века. В результате межгруппового сопоставления серий эпохи бронзы Нижнего и Среднего Поволжья, а также сопредельных территорий автору удалось подтвердить и подкрепить фактическими данными гипотезу В.В. Гинзбурга о связи населения бронзового века южнорусских степей с племенами, обитавшими в степях Западного Казахстана. Оба варианта, как полагала Б.В. Фирштейн, характеризовались средними величинами черепного указателя с тенденцией к брахикрании, широким лицом и ослабленной горизонтальной профилировкой [Фирштейн, 1967, с. 140].

Из общего вектора развития историографии срубной культуры в середине XX в. несколько выделяется труд московских антропологов Н.М. Глазковой и В.П. Чтецова «Палеоантропологические материалы Нижневолжского отряда Сталинградской экспедиции» [Глазкова, Чтецов, 1960]. С методологической точки зрения данная работа следует за несколько устаревшей к тому моменту концепцией Г.Ф. Дебеца, предложенной в статье 1936 г. [Дебеч, 1936, с. 69–70]. Это обусловило во многом схожие выводы авторов о принадлежности населения ямной и срубной культур к протоевропеоидному расовому типу (в широкой интерпретации Г.Ф. Дебеца), а также попытки макроисторической реконструкции этногенетических процессов в период от эпохи бронзы до Средневековья. Общий тип населения срубной культуры исследователи определили как мезодолихокранный, с широким лицом, сильно выступающим носом и умеренной горизонтальной профилировкой [Глазкова, Чтецов, 1960, с. 286]. Представленный вариант обнаруживает значительное сходство с черепами степного типа, описанными В.В. Гинзбургом. Кроме того, авторами было впервые отмечено наличие монголоидного компонента в серии эпохи поздней бронзы

Нижнего Поволжья. Данное заключение представляется дискуссионным ввиду того, что монголоидная примесь была обнаружена только на одном женском черепе. При этом монголоидный компонент проявился в брахикрании, уплощении горизонтальной профилировки на скуловом уровне, «ущемленности» носовых костей и значительной высоте орбит [Глазкова, Чтецов, 1960, с. 286]. Можно предположить, что антропологический комплекс, описанный Н.М. Глазковой и В.П. Чтецовым, в целом мог вписываться в рамки индивидуальной изменчивости широколового европеоидного типа без монголоидной примеси, ранее выявленного М.М. Герасимовой.

В последние десятилетия XX в. в отечественной антропологии была совершена научная революция, заключающаяся в экологическом и популяционно-генетическом поворотах, которые привели к смещению исследовательского фокуса с проблем этногенеза и анализа антропологического состава древнего населения на вопросы адаптации, палеопатологии, реконструкции палеодиеты и системы жизнеобеспечения. В меньшей степени смена поколений исследователей и изменение структуры проблемного поля повлияли на труды антропологов ленинградской / петербургской школы. Предложенный Г.Ф. Дебецем палеоантропологический подход был переосмыслен в работах А.В. Шевченко и его последователей с позиций вариационно-статистического (популяционного) подхода и дополнен широким применением методов многомерной биометрии.

Итогом развития историографии населения эпохи бронзы Нижнего Поволжья в советский период стал фундаментальный труд А.В. Шевченко «Антропология населения южнорусских степей в эпоху бронзы» [Шевченко, 1986]. В данной статье представлен один из первых и одновременно наиболее полных опытов проведения междисциплинарного биоархеологического исследования материалов бронзового века. Краниологическая серия, изученная А.В. Шевченко, насчитывала более 300 черепов, полученных в результате разновременных раскопок на территории южной части Волго-Донского междуречья. В процессе исследования населения эпохи поздней бронзы ученый сосредоточил основное внимание на проблеме локально-территориаль-

ных групп срубной культуры и их антропологических особенностях. В результате автором было выделено 13 выборок мужских черепов, которые были классифицированы в соответствии с гидрографическими рубежами и локализацией могильников. Общий антропологический тип анализируемой поволжской серии А.В. Шевченко охарактеризовал как сочетание различных вариантов долихокранного и протоевропеоидного морфотипов. По результатам проведенного внутригруппового анализа ученый пришел к выводу о неоднородности антропологического состава населения срубной культуры, в том числе в рамках отдельных могильников. На это указывали повышенные значения эмпирических дисперсий и эксцессивность распределения [Шевченко, 1986, с. 189]. Кроме того, наличие во всех срубных сериях компонентов, преобладавших у населения эпохи поздней бронзы Поднепровья, позволило исследователю выдвинуть гипотезу о западном происхождении носителей данной культуры. Неоднородность антропологического состава А.В. Шевченко связывал с особенностями субстратного досрубного населения. При этом не исключалось влияние с сопредельных территорий, в частности носителей абашевской культуры. Так, усредненность высоты свода черепа в серии срубной культуры саратовского Поволжья А.В. Шевченко интерпретировал как результат проникновения на данную территорию отдельных групп абашевцев, схожих по типу с населением, оставившим Пепкинский курган [Шевченко, 1986, с. 195–196].

Необходимо подчеркнуть, что труд А.В. Шевченко в меньшей степени был посвящен описанию морфологии краниологических серий, что дало возможность исследователю более подробно осветить проблему происхождения населения эпохи поздней бронзы. Автором был отмечен чрезвычайный полиморфизм серий ямной, катакомбной и срубной культур, который выражался в «сетевом характере сходства» различных популяций на территории степного пояса Восточной Европы [Шевченко, 1986, с. 197]. По мнению А.В. Шевченко, ключевую роль в формировании антропологического состава племен бронзового века играли миграция и метисация. В частности, матуризация физичес-

кого типа срубного населения Поволжья интерпретировалась ученым как результат смешения с ямно-полтавкинскими и абашевскими племенами. Кроме того, А.В. Шевченко не оставил без внимания и вопрос о наличии монголоидной примеси на черепах срубной культуры. Так, отсутствие монголоидного компонента в выборке позднего бронзового века Башкирии при наличии уплощенности горизонтальной профилировки лица и носа в более южной серии с территории Ульяновской области позволило ученому отвергнуть гипотезу о сибирском происхождении данного морфотипа. Вместе с тем А.В. Шевченко было высказано предположение о более древних корнях псевдомонголоидной комбинации признаков на территории Поволжья, которые восходят к неолитическому населению лесной зоны [Шевченко, 1986, с. 196].

Значительный вклад в развитие палеоантропологического изучения срубной культуры Поволжья на современном этапе внесли М.А. Балабанова и А.А. Хохлов, стоявшие у истоков волгоградской и самарской антропологических школ. А.А. Хохлов уделил особое внимание изучению морфогенетических и культурогенетических процессов на территории Среднего Поволжья и Волго-Уральских степей в эпоху бронзы. В рамках отдельных исследований ученым были рассмотрены вопросы демографической структуры и наличия монголоидного компонента в антропологическом составе населения позднего бронзового века. Палеодемографический анализ включал половозрастные определения 290 индивидов (мужчин – 58, женщин – 63, детей – 169), происходивших из пяти курганных и одного грунтового могильника с территории бассейна р. Самары. Демографическая модель, полученная в результате исследования, весьма ожидаемо характеризовалась высоким уровнем смертности среди женщин репродуктивного возраста и детей (58,3 %), включая младенческую смертность. В то же время было отмечено общее снижение данного показателя в возрастных когортах 15–18 и 30–40 лет [Хохлов, 2003, с. 118]. С другой стороны, соотношение полов с учетом ювенильных индивидов демонстрировало незначительное преобладание женского населения (PSR: 0,93). При этом, несмотря на высокую репродуктив-

ную нагрузку (вариация индекса фертильности по сериям: 2,8–9,5), средний возраст смерти женской части выборки в отдельных популяциях оказался даже выше, чем показатель, характеризующий мужчин (34,6 и 33,3 года соответственно). Данный факт, по мнению А.А. Хохлова, указывает не только на более благоприятные внешние условия для женской части населения, но и свидетельствует о различном уровне адаптированности и социально-экономического развития отдельных локальных групп срубной культуры [Хохлов, 2003, с. 121].

Проблеме наличия монголоидного компонента на черепах бронзового века Среднего Поволжья была посвящена работа А.А. Хохлова «К вопросу о монголоидных черепах эпохи бронзы Волго-Уралья», опубликованная в 2009 году. Материалом исследования послужила небольшая выборка из трех черепов со следами монголоидной примеси и надежной хронологической привязкой. Из них к эпохе поздней бронзы относился только один череп из погребения 1 кургана 1 могильника Степановка III. Морфологический тип данного краниума А.А. Хохлов охарактеризовал как крупный, брахикранный (82,9), с высоким сводом и очень широким, сильно уплощенным в горизонтальном профиле лицом [Хохлов, 2009, с. 10]. В то же время одонтологический анализ позволил ученому выявить наличие эмалевых затеков на верхних и нижних молярах, которые соответствовали 5–6 баллам. Эти данные дали основание определить морфологический комплекс черепа из Степановки III как монголоидный и подтвердить выводы Г.Ф. Дебеца об инфильтрации восточных генокомплексов на территорию Волго-Уралья в эпоху бронзы. Однако было констатировано, что подобные проникновения носили эпизодический характер и не оказали значительного влияния на формирование облика населения Среднего Поволжья в указанный период [Хохлов, 2009, с. 10].

Итогом многолетней работы по сбору и систематизации палеоантропологического материала степного и лесостепного Поволжья явилось монографическое исследование А.А. Хохлова «Морфогенетические процессы в Волго-Уралье в эпоху раннего голоцена (по краниологическим материалам мезолита –

бронзового века)» [Хохлов, 2017]. Основную проблематику исследования составили вопросы эпохальной изменчивости морфологических признаков и культурогенеза в макроисторической перспективе. Реконструкция морфогенетического процесса на развитом этапе позднего бронзового века основывалась на анализе серии из 365 черепов (199 мужских, 144 женских, 9 ювенильных, 13 детских), относящихся к срубной культурно-исторической общности Волго-Уралья. Как и в предшествующих работах, антропологический состав срубного населения степного Поволжья был охарактеризован А.А. Хохловым как неоднородный. Во внутригрупповой структуре исследователь выделил два варианта клиногнатного европеоидного краниотипа: долихокранный и мезокранный. При этом размах изменчивости висцерального скелета охватывал как широколицый, так и относительно узколицый комплексы. С точки зрения А.А. Хохлова, магистральное направление морфогенетических процессов в Волго-Уралье в период позднего бронзового века было обусловлено миграцией и метисацией носителей позднеполтавской, криволукской, лолинской и лесостепной абашевской культур [Хохлов, 2017, с. 148]. Приток южноевропеоидных компонентов в степное и лесостепное Поволжье и, как следствие, распространение на данной территории длинноголового краниотипа уже наглядно проявились в антропологической специфике покровцев. В свою очередь, на развитом этапе позднего бронзового века, который характеризуется формированием срубной культурно-исторической общности, исследователь отмечает постепенное нивелирование антропологических особенностей предшествующего населения, что было обусловлено завершением очередного «периода турбулентности» [Хохлов, 2017, с. 148].

В контексте развития историографии срубной культуры Нижнего Поволжья особое значение приобретает деятельность волгоградской антропологической школы, представленной такими исследователями, как М.А. Балабанова и Е.В. Перерва. Формирование методологических взглядов М.А. Балабановой происходило под влиянием школы И.И. Гохмана, что нашло отражение в проблематике трудов автора и широком применении мето-

дов простой и многомерной биометрии. Центральное место в исследованиях ученого занимают «классические» вопросы палеоантропологии Г.Ф. Дебеца: этногенез, морфология и антропологический состав древнего населения. В свою очередь, в работах Е.В. Перервы представлен палеоэкологический подход, который восходит к теоретическим разработкам В.П. Алексеева и Т.И. Алексеевой. Таким образом, в рамках волгоградской антропологической школы был реализован комплексный подход к анализу скелетного материала, объединяющий методологические принципы московской и ленинградской антропологических школ.

Примером обозначенного синтеза является совместный труд М.А. Балабановой и Е.В. Перервы, представленный в коллективной монографии «Курганы бронзового века в излучине Дона (опыт комплексных археологических и естественнонаучных исследований)» [Курганы бронзового века ... , 2012]. Материалом для данного изыскания послужила антропологическая серия курганных могильников Перекопка I–III и одиночного кургана Перекопка V. Анализ производился с позиций комплексного подхода к изучению антропологического материала по программам краниометрии, палеопатологии и палеодемографии. По итогу морфологический комплекс популяции был определен М.А. Балабановой как долихокранный, гиперморфный вариант с широким лицом, сильно выступающим носом и резкой профилировкой на уровне назиона. Межгрупповое сопоставление методом множественного дискриминантного анализа выявило сходство серий из Перекопки с локальными группами срубной культуры Волго-Донского междуречья, Нижнего Подонья и Поднепровья. В свою очередь, исследование половозрастной структуры подтвердило выводы, сделанные ранее на материалах могильников северной части Волго-Донского междуречья, о высокой смертности детей и молодых индивидов обоих полов в сериях позднего бронзового века. Особый интерес представляет вывод ученых касательно хозяйственной специфики исследуемого населения. Так, низкие показатели ожидаемой продолжительности жизни взрослого населения, по мнению М.А. Балабановой и Е.В. Перервы, могут ин-

терпретироваться как маркер ранней формы производящего хозяйства, связанного с пастушеским скотоводством и примитивным растениеводством [Курганы бронзового века ... , 2012, с. 94]. Кроме того, анализ палеопатологической специфики позволил исследователям выявить сходство населения покровской и срубной культур по ряду признаков, включая высокие частоты встречаемости зубного камня, пародонтоза, патологической стертости эмали и дегенеративных изменений нижнечелюстного сустава. Это дало возможность Е.В. Перерве выдвинуть предположение о том, что фиксируемый патологический комплекс был обусловлен спецификой диеты, основанной на растительной пище, образом жизни и хозяйственной деятельностью, предполагавшей использование зубов в качестве вспомогательного инструмента [Курганы бронзового века ... , 2012, с. 97].

Проблема высокой смертности среди неполовозрелого населения срубных племен была отдельно проанализирована М.А. Балабановой в работе «Детские погребения срубной культурно-исторической общности как объект междисциплинарного исследования». Материал исследования составила выборка, включавшая 55 детских костяков, происходивших из курганных могильников Неткачево, Перекопка и Ветютнев. В результате анализа был установлен высокий процент детей в погребениях (размах вариации: 42,9–56,2 %), что является характерным для серий срубной культуры. Автор предположила, что подобные значения могли быть обусловлены не только инфекционными заболеваниями, но и практикой инфантицида [Балабанова, 2018, с. 249]. Анализ погребального обряда и напутственной пищи в сочетании с данными этнографии позволили М.А. Балабановой выделить четыре возрастные группы с соответствующим набором признаков, определявших положение ребенка в обществе [Балабанова, 2018, с. 255]. Особенно ценными представляются выводы автора, сделанные на основе изучения погребального инвентаря. В частности, было высказано предположение о том, что девочкам уже начиная с возраста 8–9 лет полагалось ношение социальных маркеров, характерных для женской части общества, в то время как неполовозрелые индивиды мужского пола от-

личались практически полным отсутствием погребального инвентаря.

Труды Е.В. Перервы оказали значительное влияние на формирование представлений о патологической специфике и образе жизни населения срубной культуры Нижнего Поволжья. Исследователем был проведен детальный анализ следов травматизма на костных останках населения позднего бронзового века. Основу исследования составили костные останки 200 индивидов, полученные в результате археологических изысканий на территории Волгоградской области и Республики Калмыкия. Главный вывод, к которому пришел автор, заключается в низкой степени травматизма (16,1 %) населения эпохи поздней бронзы, отсутствии полового диморфизма и статистически значимых различий в распределении данного признака между сериями бронзового века [Перерва, 2020, с. 240]. Кроме того, им было установлено, что значительная часть травм носила акцидентальный, бытовой характер [Перерва, 2020, с. 245].

Отдельные работы Е.В. Перервы были посвящены проблемам палеопатологической специфики населения позднего бронзового века Волго-Донского региона, Нижнего Поволжья и самарского Заволжья. Результаты проведенных анализов вновь показали отсутствие кариеса и следов воспалительных процессов околозубного пространства при высоких частотах встречаемости зубного камня, пародонтоза и артроза нижнечелюстного сустава [Перерва, Капинус, 2019, с. 147; Перерва, Ситников, 2020, с. 10]. Помимо этого, на материалах могильников Красносамарский IV (Кинельский район, Самарская область) и Арчедино-Чернушенский (Фроловский район, Волгоградская область) Е.В. Перервой было зафиксировано наличие маркеров микроэлементоза, поротического гиперостоза и пороза костей свода и лицевого отдела черепа. По мнению исследователя, характерный патологический комплекс свидетельствовал о воздействии на неполовозрелое население срубной культуры неблагоприятных факторов, таких как периоды длительного голода и паразитарные инвазии [Перерва, Капинус, 2019, с. 151].

В рамках петербургской антропологической школы на современном этапе продолжают изыскания, направленные на изучение

проблем этногенеза, а также реконструкцию миграционных процессов, с которыми связывается генезис культур бронзового века. Население эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья подробно исследовалось в трудах А.А. Казарницкого. В работах данного автора последовательно реализуется установка научной школы И.И. Гохмана на изучение массового краниологического и остеологического материала с позиций палеоантропологического подхода, дополненного применением методов простой и многомерной статистики. Ряд специализированных исследований автора был посвящен проблемам палеоантропологического изучения населения срубной культуры. В частности, в рамках отдельной публикации были рассмотрены вопросы этногенетических связей населения бронзового века и реконструкции векторов миграционных процессов [Казарницкий, 2012а]. Межгрупповое сопоставление краниологических серий эпохи бронзы позволило А.А. Казарницкому установить сходство срубных популяций с другими сериями с южным европеоидным комплексом. Это, в свою очередь, коррелирует с выводами, сделанными А.А. Хохловым и Р.А. Мимоходом, о связи лептоморфного южного краниотипа с миграцией посткатакомбного населения на территорию Среднего Поволжья, которая в дальнейшем определила антропологическую специфику покровского и срубного населения [Казарницкий, 2012а, с. 129].

Важной вехой в разработке проблем бронзового века Нижнего Поволжья в начале второго десятилетия XXI в. стало монографическое исследование А.А. Казарницкого «Население азово-каспийских степей в эпоху бронзы (антропологический очерк)» [Казарницкий, 2012б]. Данный труд представляет собой пример комплексного изучения палеоантропологического материала по программам краниометрии, дискретно-варьирующих признаков (методика А.Г. Козинцева) и остеометрии. Серия срубной культуры была представлена костными останками 56 индивидов (мужчин – 42, женщин – 14) из могильников Ростовской, Астраханской областей и Республики Калмыкия. Краниологический тип, описанный А.А. Казарницким, в целом соответствует данным, ранее опубликованным А.В. Шевченко. Так, мужское население характеризо-

валось долихокранным европеоидным комплексом с высокой и узкой черепной коробкой, среднешироким лицом, сильно выступающим носом и клиногнатной горизонтальной профилировкой [Казарницкий, 2012б, с. 119]. Проблема морфогенетических процессов на территории азово-каспийских степей в период средней – поздней бронзы рассматривалась А.А. Казарницким через призму генезиса южного лептоморфного европеоидного комплекса. С целью проверки гипотезы о связи данного краниотипа с блоком посткатакомбных культур исследователем проводилось сопоставление серий срубной и лопатинской культур при помощи непараметрического критерия Манна – Уитни. По итогу отсутствие статистически значимых различий между двумя сериями позволило автору поддержать концепцию А.А. Хохлова о генезисе покровского и срубного морфотипа в результате миграции посткатакомбного населения. Весьма примечательными оказались результаты остеометрического исследования серии, включавшей 11 посткраниальных скелетов срубной культуры. В частности, автор обнаружил значительное сходство физического типа катакомбного и срубного населения при их общем отличии от выборки эпохи ранней бронзы [Казарницкий, 2012б, с. 177]. К сожалению, плохая сохранность материалов и малочисленность серии не позволили А.А. Казарницкому провести более детальное изучение остеологической специфики популяций срубной культуры.

Таким образом, в истории палеоантропологического изучения срубной культуры можно выделить два основных этапа в соответствии с теоретико-методологической спецификой исследований: палеоантропологический (или дебецевский) и фенетический. Первый этап развития историографии пришелся на период выработки и унификации методов антропологического исследования и форсированного накопления материала. Программным документом данного этапа явился фундаментальный труд Г.Ф. Дебеца, в котором были сформулированы основные задачи антропологической науки при изучении древних народов [Дебеч, 1948, с. 17–23]. Это определило характер исследовательской процедуры последующих изысканий советских, и в особенности ленинградских, антропологов. В этот пери-

од основное внимание ученых было сосредоточено на систематизации краниологических и остеологических коллекций, что определило дескриптивный характер изысканий. Центральное место в проблемном поле занимали вопросы этногенеза, выделения расовых типов и компонентов в составе населения. Второй этап в развитии антропологической мысли связан с методологическим сдвигом, ознаменовавшим вторую половину XX века. Переход от типологической концепции расы к популяционно-генетической имел следствием изменение процедуры и проблематики исследований. Отказ от типологического подхода, подчас чрезмерно бескомпромиссный, позволил ученым перейти от дескриптивных изысканий к более проблемно ориентированным. На передний план выдвинулось изучение человеческих популяций с позиций и принципов современной фенетики, рассматривающей организм во всей сложной системе генетических и негенетических факторов, а также во взаимодействии с окружающей средой. Основной фокус в работах московских ученых сместился на вопросы адаптации и заболеваний древнего населения, реконструкции палеодиеты и системы жизнеобеспечения. В то же время в рамках ленинградской / петербургской школы получил дальнейшее развитие палеоантропологический подход, который был дополнен широким применением методов описательной и многомерной статистики. Это, в свою очередь, позволило существенно расширить имеющиеся представления о морфологической специфике локально-территориальных групп срубной культурно-исторической общности.

В рамках советской палеоантропологии было сформировано целостное представление о краниологических особенностях и внутригрупповой структуре населения позднего бронзового века степного Поволжья. Благодаря исследованиям Г.Ф. Дебеца, В.В. Гинзбурга, Б.В. Фишштейн и др. удалось выявить значительную неоднородность антропологического состава срубных племен. Так, при общем преобладании долихокранного европеоидного комплекса исследователями было установлено наличие широкоголового и узколицего средиземноморского краниотипов. Кроме того, впервые было отмечено присутствие монголоид-

ной примеси на черепках северной периферии срубной культуры. Все это позволило перейти от автохтонизма, характерного для 30–50-х гг. XX в., к рассмотрению генезиса населения позднего бронзового века как результата сложного многокомпонентного процесса, включавшего в себя в том числе миграции.

Фенетический этап в развитии историографии срубной культуры характеризуется быстрым расширением проблемного поля за счет увеличения методического арсенала исследователей и привлечения данных смежных дисциплин. Как следствие, «классические» проблемы палеоантропологии населения позднего бронзового века, в том числе вопросы этногенеза, антропологического состава и эпихальной изменчивости морфологических признаков, в настоящее время решаются совместными усилиями целых научных коллективов в рамках внутри- и междисциплинарной кооперации. Примерами подобного комплексного подхода служат исследования волгоградских и самарских ученых, в которых антропологический материал анализируется по нескольким системам признаков с привлечением данных археологии, палеогенетики, палеопочвоведения и других дисциплин.

Создание региональных центров археологических и антропологических исследований позволило более организованно проводить работу по сбору и систематизации краниоло-

гических и остеологических серий. Это, в свою очередь, дало возможность сформировать более полное представление о региональной специфике населения срубной культуры и приступить к разработке отдельных проблемных полей историографии позднего бронзового века. Отдельно следует отметить, что объединение специалистов – археологов и антропологов в рамках созданных центров способствовало улучшению междисциплинарной кооперации, повышению сохранности и комплектности палеоантропологических коллекций, что в конечном итоге благотворно сказалось на реализации комплексного подхода к анализу скелетных серий.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-68-00011 «Tempora incognita в истории Волго-Уральского региона: культурно-исторические, антропологические, палеоэкологические предпосылки и последствия смены эпох и культур на рубеже поздней бронзы – в начале раннего железного века».

The study was funded by the Russian Science Foundation grant No. 25-68-00011, «Tempora incognita in the history of the Volga-Ural region: cultural-historical, anthropological, paleoecological prerequisites and consequences of the change of eras and cultures at the turn of the Late Bronze Age - at the beginning of the Early Iron Age».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Балабанова М. А., 2016. К антропологии населения энеолита – ранней бронзы (по материалам могильников Волгоградской области) // Нижневолжский археологический вестник. Т. 15, № 1. С. 72–94. DOI: 10.15688/nav.jvolsu.2016.1.4
- Балабанова М. А., 2018. Детские погребения срубной культурно-исторической общности как объект междисциплинарного исследования // Stratum plus. № 2. С. 245–258.
- Герасимов М. М., 1955. Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек). М. : Изд-во АН СССР. 585 с.
- Герасимова М. М., 1958. Черепки из погребений срубной культуры в Среднем Поволжье // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. № 71. С. 72–77.
- Гинзбург В. В., 1959. Этногенетические связи древнего населения Сталинградского Заволжья (по материалам Калиновского могильника) // Материалы и исследования по археологии СССР (далее – МИА). № 60. Древности Нижнего Поволжья: (Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции). Т. 1. С. 524–594.
- Глазкова Н. М., Чтецов В. П., 1960. Палеоантропологические материалы Нижневолжского отряда Сталинградской экспедиции // МИА. № 78. Древности Нижнего Поволжья: (Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции). Т. 2. С. 285–292.

- Дебец Г. Ф., 1936. Материалы по палеоантропологии СССР. Нижнее Поволжье // Антропологический журнал. Т. 1. С. 65–80.
- Дебец Г. Ф., 1948. Палеоантропология СССР. М. ; Л. : Изд-во АН СССР. 392 с.
- Дебец Г. Ф., 1954. Палеоантропологические материалы из погребений срубной культуры Среднего Заволжья // МИА. № 42. Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. 1. С. 485–499.
- Зубов А. А., Халдеева Н. И., 1993. Одонтология в антропофенетике. М. : Наука. 224 с.
- Казарницкий А. А., 2012а. Векторы миграций степного населения Восточной Европы в эпохи средней и поздней бронзы (по палеоантропологическим данным) // Культуры степной Евразии и их взаимодействия с древними цивилизациями. СПб. : ИИМК РАН : Периферия. С. 126–132.
- Казарницкий А. А., 2012б. Население азово-каспийских степей в эпоху бронзы (антропологический очерк). СПб. : Наука. 264 с.
- Курганы бронзового века в излучине Дона (опыт комплексных археологических и естественнонаучных исследований), 2012. Волгоград : Волгогр. фил. РАНХиГС. 160 с.
- Перерва Е. В., 2020. Травматизм населения бронзового века Нижнего Поволжья // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 25, № 4. С. 236–255. DOI: 10.15688/jvolsu4.2020.4.16
- Перерва Е. В., Капинус Ю. О., 2019. Палеопатологические особенности населения эпохи поздней бронзы по антропологическим материалам из могильников в окрестностях села Красносамарское Самарской области // Самарский научный вестник. Т. 8, № 4. С. 144–153. DOI: 10.24411/2309-4370-2019-14205
- Перерва Е. В., Ситников А. В., 2020. Палеопатологические особенности населения срубной культуры эпохи поздней бронзы, происходящего из погребений курганной группы Арчедино-Чернушенская // Исторический журнал: научные исследования. № 6. С. 1–14. DOI: 10.7256/2454-0609.2020.6.34494
- Фирштейн Б. В., 1967. Антропологическая характеристика населения Нижнего Поволжья в эпоху бронзы: (По материалам из раскопок в Волгоградской и Саратовской областях и в Калмыцкой АССР) // Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР. Киев : Наукова думка. С. 100–142.
- Хохлов А. А., 2003. Демографические особенности населения эпохи бронзы бассейна реки Самара // Материальная культура населения бассейна реки Самары в бронзовом веке. Самара : Изд-во СамГПИУ. С. 112–146.
- Хохлов А. А., 2009. К вопросу о монголоидных черепах эпохи бронзы Волго-Уралья // *Magistra Vitae*. № 6 (144). С. 8–11.
- Хохлов А. А., 2017. Морфогенетические процессы в Волго-Уралье в эпоху раннего голоцена (по краниологическим материалам мезолита – бронзового века). Самара : СГСПУ. 368 с.
- Шевченко А. В., 1986. Антропология населения южнорусских степей в эпоху бронзы // Антропология древнего и современного населения Европейской части СССР. Л. : Наука. С. 121–215.

REFERENCES

- Balabanova M.A., 2016. K antropologii naseleniya eneolita – ranney bronzy (po materialam mogilnikov Volgogradskoy oblasti) [On the Anthropology of the Population of the Eneolithic – Early Bronze Age (On Materials of Burial Grounds of the Volgograd Region)]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 15, no. 1, pp. 72-94. DOI: 10.15688/nav.jvolsu.2016.1.4
- Balabanova M.A., 2018. Detskie pogrebeniya srubnoy kulturno-istoricheskoy obshchnosti kak obyekт mezhdistitsiplinarnogo issledovaniya [Children's Burials of Srubnaya Cultural and Historical Community as an Object of Interdisciplinary Research]. *Stratum plus*, no. 2, pp. 245-258.
- Gerasimov M.M., 1955. *Vosstanovlenie litsa po cherepu (sovremennyy i iskopaemyy chelovek)* [Reconstruction of the Face from the Skull (Modern and Fossil Man)]. Moscow, AS USSR. 585 p.
- Gerasimova M.M., 1958. Cherepa iz pogrebeniy srubnoy kul'tury v Srednem Povolzh'ye [Skulls from Burials of the Srubnaya Culture in the Middle Volga Region]. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury* [Brief Communications on Papers and Field Research from the Institute for the History of Material Culture], no. 71, pp. 72-77.
- Ginzburg V.V., 1959. Etnogeneticheskie svyazi drevnego naseleniya Stalingradskogo Zavolzh'ya (po materialam Kalinovskogo mogilnika) [Ethnogenetic Connections of the Ancient Population of the Stalingrad Trans

- Volga Region (Based on Materials of the Kalinovskiy Burial Mound)]. *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR (daleye – MIA). № 60. Drevnosti Nizhnego Povolzhya: (Itogi rabot Stalingradskoy arheologicheskoy ekspeditsii)* [Materials and Researches on Archaeology of the USSR. No. 60. Antiquities of the Lower Volga Region (Results of the Work of the Stalingrad Archaeological Expedition)], vol. 1, pp. 524-594.
- Glazkova N.M., Chtetsov V.P., 1960. Paleoantropologicheskie materialy Nizhnevolzhskogo otryada Stalingradskoy ekspeditsii [Paleoanthropological Materials of the Lower Volga Detachment of the Stalingrad Expedition]. *MIA. № 78. Drevnosti Nizhnego Povolzhya: (Itogi rabot Stalingradskoy arheologicheskoy ekspeditsii)* [Materials and Researches on Archaeology of the USSR. No. 78. Antiquities of the Lower Volga Region (Results of the Work of the Stalingrad Archaeological Expedition)], vol. 2, pp. 285-292.
- Debets G.F., 1936. Materialy po paleoantropologii SSSR. Nizhnee Povolzhye [Materials on the Paleoanthropology of the USSR. Lower Volga]. *Antropologicheskii zhurnal* [Anthropological Journal], no. 1, pp. 65-80.
- Debets G.F., 1948. *Paleoantropologiya SSSR* [Paleoanthropology of the USSR]. Moscow, Leningrad, AS USSR. 392 p.
- Debets G.F., 1954. Paleoantropologicheskie materialy iz pogrebeniy srubnoy kul'tury Srednego Zavolzhya [Paleoanthropological Materials from the Burials of the Srubnaya Culture of the Middle Trans Volga]. *MIA. № 42. Trudy Kuibyshevskoy arkheologicheskoi ekspeditsii* [Materials and Researches on Archaeology of the USSR. No. 42. Proceedings of Kuibyshev Archaeological Expedition], vol. 1, pp. 485-499.
- Zubov A.A., Khaldeeva N.I., 1993. *Odontologiya v antropofenetike* [Odontology in Anthropophenetic]. Moscow, Nauka Publ. 224 p.
- Kazarnitskiy A.A., 2012a. Vektory migratsiy stepnogo naseleniya Vostochnoy Evropy v epohi sredney i pozdney bronzy (po paleoantropologicheskim dannym) [Migration Vectors of the Steppe Population of Eastern Europe in the Middle and Late Bronze Ages (Based on Paleoanthropological Data)]. *Kul'tury stepnoy Evrazii i ih vzaimodeystvie s drevnimi tsivilizatsiyami* [Cultures of the Steppe Zone of Eurasia and Their Interaction with Ancient Civilizations]. Saint Petersburg, IHMC RAS, Periferiya Publ., pp. 126-132.
- Kazarnitskiy A.A., 2012b. *Naselenie azovo-kaspiyskikh stepey v epokhu bronzy (antropologicheskii ocherk)* [Population of the Azov-Caspian Steppes in the Bronze Age (Anthropological Essay)]. Saint Peterburg, Nauka Publ. 264 p.
- Kurgany bronzovogo veka v izluchine Dona (opyt kompleksnykh arkheologicheskikh i estestvennonauchnykh issledovaniy)*, 2012 [Bronze Age Mounds in the Bend of the Don (Experience of Complex Archaeological and Natural Science Research)]. Volgograd, Volgograd Branch of RANEPa. 160 p.
- Pererva E.V., 2020. Travmatizm naseleniya bronzovogo veka Nizhnego Povolzhya [Injury Rate of the Bronze Age Population from the Lower Volga Area]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], vol. 25, no. 4, pp. 236-255. DOI: 10.15688/jvolsu4.2020.4.16
- Pererva E.V., Kapinus Yu.O., 2019. Paleopatologicheskie osobennosti naseleniya epokhi pozdney bronzy po antropologicheskim materialam iz mogil'nikov v okrestnostiakh sela Krasnosamarskoe Samarskoy oblasti [Paleopathological Features of the Late Bronze Age Population: Anthropological Skeletal Materials Excavated from Burial Grounds near the Village of Krasnosamarskoye, Samara Region]. *Samarskiy nauchnyy vestnik* [Samara Journal of Science], vol. 8, no. 4, pp. 144-153. DOI: 10.24411/2309-4370-2019-14205
- Pererva E.V., Sitnikov A.V., 2020. Paleopatologicheskie osobennosti naseleniya srubnoy kul'tury epokhi pozdney bronzy, proiskhodyashchego iz pogrebeniy kurgannoy gruppy Archedino-Chernushenskaya [Paleopathological Peculiarities of the Population of Timber-Grave (Srubnaya) Culture of the Late Bronze Age Originating from the Burials of Archedino-Chernushensky Kurgan Group]. *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya* [History Magazine: Researches], no. 6, pp. 1-14. DOI: 10.7256/2454-0609.2020.6.34494
- Firshtein B.V., 1967. Antropologicheskaya kharakteristika naseleniya Nizhnego Povolzhya v epokhu bronzy: (Po materialam iz raskopok v Volgogradskoy i Saratovskoy oblastiakh i v Kalmytskoy ASSR) [Anthropological Characteristics of the Population of the Lower Volga Region in the Bronze Age (According to Materials from the Excavations in Volgograd and Saratov Regions and in the Kalmyk ASSR)]. *Pamyatniki epokhi bronzy yuga Evropeyskoy chasti SSSR* [Monuments of the Bronze Age of the South of the European Part of the USSR]. Kyiv, Naukova Dumka Publ., pp. 100-142.
- Khokhlov A.A., 2003. Demograficheskie osobennosti naseleniya epokhi bronzy basseina reki Samara [Demographic Features of the Population of the Bronze Age of the Samara River Basin]. *Material'naya kul'tura naseleniya basseyna reki Samary v bronzovom veke* [Material Culture of the Population of the Samara River Basin in the Bronze Age]. Samara, SamSPU, pp. 112-146.

- Khokhlov A.A., 2009. K voprosu o mongoloidnykh cherepakh epokhi bronzy Volgo-Uralya [To the Issue of Mongoloid Skulls of the Bronze Age of the Volga-Urals]. *Magistra Vitae*, no. 6 (144), pp. 8-11.
- Khokhlov A.A., 2017. *Morfogeneticheskie protsessy v Volgo-Uralye v epokhu rannego golotsena (po kraniologicheskim materialam mezolita – bronzovogo veka)* [Morphogenetic Processes in the Volga-Urals in the Era of the Early Holocene (According to the Craniological Materials of the Mesolithic – Bronze Age)]. Samara, SamSPU. 368 p.
- Shevchenko A.V., 1986. Antropologiya naseleniya yuzhnorusskikh stepey v epokhu bronzy [Anthropology of the Southern Russian Steppe Population in the Bronze Age]. *Antropologiya drevnego i sovremennogo naseleniya Evropeyskoy chasti SSSR* [Anthropology of the Ancient and Modern Population of the European Part of the USSR]. Leningrad, Nauka Publ., pp. 121-215.

Information About the Author

Konstantin M. Khagai, Postgraduate Student, Junior Researcher, Department of History and International Relations, Volgograd State University, 100, Prosp. Universitetsky, 400062 Volgograd, Russian Federation, hegaykm@gmail.com, ina-241_763119@volsu.ru, <https://orcid.org/0009-0000-9365-7180>

Информация об авторе

Константин Михайлович Хегай, аспирант, младший научный сотрудник кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, hegaykm@gmail.com, ina-241_763119@volsu.ru, <https://orcid.org/0009-0000-9365-7180>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.3.3>

UDC 902(4):903.53

LBC 63.442.7(4)-41

Submitted: 04.09.2025

Accepted: 01.12.2025

RARE ARCHAEOZOOLOGICAL FINDS FROM SCYTHIAN SITES ON THE LEFT BANK OF THE LOWER DNIESTER

Vitalij S. Sinika

Pridnestrovian State University named after T.G. Shevchenko, Tiraspol, Pridnestrovie

Nikita V. Zelenkov

Paleontological Institute named after A.A. Borisyak of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

Elena V. Syromyatnikova

Paleontological Institute named after A.A. Borisyak of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

Anton V. Kochnev

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russian Federation

Pavel A. Kosintsev

Institute of Plant and Animal Ecology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russian Federation

Maria S. Tarasova

Institute of Plant and Animal Ecology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russian Federation

Dmitry O. Gimranov

Institute of Plant and Animal Ecology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russian Federation

Abstract. The article analyzes rare archaeozoological finds from Scythian graves on the left bank of the Lower Dniester for the first time. The Scythians of the North-West Black Sea region used teeth and bones of various domestic and wild animals to make amulets. Pendants made of domestic dog teeth (bones) are most often found in burials. Finds of amulets made of domestic pig and horse teeth are isolated. Teeth and bones of wild animals were used by the Scythians much less often. The amulet-pendant made of a wolf molar is the first reliable find of this kind. The amulet-pendant made of a fox fang is one of the few items made of the teeth or bones of this animal. The amulet made of a fox jaw has no reliable analogues in the North-West Black Sea region. Amulet pendants made of a brown bear phalanx and a leopard phalanx are unique. An amulet pendant made from a white-tailed eagle's claw phalanx is also a unique item in Scythian graves. An amulet made from a crab's claw is the single such find in the region, although similar adornments are widely known in the Dnieper region and in Crimea. The bones of a hare from sacrificial food in Scythian burials on the left bank of the Lower Dniester have been identified for the first time. The bones of a snake (Caspian whipsnake) in a Scythian grave have also been recorded for the first time, and they were an element of a Scythian ritual. Our study shows that bones and shells of turtles from Scythian graves on the left bank of the Lower Dniester have no relation to the Scythian funerary rite.

Key words: left bank of the Lower Dniester, Scythians, rare archaeozoological finds, food offerings, bones and teeth of domestic animals, phalanges of predators, radiocarbon dating.

Citation. Sinika V.S., Zelenkov N.V., Syromyatnikova E.V., Kochnev A.V., Kosintsev P.A., Tarasova M.S., Gimranov D.O., 2026. Redkiye arkheozoologicheskiye nakhodki iz skifskikh pamyatnikov levoberezh'ya Nizhnego Dnestra [Rare Archaeozoological Finds from Scythian Sites on the Left Bank of the Lower Dniester]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 25, no. 3, pp. 41–70. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.3.3>

УДК 902(4):903.53

ББК 63.442.7(4)-41

Дата поступления статьи: 04.09.2025

Дата принятия статьи: 01.12.2025

РЕДКИЕ АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ ИЗ СКИФСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ НИЖНЕГО ДНЕСТРА

Виталий Степанович Синика

Приднестровский государственный университет, г. Тирасполь, Приднестровье

Никита Владимирович Зеленков

Палеонтологический институт им. А.А. Борисяка РАН, г. Москва, Российская Федерация

Елена Владимировна Сыромятникова

Палеонтологический институт им. А.А. Борисяка РАН, г. Москва, Российская Федерация

Антон Владимирович Кочнев

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Российская Федерация

Павел Андреевич Косинцев

Институт экологии растений и животных Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Мария Сергеевна Тарасова

Институт экологии растений и животных Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Дмитрий Олегович Гимранов

Институт экологии растений и животных Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Аннотация. В статье впервые анализируются редкие археозоологические находки из скифских погребений левобережья Нижнего Днестра. Скифы Северо-Западного Причерноморья для изготовления амулетов использовали зубы и кости различных домашних и диких животных. Чаще других в захоронениях встречаются подвески из зубов (костей) домашней собаки. Находки амулетов из зуба домашней свиньи и лошади единичны. Зубы и кости диких животных использовались скифами значительно реже. Амулет-подвеска из моляра волка является первой подобной достоверной находкой. Амулет-подвеска из клыка лисицы – одно из немногочисленных изделий из зубов / костей этого животного. Амулет из челюсти лисицы не имеет достоверных аналогий в Северо-Западном Причерноморье. Амулеты-подвески из фаланги бурого медведя и леопарда, а также когтевой фаланги орлана-белохвоста уникальны в скифских погребениях. Амулет из клешни краба является единственной подобной находкой в регионе, хотя аналогичные украшения широко известны в Поднепровье и Крыму. Кости зайца-русака от напутственной пищи в скифских захоронениях левобережья Нижнего Днестра идентифицированы впервые. Кости змеи (каспийского полоза) в скифской могиле также прежде не фиксировались, и они были элементом скифского ритуала. Кости и панцири черепах из скифских могил левобережья Нижнего Днестра, как показало исследование, не имеют никакого отношения к скифскому погребальному обряду.

Ключевые слова: левобережье Нижнего Днестра, скифы, редкие археозоологические находки, напутственная пища, кости и зубы домашних животных, фаланги хищников, радиоуглеродное датирование.

Цитирование. Синика В. С., Зеленков Н. В., Сыромятникова Е. В., Кочнев А. В., Косинцев П. А., Тарасова М. С., Гимранов Д. О., 2026. Редкие археозоологические находки из скифских памятников левобережья Нижнего Днестра // Нижневолжский археологический вестник. Т. 25, № 3. С. 41–70. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.3.3>

Введение

Животные являлись неотъемлемой частью скифского погребального обряда. Их кости многократно зафиксированы в тысячах скифских захоронений Северного Причерноморья. Изучение археозоологических материалов позволяет получить информацию, которая не только расширяет представления о некоторых особенностях погребально-поминальных ритуалов, но и дополняет знания об образе жизни, демографических процессах и характере хозяйства скифов.

Характеристике морфологии животных и реконструкции их использования в погребальном обряде скифским населением левобережья Нижнего Днестра в V–II вв. до н.э. посвящены 2 недавние работы, однако большая часть их контента сосредоточена на анализе 4 видов животных – быка домашнего, козы, овцы и собаки [Секерская, Синика, 2022; 2023]. Остальным видам было уделено немного внимания ввиду сложности их атрибуции (кости змеи и птиц) и немногочисленности находок (кости зайца, клыки свиней, кости и клыки лисиц, панцири черепах). Кроме того, в настоящее время идентифицированы виды, о которых ранее не было известно.

Изложенное выше позволяет вновь обратиться к редким археозоологическим материалам из скифских погребальных комплексов левобережья Нижнего Днестра.

Материал и методика

Материалом для исследования послужили находки зубов и костей животных из раскопок скифских погребальных комплексов левобережья Нижнего Днестра. Последние были изучены Днестровской археологической экспедицией Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко в 1995–2024 гг. у с. Глиное Слободзейского района (могильники Глиное, Глиное/Водовод, Глиное/Сад) и у с. Коротное (могильник Коротное/Кулак). Ранее результаты изучения части этих материалов были опубликованы [Секерская, Синика, 2022; 2023]. Позднее эти и новые материалы были изучены повторно. При определении зубов и костей, наряду с опубликованными определителями, использованы срав-

нительные коллекции Палеонтологического института РАН (г. Москва) и Института экологии растений и животных Уральского отделения РАН (г. Екатеринбург).

Подвески и амулеты из зубов и костей животных

Глиное/Водовод, курган 5, погребение 3. Исследовано в 2016 году. Захоронение совершено на рубеже IV–III вв. до н.э. в яме прямоугольной формы. На дне сооружения находился костяк ребенка 4 лет. В области шеи погребенного зафиксировано ожерелье, состоявшее из 3 стеклянных бусин и амулета-подвески с отверстием, изготовленного из зуба животного, определенного авторами раскопок как «собака (?)» [Синика, Тельнов, 2018а, с. 134–135, 141, рис. 2, 5, 6, 11]. Позже указанный зуб был атрибутирован как клык собаки [Секерская, Синика, 2023, с. 398], при этом других уточнений не было.

Наше исследование показало, что в составе ожерелья находился верхний правый клык (C1 dex) хищного млекопитающего рода *Canis* Linnaeus, 1758 (рис. 1, 1). Мезиальная часть коронки клыка сколота и заполирована (вероятно, следы ношения уже после скола), высота коронки сохранена, корень имеет незначительные повреждения.

Максимальное значение мезиодистального диаметра верхнего клыка у самцов шакала (*Canis aureus* L., 1758) составляет 9,6 мм [Hatlauf et al., 2021, p. 875, table 3]. Реконструированное значение мезиодистального диаметра представленного образца не менее 10 мм. Высота коронки верхнего клыка *C. lupus familiaris* L., 1758 у особей тяжелее 40 кг не превышает 23 мм [Soukup et al., 2023, p. 11]. Высота коронки представленного образца – 18,1 мм. В сравнении с другими видами семейства *C. lupus* L., 1758 обладает более крупными клыками [Аристов, Барышников, 2001, с. 85].

Таким образом, наша находка – это **верхний правый клык домашней собаки (*C. l. familiaris*)**.

Глиное/Водовод, курган 7, погребение 3. Исследовано в 2017 году. Захоронение совершено на рубеже IV–III вв. до н.э. в яме пря-

моугольной формы и ограблено в древности. В заполнении сооружения найдены кости мужчины 20–35 лет и различный инвентарь, среди которого были 2 амулета. Один из них был охарактеризован авторами публикации как клык животного [Синика и др., 2019, с. 372, 374, рис. 5,9]. Позже данный предмет был определен как клык собаки [Секерская, Синика, 2023, с. 398], при этом других уточнений не было.

Изучение изделия показало, что в погребении находился **верхний правый клык домашней собаки** (*C. l. familiaris*) (рис. 1,2). На лингвальной стороне корневой части зуба была отмечена зона с полировкой, что указывает на его ношение в качестве амулета, крепившегося шнурком (из кожи или ткани) без помощи отверстия для подвешивания.

Глиное/Водовод, курган 14, погребение 3. Исследовано в 2018 году. Захоронение совершено во второй четверти IV в. до н.э. в яме прямоугольной формы. На дне сооружения найден костяк женщины 20–30 лет и большое количество инвентаря. Под правым крылом таза был найден зуб животного (рис. 1,3). Он был описан со ссылкой на определение археозоолога как «левый верхний коренной зуб (M2) домашней собаки» [Синика и др., 2021а, с. 345, 353, рис. 4,2]. Позже амулет был описан таким же образом [Секерская, Синика, 2023, с. 398], при этом других уточнений не было.

На самом деле в погребении находился верхний левый моляр (M1 sin) домашней собаки. Сохранность коронки хорошая, уцелели лингвальный и мезиальный корни. На всех буграх заметны сильные следы стирания (взрослое животное, возраст 6–8 лет). Размеры зуба: длина 12,8 мм, ширина 16,5 мм. Максимальные размеры M1 у шакала (*C. aureus*): длина 12,7 мм, ширина 16,4 мм [Барышников, 1986, с. 46, табл. 4]. При этом значения представленного образца меньше минимальных значений длины (15,5 мм) и ширины (20,3 мм) M1 у современного волка (*C. lupus*) [Васильев, 2013, с. 35, табл. 4].

Таким образом, наша находка – это **верхний левый моляр домашней собаки** (*C. lupus familiaris*) в возрасте 6–8 лет.

Глиное/Водовод, курган 16, погребение 4. Исследовано в 2018 году. Захоронение

совершено в третьей четверти IV в. до н.э. в яме прямоугольной формы с уступом. На дне сооружения найдены костяки детей в возрасте 10–11 и 2–3 лет. В районе грудной клетки младшего ребенка лежало ожерелье, в составе которого находились 2 клыка хищника [Синика и др., 2021б, с. 255, 257, 288, рис. 11,5–8]. Позже оба предмета были определены как клыки собаки [Секерская, Синика, 2023, с. 398], при этом других уточнений не было.

Как показало наше исследование, один амулет представляет собой левый нижний клык (c1 sin) крупной собаки или волка с частично сохранившимся отверстием для подвешивания (рис. 1,4): сколота дистальная часть коронки клыка, высота коронки сохранена, корень имеет повреждения. Реконструированный мезиодистальный диаметр клыка не менее 8 мм. Мезиодистальный диаметр нижних клыков взрослого волка (*C. lupus*) составляет 13,0–15,0 мм [Иванов, 2009, с. 232, табл. 1]. При этом образец (даже с учетом повреждений) достаточно крупный и не соответствует размерным характеристикам клыков шакала (*C. aureus*) [Stoyanov, 2012, p. 42–43, table 1].

Второй амулет также представляет собой левый нижний клык (c1 sin). Он сохранился значительно хуже: представлен фрагментом коронки со слегка стертой вершиной (рис. 1,5), размерно и морфологически схожей с клыком домашней собаки (*C. l. familiaris*).

Таким образом, обе находки из погребения 4 кургана 16 Глиное/Водовод определяются нами как **нижние левые клыки 2 особей домашней собаки** (*C. l. familiaris*).

Глиное/Сад, курган 8, погребение 1. Исследовано в 2017 году. Захоронение совершено в последней четверти IV в. до н.э. в прямоугольной яме. На дне сооружения найден костяк девочки в возрасте 12–15 лет. Ее шею украшало ожерелье, в составе которого были 3 клыка хищника [Синика и др., 2018б, с. 79, 82, 90, рис. 2,7]. Позже все предметы были определены как клыки собаки [Секерская, Синика, 2023, с. 398], других уточнений не было.

Изучение находок показало, что один амулет представляет собой нижний левый клык (c1 sin) домашней собаки: отсутствует мезиальная часть коронки клыка, корень имеет

повреждения. В корне частично сохранилось отверстие для подвешивания (рис. 1,6).

Второй амулет определен нами как нижний правый клык (с1 dex) домашней собаки: сохранилась только коронка зуба. Мезиодистальный диаметр – 9,9 мм (рис. 1,7).

Третий амулет является верхним левым клыком (C1 sin): мезиальная часть отсутствует, на сколе имеются следы полировки (вероятно, носился в качестве подвески после скола). Корень сохранился частично (рис. 1,8).

Таким образом, находки из погребения Глиное/Сад 8/1 – это **нижние правый и левый клыки, а также верхний левый клык домашней собаки (*C. l. familiaris*)**.

Глиное/Сад, курган 11, погребение 3. Исследовано в 2018 году. Захоронение совершено во второй половине (предпочтительно третьей четверти) IV в. до н.э. в прямоугольной яме. На дне сооружения найдены кости женщины 20–30 лет. Погребение ограблено в древности. Среди сохранившегося инвентаря найден амулет из зуба хищника (рис. 1,9). Он был охарактеризован в публикации захоронения как клык собаки [Синика и др., 2020б, с. 68, рис. 3,13]. Позже данный предмет был определен археозоологом как «левый верхний коренной зуб (M2) домашней собаки» [Секерская, Синика, 2023, с. 398], при этом других уточнений не было.

Как показало наше исследование, этот амулет действительно является верхним левым моляром (M2 sin) хищного млекопитающего рода *Canis*. Сохранность коронки хорошая, также уцелел лингвальный корень с отверстием для подвешивания. На всех буграх заметны следы стирания (взрослое животное). Размеры зуба: длина 9,5 мм, ширина 14,1 мм. Максимальные размеры M2 у шакала (*C. aureus*): длина 7,4 мм, ширина 11,3 мм [Барышников, 1986, с. 46, табл. 4]. При этом значения амулета из могилы Глиное/Сад 11/3 укладываются в значения лимитов M2 у современного волка (*C. lupus*): длина 7,3–9,5 мм, ширина 11,6–14,3 мм [Барышников, 1986, с. 46, табл. 4].

Таким образом, наша находка – это **верхний левый моляр волка**.

Глиное, курган 31, погребение 1. Исследовано в 1999 году. Захоронение соверше-

но в последней четверти III – первой четверти II в. до н.э. в катакомбе. В погребальной камере зафиксирован костяк женщины. В составе ее ожерелья был амулет с отверстием для подвешивания, ошибочно атрибутированный как «подвеска из фрагмента костной основы когтя пальца птицы рода *Aquila* (орел)» [Тельнов и др., 2016, с. 215, 217, 965, рис. 104,1, 106,6б; Панковский, 2016, с. 1032–1033, рис. 33; Синика и др., 2016, с. 104, № 110 (справа); Секерская, Синика, 2022, с. 91; Синика, 2023, с. 335, табл. 21,1].

На самом деле этот амулет с отверстием для подвешивания (рис. 1,10) является III фалангой хищного млекопитающего. По размерам и морфологическим характеристикам она соответствует представителям семейства псовых (*Canidae* Fischer, 1817) и имеет крупные размеры. Ширина эпифиза у представленной фаланги – 6,2 мм, высота – 7,8 мм. У волка (*C. lupus*) минимальная ширина эпифиза III фаланги самого маленького V пальца – 7,5 мм, высота – 6,8 мм [Гиммельрейх и др., 1985, с. 171]. Находка из погребения 31/1 незначительно отличается от наименьших размерных значений эпифиза III фаланги волка, поэтому по размерным и морфологическим характеристикам она может принадлежать **крупной домашней собаке (*C. l. familiaris*) или волку (*C. lupus*)**.

Глиное/Водовод, курган 7, погребение 3. Исследовано в 2017 году. Захоронение совершено на рубеже IV–III вв. до н.э. в прямоугольной яме и ограблено в древности. В заполнении сооружения найдены кости мужчины 20–35 лет и инвентарь, среди которого были 2 амулета. Один из них был охарактеризован авторами публикации как подвеска из клыка животного [Синика и др., 2019, с. 372, 374, рис. 5,8]. Позже он был определен как клык взрослой особи лисицы [Секерская, Синика, 2023, с. 398], других уточнений не было.

Наше исследование показало, что в погребении мужчины находился верхний правый клык взрослого животного, представителя рода *Vulpes* (Frisch, 1775), с отверстием для подвешивания (рис. 1,11). Мезиальная часть коронки клыка сколота, заполирована (вероятно, следы ношения уже после скола), высота коронки сохранена, корень частично разру-

шен. Среди представителей рода *Vulpes*, включая песца (*V. lagopus* L., 1758) и корсака (*V. corsac* L., 1768), наиболее длинными верхними клыками обладает лисица (*V. vulpes* L., 1758) [Аристов, Барышников, 2001, с. 64]. Представители рода *Canis*, в частности шакал (*C. aureus*), обладают более массивными и относительно менее длинными клыками, чем *Vulpes*. Минимальные значения мезиодистального диаметра верхнего клыка у самок *C. aureus* составляют 6,8 мм [Hatlauf et al., 2021, p. 875, table 3]. Мезиодистальный диаметр у находки из могилы Глиное/Водовод 7/3 – 6,2 мм.

Таким образом, амулет из погребения 3 кургана 7 Глиное/Водовод – это **верхний правый клык обыкновенной лисицы (*V. vulpes*)**. Напомним, что в том же захоронении был найден верхний правый клык домашней собаки (рис. 1,2).

Коротное/Кулак, курган 2, погребение 8. Исследовано в 2023 году. Захоронение совершено в последней четверти III – первой четверти II в. до н.э. в катакомбе. На дне погребальной камеры обнаружены 3 костяка. На шерстяном тканом поясе одного из них зафиксированы стеклянные бусины и бисер, фрагменты бронзового зеркала, раковина морского моллюска с железными крючком и пронызью в устье, бронзовый крючок, бронзовая бляха с изображением человеческого лица и подвеска из гальки, 2 раковины морских моллюсков, бронзовая фибула и амулет из челюсти лисицы [Елкина, Синика, 2023, с. 317–318, рис. 11; Синика и др., 2025, с. 212, 214–217, 219, 221, 223, 225, 227–228] (рис. 1,12).

В погребении сохранились: правая предчелюстная кость хищного млекопитающего с резцами I1, I2, I3; правая верхнечелюстная кость с C1, P1 и P2 (частично разрушен); левая верхнечелюстная кость с частично разрушенной альвеолой P3; изолированный левый C1.

Сравнение морфологии коронок и размеров резцов, клыка и премоляров с морфологией и размерами зубов обыкновенной лисицы [Szuma, 2000, p. 117–124] и корсака [Кисагулов, 2017] показывает, что челюсть принадлежала лисице (*V. vulpes*).

Таким образом, по размерам зубов и их морфологии образец из могилы Коротное/Кулак 2/8 – это **передняя часть черепа обыкновенной лисицы (*V. vulpes*)**.

Верхние резцы животного имеют слабо стертые вершинки, клык и премоляры не стертые. Это позволяет предполагать индивидуальный возраст особи, равный примерно одному году [Harris, 1978].

Коротное/Кулак, курган 8, погребение 2. Исследовано в 2024 году. Захоронение совершено в III–II вв. до н.э. в катакомбе. На дне погребальной камеры обнаружен костяк женщины. Помимо прочего сопровождающего инвентаря [Бабенко и др., 2025, с. 205], у левого локтя погребенной найден зуб копытного животного (рис. 1,13). Им оказался **второй нижний левый резец домашней лошади (*Equus caballus* L., 1758)**. По степени стирания зуба [Дюрст, 1936, с. 232, рис. 94] возраст особи около 10 лет.

Глиное, курган 95, погребение 1. Исследовано в 2008 году. Захоронение совершено во второй половине III в. до н.э. в катакомбе. В погребальной камере зафиксирован костяк мужчины 20–35 лет. У правого крыла его таза находился предмет, ошибочно атрибутированный как «коготь волка» [Тельнов и др., 2016, с. 563, 567, 965, рис. 318,2,5, 319,5; Панковский, 2016, с. 1033; Секерская, Синика, 2022, с. 91; Синика, 2023, с. 336, табл. 21,7].

В действительности находка из катакомбы Глиное 95/1 представляет собой **фрагмент эмали** наружной (буккальной) стороны коронки **нижнего правого клыка домашней свиньи (*Sus domesticus* Erxleben, 1777)** (рис. 2,1). Животное молодое, следов стирания на эмали не обнаружено, по размерам соответствует самке.

Глиное, курган 31, погребение 1. Исследовано в 1999 году. Захоронение совершено в последней четверти III – первой четверти II в. до н.э. в катакомбе. В погребальной камере зафиксирован костяк женщины. В составе ее ожерелья был амулет с отверстием для подвешивания, ошибочно атрибутированный как «подвеска из фрагмента костной основы когтя пальца птицы рода *Aquila chrysaetos* (орел-беркут)» [Тельнов и др., 2016, с. 215, 217, 965, рис. 104,1, 106,6a; Панковский, 2016, с. 1033, рис. 34; Синика и др., 2016, с. 104, № 110 (слева); Секерская, Синика, 2022, с. 91; Синика, 2023, с. 335, табл. 21,1].

В действительности этот амулет с отверстием для подвешивания представляет собой III фалангу взрослого хищного млекопитающего (рис. 3,1). Фаланга крупная, размерно и морфологически отличается от крупных представителей семейства кошачьих (Felidae) [Hudson, Hamilton, 2010, p. 37] и более сходна с представителями семейства медвежьих (Ursidae) небольшим частично разрушенным костным воротничком [Аристов, Барышников, 2001, с. 98], длинным, слабоизогнутым когтевым отростком. У бурого медведя *Ursus arctos* Linnaeus, 1758 длина отростка не превышает 25–30 мм [Шевченко, 2003, с. 69]. Представленный образец имеет длину когтевого отростка 23,9 мм. Размеры фаланги (длина и высота) укладываются в область распределения значений длины и высоты III фаланги бурого медведя [Torres, 1984, p. 340; Quilès, 2003, p. 352–357].

Таким образом, амулет из погребения 1 кургана 31 Глиное – это **III фаланга бурого медведя (*U. arctos*)**. Напомним, что в том же захоронении была найдена в составе ожерелья III фаланга крупной домашней собаки (*C. l. familiaris*) или волка (*C. lupus*).

Глиное/Водовод, курган 5, погребение 5. Исследовано в 2016 году. Захоронение совершено на рубеже IV–III вв. до н.э. в прямоугольной яме. На дне сооружения обнаружены костяки женщины 30–45 лет и ребенка 6–7 лет. Между правой кистью и правым крылом таза ребенка был обнаружен предмет с отверстием для подвешивания, ошибочно атрибутированный как «амулет из дистальной фаланги пальца беркута (*Aquila chrysaetus*)» [Синика, Тельнов, 2017, с. 6–8, 10, рис. 1,1,2, 2,2; Синика, Тельнов, 2018а, с. 137–138, 141, рис. 3,4,5, 4,5].

На самом деле этот амулет представляет собой III фалангу хищного млекопитающего (рис. 3,2). Фаланга крупная, размерно и морфологически сходна с фалангами крупных представителей семейства кошачьих (Felidae) [Hudson, Hamilton, 2010, p. 37]. Когтевой отросток острый, сильно изогнут, окружен когтевым гребнем. С пальмарной стороны на фаланге присутствует мощный сгибаемый бугорок, на котором имеются подошвенные отверстия. Дорсальный край фаланги сильно

выпуклый. Фаланга принадлежит представителю рода *Panthera* Oken, 1816. На дистальных фалангах крупных кошек отсутствуют диагностические признаки, позволяющие дать точное определение вида. По размерам фаланга принадлежит среднеразмерной кошке из группы леопардов-барсов. В Северном Причерноморье в скифское время обитал леопард (*Panthera pardus* (L., 1758)). Его остатки найдены в античных слоях Фанагории [Добровольская, 2013, с. 127]. Близкий вид – снежный барс (*Panthera uncia* (Schreber, 1775)) – типичный обитатель высокогорий и не известен в равнинных районах [Аристов, Барышников, 2001, с. 334].

Таким образом, **III фаланга** из погребения 5 кургана 5 Глиное/Водовод принадлежит **леопарду (*P. pardus* (L., 1758))**.

Глиное, курган 91, погребение 2. Исследовано в 2007 году. Захоронение совершено в первой половине III в. до н.э. в катакомбе. На дне погребальной камеры обнаружен костяк женщины. На ее левом запястье был браслет, в составе которого находился амулет с отверстием для подвешивания (рис. 3,3) «из костной основы когтя птицы рода *Aquila* (орел)» [Тельнов и др., 2016, с. 537–539, 965, рис. 304,3; Панковский, 2016, с. 1033, рис. 35].

Как показало наше исследование, в качестве исходного материала при изготовлении подвески была использована **когтевая фаланга орлана-белохвоста (*Haliaeetus albicilla*)**. Когтевые фаланги орланов могут быть отличимы от орлиных, в частности, по форме и ориентации tuberculum flexorium, который у представителей рода *Haliaeetus* короче и направлен в значительной степени вентрально (у орлов при сходной ориентации cotyla articularis направлен более дистально). Кроме того, для фаланг орланов характерна большая изогнутость тела фаланги.

Глиное, курган 69, погребение 2. Исследовано в 2006 году. Захоронение совершено во второй четверти III в. до н.э. в катакомбе. На дне погребальной камеры обнаружены костяки 2 женщин и мужчины в возрасте 20–35 лет. В составе ожерелья одной из женщин находился амулет (рис. 3,4), ошибочно интерпретированный как «подвеска из костной

основы когтя птицы рода *Aquila* (орел) или *Haliaeetus albicilla* (орлан-белохвост)» [Тельнов и др., 2016, с. 419, 422, 426, 965, рис. 329,3; Панковский, 2016, с. 1033]. Это изделие, как показало специальное трасологическое исследование, входило в состав ожерелья пронизью (нанизывалось на шнурок / нить) продольно, о чем свидетельствуют следы резания на обоих основаниях полого предмета [Панковский, 2016, с. 1033, рис. 36].

В действительности для изготовления пронизи была использована **клешня краба**, обычного обитателя Черного моря¹.

Заяц-русак как напутственная пища

Глиное, курган 13, погребение 1. Исследовано в 1997 году. Захоронение совершено в последней четверти III – первой четверти II в. до н.э. в катакомбе. На дне погребальной камеры обнаружены костяки женщины 20–35 лет и мужчины 15–20 лет. Слева в изголовье женщины, в восточной стенке погребальной камеры, была устроена ниша, где находились все кости посткраниального скелета (без костей черепа) животного (рис. 4,1), ошибочно интерпретированного на основании заключения биолога как «костяк взрослой особи домашней кошки (*Felis silvestris catus*)» [Тельнов и др., 2016, с. 121–122, 965, рис. 50,2]. Эта грубейшая ошибка в определении вида животного привела к тому, что авторы раскопок стали усматривать это «погребение домашней кошки» как следствие греческого влияния на скифский погребальный обряд [Синика, 2012, с. 267; Тельнов и др., 2016, с. 969].

Позже вид животного был определен археозоологом как заяц-русак [Секерская, Синика, 2022, с. 89]. Эта атрибуция настолько противоречила первичной, что было принято решение провести радиоуглеродное датирование кости животного. Радиоуглеродная дата была получена в 2022 г. из Киевской радиоуглеродной лаборатории: Ki-20440; 2260 ± 50 BP, калиброванные интервалы: 1σ – 393–209 гг., 2σ – 403–197 гг. до н.э.² Судя по калибровочному графику, наиболее вероятным временем гибели животного является III в. до н.э. (рис. 4,2), что совпадает с археологической датировкой комплекса.

Змея как элемент обряда

Глиное, курган 38, погребение 1. Исследовано в 2000 году. Захоронение совершено в катакомбе. На дне погребальной камеры обнаружены костяки женщины 35–50 лет (первичное захоронение первой половины – середины III в. до н.э.) и мужчины 35–50 лет (вторичное, позднейшее захоронение) (рис. 5,3). В публикации могилы, за исключением одной кости от напутственной пищи, других костей животных отмечено не было [Тельнов и др., 2016, с. 257–258, 965, рис. 138,3].

Позже в фондах были обнаружены кости животного (рис. 5,2), найденные на женском костяке, частично разрушенном во время подзахоронения мужчины. Эти кости были определены археозоологом как «16 позвонков и 2 ребра змеи, неопределенной до вида». Также было отмечено, что трудозатраты на сооружение катакомбы и золотые украшения женщины могут быть показателем высокого социального статуса последней. При этом находки костей змеи позволили предположить связь погребенной с отправлением культа змеи [Секерская, Синика, 2022, с. 90].

Как показало наше исследование, в погребении 1 кургана 38 Глиное были обнаружены 20 позвонков (19 туловищных и 1 шейный) и 2 ребра взрослой особи каспийского, или желтобрюхого, полоза (*Dolichophis caspius*). С учетом того, что данный вид сейчас обитает в Приднестровье на левобережье Среднего и Нижнего Днестра [Безман-Мосейко, 2020], у авторов данного исследования появились обоснованные сомнения в том, что змея попала в скифскую могилу одновременно с захоронением женщины. Нельзя было исключать, что змея заползла в погребальную камеру (на глубину более 3 м) через норы землеройных животных. Однако этой версии противоречил тот факт, что ни одной кости черепа змеи найдено не было. Кроме того, была обнаружена малая часть позвонков полоза (менее одной шестой части от всего скелета).

В результате было принято решение провести радиоуглеродное датирование. В 2024 г. из Новосибирской радиоуглеродной лаборатории (ЦКП «Ускорительная масс-спектрометрия НГУ-ННЦ») для позвонка змеи была по-

лучена следующая дата: GV-5175; 2104 ± 41 BP (рис. 5,1), калиброванные интервалы – 1σ – 169–53 гг. до н.э., 2σ – 348 г. до н.э. – 7 г. н.э. Судя по калибровочному графику, наиболее вероятным временем гибели животного является конец III – вторая треть I в. до н.э. С одной стороны, интервал по второй сигме (вторая половина IV в. до н.э. – рубеж эр) не противоречит археологической датировке, с другой – его пик приходится на 206–32 гг. до н.э., что примерно на полстолетия позже, чем время захоронения женщины, определенное на основании фибулы первой половиной – серединой III в. до н.э. Это расхождение между временем захоронения женщины и гибелью змеи можно было бы интерпретировать как позднейшее попадание животного в погребальный комплекс. Однако необходимо учитывать, как отмечалось выше, что в камеру катакомбы спустя время (возможно, полвека) после погребения женщины было внесено тело мужчины. При этом женский костяк был частично разрушен / поврежден. Поэтому ранее высказанное предположение о связи женщины «с отправлением культа змеи» [Секерская, Синика, 2022, с. 90] в настоящее время необходимо признать неубедительным. По всей видимости, в ходе подзахоронения мужчины обезглавленное тело змеи было помещено на разрушенный и ограбленный женский костяк с целью обезвреживания покойницы.

Панцири и кости непанцирного скелета черепах как результат позднейших ограблений скифских могил

Глиное, курган 61, погребение 1. Исследовано в 2001 году. Захоронение совершено во второй половине III в. до н.э. в катакомбе и ограблено в древности. У устья погребальной камеры был найден «панцирь европейской болотной черепахи (*Emys orbicularis*, взрослая особь)» [Тельнов и др., 2016, с. 374–379, 965, рис. 211,1, 213,6] (рис. 6,1). Авторы публикации связали эту находку со скифским погребальным обрядом [Тельнов и др., 2016, с. 921], и эта «традиция» позже получила продолжение [Секерская, Синика, 2022, с. 90].

Как показало наше исследование, от болотной черепахи *Emys orbicularis* (Linnaeus,

1758) из погребения 1 кургана 61 Глиное сохранились изолированные фрагменты панциря: 1) карапакс: нухальная пластинка, невральная пластинка (2 шт.), супрапигальная и пигальная пластинки, левые (5 шт.) и правые (2 шт.) костальные пластинки, левая периферальная пластинка (3 шт.); 2) пластрон: левый и правый эпипластроны, энтопластрон, левый и правый гиопластроны, левый и правый ксифипластроны.

Размеры и сохранность, а также степень окостенения фрагментов панциря позволяют сделать вывод, что он принадлежал одной взрослой особи болотной черепахи (рис. 6,2).

В процессе изучения сохранившихся фрагментов отмечено отсутствие элементов черепа, шейного и хвостового отделов осевого скелета, конечностей и их поясов. Данное обстоятельство позволило предполагать, что эта находка действительно связана со скифским временем и скифским погребальным обрядом.

Во избежание ошибки было проведено радиоуглеродное датирование фрагмента панциря. В 2024 г. из Познаньской радиоуглеродной лаборатории была получена следующая дата: Poz-185194; 1310 ± 30 BP (рис. 6,3), калиброванные интервалы – 1σ – 664–772 гг., 2σ – 656–775 гг., то есть результаты свидетельствуют, что панцирь черепахи не имеет никакого отношения к скифскому времени. Ограбление катакомбы было проведено средневековыми кочевниками в интервале второй половины VII – третьей четверти VIII века. Возможно, панцирь черепахи (обезглавленное животное?) был оставлен грабителями с целью обезвреживания потревоженных умерших.

Глиное, курган 101, погребение 2. Исследовано ДАЭ ПГУ Т.Г. Шевченко в 2010 году. Захоронение совершено в III–II вв. до н.э. в катакомбе, ограблено в древности. В дромосе найдены «панцирь и кости европейской болотной черепахи (*Emys orbicularis*, взрослая особь)» [Тельнов и др., 2016, с. 597–598, 966, рис. 211,1, 213,6] (рис. 7,1). Авторы публикации связали эту находку со скифским погребальным обрядом [Тельнов и др., 2016, с. 921; Секерская, Синика, 2022, с. 90].

Как показало наше исследование, от болотной черепахи *Emys orbicularis* (Linnaeus,

1758) из погребения 2 кургана 101 Глиное сохранились фрагменты панциря: 1) карапакс: невральные пластинки (5 шт.), пигальная пластинка, левые (5 шт.) и правые (6 шт.) костальные пластинки, левые (9 шт.) и правые (6 шт.) периферальные пластинки; 2) пластрон: левый и правый эпипластрон, энтопластрон, левый и правый гиопластроны, левый и правый ксифипластроны; 3) шейный позвонок; 4) левая лопатка; 5) правый коракоид; 6) левая и правая плечевые кости; 7) правая подвздошная кость таза; 8) левая и правая бедренные кости.

Размеры и сохранность, а также степень окостенения фрагментов панциря позволяют сделать вывод, что он принадлежал одной взрослой особи болотной черепахи (рис. 7,2). По составу элементов скелета можно заключить, что гибель животного произошла по естественным причинам. Все костные остатки светлого беловато-коричневатого цвета. По их структуре и сохранности можно предположить, что после гибели животного ее скелет какое-то время подвергался воздействию солнечных лучей и выветриванию.

На основании совокупности полученных данных было проведено радиоуглеродное датирование фрагмента панциря. В 2024 г. из Познаньской радиоуглеродной лаборатории была получена следующая дата: Poz-185624; 1855 ± 30 BP (рис. 7,3), калиброванные интервалы – 1σ – 131–233 гг., 2σ – 89–245 годы. Указанные результаты свидетельствуют, что панцирь не имеет отношения к скифскому времени. Ограбление катакомбы было проведено (очевидно, сарматами) в интервале второй четверти II – середины III века. Грабительский ход, прокопанный через входную яму и дромос к погребальной камере, остался незасыпанным. Это обстоятельство привело к тому, что в лаз попала болотная черепаха и погибла, поскольку не смогла выбраться. Ее костные остатки не имеют отношения ни к скифскому ритуалу, ни к ритуалам грабителей.

Анализ данных

Скифы Северо-Западного Причерноморья для изготовления амулетов использовали зубы и кости различных домашних и диких животных.

Чаше других в захоронениях встречаются *подвески из зубов (костей) собаки*. Помимо публикуемых в настоящей работе 9 находок из 6 захоронений (Глиное, курган 31, погребение 1 – дистальная фаланга; Глиное/Водовод, курган 5, погребение 3 – клык, курган 7, погребение 3 – клык, курган 14, погребение 3 – моляр, курган 16, погребение 4 – 2 клыка; Глиное/Сад, курган 8, погребение 1 – 3 клыка), в регионе такие амулеты известны еще в 3 могилах. На левобережье Нижнего Дуная это Градешка, погребение 1 курган 7а (3 клыка с отверстиями для подвешивания в составе скопления украшений справа в ногах ребенка) [Гудкова, Суничук, 1985, с. 71, 73, табл. 132, 1, 2], и Кугурлуй, погребение 1 курган 31 (клык с отверстием для подвешивания на груди женщины) [Гудкова, Суничук, 1985, с. 65]. Оба погребения были совершены в первой половине III в. до н.э. [Синика, 2023, с. 158–159]. В Дунайско-Днестровском междуречье клык с отверстием для подвешивания найден в ограбленном захоронении второй половины IV в. до н.э. Тараклия II, погребении 3 кургана 19 [Сава и др., 2019, с. 86, рис. 53, 4].

Обратим внимание на хронологическое распределение находок. Большая часть из них (9) происходит из погребений середины IV – рубежа IV–III вв. до н.э. (Глиное/Водовод, погребение 3 кургана 5, погребение 3 кургана 7, погребение 3 кургана 14, погребение 4 кургана 16; Глиное/Сад, погребение 1 кургана 8; Тараклия II, погребение 3 кургана 19). Однако тем же периодом датируется очень небольшое количество скифских захоронений региона с костями (сопровождающими захоронениями) собак: Васильевка, погребение 1 кургана 22 [Субботин и др., 1992, с. 13, рис. 10, 1; Синика и др., 2018б, с. 87] на левобережье Нижнего Дуная; Глиное/Водовод, погребение 2 кургана 4 [Секерская, Синика, 2023, с. 397], Глиное/Водовод, погребение 1 кургана 19 [Синика и др., 2020а, с. 396, рис. 3, 2], Глиное/Сад, погребение 1 кургана 8 [Синика и др., 2018б, с. 79, рис. 2, 1] на левобережье Нижнего Днестра.

В более позднее время, в III–II вв., амулеты из зубов / костей собак встречаются значительно реже. Известно всего 5 находок: Градешка, погребение 1 кургана 7а (3 клыка-подвески), Кугурлуй, погребение 1 кургана 31 (клык-подвеска) на левобережье Нижнего

Дуная; Глиное, погребение 1 кургана 31 (дистальная фаланга в качестве амулета-подвески) на левобережье Нижнего Днестра. Однако именно в это время в скифских могилах известно множество сопровождающих захоронений собак. Они встречены едва ли не в каждом третьем (около 30 %) погребении Северо-Западного Причерноморья [Синика, 2023, с. 137, 140, рис. 40, 41].

Таким образом, приходится констатировать, что в более раннее время (в IV в. до н.э.) амулеты из зубов собак изготавливали чаще, хотя самих собак у скифов, очевидно, было меньше. В III–II вв. до н.э., когда скифы стали вести более оседлый образ жизни, число домашних собак увеличилось, а амулеты из их зубов и костей стали изготавливать реже.

В этой связи удивительной является находка амулета из зуба домашней свиньи из Глиное (погребение 1 кургана 95). Данное обстоятельство заставило обратить особое внимание на иные находки зубов домашних свиней и их диких сородичей из скифских памятников Северо-Западного Причерноморья.

До недавнего времени были известны всего 5 кабаньих клыков в Северо-Западном Причерноморье: один – в погребении 1 середины IV в. до н.э. кургана Неделково 9 в Днестро-Бугском междуречье [Тельнов и др., 2016, с. 739]; три – в захоронении 2 первой половины III в. до н.э. кургана Мреснота Могила 21 (у правого плеча, в составе скопления изделий, которое представляло собой ожерелье) и один – в катакомбе 1 первой четверти III в. до н.э. кургана Мреснота Могила 22 (клык найден в перемещенном состоянии) [Гудкова и др., 1985, с. 98, 102, рис. 60, 17; Синика, 2023, с. 159]. При отсутствии археозоологических определений нам остается думать, что это были действительно клыки диких кабанов.

Позже серия амулетов (подвесок) из клыков кабанов была обнаружена на левобережье Нижнего Днестра. Из них 2 находки происходят из погребений IV в. до н.э.: клык на шее ребенка вместе с 2 клыками собак в составе ожерелья в погребении 4 кургана 16 Глиное/Водовод [Синика и др., 2021б, с. 255, 257, рис. 11, 5, 10] (рис. 2, 2); клык на шее ребенка в составе ожерелья в погребении 4 кургана 7 Глиное/Сад [Синика и др., 2018а,

с. 128–129, рис. 4, 3] (рис. 2, 3). Еще 6 находок были сделаны в могилах III–II вв. до н.э.: клык в составе ожерелья на шее женщины 20–35 лет в погребении 1 кургана 36 Глиное [Тельнов и др., 2016, с. 252, рис. 132, 2] (рис. 2, 4); 2 клыка слева у таза женщины 20–35 лет в захоронении 2 кургана 69 Глиное [Тельнов и др., 2016, с. 419, 422, 428–429, рис. 238, 10]³ (рис. 2, 5, 6); 2 клыка в составе браслета на левом запястье женщины 20–35 лет в погребении 2 кургана 91 Глиное [Тельнов и др., 2016, с. 537, 539, рис. 304, 2]⁴; клык в скоплении бусин на левом плече / локте одного из детских костяков в северной камере катакомбы 1 кургана Глиное 116 [Синика, Тельнов, 2018б, с. 237, 259–260, рис. 8, 4] (рис. 2, 7). Все клыки с левобережья Нижнего Днестра были специально изучены. Оказалось, что все они являются клыками самцов кабана *S. scrofa* Linnaeus, 1758.

В то же время клык животного из тризны кургана Глиное 113 [Тельнов и др., 2016, с. 656, рис. 370, 3] (рис. 2, 8) размерно и морфологически соответствует или самке кабана (*S. scrofa* Linnaeus, 1758), или самцу домашней свиньи (*S. domesticus* Erxleben, 1777). Кроме того, ранее на могильнике III–II вв. до н.э. были определены кости домашней свиньи из других комплексов: фрагмент правой верхней челюсти свиньи возрастом 20–22 месяца – в заполнении рва кургана Глиное 70; правая плечевая и нижний фрагмент левой бедренной кости свиньи возрастом около 2 лет – в тризне кургана Глиное 86 [Секерская, Синика, 2022, с. 86].

В совокупности все приведенные данные (амулет из зуба домашней свиньи из катакомбы 1 кургана Глиное 95; кости домашних свиней из рва кургана Глиное 70 и из тризны кургана Глиное 86; возможно, клык из тризны кургана Глиное 113) свидетельствуют, что в III–II вв. до н.э. скифы занимались разведением свиней. Это было возможным только в условиях оседлого образа жизни, в пользу которого ранее неоднократно приводились аргументы на основании анализа археологических материалов из погребальных памятников Северо-Западного Причерноморья [Синика, 2023, с. 48, 75, 127, 228–229, 310, 361, 389, 429–430, 434]. При этом очевидно, что роль домашних свиней в животноводстве скифов в III–II вв. до н.э. еще предстоит изучить, в пер-

вую очередь на основании археозоологических коллекций из синхронных скифских памятников региона.

Амулет из зуба лошади из погребения 2 кургана 8 Коротное/Кулак – уникальная находка в скифских погребениях Северо-Западного Причерноморья. Это обстоятельство вызывает удивление, поскольку кости лошади (в виде напутственной пищи в могилах, от сопровождающих захоронений животных во рвах и входных ямах катакомб) зафиксированы многократно в скифских курганах региона V–II вв. до н.э. [Секерская, Синика, 2022, с. 76–83; 2023, с. 393–395].

Зубы и кости диких животных использовались скифами значительно реже.

Амулет-подвеска из моляра волка из погребения 3 кургана 11 Глиное/Сад является первой подобной достоверной находкой, зафиксированной в скифских погребениях Северо-Западного Причерноморья. Не исключено, что еще одна подвеска была изготовлена из кости (III фаланги) волка – из катакомбы 1 кургана 31 Глиное, однако отличить ее от кости собаки не представляется возможным.

Амулет-подвеска из клыка лисицы из погребения 3 кургана 7 Глиное/Водовод является одним из немногочисленных изделий из зубов / костей этого животного в Северном Причерноморье. Нам известен один подобный амулет – в составе браслета на левом запястье погребенного в гробнице № 1 Репяховатой Могила (VI в. до н.э.) в Днепровском Лесостепном Правобережье [Ильинская и др., 1980, с. 35, 39, рис. 4,4].

Амулет из челюсти лисицы, обнаруженный на поясе костяка I в катакомбе 8 кургана 2 Коротное/Кулак, не имеет достоверных аналогий в Северо-Западном Причерноморье. В литературе можно найти описание амулета, представляющего собой «фрагмент нижней челюсти небольшого хищника, видимо, лисы, с двумя клыками», из скифского погребения IV в. до н.э. № 2 кургана Балабаны 6, изученного на Нижнем Дунае [Чеботаренко и др., 1989, с. 37]⁵.

Амулет-подвеска из III фаланги бурого медведя из катакомбы 1 кургана 31 Глиное является уникальным в Северо-Западном Причерноморье. Однако восточнее, в Поднепровье, такие находки ранее отмечались. Аму-

леты из «когтей медведя» с отверстиями для подвешивания (6 шт.) известны в гробнице № 2 Репяховатой Могила (VI в. до н.э.) в Днепровском Лесостепном Правобережье – они найдены среди предметов конской упряжи [Ильинская и др., 1980, с. 47–48, рис. 19]. Тем же временем датируется курган 2 центральной группы Люботинского городища, где в ограбленной гробнице был найден коготь медведя с отверстием для подвешивания; верхняя часть амулета-подвески была обернута золотой фольгой [Бандуровский и др., 1998, с. 151–152, рис. 5,5]. В Днепровском правобережном Надпорожье 5 когтей бурого медведя найдены во внутренней могильной яме ограбленной катакомбы кургана Блинец-2, сооруженного в V – начале IV в. до н.э. [Ромашко, Скорый, 2009, с. 19, 68, рис. 22,1–5, 64]. Находки определены археозоологом как «пять третьих когтевых фаланг медведя бурого, скорее всего, от одной взрослой особи» [Журавлев, 2009, с. 127]. Наконец, в конце первой трети III в. до н.э. был сооружен Большой Рыжановский курган, в центральном захоронении которого были обнаружены 4 когтя медведя: 2 у черепа, по одному у костей ног мужчины [Скорый, Хохоровски, 2018, с. 35, 120, рис. 11, 44–46]. В этом ряду катакомба 1 кургана 31 Глиное, изученная на левобережье Нижнего Днестра, является позднейшим скифским погребальным комплексом. Обращает на себя внимание, что все перечисленные выше захоронения (в том числе Глиное 31/1) принадлежали скифским аристократам. Остается добавить, что в I тыс. до н.э. бурый медведь обитал в Поднепровье⁶. В этой связи амулет из фаланги бурого медведя из нашего комплекса мог быть местным охотничьим трофеем, а не только привезенным издалека экзотическим товаром.

Уникальной является и *подвеска* из захоронения 5 кургана 5 Глиное/Водовод, изготовленная также из III фаланги, но другого хищного млекопитающего – *леопарда*. Других изделий из костей леопарда в погребениях Северо-Западного Причерноморья до настоящего времени не идентифицировано. Однако очень похожая находка, насколько можно судить по опубликованному рисунку, происходит из скифского погребения 3 кургана 1 группы Лисьей Могила IV в. до н.э. в Ниж-

нем Поднепровье. В составе ожерелья ребенка (как и в могиле 5 кургана 5 Глиное/Водовод) находилась подвеска с отверстием, которая, по определению В.И. Бибиковой, была изготовлена из «второй фаланги собаки, лисы или волка» [Мозолевский, 1980, с. 121–123, рис. 55, 12, 57]. Обе эти находки, с учетом имеющихся данных об обитании леопарда в Северном Причерноморье в I тыс. до н.э., могли быть также местными охотничьими трофеями, как амулет из фаланги бурого медведя.

Нельзя исключать, что кости бурого медведя и леопарда (?), из которых изготавливали амулеты, были весьма труднодоступным «сырьем», а потому крайне редко фиксируются в составе скифских ожерелий в погребениях.

Амулет-подвеска из когтевой фаланги орлана-белохвоста из погребения 2 кургана 91 Глиное тоже является уникальным изделием в скифских погребениях Северо-Западного Причерноморья. Более того, даже найти упоминание об амулетах из птичьих костей из скифских погребений более восточных регионов Северного Причерноморья удастся очень редко. В частности, нам известна только одна подобная находка – «амулет в виде когтя крупной хищной птицы с просверленным у основания отверстием» в конском снаряжении коня № 2 из Мелитопольского кургана, сооруженного в IV в. до н.э. [Тереножкин, Мозолевский, 1988, с. 142, рис. 155, 11]. Кроме того, 6 пронизей из птичьих (?) костей были найдены у правого локтя ребенка из упомянутого выше захоронения 4 кургана 7 Глиное/Сад [Синика и др., 2018а, с. 128–129, рис. 4, 5], в ожерелье которого входил клык кабана. Кости кряквы (*Anas platyrhynchos*) – правая и левая локтевые кости, плечевая кость, лопатка, коракоид, карпометакарпус, синсакрум и фрагмент вилочки – обнаружены в составе тризны в заполнении впускной входной ямы катакомбы 9 кургана 2 Коротное/Кулак.

Как бурый медведь и леопард, орлан-белохвост, без сомнения, мог стать добычей скифских охотников в Северо-Западном Причерноморье. На территории Прутско-Днестровского междуречья этот крупный хищник за время наблюдений в XX в. встречался, хотя и достаточно редко. Есть данные, что гнездо орланов-белохвостов было известно у с. Ко-

панка на правобережье Нижнего Днестра: оно использовалось 11 лет и было покинуто в 1969 г. [Аверин, 1981, с. 91–92]. За последние 25 лет (в первой четверти XXI в.) орлан-белохвост фиксировался как пролетный и зимующий вид и на правобережье Нижнего Днестра – в урочище Талмазские плавни [Журминский, 2006, с. 108, 110], и на левобережье Нижнего Днестра – на Кучурганском лимане [Архипов, Фесенко, 2005, с. 11]. В 2019 г. пара орланов-белохвостов гнездилась в заповеднике «Ягорлык» на левобережье Нижнего Днестра. В настоящее время численность этого вида в дельте Днестра возрастает [Тищенко и др., 2020, с. 432].

Амулет из клешни краба из катакомбы 2 кургана 69 Глиное является единственной подобной находкой в регионе. Однако в Нижнем Поднепровье они задокументированы, насколько нам известно, в количестве 23 штук. Две пронизи и одна подвеска из клешней крабов обнаружены в погребении 10 кургана 10 могильника Мамай-Гора. Две пронизи (аналогичные найденной в катакомбе 2 кургана 69 Глиное) найдены в погребальной камере № 2 под черепом ребенка 2–3 лет [Андрух, Тощев, 1999, с. 81–82, рис. 21, 12]. По всей видимости, они были составными частями ожерелья. Подвеска из клешни краба с поперечным отверстием была найдена в камере № 3 в составе ожерелья ребенка возрастом 6–8 месяцев вместе со стеклянными бусинами, каменной, костяной и керамическими подвесками [Андрух, Тощев, 1999, с. 82–83, рис. 21, 17]. Еще одна пронизь была обнаружена в составе ожерелья (вместе со стеклянными бусинами) младенца в катакомбе 1 кургана Мамай-Гора 112 [Андрух, 2001, с. 77, рис. 73, 8]. Две пронизи из клешней краба были надеты на одну из бронзовых серег, лежавшую слева у черепа костяка II (женщины) в катакомбе 1 кургана Мамай-Гора 131 [Андрух, 2001, с. 218, рис. 89, 10, 11], другие 6 пронизей / подвесок найдены в составе ожерелья этого же костяка [Андрух, 2001, с. 218–219]. Еще одна находка происходит из погребения 3 кургана 1 группы Лисья Могила – клешня краба была обнаружена в составе ожерелья ребенка [Мозолевский, 1980, с. 121–123, рис. 55, 15, 57]. Три клешни краба найдены в заполнении ограбленного детского захоронения 1 кургана 17

Золотобалковского могильника [Полин, 2014, с. 148]. В Мелитопольском кургане были обнаружены 6 украшений из клешней краба на костяке служанки: одна подвеска с поперечным отверстием в составе ожерелья [Тереножкин, Мозолевский, 1988, с. 79, рис. 88, 1], 5 пронизей – в составе браслета на правом запястье [Тереножкин, Мозолевский, 1988, с. 79, рис. 84, 4₂]. Кроме того, известны находки 6 клешней краба в Северо-Западном Крыму – они составляли браслет с правого запястья женщины в погребении Наташино 18/5 [Колтухов, 2009, с. 185, 187, рис. 1, 7]. Еще одна находка клешни краба была сделана в ограбленном погребении Кирова 2/1 в Восточном Крыму [Яковенко и др., 1970, с. 164–165, рис. 18, 11].

Кости зайца-русака от напутственной пищи в скифских захоронениях левобережья Нижнего Днестра и всего Северо-Западного Причерноморья идентифицированы впервые.

В нишу погребальной камеры катакомбы 1 кургана 13 Глиное (последняя четверть III – первая четверть II в. до н.э.), раскопанной в 1997 г., положили, очевидно, целую тушку животного (без головы). Позже (в 2016 г.) было изучено ограбленное захоронение 7 кургана 5 Глиное/Водовод (рубеж IV–III вв. до н.э.), в заполнении которого находилась дистальная часть левой большой берцовой кости зайца [Секерская, Синика, 2023, с. 398]. Его видовая принадлежность в ходе подготовки данной работы была уточнена до зайца-русака *L. europaeus* (Pallas, 1778). Наконец, в 2023 г. при раскопках катакомбы 9 кургана 2 Коротное/Кулак в заполнении впускной входной ямы (вместе с птичьими костями) были обнаружены правая бедренная кость и левая подвздошная кость таза молодой особи представителя семейства зайцевых (*Leporidae* Fischer, 1817). Все эти находки указывают на то, что в IV–II вв. до н.э. скифы охотились на зайцев. В некоторых случаях тушку или часть животного клали в погребения как напутственную пищу (Глиное/Водовод 5/7; Глиное 13/1), в других – употребляли в пищу во время процесса захоронения. В любом случае находки костей зайца имели прямое отношение к скифскому погребально-поминальному обряду.

Кости змеи (каспийского полоза) из могилы 1 кургана 38 Глиное также являются элементом скифского погребального обряда. Отсутствие среди костей скелета большей части позвонков (обнаружено менее шестой части от всего скелета), а также костей черепа не оставляет сомнений, что часть туловища змеи была оставлена в погребальной камере преднамеренно. По нашему мнению, эту находку можно интерпретировать как способ обезвреживания женщины, чьи останки были потревожены / ограблены во время вторичного захоронения мужчины.

Кости и панцири черепах из скифских могил левобережья Нижнего Днестра, как показало наше исследование, не имеют никакого отношения к скифскому погребальному обряду. Катакомба 1 кургана 61 Глиное была ограблена во второй половине VII – третьей четверти VIII в.: возможно, что панцирь черепахи был оставлен грабителями с целью обезвреживания духов потревоженных умерших. Погребение 1 кургана 102 Глиное было также ограблено (в интервале второй четверти II – середины III в.), черепаха попала в грабительский ход и затем погибла по естественным причинам.

Эти данные заставили нас внимательно оценить информацию о находках панцирей черепах из других скифских захоронений Северного Причерноморья. Оказалось, что 8 могил из Поднепровья, в которых были зафиксированы панцири черепах, были, как и обе могилы из Глиного, ограблены в древности: Кут, погребение 4 кургана 1 [Березовец, 1960, с. 41]; Мамай-Гора, погребение 1 кургана 3, погребение 5 кургана 10, погребение 1 кургана 63, погребение 9 кургана 67, погребение 1 кургана 94, погребение 1 кургана 340, погребение 2 кургана 382 [Андрух, Тощев, 1999, с. 22, 73; Андрух, 2001, с. 60, 82, 138; Андрух и др., 2023, с. 57, 112] в Поднепровье. Еще одно «скифское погребение», № 2 кургана Мамай-Гора 27, представляло собой яму подквадратной формы с черноземным заполнением [Андрух, Тощев, 2009, с. 51], культурная атрибуция и датировка которой не могут быть установлены.

В итоге необходимо констатировать, что в настоящее время в Северном Причерноморье нет достоверных данных об использовании скифами черепах или их панцирей в погребальном обряде.

Заключительные положения

Среди большого количества археозоологических материалов из скифских погребальных комплексов (курганов и захоронений) Северного Причерноморья доминируют кости домашних животных – быка домашнего, мелкого рогатого скота (козы / овцы), лошади и собаки. Кости этих видов, как правило, не только отбираются археологами (из рвов и тризн в насыпях, а также как остатки от напутственной пищи и в качестве целых костяков сопровождающих животных) во время раскопок и хранятся в фондах, но и становятся объектами тщательного изучения со стороны биологов (археозоологов). Однако среди артефактов (индивидуальных находок) и в археозоологических коллекциях встречаются изделия и материалы, которые, ввиду своей крайней редкости или уникальности, в большинстве случаев не могут быть легко идентифицированы. Попытки их атрибуции авторами раскопок без участия специалистов-биологов приводят к грубейшим ошибкам, которые тиражируются длительное время без возможности верификации первичных определений вида животного. На основании таких ошибок выдвигаются гипотезы (погребение домашнего кота в погребальной камере как следствие греческого влияния на скифский погребальный обряд), оснований для которых, как показано нами, просто не существует. Кроме того, некоторые археозоологические находки (панцири черепаш) могут считаться элементами скифского обряда, хотя в действительности не имеют к нему отношения.

Несмотря на указанные проблемы в идентификации видов животных и интерпретации находок, редкие археозоологические материалы являются весьма ценным источником для изучения скифской археологической культуры. Они позволяют составить более точное представление о предметах куль-

та и украшениях – об амулетах из зубов и костей домашних и диких животных, а также элементах погребального ритуала, которые ранее не фиксировались, – костях змеи в захоронении. Помимо этого, при отсутствии данных из поселений на основании материалов из погребений формируется и пополняется список диких видов, являвшихся объектами охоты (заяц-русак; лисица; волк; кабан; бурый медведь; леопард; орлан-белохвост; криква) или собирательства (краб). В отдельных случаях мы получаем данные биологического характера об оседлости скифского населения на основании зубов и костей домашней свиньи. Эта информация в совокупности позволяет углубить знания о природном окружении и рационе скифов Северо-Западного Причерноморья.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Первоначально материал, из которого была изготовлена подвеска, был определен автором настоящей работы Д.О. Гимрановым. Позже это заключение было подтверждено кандидатом биологических наук С.В. Статкевич, старшим научным сотрудником отдела ихтиологии Института биологии южных морей имени А.О. Ковалевского РАН, за что выражаем ей благодарность.

² Калибрование всех радиоуглеродных дат проведено с использованием программы OxCal v4.4.4 и калибровочной кривой IntCal20 [Reimer et al., 2020].

³ В публикации ошибочно описаны 3 клыка кабана. На самом деле, как показало наше исследование, их было два.

⁴ В публикации ошибочно описан один клык. В действительности клыков было два.

⁵ Впрочем, определения материала, из которого были изготовлены амулеты из Репяховатой Могилы и из Балабан, нельзя считать достоверными, поскольку они сделаны авторами раскопок, а не биологами (археозоологами).

⁶ Известно, что это животное водилось в степях Северного Причерноморья еще в XVI веке [Кириков, 1966, с. 94].

ПРИЛОЖЕНИЯ

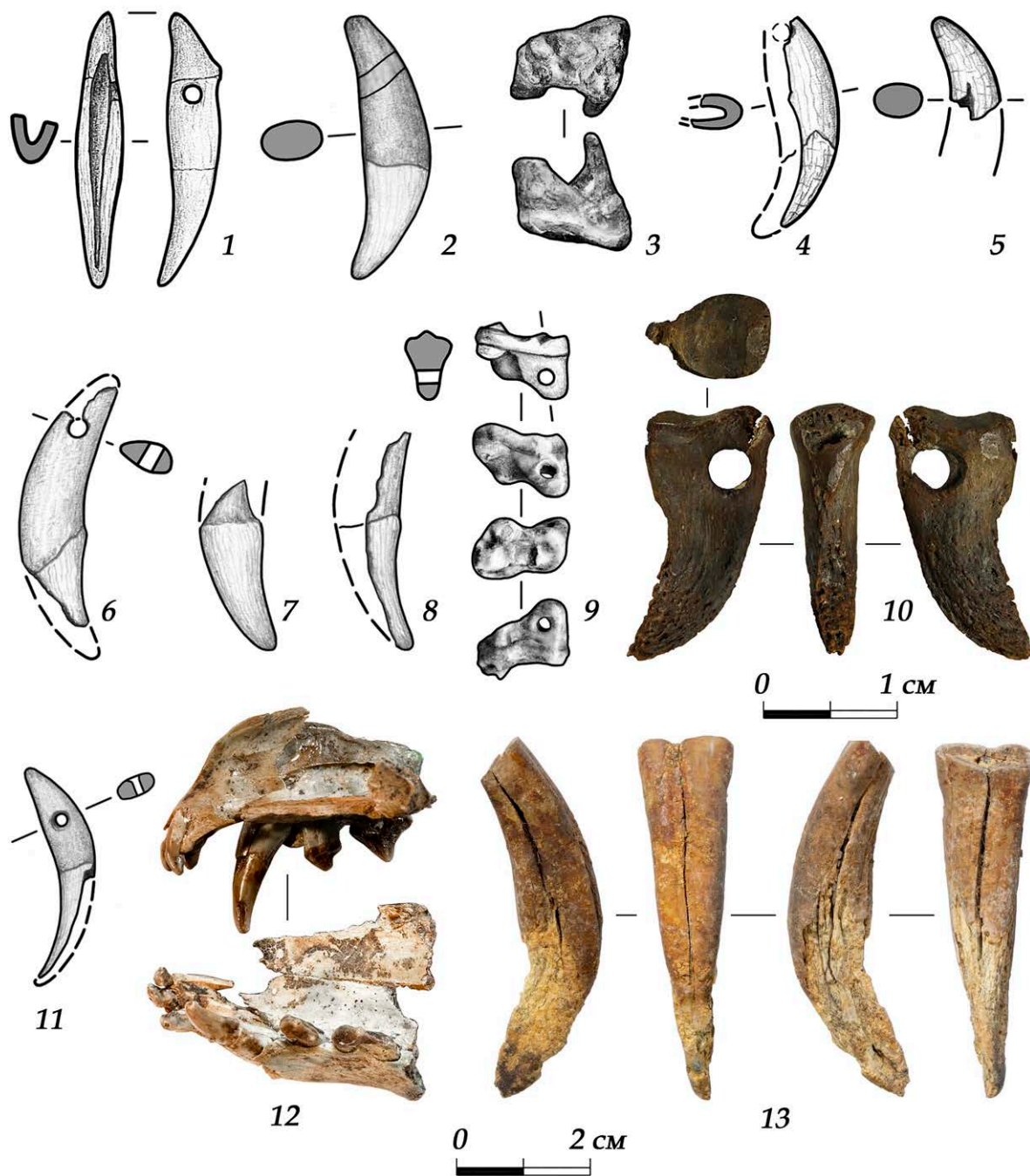

Рис. 1. Амулеты из зубов и костей животных из скифских погребений левобережья Нижнего Днестра:

1 – Глиное/Водовод 5/3; 2 – Глиное/Водовод 7/3; 3 – Глиное/Водовод 14/3; 4–5 – Глиное/Водовод 16/4; 6–8 – Глиное/Сад 8/1;
9 – Глиное/Сад 11/3; 10 – Глиное 31/1; 11 – Глиное/Водовод 7/3; 12 – Коротное/Кулак 2/8; 13 – Коротное/Кулак 8/2.
1–8 – домашняя собака; 9 – волк; 10 – домашняя собака или волк; 11–12 – лисица; 13 – домашняя лошадь

Fig. 1. Amulets made of animal teeth and bones from Scythian burials on the left bank of the Lower Dniester:

1 – Glinoe/Vodovod 5/3; 2 – Glinoe/Vodovod 7/3; 3 – Glinoe/Vodovod 14/3; 4–5 – Glinoe/Vodovod 16/4; 6–8 – Glinoe/Sad 8/1;
9 – Glinoe/Sad 11/3; 10 – Glinoe 31/1; 11 – Glinoe/Vodovod 7/3; 12 – Korotnoe/Kulak 2/8; 13 – Korotnoe/Kulak 8/2.
1–8 – domestic dog; 9 – wolf; 10 – domestic dog or wolf; 11–12 – fox; 13 – domestic horse

Рис. 2. Амулеты из зубов и клыков животных из скифских погребений левобережья Нижнего Днестра:
 1 – Глиное 95/1; 2 – Глиное/Водовод 16/4; 3 – Глиное/Сад 7/4; 4 – Глиное 36/1; 5–6 – Глиное 69/2; 7 – Глиное 116/1;
 8 – Глиное 113 (тризна). 1 – домашняя свинья; 2–7 – кабан; 8 – домашняя свинья или кабан

Fig. 2. Amulets made of animal teeth and fangs from Scythian burials on the left bank of the Lower Dniester:
 1 – Glinoe 95/1; 2 – Glinoe/Vodovod 16/4; 3 – Glinoe/Sad 7/4; 4 – Glinoe 36/1; 5–6 – Glinoe 69/2; 7 – Glinoe 116/1;
 8 – Glinoe 113 (feast). 1 – domestic pig; 2–7 – wild boar; 8 – domestic pig or wild boar

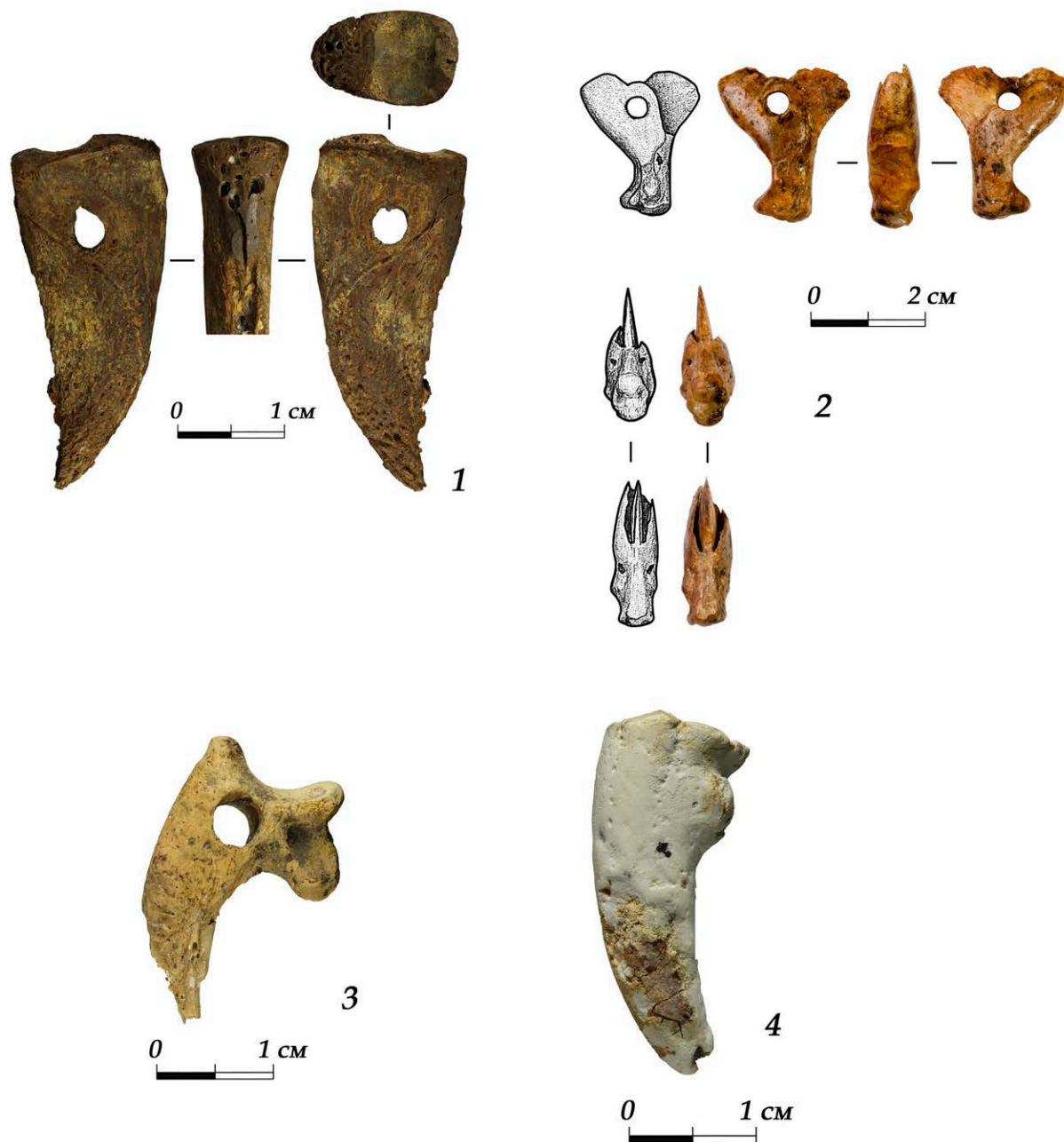

Рис. 3. Амулеты из костей животных и клешня краба:
 1 – Глиное 31/1; 2 – Глиное/Водовод 5/5; 3 – Глиное 91/2; 4 – Глиное 69/2.
 1 – бурый медведь; 2 – леопард; 3 – орлан-белохвост; 4 – краб

Fig. 3. Amulets made of animal bones and a crab claw:
 1 – Glinoe 31/1; 2 – Glinoe/Vodovod 5/5; 3 – Glinoe 91/2; 4 – Glinoe 69/2.
 1 – brown bear; 2 – leopard; 3 – white-tailed eagle; 4 – crab

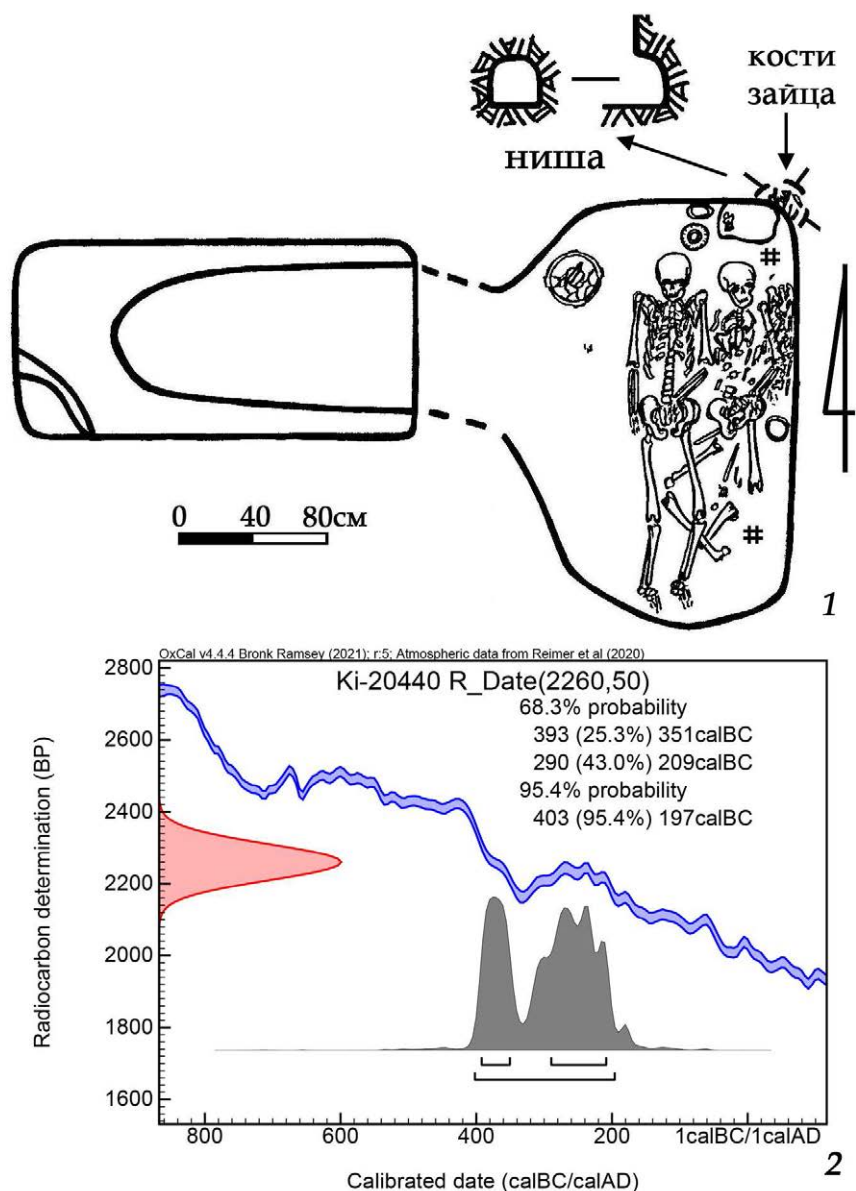

Рис. 4. Скифское погребение Глиное 13/1 с костями зайца от напутственной пищи:

1 – план катакомбы; 2 – калиброванная радиоуглеродная дата по кости зайца

Fig. 4. Scythian burial Glinoe 13/1 with hare bones from sacrificial food:

1 – plan of the catacomb; 2 – calibrated radiocarbon date for a hare bone

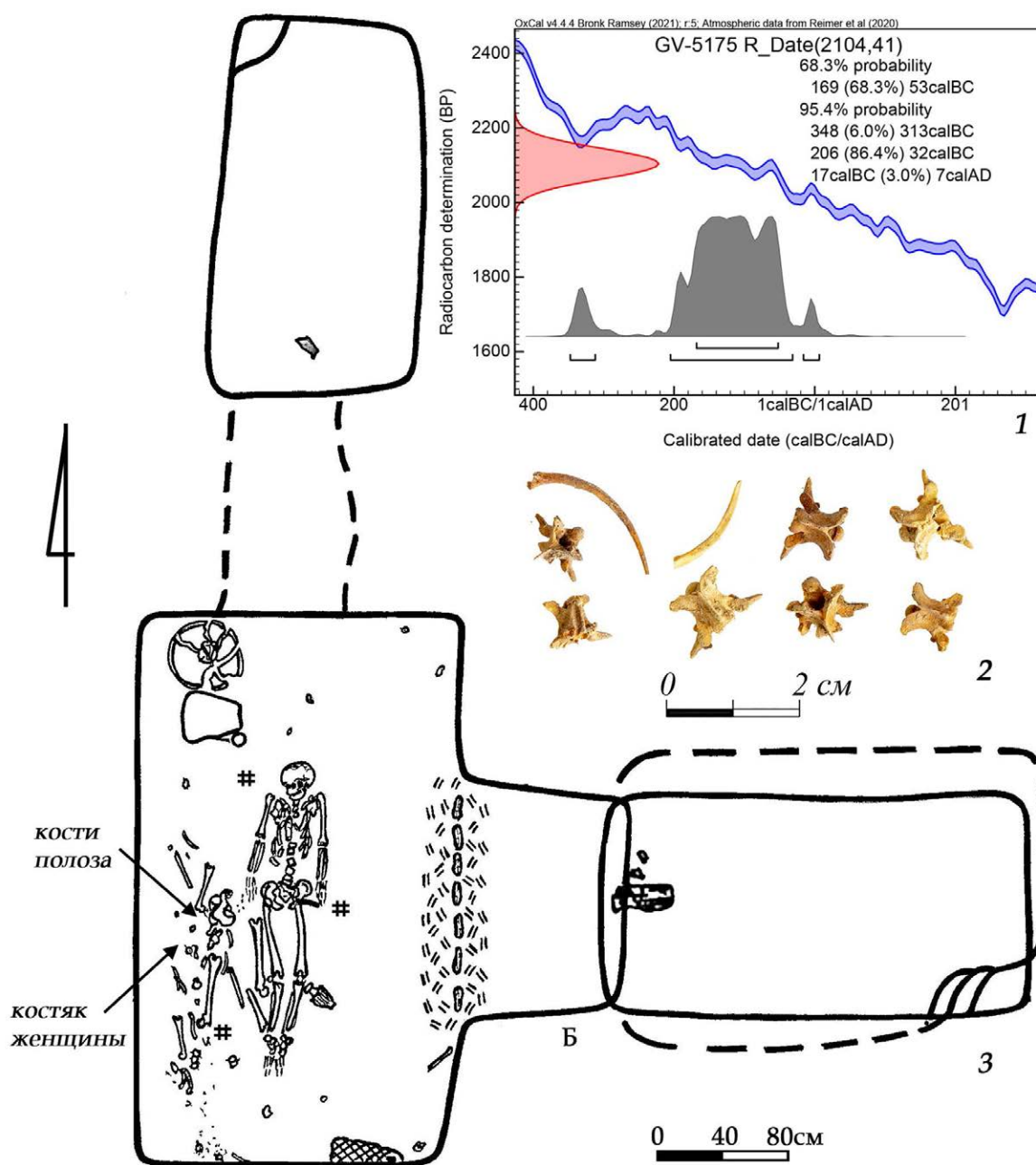

Рис. 5. Скифское погребение Глиное 38/1 с костями змеи:

1 – калиброванная радиоуглеродная дата по кости змеи; 2 – фото костей полоза; 3 – план катакомбы

Fig. 5. Scythian burial Gline 38/1 with snake bones:

1 – calibrated radiocarbon date for snake bone; 2 – photo of snake bones; 3 – plan of the catacomb

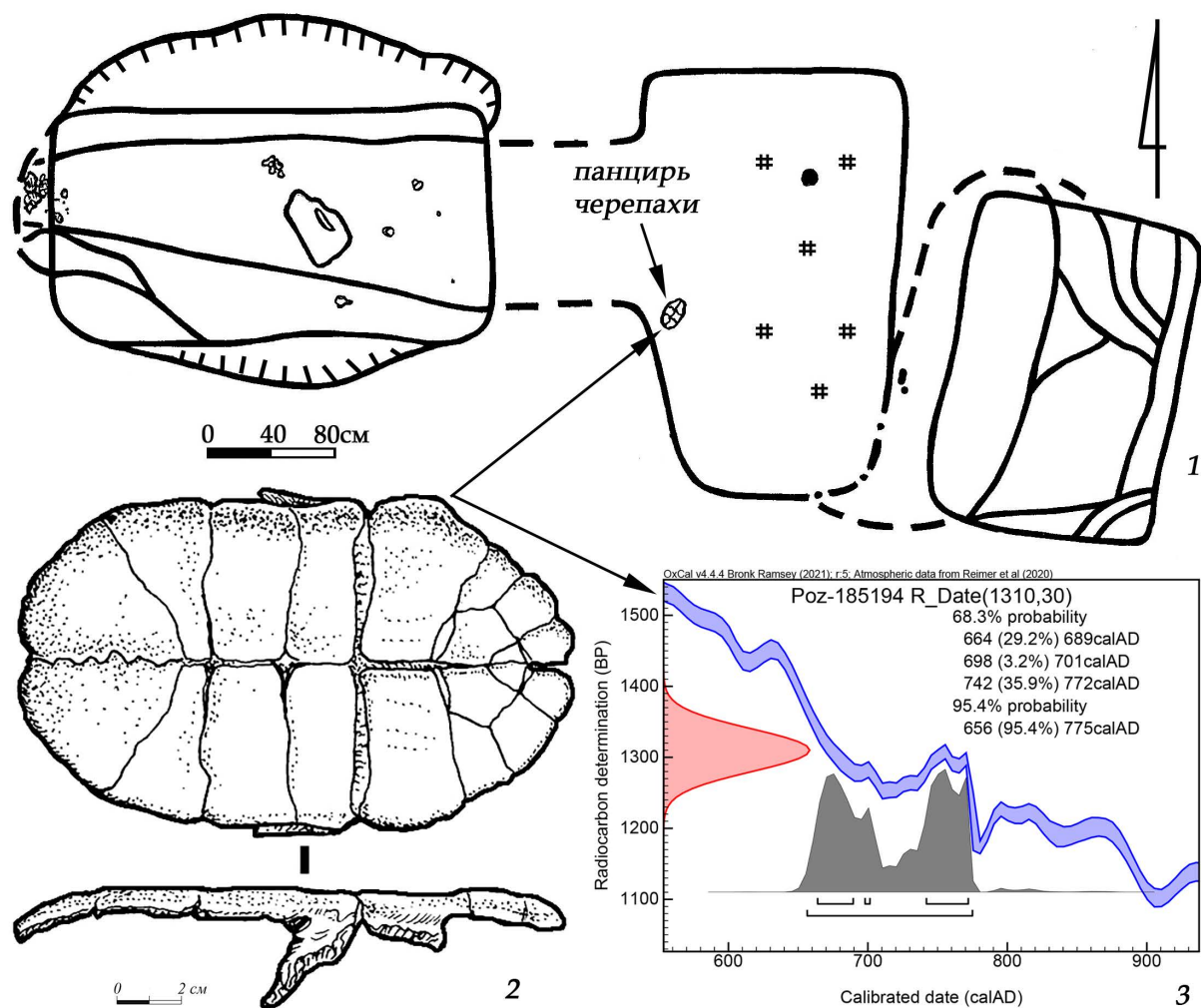

Fig. 6. Scythian burial Glinoe 61/1 with tortoise shell:

1 – plan of the catacomb; 2 – tortoise shell; 3 – calibrated radiocarbon date for the turtle shell

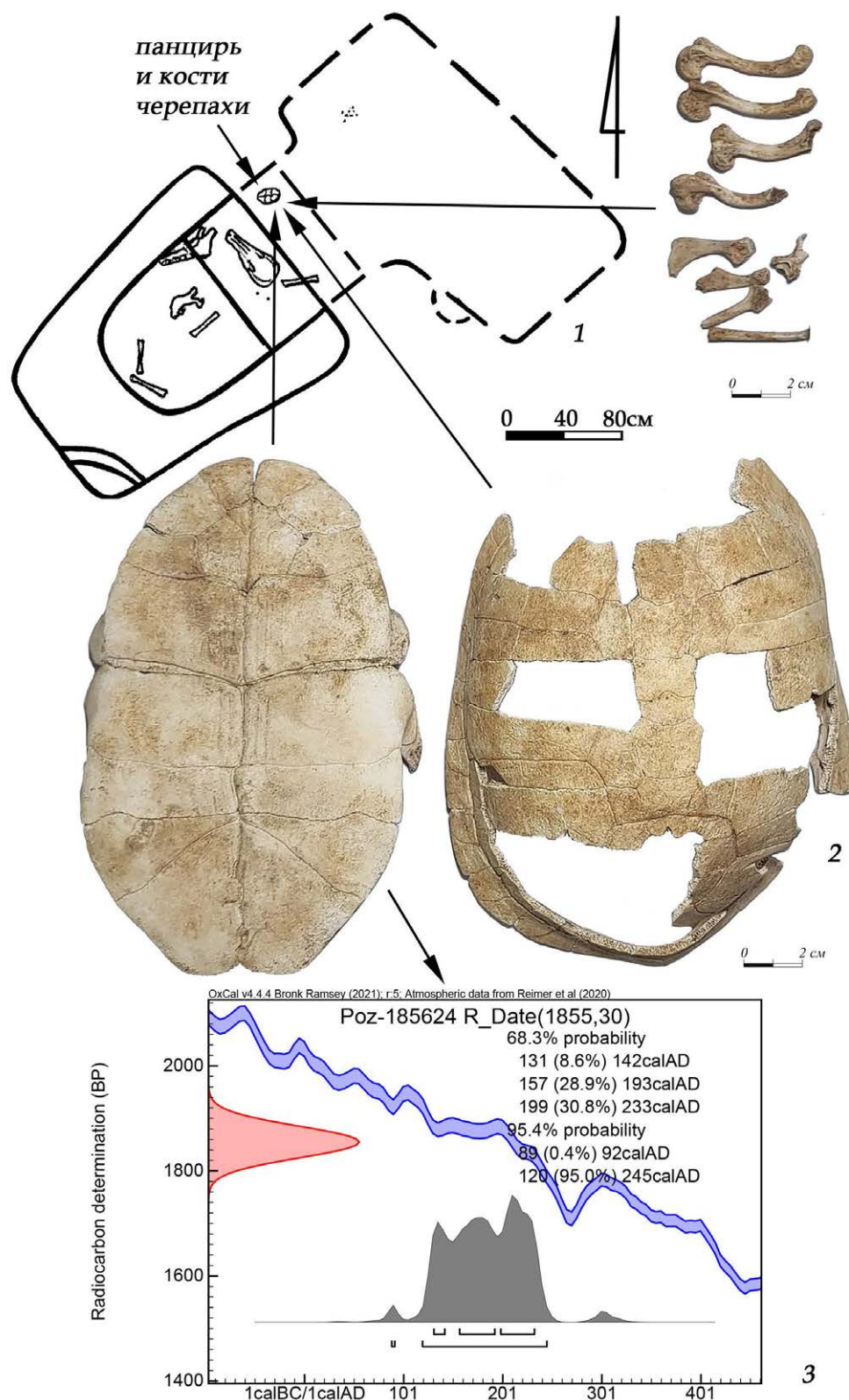

Рис. 7. Скифское погребение Глиное 101/2 с панцирем черепахи:

1 – план катакомбы; 2 – кости и панцирь черепахи; 3 – калиброванная радиоуглеродная дата по панцирю черепахи

Fig. 7. Scythian burial Glinoe 101/2 with a turtle shell:

1 – plan of the catacomb; 2 – bones and tortoise shell; 3 – calibrated radiocarbon date for the turtle shell

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аверин Ю. В., 1981. Отряд – хищные птицы // Птицы. Животный мир Молдавии. Т. II. Кишинев : Штиинца. С. 86–104.
- Андрух С. И., 2001. Могильник Мамай-Гора. Кн. II. Запорожье : ЗГУ. 282 с.
- Андрух С. И., Тощев Г. Н., 1999. Могильник Мамай-Гора. Кн. I. Запорожье : ЗГУ. 230 с.
- Андрух С. И., Тощев Г. Н., 2009. Могильник Мамай-Гора. Кн. IV. Запорожье : ЗНУ. 310 с.
- Андрух С. И., Тощев Г. Н., Тощев А. Г., 2023. Могильник Мамай-Гора. Кн. V. Запорожье : Рукопись. 273 с.
- Аристов А. А., Барышников Г. Ф., 2001. Млекопитающие фауны России и сопредельных территорий. Вып. 169. Хищные и ластоногие. СПб. : ЗИН РАН. 560 с.
- Архипов А. М., Фесенко Г. В., 2005. Сведения о наблюдениях за редкими птицами в районе Кучурганского лимана // Бранта : сб. тр. Азово-Черномор. орнитолог. ст. Вып. 8. Фаунистика. С. 7–15.
- Бабенко А. Н., Сергеев А. Ю., Гриценко Л. Н., Белоносова В. А., Синика В. С., 2025. Комплексное изучение органического содержимого курильниц из скифских погребений III–II вв. до н.э. на левобережье Нижнего Днестра // *Stratum plus*. № 3. С. 199–220.
- Бандуровский А. В., Буйнов Ю. В., Дегтярь А. К., 1998. Новые исследования курганов скифского времени в окрестностях г. Люботина // Люботинское городище. Харьков : Регион-Информ. С. 143–182.
- Барышников Г. Ф., 1986. Плейстоценовые волки (род *Canis*) Большого Кавказа // Труды Зоологического института. Т. 149. Л. : АН СССР. С. 33–53.
- Безман-Мосейко О. С., 2020. Полоз желтобрюхий // Красная книга Приднестровской Молдавской Республики. Тирасполь : Полиграфист. С. 379–380.
- Березовец Д. Т., 1960. Розкопки курганного могильника епохи бронзи та скіфського часу в с. Кут // Археологічні пам'ятки Української Радянської Соціалістичної Республіки. Т. IX. Київ : АН Укр. РСР. С. 39–87.
- Васильев С. К., 2013. Фауна крупных млекопитающих из плейстоценовых отложений Чагырской пещеры (Северо-Западный Алтай) по материалам раскопок 2007–2011 годов // Археология, этнография и антропология Евразии. № 1 (53). С. 28–44.
- Гиммельрейх Г. А., Манзий С. Ф., Клыков В. И., Мельник К. П., Пилипчук О. Я., 1985. Скелет // Волк. Происхождение, систематика, морфология, экология. М. : Наука. С. 125–175.
- Гудкова А. В., Суничук Е. Ф., 1985. Полевой отчет Орловского курганного отряда Буджакской археологической экспедиции в 1984 г. // Научный архив ИА НАН Украины. № 1984/3а.
- Гудкова А. В., Тощев Г. М., Фокеев М. М., Андрух С. И., 1985. Отчет о работе Измаильской новостроечной экспедиции в 1984 г. // Научный архив ИА НАН Украины. № 1984/158.
- Добровольская Е. В., 2013. Опыт археозоологических исследований взаимодействия скотоводства и охоты в Северном Причерноморье: Фанагория и Мысхако I // Проблемы истории, филологии и культуры. № 2. С. 123–130.
- Дюрст И. У., 1936. Экстерьер лошади. М. ; Л. : Сельхозгиз. 344 с.
- Елкина И. И., Синика В. С., 2023. Изделия из ткани и войлока из скифских погребений левобережья Нижнего Днестра IV–II вв. до н.э. // *Stratum plus*. № 6. С. 301–323.
- Журавлев О. П., 2009. Osteологические материалы кургана Близнаец-2 // Ромашко В. А., Скорый С. А. Близнаец-2: скифский аристократический курган в Днепровском правобережном Надпорожье. Днепропетровск : Пороги. С. 127–145.
- Журминский С. Д., 2006. Современное состояние фауны птиц влажной зоны урочища «Талмазские плавни» и прогноз ее развития // *Buletin Științific. Revista de Etnografie, Științele Naturii și Muzeologie (Serie Nouă)*. Num. 4 (17). С. 107–113.
- Иванов Н. С., 2009. Морфометрические показатели зубной системы волка // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. № 1 (21). С. 231–233.
- Ильинская В. А., Мозолевский Б. Н., Тереножкин А. И., 1980. Курганы VI в. до н.э. у с. Матусов // Скифия и Кавказ. Киев : Наукова думка. С. 31–63.
- Кириков С. В., 1966. Промысловые животные, природная среда и человек. М. : Наука. 347 с.
- Кисагулов А. В., 2017. Видовая диагностика корсака (*Vulpes corsac* L., 1758) и лисицы обыкновенной (*V. Vulpes* L., 1758) по морфометрическим признакам изолированных щечных зубов // Научная жизнь. № 2. С. 65–73.

- Колтухов С. Г., 2009. Погребения скифского времени в кургане 18 у с. Наташино в Северо-Западном Крыму // Эпоха раннего железа. Киев ; Полтава : Ин-т археологии НАН Украины. С. 184–188.
- Мозолевский Б. Н., 1980. Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетровщине (раскопки 1972–1975 гг.) // Скифия и Кавказ. Киев : Наукова думка. С. 70–154.
- Панковский В. Б., 2016. Структурно-сырьевая и следоведческая экспертиза костяных и роговых объектов из могильника Глиное // Тельнов Н. П., Четвериков И. А., Сеника В. С. Скифский могильник III–II вв. до н. э. у с. Глиное. Тирасполь : Stratum plus. С. 1003–1038.
- Полин С. В., 2014. Скифский Золотобалковский курганный могильник V–IV вв. до н.э. на Херсонщине. Киев : Изд. Олег Филук. 776 с.
- Ромашко В. А., Скорый С. А., 2009. Близнец-2: скифский аристократический курган в Днепровском правобережном Надпорожье. Днепропетровск : Пороги. 251 с.
- Сава Е., Агульников С., Манзура И., 2019. Исследования курганов в Буджакской степи (1980–1985 гг.). Кишинев : Bons Offices. 368 с.
- Секерская Е. П., Сеника В. С., 2022. Животные в погребально-поминальном обряде скифов левобережья Нижнего Днестра III–II вв. до н.э. // Revista arheologica. Vol. XVIII, № 1. С. 73–97.
- Секерская Е. П., Сеника В. С., 2023. Животные в погребально-поминальном обряде скифов левобережья Нижнего Днестра V–IV вв. до н.э. // Stratum plus. № 3. С. 391–403.
- Сеника В. С., 2012. О греческом влиянии на погребальный обряд и материальную культуру скифского могильника III–II вв. до н.э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра // Человек в истории и культуре. Вып. 2. Одесса : СМІЛ. С. 264–272.
- Сеника В. С., Разумов С. Н., Тельнов Н. П., 2016. Археологическое наследие Приднестровья. Тирасполь : Полиграфист. 156 с.
- Сеника В. С., Тельнов Н. П., 2017. Скифское погребение с уникальным амулетом с левобережья Нижнего Днестра // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «История. Политология». № 8 (257), вып. 42. С. 5–12.
- Сеника В. С., Тельнов Н. П., 2018а. Курган 5 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра и скифские кенотафы Северо-Западного Причерноморья // Самарский научный вестник. Т. 7, № 1 (22). С. 133–144.
- Сеника В. С., Тельнов Н. П., 2018б. Скифский курган 116 первой половины III в. до н. э. у с. Глиное // Древности. Исследования. Проблемы. Кишинев ; Тирасполь : Stratum plus. С. 223–266.
- Сеника В. С., Тельнов Н. П., Лысенко С. Д., 2018а. Скифский курган 7 группы «Сад» в Нижнем Поднестровье // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «История. Политология. Социология». № 1. С. 125–138.
- Сеника В. С., Тельнов Н. П., Лысенко С. Д., 2018б. Скифский курган 8 группы «Сад» на левобережье Нижнего Днестра // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 2. С. 78–93.
- Сеника В. С., Тельнов Н. П., Лысенко С. Д., Разумов С. Н., 2019. Скифский курган 7 группы «Водовод» в Нижнем Поднестровье // Stratum plus. № 3. С. 365–390.
- Сеника В. С., Лысенко С. Д., Разумов С. Н., Тельнов Н. П., 2020а. Скифские курганы 18 и 19 группы «Водовод» в Нижнем Поднестровье // Емінак. № 1 (29). С. 392–406.
- Сеника В. С., Лысенко С. Д., Разумов С. Н., Тельнов Н. П., Лукасик С., 2020б. Курган 11 группы «Сад» в Нижнем Поднестровье и современное «мифотворчество» о скифских «амазонках» // Нижневолжский археологический вестник. Т. 19, № 1. С. 64–101. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.4>
- Сеника В. С., Лысенко С. Д., Разумов С. Н., Закордонец О. А., 2021а. Скифские погребения кургана 14 группы «Водовод» в Нижнем Поднестровье // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. № 13. С. 343–379.
- Сеника В. С., Тельнов Н. П., Лысенко С. Д., Разумов С. Н., 2021б. Курган 16 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра // Tyragetia. Vol. XV [XXX], № 1. Р. 239–296.
- Сеника В. С., 2023. Скифская археологическая культура III–II вв. до н.э. Северо-Западного Причерноморья. Тирасполь : Stratum plus. 490 с.
- Сеника В. С., Закордонец О. А., Разумов С. Н., Паткевич Д. Ф., Тельнов Н. П., 2025. Новый скифский могильник III–II вв. до н.э. на левобережье Нижнего Днестра. Часть I (курган 2) // Tyragetia. Vol. XIX [XXXIV], № 1. Р. 205–238.

- Скорый С., Хохоровски Я., 2018. Большой Рыжановский курган. Киев : Изд. Олег Филук. 432 с.
- Субботин Л. В., Островецков А. С., Охотников С. Б., Редина Е. Ф., 1992. Скифские древности Днестро-Дунайского междуречья. Киев : Препринт. 48 с.
- Тельнов Н. П., Четвериков И. А., Сеника В. С., 2016. Скифский могильник III–II вв. до н.э. у с. Глиное. Тирасполь : Stratum plus. 1096 с.
- Тереножкин А. И., Мозолевский Б. Н., 1988. Мелитопольский курган. Киев : Наукова думка. 264 с.
- Тищенко А. А., Романович Н. А., Морарескул В. А., 2020. Орлан-белохвост // Красная книга Приднестровской Молдавской Республики. Тирасполь : Полиграфист. С. 432–433.
- Шевченко Б. П., 2003. Анатомия бурого медведя. Оренбург : ОГАУ. 454 с.
- Чеботаренко Г. Ф., Яровой Е. В., Тельнов Н. П., 1989. Курганы Буджакской степи. Кишинев : Штиинца. 210 с.
- Яковенко Э. В., Черненко Е. В., Корпусова В. Н., 1970. Описание скифских погребений в курганах Восточного Крыма // Древности Восточного Крыма (Предскифский период и скифы). Киев : Наукова думка. С. 136–179.
- Harris S., 1978. Age Determination in the Red Fox (*Vulpes vulpes*) – An Evaluation of Technique Efficiency as Applied to a Sample of Suburban Foxes // *Journal of Zoology*. Vol. 184 (1). P. 91–117.
- Hatlauf J., Krendl L. M., Tintner J., Griesberger P., Heltai M., Markov G., Viranta S., Hackländer K., 2021. The Canine Counts! Significance of a Craniodental Measure to Describe Sexual Dimorphism in Canids: Golden Jackals (*Canis aureus*) and African Wolves (*Canis lupaster*) // *Mammalian Biology*. Vol. 101. P. 871–879.
- Hudson L., Hamilton W., 2010. Atlas of Feline Anatomy for Veterinarians. Jackson : Teton NewMedia. 264 p.
- Quilès J., 2003. Les Ursidae du Pléistocène moyen et supérieur en Midi méditerranéen: Apports paléontologiques, biochronologiques et archéozoologiques. Paris : Muséum National d'Histoire Naturelle. 610 p.
- Reimer P., Austin W., Bard E., Bayliss A., Blackwell P., Bronk Ramsey C., Butzin M., Cheng H., Edwards R., Friedrich M., Grootes P., Guilderson T., Hajdas I., Heaton T., Hogg A., Hughen K., Kromer B., Manning S., Muscheler R., Palmer J., Pearson C., Plicht J. van der, Reimer R., Richards D., Scott E., Southon J., Turney C., Wacker L., Adolphi F., Büntgen U., Capano M., Fahrni S., Fogtmann-Schulz A., Friedrich R., Köhler P., Kudsk S., Miyake F., Olsen J., Reinig F., Sakamoto M., Sookdeo A., Talamo S., 2020. The IntCal20 Northern Hemisphere Radiocarbon Age Calibration Curve (0–55 cal kBP) // *Radiocarbon*. Vol. 62, iss. 4. P. 725–757. DOI: 10.1017/RDC.2020.41
- Soukup J. W., Jeffery J., Hetzel S. J., Ploeg H.-L., Henak C. R., 2023. Morphological Quantification of the Maxillary Canine Tooth in the Domestic Dog (*Canis lupus familiaris*) // *Annals of Anatomy*. 2023. Vol. 246. P. 152041. DOI: 10.1016/j.aanat.2022.152041
- Stoyanov S., 2012. Craniometric Differentiation of Golden Jackals (*canis aureus* L., 1758) in Bulgaria // *Modern Aspects of Sustainable Management of Game Population : Proceedings of the International Symposium on Hunting (Zemun, Belgrade, Serbia, 22–24 June, 2012)*. Belgrade : University of Belgrade. P. 39–47.
- Torres J., 1984. Úrsidos del Pleistoceno-holoceno de la Península Ibérica. Madrid : Escuela Técnica Superior de Ingenieros de Minas. 653 p.
- Szuma E., 2000. Variation and Correlation Patterns in the Dentition of the Red Fox from Poland // *Annales Zoologici Fennici*. Vol. 37, № 3. P. 113–127.

REFERENCES

- Averin Yu. V., 1981. Otryad – khishchnye ptitsy [Order – Birds of Prey]. *Ptitsy. Zhivotnyy mir Moldavii* [Birds. The Fauna of Moldavia], vol. II. Kishinev, Shtiintsa Publ., pp. 86–104.
- Andruk S. I., 2001. *Mogil'nik Mamay-Gora* [Mamai-Gora Cemetery], b. II. Zaporozh'e, ZSU. 282 p.
- Andruk S. I., Toshchev G. N., 1999. *Mogil'nik Mamay-Gora* [Mamai-Gora Cemetery], b. I. Zaporozh'e, ZSU. 230 p.
- Andruk S. I., Toshchev G. N., 2009. *Mogil'nik Mamay-Gora* [Mamai-Gora Cemetery], b. IV. Zaporozh'e, ZSU. 310 p.
- Andruk S. I., Toshchev G. N., Toshchev A. G., 2023. *Mogil'nik Mamay-Gora* [Mamai-Gora Cemetery], b. V. Zaporozh'e, Rukopis' Publ. 273 p.
- Aristov A. A., Baryshnikov G. F., 2001. *Mlekopitayushchie fauny Rossii i sopredel'nykh territoriy. Vyp. 169. Khishchnye i lastonogie* [Mammals of the Fauna of Russia and Adjacent Territories. Iss. 169. Carnivores and Pinnipeds]. Saint Petersburg, ZIN RAS. 560 p.
- Arkhipov A. M., Fesenko G. V., 2005. Svedeniya o nablyudeniakh za redkimi ptitsami v rayone Kuchurganskogo limana [Information on Observations of Rare Birds in the Kuchurgan Estuary]. *Branta: sb. tr. Azovo-*

- Chernomor. ornitolog. st. Vyp. 8. Faunistika* [Branta: Collected Works of the Azov-Black Sea Ornithological Station. Iss. 8. Faunistics], pp. 7-15.
- Babenko A.N., Sergeev A.Yu., Gritsenko L.N., Belonosova V.A., Sinika V.S., 2025. Kompleksnoe izuchenie organicheskogo sodержimogo kuril'nic iz skifskikh pogrebenij III–II vv. do n.e. na levoberezh'ye Nizhnego Dnestra [Comprehensive Study of the Organic Content of the Incense Cups from Scythian Burials of the 3rd – 2nd Centuries BC on the Left Bank of the Lower Dniester]. *Stratum plus*, no. 3, pp. 199-220.
- Bandurovskiy A.V., Buynov Yu.V., Degtyar' A.K., 1998. Novye issledovaniya kurganov skifskogo vremeni v okrestnostyakh g. Lyubotina [New Research of Scythian Barrows in the Vicinity of Lyubotin]. *Lyubotinskoe gorodishche* [Lyubotinskoe Settlement]. Khar'kov, Region-Inform Publ., pp. 143-182.
- Baryshnikov G.F., 1986. Pleystotsenovyie volki (rod Canis) Bol'shogo Kavkaza [Pleistocene Wolves (genus Canis) of the Greater Caucasus]. *Trudy Zoologicheskogo instituta* [Proceedings of the Zoological Institute], vol. 149. Leningrad, AS USSR, pp. 33-53.
- Bezman-Moseyko O.S., 2020. Poloz zheltozbryukhiy [Yellow-Bellied Snake]. *Krasnaya kniga Pridnestrovskoy Moldavskoy Respubliki* [Red Book of the Pridnestrovian Moldavian Republic]. Tiraspol', Poligrafist Publ., pp. 379-380.
- Berezovets' D.T., 1960. Rozkopki kurgannogo mogil'nika epokhi bronzi ta skifs'kogo chasu v s. Kut [Excavations of a Barrow Cemetery from the Bronze Age and Scythian Period near the Village of Kut]. *Arkheologichni pam'yatki Ukrain's'koi Radyans'koi Sotsialistichnoi Respubliki* [Archaeological Sites of the Ukrainian Soviet Socialist Republic], vol. IX. Kiev, AS Ukr. RSR, pp. 39-87.
- Vasil'ev S.K., 2013. Fauna krupnykh mlekovyayushchikh iz pleystotsenovykh otlozheniy Chagyrskoy peshchery (Severo-Zapadnyy Altay) po materialam raskopok 2007–2011 godov [Fauna of Large Mammals from the Pleistocene Deposits of the Chagyrskaya Cave (Northwestern Altai) Based on Excavations in 2007–2011]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia], no. 1 (53), pp. 28-44.
- Gimmel'reykh G.A., Manziy S.F., Klykov V.I., Mel'nik K.P., Pilipchuk O.Ya., 1985. Skelet [Skeleton]. *Volk. Proiskhozhdeniye, sistematika, morfologiya, ekologiya* [Wolf. Origin, Taxonomy, Morphology, Ecology]. Moscow, Nauka Publ., pp. 125-175.
- Gudkova A.V., Sunichuk E.F., 1985. Polevoy otchet Orlovskogo kurgannogo otryada Budzhaskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 1984 g. [Field Report of the Orlovka Kurgan Detachment of the Budzhak Archaeological Expedition in 1984]. *Nauchnyy arkhiv IA NAN Ukrainy*, no. 1984/3a.
- Gudkova A.V., Toshchev G.M., Fokeev M.M., Andrukh S.I., 1985. Otchet o rabote Izmail'skoy novostroechnoy ekspeditsii v 1984 g. [Report on the Work of the Izmail New Building Expedition in 1984]. *Nauchnyy arkhiv IA NAN Ukrainy*, no. 1984/158.
- Dobrovol'skaya E.V., 2013. Opyt arkheozoologicheskikh issledovaniy vzaimodeystviya skotovodstva i okhoty v Severnom Prichernomor'ye: Fanagoriya i Myskhako I [Comparative Archaeozoological Studies of Cattle-Birding and Hunting in Northern Black Sea Region: Phanagoria and Myskhako I]. *Problemy istorii, filologii i kul'tury* [Problems of History, Philology and Culture], no. 2, pp. 123-130.
- Dyurst I.U., 1936. *Ekster'er loshadi* [Horse Exterior]. Moscow, Leningrad, Sel'khozgiz Publ. 344 p.
- Elkina I.I., Sinika V.S., 2023. Izdeliya iz tkani i voyloka iz skifskikh pogrebeniy levoberezh'ya Nizhnego Dnestra IV–II vv. do n.e. [Textile and Felt Items from Scythian Graves of the 4th – 2nd Centuries BC Found on the Left Bank of the Lower Dniester]. *Stratum plus*, no. 6, pp. 301-323.
- Zhuravlev O.P., 2009. Osteologicheskie materialy kurgana Bliznets-2 [Osteological Materials from the Bliznets-2 Barrow]. Romashko V.A., Skoryy S.A. *Bliznets-2: skifskiy aristokraticheskiy kurgan v Dneprovskom pravoberezhnom Nadporozh'e* [Bliznets-2: Scythian Aristocratic Barrow in the Dnieper Right-Bank Nadporozhye]. Dnepropetrovsk, Porogi Publ., pp. 127-145.
- Zhurminskiy S.D., 2006. Sovremennoe sostoyanie fauny ptits vlahznoy zony urochishcha «Talmazskie plavni» i prognoz ee razvitiya [The Current State of the Bird Fauna of the Wetland Zone of the “Talmazskie Plavni” Tract and the Forecast of its Development]. *Buletin Ştiinţific. Revista de Etnografie, Ştiinţele Naturii şi Muzeologie (Serie Nouă)*, no. 4 (17), pp. 107-113.
- Ivanov N.S., 2009. Morfometricheskie pokazateli zubnoy sistemy volka [Morphometric Parameters of the Wolf's Dental System]. *Izvestiya Orenburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [News of the Orenburg State Agrarian University], no. 1 (21), pp. 231-233.

- Il'inskaya V.A., Mozolevskiy B.N., Terenozhkin A.I., 1980. Kurgany VI v. do n.e. u s. Matusov [Barrows of the 6th Century BC near the Village of Matusov]. *Skifiya i Kavkaz* [Scythia and the Caucasus]. Kiev, Naukova dumka Publ., pp. 31-63.
- Kirikov S.V., 1966. *Promyslovye zhivotnye, prirodnyaya sreda i chelovek* [Commercial Animals, Natural Environment and Humans]. Moscow, Nauka Publ. 347 p.
- Kisagulov A.V., 2017. Vidovaya diagnostika korsaka (*Vulpes corsac* L., 1758) i lisitsy obyknovennoy (*V. Vulpes* L., 1758) po morfometricheskim priznakam izolirovannykh shchechnykh zubov [Species Diagnostics of the Corsac Fox (*Vulpes corsac* L., 1758) and the Red Fox (*V. Vulpes* L., 1758) Based on Morphometric Features of Isolated Cheek Teeth]. *Nauchnaya zhizn'* [Scientific Life], no. 2, pp. 65-73.
- Koltukhov S.G., 2009. Pogrebeniya skifskogo vremeni v kurgane 18 u s. Natashino v Severo-Zapadnom Krymu [Scythian Graves in Barrow 18 near the Village of Natashino in Northwestern Crimea]. *Epokha rannego zheleza* [Early Iron Age]. Kiev, Poltava, In-t arheologii NAN Ukrainy, pp. 184-188.
- Mozolevskiy B.N., 1980. Skifskie kurgany v okrestnostyakh g. Ordzhonikidze na Dnepropetrovshchine (raskopki 1972–1975 gg.) [Scythian Barrows in the Vicinity of the Ordzhonikidze Town in the Dnepropetrovsk Region (Excavations of 1972–1975)]. *Skifiya i Kavkaz* [Scythia and the Caucasus]. Kiev, Naukova dumka Publ., pp. 70-154.
- Pankovskiy V.B., 2016. Strukturno-syr'evaya i sledovedcheskaya ekspertiza kostyanykh i rogovykh ob'yektov iz mogil'nika Glinoe [Examining Raw Materials and Surface Modifications in Bone and Antler Objects from Glinoe Cemetery]. Tel'nov N.P., Chetverikov I.A., Sinika V.S. *Skifskiy mogil'nik III–II vv. do n.e. u s. Glinoe* [Scythian Cemetery of 3rd–2nd Centuries BC near Glinoe Village]. Tiraspol', Stratum plus Publ., pp. 1003-1038.
- Polin S.V., 2014. *Skifskiy Zolotobalkovskiy kurgannyi mogil'nik V–IV vv. do n.e. na Khersonshchine* [Scythian Zolotobalkovsky Cemetery of the 5th–4th Centuries BC in the Kherson Region]. Kiev, Izd. Oleg Filyuk Publ. 776 p.
- Romashko V.A., Skoryy S.A., 2009. *Bliznets-2: skifskiy aristokraticheskiy kurgan v Dneprovskom pravoberezhnom Nadporozh'e* [Bliznets-2: Scythian Aristocratic Barrow in the Dnieper Right-Bank Nadporozhye]. Dnepropetrovsk, Porogi Publ. 251 p.
- Sava E., Agul'nikov S., Manzura I., 2019. *Issledovaniya kurganov v Budzhakskoy stepi (1980–1985 gg.)* [Research of Barrows in the Budzhak Steppe (1980–1985)]. Kishinev, Bons Offices Publ. 368 p.
- Sekerskaya E.P., Sinika V.S., 2022. Zhivotnye v pogrebal'no-pominal'nom obryade skifov levoberezh'ya Nizhnego Dnestra III–II vv. do n.e. [Animals in the Funerary Rite of the Scythians on the Left Bank of the Lower Dniester in the 3rd–2nd Centuries BC]. *Revista arheologica*, vol. XVIII, no. 1, pp. 73-97.
- Sekerskaya E.P., Sinika V.S., 2023. Zhivotnye v pogrebal'no-pominal'nom obryade skifov levoberezh'ya Nizhnego Dnestra V–IV vv. do n.e. [Animals in the Funerary Rite of the Scythians on the Left Bank of the Lower Dniester in the 5th–4th Centuries BC]. *Stratum plus*, no. 3, pp. 391-403.
- Sinika V.S., 2012. O grecheskom vliyaniy na pogrebal'nyy obryad i material'nyu kul'turu skifskogo mogil'nika III–II vv. do n.e. u s. Glinoe na levoberezh'e Nizhnego Dnestra [On the Greek Influence on the Funerary Rite and Material Culture of the Scythian Cemetery of the 3rd–2nd Centuries BC near the Village of Glinoe on the Left Bank of the Lower Dniester]. *Chelovek v istorii i kul'ture* [Human in History and Culture], iss. 2. Odessa, SMIL Publ., pp. 264-272.
- Sinika V.S., Razumov S.N., Tel'nov N.P., 2016. *Arkheologicheskoe nasledie Pridnestrov'ya* [Archaeological Heritage of Pridnestrovie]. Tiraspol', Poligrafist Publ. 156 p.
- Sinika V.S., Tel'nov N.P., 2017. Skifskoe pogrebenie s unikal'nym amuletom s levoberezh'ya Nizhnego Dnestra [Scythian Burial with Unique Amulet from the Left Bank of the Lower Dniester Region]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya. Politologiya»* [Scientific Bulletin of Belgorod State University. History. Political Science], no. 8 (257), iss. 42, pp. 5-12.
- Sinika V.S., Tel'nov N.P., 2018a. Kurgan 5 gruppy «Vodovod» na levoberezh'e Nizhnego Dnestra i skifskie kenotafy Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya [Barrow 5 of the “Sluiceway” Group on the Left Bank of the Lower Dniester and Scythians Cenotaphs of the North-West Black Sea Region]. *Samarskiy nauchnyy vestnik* [Samara Scientific Bulletin], vol. 7, no. 1 (22), pp. 133-144.
- Sinika V.S., Tel'nov N.P., 2018b. Skifskiy kurgan 116 pervoy poloviny III v. do n.e. u s. Glinoe [Scythian Barrow 116 of the First Half of the 3rd Century BC Near Glinoe Village]. *Drevnosti. Issledovaniya. Problemy* [Antiquities. Research. Problems]. Kishinev, Tiraspol', Stratum plus Publ., pp. 223-266.

- Sinika V.S., Tel'nov N.P., Lysenko S.D., 2018a. Skifskiy kurgan 7 gruppy «Sad» v Nizhnem Podnestrov'e [Scythian Barrow 7 of the "Garden" Group in the Lower Dniester]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya»* [Bulletin of Voronezh State University. History. Political Science. Sociology], no. 1, pp. 125-138.
- Sinika V.S., Tel'nov N.P., Lysenko S.D., 2018b. Skifskiy kurgan 8 gruppy «Sad» na levoberezh'e Nizhnego Dnestra [Scythian Barrow 8 of the "Garden" Group on the Left Bank of the Lower Dniester]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky], no. 2, pp. 78-93.
- Sinika V.S., Tel'nov N.P., Lysenko S.D., Razumov S.N., 2019. Skifskiy kurgan 7 gruppy «Vodovod» v Nizhnem Podnestrov'e [Scythian Barrow 7 of the "Vodovod" Group in the Lower Dniester Region]. *Stratum plus*, no. 3, pp. 365-390.
- Sinika V.S., Lysenko S.D., Razumov S.N., Tel'nov N.P., 2020a. Skifskie kurgany 18 i 19 gruppy «Vodovod» v Nizhnem Podnestrov'e [Scythian Barrows 18 and 19 of the "Sluiceway" Group in the Lower Dniester Region]. *Eminak* [Eminak], no. 1 (29), pp. 392-406.
- Sinika V.S., Lysenko S.D., Razumov S.N., Tel'nov N.P., Łukasik S., 2020b. Barrow 11 of the "Garden" Group in the Lower Dniester Region and Contemporary "Mythmaking" About Scythian "Amazons". *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskii vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 19, no. 1, pp. 64-101. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.4>
- Sinika V.S., Lysenko S.D., Razumov S.N., Zakordonets O.A., 2021a. Skifskie pogrebeniya kurgana 14 gruppy «Vodovod» v Nizhnem Podnestrov'e [Scythian Graves of Barrow 14 of the "Sluiceway" Group in the Lower Dniester Region]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya* [Materials on Archeology and History of the Ancient and Medieval Black Sea Region], no. 13, pp. 343-379.
- Sinika V.S., Tel'nov N.P., Lysenko S.D., Razumov S.N., 2021b. Kurgan 16 gruppy «Vodovod» na levoberezh'e Nizhnego Dnestra [Barrow 16 of the "Sluiceway" Group in the Lower Dniester Region]. *Tyragetia*, vol. XV [XXX], no. 1, pp. 239-296.
- Sinika V.S., 2023. *Skifskaya arkheologicheskaya kul'tura III–II vv. do n.e. Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya* [Scythian Archaeological Culture of the 3rd – 2nd Centuries BC of the North-West Black Sea Region]. Tiraspol', Stratum plus Publ. 490 p.
- Sinika V.S., Zakordonets O.A., Razumov S.N., Patkevich D.F., Tel'nov N.P., 2025. Novyy skifskiy mogil'nik III–II vv. do n.e. na levoberezh'e Nizhnego Dnestra. Chast' I (kurgan 2) [New Scythian Cemetery of the 3rd – 2nd Centuries BC on the Left Bank of the Lower Dniester. Part I (Barrow 2)]. *Tyragetia*, vol. XIX [XXXIV], no. 1, pp. 205-238.
- Skoryy S., Khokhorovski Ya., 2018. *Bol'shoy Ryzhanovskiy kurgan* [Bol'shoy Ryzhanovskiy Barrow]. Kiev, Izd. Oleg Filyuk Publ. 432 p.
- Subbotin L.V., Ostroverkhov A.S., Okhotnikov S.B., Redina E.F., 1992. *Skifskie drevnosti Dnestro-Dunayskogo mezhdurech'ya* [Scythian Antiquities of the Dniester-Danube Interfluvium]. Kiev, Preprint Publ. 48 p.
- Tel'nov N.P., Chetverikov I.A., Sinika V.S., 2016. *Skifskiy mogil'nik III–II vv. do n.e. u s. Glinoe* [Scythian Cemetery of 3rd – 2nd Centuries BC near Glinoe Village]. Tiraspol', Stratum plus Publ. 1096 p.
- Terenozhkin A.I., Mozolevskiy B.N., 1988. *Melitopol'skiy kurgan* [Melitopol' Barrow]. Kiev, Naukova dumka Publ. 264 p.
- Tishchenkov A.A., Romanovich N.A., Morareskul V.A., 2020. Orlan-belokhvost [Fishing Eagle]. *Krasnaya kniga Pridnestrovskoy Moldavskoy Respubliki* [Red Book of the Pridnestrovian Moldavian Republic]. Tiraspol', Poligrafist Publ., pp. 432-433.
- Shevchenko B.P., 2003. *Anatomiya burogo medvedya* [Anatomy of a Brown Bear]. Orenburg, OSAU. 454 p.
- Chebotarenko G.F., Yarovoy E.V., Tel'nov N.P., 1989. *Kurgany Budzhakskoy stepi* [Barrows of the Budzhak Steppe]. Kishinev, Shtiintsa Publ. 210 p.
- Yakovenko E.V., Chernenko E.V., Korpusova V.N., 1970. Opisanie skifskikh pogrebeniy v kurganakh Vostochnogo Kryma [Description of Scythian Burials in the Kurgan of East Crimea]. *Drevnosti Vostochnogo Kryma (Predskifskiy period i skify)* [Antiquities of the Eastern Crimea (Pre-Scythian Period and Scythians)]. Kiev, Naukova dumka Publ., pp. 136-179.
- Harris S., 1978. Age Determination in the Red Fox (*Vulpes vulpes*) – An Evaluation of Technique Efficiency as Applied to a Sample of Suburban Foxes. *Journal of Zoology*, vol. 184 (1), pp. 91-117.

- Hatlauf J., Krendl L.M., Tintner J., Griesberger P., Heltai M., Markov G., Viranta S., Hackländer K., 2021. The Canine Counts! Significance of a Craniodental Measure to Describe Sexual Dimorphism in Canids: Golden Jackals (*Canis Aureus*) and African Wolves (*Canis Lupaster*). *Mammalian Biology*, vol. 101, pp. 871-879.
- Hudson L., Hamilton W., 2010. *Atlas of Feline Anatomy for Veterinarians*. Jackson, Teton NewMedia. 264 p.
- Quilès J., 2003. *Les Ursidae du Pléistocène moyen et supérieur en Midi méditerranéen: Apports paléontologiques, biochronologiques et archéozoologiques*. Paris, Muséum National d'Histoire Naturelle. 610 p.
- Reimer P., Austin W., Bard E., Bayliss A., Blackwell P., Bronk Ramsey C., Butzin M., Cheng H., Edwards R., Friedrich M., Grootes P., Guilderson T., Hajdas I., Heaton T., Hogg A., Hughen K., Kromer B., Manning S., Muscheler R., Palmer J., Pearson C., Plicht J. van der, Reimer R., Richards D., Scott E., Southon J., Turney C., Wacker L., Adolphi F., Büntgen U., Capano M., Fahrni S., Fogtmann-Schulz A., Friedrich R., Köhler P., Kudsk S., Miyake F., Olsen J., Reinig F., Sakamoto M., Sookdeo A., Talamo S., 2020. The IntCal20 Northern Hemisphere Radiocarbon Age Calibration Curve (0–55 cal kBP). *Radiocarbon*, vol. 62, iss. 4, pp. 725-757. DOI: 10.1017/RDC.2020.41
- Soukup J.W., Jeffery J., Hetzel S.J., Ploeg H.-L., Henak C.R., 2023. Morphological Quantification of the Maxillary Canine Tooth in the Domestic Dog (*Canis Lupus familiaris*). *Annals of Anatomy*, 2023, vol. 246, p. 152041. DOI: 10.1016/j.aanat.2022.152041
- Stoyanov S., 2012. Craniometric Differentiation of Golden Jackals (*canis aureus* l., 1758) in Bulgaria. *Modern Aspects of Sustainable Management of Game Population. Proceedings of the International Symposium on Hunting, Zemun, Belgrade, Serbia, 22-24 June, 2012*. Belgrade, University of Belgrade, P. 39-47.
- Torres J., 1984. *Úrsidos del Pleistoceno-holoceno de la Península Ibérica*. Madrid, Escuela Técnica Superior de Ingenieros de Minas. 653 p.
- Szuma E., 2000. Variation and Correlation Patterns in the Dentition of the Red Fox from Poland. *Annales Zoologici Fennici*, vol. 37, no. 3, pp. 113-127.

Information About the Authors

Vitalij S. Sinika, Doctor of Sciences (History), Head of the Scientific Laboratory “Archaeology”, Pridnestrovian State University named after T.G. Shevchenko, Pokrovskaya St, 128, 3300 Tiraspol, Pridnestrovie, sinika80@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1621-9205>

Nikita V. Zelenkov, Doctor of Sciences (Biology), Head of the Paleornithology Cabinet, Paleontological Institute named after A.A. Borisyak of the Russian Academy of Sciences, Profsoyuznaya St, 123, 117647 Moscow, Russian Federation, nzelen@paleo.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4367-0402>

Elena V. Syromyatnikova, Candidate of Sciences (Biology), Senior Researcher, Laboratory of Paleoherpetology, Paleontological Institute named after A.A. Borisyak of the Russian Academy of Sciences, Profsoyuznaya St, 123, 117647 Moscow, Russian Federation, esyromyatnikova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7303-5296>

Anton V. Kochnev, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Laboratory of Natural Science Methods in Humanities, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Mira St, 19, 620002 Yekaterinburg, Russian Federation, anton.kochnev@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6831-6947>

Pavel A. Kosintsev, Candidate of Sciences (Biology), Senior Researcher, Laboratory of Paleoecology, Institute of Plant and Animal Ecology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, 8 Marta St, 202, 620144 Yekaterinburg, Russian Federation, kpa@ipae.uran.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0973-7426>

Maria S. Tarasova, Engineer of the 1st Category, Laboratory of Paleoecology, Institute of Plant and Animal Ecology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, 8 Marta St, 202, 620144 Yekaterinburg, Russian Federation, marytarrasova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9656-514X>

Dmitry O. Gimranov, Candidate of Sciences (Biology), Senior Researcher, Laboratory of Paleoecology, Institute of Plant and Animal Ecology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, 8 Marta St, 202, 620144 Yekaterinburg, Russian Federation, djulfa250@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9592-5211>

Информация об авторах

Виталий Степанович Синика, доктор исторических наук, заведующий научно-исследовательской лабораторией «Археология», Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, ул. Покровская, 128, 3300 г. Тирасполь, Приднестровье, sinica80@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1621-9205>

Никита Владимирович Зеленков, доктор биологических наук, заведующий кабинетом палеорнитологии, Палеонтологический институт им. А.А. Борисяка РАН, ул. Профсоюзная, 123, 117647 г. Москва, Российская Федерация, nzelen@paleo.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4367-0402>

Елена Владимировна Сыромятникова, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник лаборатории палеогерпетологии, Палеонтологический институт им. А.А. Борисяка РАН, ул. Профсоюзная, 123, 117647 г. Москва, Российская Федерация, esyromyatnikova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7303-5296>

Антон Владимирович Кочнев, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории естественнонаучных методов в гуманитарных исследованиях, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, ул. Мира, 19, 620002 г. Екатеринбург, Российская Федерация, anton.kochnev@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6831-6947>

Павел Андреевич Косинцев, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник лаборатории палеоэкологии, Институт экологии растений и животных Уральского отделения РАН, ул. 8 Марта, 202, 620144 г. Екатеринбург, Российская Федерация, кра@ipae.uran.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0973-7426>

Мария Сергеевна Тарасова, инженер 1-й категории лаборатории палеоэкологии, Институт экологии растений и животных Уральского отделения РАН, ул. 8 Марта, 202, 620144 г. Екатеринбург, Российская Федерация, marytarrasova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9656-514X>

Дмитрий Олегович Гимранов, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник лаборатории палеоэкологии, Институт экологии растений и животных Уральского отделения РАН, ул. 8 Марта, 202, 620144 г. Екатеринбург, Российская Федерация, djulfa250@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9592-5211>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.3.4>

UDC 903'1(47+57):726.823

LBC 63.442(2)-427

Submitted: 30.03.2025

Accepted: 01.09.2025

CHRONOLOGY OF THE CRIMEAN ASSEMBLAGES WITH ARTEFACTS FEATURING THE LATE ROMAN POLYCHROME STYLE¹

Igor N. Khrapunov

Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russian Federation;
V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation

Abstract. Many new finds have recently been obtained in the sub-mountainous area of the Crimean Peninsula, mostly from the cemeteries of Opushki and Frontovoye 3. As a result, we now possess considerably more material than the researchers who published their studies in the previous years did. There is a need to determine the chronological position of the artefacts featuring the Late Roman polychrome style which were uncovered at the graves of the Crimean barbarians. This study attempts to date the artefacts featuring the Late Roman polychrome style based on the goods discovered not only in the same grave but also, where possible, accompanying the same individual. The appendix to the article contains illustrations and tables shows that the main bulk of the artefacts featuring the Late Roman polychrome style were used in the second half of the third and fourth centuries. However, there are a few graves containing the artefacts under study which were made, by all appearance, as early as the first half of the third century. It would be hard to determine the latest date of the distribution of the Late Roman polychrome style in the Crimean foothill area within the fourth century. Although there is no argument preventing one from supporting the chronologies suggested by M.M. Kazanski or S.A. Yatsenko and V.Yu. Malashev, the Crimean assemblages neither clarify nor confirm them. In total, this study addresses 69 artefacts featuring the Late Roman polychrome style, including 45 earrings, 10 bracelets, 9 strap-ends, 4 rectangular pectoral ornaments, and 1 lunula pendant. These objects occur in 34 assemblages. The selection under study is rather representative, especially if one takes into account the rarity of the artefacts featuring the Late Roman polychrome style, explainable by their high price and prestige. Therefore, there are reasons to expect that the conclusions concerning the chronology of the distribution of the artefacts featuring the Late Roman polychrome style in the Crimean foothill area are quite reliable. Along with the determination of the chronology of the assemblages, stable combinations of artefacts accompanying the goods featuring the Late Roman polychrome style have been uncovered.

Key words: Crimea, Late Roman polychrome style, chronology, archaeological assemblages, ornaments.

Citation. Khrapunov I.N., 2026. Hronologiya krymskih kompleksov s veshchami v pozdnerimskom polihromnom stile [Chronology of the Crimean Assemblages with Artefacts Featuring the Late Roman Polychrome Style]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 25, no. 3, pp. 71-120. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.3.4>

УДК 903'1(47+57):726.823

ББК 63.442(2)-427

Дата поступления статьи: 30.03.2025

Дата принятия статьи: 01.09.2025

ХРОНОЛОГИЯ КРЫМСКИХ КОМПЛЕКСОВ С ВЕЩАМИ В ПОЗДНЕРИМСКОМ ПОЛИХРОМНОМ СТИЛЕ¹

Игорь Николаевич Храпунов

Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь, Российская Федерация;
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

Аннотация. За последние годы в предгорном Крыму, главным образом в могильниках Опушки и Фронт-овое 3, сделано много новых находок. Теперь мы располагаем материалом несравнимо более значитель-

ным, чем имели в своем распоряжении авторы публикаций предшествующих лет. Необходимо выяснить хронологическую позицию изделий в позднеримском полихромном стиле, обнаруженных в погребениях крымских варваров. В настоящей работе предпринята попытка датировать изделия в позднеримском полихромном стиле по сопутствующим находкам вещей, обнаруженных не только в той же могиле, но и там, где это возможно, с одним погребенным. В приложении к статье приводятся иллюстрации и таблицы, из которых видно, что основная масса вещей в позднеримском полихромном стиле использовалась во второй половине III – IV веке. Отдельные погребения с такими изделиями, по всей вероятности, были совершены еще в первой половине III века. Трудно определить позднюю дату распространения позднеримского полихромного стиля в Крымских предгорьях в пределах IV века. Ничто не мешает присоединиться к датам М.М. Казанского или С.А. Яценко и В.Ю. Малашева, но уточнить или подтвердить их крымские комплексы возможности не дают. Всего в данной работе использовано 69 изделий в позднеримском полихромном стиле, в том числе 45 серег, 10 браслетов, 9 наконечников ремней, 4 прямоугольных нагрудных украшения, 1 подвеска-лунница. Они обнаружены в 34 комплексах. Выборка достаточно представительная, особенно, если учесть редкость изделий в позднеримском полихромном стиле, что объясняется их дороговизной и престижностью. Это позволяет надеяться, что выводы о времени распространения вещей в позднеримском полихромном стиле в крымских предгорьях окажутся достаточно достоверными. Попутно с установлением хронологии комплексов выявлены устойчивые сочетания вещей, сопутствующих изделиям в позднеримском полихромном стиле.

Ключевые слова: Крым, позднеримский полихромный стиль, хронология, археологические комплексы, украшения.

Цитирование. Храпунов И. Н., 2026. Хронология крымских комплексов с вещами в позднеримском полихромном стиле // Нижневолжский археологический вестник. Т. 25, № 3. С. 71–120. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.3.4>

Вещи в позднеримском полихромном стиле изготовлены из серебра, или, гораздо реже, бронзы, плакированы золотой фольгой с тисненым орнаментом и украшены крупными вставками из сердолика или стекла. Предгорный Крым, наряду с Западной Европой, Подунавьем, Северо-Западным Причерноморьем, территорией Боспорского царства, Нижним Подоньем, является одним из ареалов таких изделий. Его отличие заключается в том, что все найденные в крымских могильниках изделия в полихромном стиле, за исключением наконечников ремней из могильника Нейзац, являются женскими или детскими украшениями, а не предметами вооружения или деталями конской сбруи, как в других регионах. Цель данной статьи – определение времени, когда население Крымских предгорий использовало украшения в позднеримском полихромном стиле.

А.К. Амброз, который выделил позднеримский полихромный стиль, отделив его от полихромного стиля гуннского времени, не стал давать ему название. Он предполагал, что крымские комплексы с украшениями в позднеримском полихромном стиле датируются III веком. Возможно, прекращение поступлений таких изделий в Крым связано с походами варваров второй половины III в. [Амброз, 1989, с. 22–27; 1992, с. 8, 9].

М.М. Казанский позднюю дату комплексов с вещами в позднеримском полихромном стиле ограничил третьей четвертью IV в. [Казанский, 1994, с. 240].

Анализируя сарматские ременные гарнитур в позднеримском полихромном стиле, В.Ю. Малашев пришел к выводу о том, что они появились во второй половине III в., причем, возможно, не в ранней его части, и использовались до гуннского времени [Малашев, 2000, с. 206, 207].

С.А. Яценко и В.Ю. Малашев датируют вещи в позднеримском полихромном стиле второй половиной III – первой половиной IV века. При этом они выделяют локальную группу находок, сделанных к востоку от Дона, и датируют ее второй половиной IV – началом V в. [Яценко, Малашев, 2000, с. 227–229]. После появления этой статьи исследователи, не занимавшиеся хронологией изделий в позднеримском полихромном стиле специально, почти всегда использовали предложенные в ней даты.

А.В. Симоненко относит сарматские памятники с вещами в позднеримском полихромном стиле к концу III – третьей четверти IV в. [Симоненко, 2013, с. 227].

Представления О.В. Шарова о хронологии вещей в позднеримском полихромном стиле не вполне ясны. Рассуждая о хронологии,

он использует выделенные В.Ю. Малашевым периоды использования сарматской ременной гарнитуры, стараясь уточнить их и сопоставить с европейской хронологической схемой римского времени. В тексте его монографии изделия, украшенные тисненой фольгой, смешаны с находками из богатых погребений Иберии и вещами в стиле «клуазонне». В итоге, изделия в позднеримском полихромном стиле распределились от 150–210/220 гг. до 320/330–360/370 гг. [Шаров, 2022, с. 64–70]. Если бы О.В. Шаров ограничился изделиями, украшенными тисненой фольгой, хронологические рамки наверняка можно было бы сузить.

За последние годы в предгорном Крыму, главным образом в могильниках Опушки и Фронтное 3, сделано много новых находок (рис. 1). Теперь мы располагаем материалом несравнимо более значительным, чем имели в своем распоряжении авторы публикаций предшествующих лет. Необходимо выяснить хронологическую позицию изделий в позднеримском полихромном стиле, обнаруженных в погребениях крымских варваров. Большинство находок сделано в погребальных сооружениях с многократными захоронениями. В настоящей работе предпринята попытка датировать изделия в позднеримском полихромном стиле по сопутствующим находкам вещей, обнаруженных не только в той же могиле, но и там, где это возможно, с одним погребенным².

Могильник Совхоз 10

Подбойная могила № 75. Две серьги (опубликован рисунок одной, рис. 2,4) из серебра, плакированные серебряной позолоченной фольгой с тисненым орнаментом. В центре – сердоликовые вставки [Стржелецкий и др., 2003–2004, с. 151].

В могиле найдены две монеты Гордиана III (238–244 гг.) и Филиппа Араба (244–249 гг.).

Две фибулы (рис. 2,7,8) нарисованы так, что понятно, они прогнутые подвязные, но уточнить вариант нельзя. Следовательно, фибулы не должны датироваться раньше второй половины III века.

Перстень с разомкнутым щитком (рис. 2,6). Подобные перстни Б. Полит отнесла к типу XI/2/В. Ей было известно два эк-

земпляра – из могильника Совхоз 10 с датой погребения начало IV в. и из могильника Дружное [Polit, 2022, р. 141]. Перстень из могилы № 67 в Дружном следует датировать второй половиной III в. [Храпунов, 2002, с. 70]. Отметим еще сходство перстней с кольцом типа I/1 из могильника Дружное ([Храпунов, 2002, с. 42], там же аналогии из памятников III в.). Однотипные перстни вместе с вещами в позднеримском полихромном стиле обнаружены в шести крымских погребениях (табл. 1).

Перстень с кастом, окруженным рифленной проволокой, и сердоликовой вставкой (рис. 2,5). Он принадлежит к обладающей общими стилистическими признаками группе украшений, изготовленных, по всей видимости, на Боспоре [Трейстер, 2011; 2015, с. 153]. Однотипные перстни вместе с вещами в позднеримском полихромном стиле обнаружены в четырех крымских погребениях (табл. 1).

Стеклянная колба (рис. 2,1). В предгорном Крыму найден только один подобный сосуд, в склепе № 13 могильника Перевальное [Пуздровский, 1989, рис. 176,3]. Несколько колб обнаружено в боспорских погребениях III–IV вв. [Кунина, Сорокина, 1972, с. 161, рис. 9,38; Засецкая, 2008, кат. 101; Масленников, 1997, рис. 45,3; Ермолин, 2006, мал. 23,2].

Стеклянный балзамарий (рис. 2,3). Подобные сосуды найдены в погребениях II – первой половины III в. могильников Усть-Альма, мог. 942 [Пуздровский, Труфанов, 2017, рис. 186,9] и Совхоз 10, мог. 178А, урна 328 [Стржелецкий и др., 2003–2004, табл. 23,26, 51,3].

Стеклянный стакан с утолщенным дном (рис. 2,2) датируется второй половиной III – IV в. [Шабанов, 2022, с. 240, 242].

Периоды использования вещей из могилы № 75, кроме балзамария, совпадают во второй половине III века. Такая дата подкрепляется временем чеканки монет. Балзамарий изготовлен ранее, но, очевидно, долго был в употреблении.

Подбойная могила № 195. Украшение, сделанное из браслета (рис. 2,9). От браслета остался бронзовый, покрытый позолоченной фольгой с тисненым орнаментом щиток, к которому с двух сторон припаяли короткие металлические ручки. В центре – сердоликовая вставка [Стржелецкий и др., 2003–2004, с. 170]. В могиле найдены монеты Максими-

ана (295–305 гг.) и Лициния (307–323 гг.). Восьмерковидные янтарные подвески, подобные найденным в той же могиле [Стржелецкий и др., 2003–2004, табл. 26,9], широко распространились в Крыму в IV в., но появились раньше. Они найдены в четырех крымских комплексах с вещами в позднеримском полихромном стиле (табл. 1).

Найдено еще три керамических сосуда, но качество иллюстраций таково, что ничего определенного о них сказать нельзя.

Каменный ящик XV, урна I. В погребении обнаружено бронзовое, плакированное позолоченной фольгой с тисненым орнаментом изделие, вероятно, представляющее собой щиток от браслета. В центре – сердоликовая вставка [Стржелецкий и др., 2003–2004, с. 170] (рис. 2,10). В том же погребении найдена серьга с замком в виде дужки, заканчивающейся крючком, и отверстия в щитке. Таких серег много в погребениях первой половины III века. Аналогия стеклянному бальзамарию происходит из подбойной могилы № 8А конца III в. [Стржелецкий и др., 2003–2004, табл. 2,67]. Близкий по форме сосуд обнаружен в могильнике Фронтное 3, в могиле № 91, датирующейся IV в. [Свиридов, Язиков, 2023, рис. 291,3].

Чернореченский могильник

Подбойная могила № 2. Две серебряные, плакированные золотой фольгой с тисненым орнаментом, серьги. Вставки из сердолика (рис. 2,11).

Из датирующих вещей можно отметить только янтарные восьмерковидные подвески (рис. 2,12) и, вероятно, судя по приблизительным описаниям, без рисунков, 14-гранные синие бусы. И то, и другое указывает на позднеримское время, но не точнее. Восьмерковидные подвески найдены в четырех крымских комплексах с вещами в позднеримском полихромном стиле (табл. 1). В могиле сделаны и другие находки, но по описаниям, без рисунков определить их типы нельзя [Бабенчиков, 1963, с. 91, 92].

Подбойная могила № 3. Две серебряные, плакированные золотой фольгой с тисненым орнаментом, серьги, вставки из сердолика³ и прямоугольное серебряное, плакированное золотой фольгой с тисненым орнаментом, украшение с сердоликовой вставкой (рис. 2,13).

Сказано, что в могиле было два костяка, но кости полностью истлели. Как в таком случае можно было определить количество костяков, не понятно.

Серьги найдены «около шеи», прямоугольное украшение – на месте таза погребенного. В том же погребении найдена одночленная лучковая подвязная фибула, что может указывать на время до середины III века. Рисунок фибулы нет, поэтому ее тип определить невозможно.

«Около шеи» другого погребенного найдена монета Гордиана III (238–244 гг.) [Бабенчиков, 1963, с. 92, 93].

Вероятно, в могиле хоронили около середины III века.

Подбойная могила № 9 (35). Две серебряные, плакированные серебряной позолоченной фольгой с тисненым орнаментом, серьги с сердоликовыми вставками и серебряный, плакированный серебряной позолоченной фольгой с тисненым орнаментом, браслет с сердоликовой вставкой [Бабенчиков, 1963, с. 97–100]⁴.

Погребальный инвентарь подробно проанализирован в повторной публикации могилы [Храпунов, Стоянова, 2016].

Датировка могилы, несмотря на многочисленный и разнообразный погребальный инвентарь, вызывает затруднения. Некоторые вещи и признаки погребального обряда указывают на вторую половину III в., другие – на IV в. [Храпунов, Стоянова, 2016, с. 187].

Могильник Фронтное 3

Могила «с заплечиками» № 6. Два погребенных, оба мужчины. Серебряная, плакированная серебряной позолоченной фольгой с тисненым орнаментом, серьга с сердоликовой вставкой (рис. 3,5) лежала отдельно от костей. Авторы публикации датируют погребение второй половиной III – началом IV в. [Свиридов, Язиков, 2023, с. 24–26].

В могиле найдены две лучковые двучленные фибулы (рис. 3,8, 4,1). Они относятся к группе 4, серии III по классификации В.В. Кропотова и датируются второй половиной III в. [Кропотов, 2010, с. 150–159].

Стеклянный стакан (рис. 3,9) соответствует форме 96 по К. Айсингс [Isings, 1957,

р. 113, 114]. Такие стаканы были распространены в Крыму во II–IV вв. [Шабанов, 2011, с. 144, 145].

Датировка пряжки (рис. 3,6) затруднена из-за того, что конец язычка не сохранился. На тыльной стороне язычка имеется площадка. Большинство пряжек с такими признаками датируются IV в., но есть и более ранние.

Флакон бронзовый с петлями для подвешивания (рис. 4,2). Аналогичные по форме серебряные и бронзовые флаконы-подвески широко известны. Наибольшая их концентрация отмечена в Танаисе и у кочевников Донских и Поволжских степей. Датируются они преимущественно второй половиной III – IV в., но известны и более ранние, и более поздние экземпляры [Безуглов, Захаров, 1989, с. 51, 52; Мордвинцева, Трейстер, 2007, с. 54].

Нож в деревянном футляре окован серебряными обоймами, имеет петлю для подвешивания (рис. 4,5). Такие ножи обнаружены в крымских могильниках Нейзац, Дружное и Опушки, а также в Прикамье. Датируются они II–III вв. [Храпунов, Стоянова, 2022, с. 294]. Аналогичные ножи найдены в четырех крымских комплексах с вещами в позднеримском полихромном стиле (табл. 1).

Серебряный предмет, назначение которого неизвестно, несмотря на многочисленные гипотезы, выдвинутые на этот счет. Авторы публикации называют его подвеской-игольницей (рис. 4,3). В Крыму аналогичные предметы встречаются с монетами второй половины II – середины III в. [Храпунов, 2003, с. 342; Свиридов, 2024, с. 125, 126]. Обобщающая статья о таких предметах: [Skóra, Niezabitowska-Wisniewska, 2018]. Однотипные предметы, условно называемые игольниками, найдены в трех крымских комплексах с вещами в позднеримском полихромном стиле (табл. 1).

Гребень костяной (рис. 4,4) реконструирован по двум фрагментам. Не совсем ясно, к какому типу, Томас II или Томас III, он относится. Пожалуй, больше похож на гребни типа Томас III. В таком случае он должен датироваться второй половиной IV – V в. [Thomas, 1960, S. 104–114], или, по черняховским аналогиям, последней четвертью IV – первыми десятилетиями V в. [Магомедов, 2001, с. 84]. Даже если гребень относится к типу Томас II, он не может датироваться раньше IV века.

На фоне других вещей из могилы № 6 гребень выглядит аномально поздним.

Маленький приземистый колокольчик полусферической формы (рис. 3,7). Соответствует типу 34б подвесок из могильника Нейзац и типу 1.1 колокольчиков из Усть-Альминского могильника. Колокольчики этого типа имели два пика популярности: I в. до н.э. – I в. н.э. и вторая половина III – IV в. [Стоянова, 2016, с. 141; Труфанов, 2022, с. 230]. Аналогичные колокольчики найдены с вещами в позднеримском полихромном стиле в пяти крымских комплексах (табл. 1).

Наиболее выразительным датирующим материалом из могилы № 6 являются две двучленные лучковые фибулы второй половины III века. Причем одна из них обмотана проволокой по моде предшествующего времени. Так украшали одночленные фибулы второй половины II – первой половины III века. На близость к середине III в. намекают нож в серебряных оковках и, особенно, серебряный предмет неизвестного назначения. Пряжка как датирующий материал дефектна из-за утраты части язычка. Стекланный стакан имеет слишком широкую дату, чтобы уточнить хронологическую позицию погребения. Резко выделяется гребень, который датируется никак не раньше IV в., причем, скорее всего, второй его половиной. Остается предположить, что в заблуждение вводит неполнота анализируемого экземпляра, реконструируемого из двух не соединяющихся частей.

Двуподбойная могила № 13. Две серебряные, плакированные серебряной позолоченной фольгой с тисненым орнаментом, серьги с сердоликовыми вставками найдены в южном подбое (рис. 5,3,5).

Кости погребенного не сохранились, но, судя по размерам подбоя, там похоронили взрослого человека. Авторы публикации датируют могилу в целом, то есть оба подбоя, серединой – второй половиной III в. [Свиридов, Язиков, 2023, с. 34–37].

Кроме серег, в подбое найдены следующие датирующиеся вещи.

Фибула лучковая подвязная двучленная (рис. 5,7). И.О. Гавритухин, исследовавший лучковые фибулы из могильника Фронтное 3, отнес ее к варианту А блока вариантов 2,

типу 3, горизонту ФЛ-5 с датой вторая половина III в. [Гавритухин, 2022, с. 27, 34].

А.В. Мاستыкова и А.Н. Свиридов классифицировали подвески-лунницы из могильника Фронтное 3. Они отнесли лунницу из южного подбоя могилы № 13 (рис. 5,6) к варианту 2 и датировали ее по аналогиям второй половиной III в. [Mastykova, Sviridov, 2021, p. 128, 130, 133].

Стеклянные стаканы на сплошном поддоне, подобные найденному в южном подбое могилы № 13 (рис. 5,1), были широко распространены в Крыму во второй половине III – IV в. [Шабанов, 2011, с. 145, 146; 2020, с. 116, 118]. Они найдены в восьми крымских комплексах с вещами в позднееримском полихромном стиле (табл. 1).

Миска краснолаковая (рис. 5,8) соответствует мискам типа 1 по классификации краснолаковой посуды второй половины III – IV в. из могильника Фронтное 3, но почему-то в классификацию не включена. Такие миски были широко распространены в Крыму в III–IV вв., но встречаются и в более раннее, и в более позднее время [Суханов и др., 2021, с. 446].

Перстень с разомкнутым щитком (рис. 5,2) датируется второй половиной III, возможно, началом IV века. Он аналогичен найденным в шести крымских комплексах с вещами в позднееримском полихромном стиле (табл. 1).

Другой перстень (рис. 5,4) более всего напоминает украшения с эмалями, датируемые второй половиной II – первой половиной III в. [Polit, 2022, p. 143, pl. 39, 20–23, 40, 1–4]. Однако авторы, опубликовавшие перстень, эмали на нем не отмечают [Свиридов, Язиков, 2023, с. 36].

Перечисленные находки позволяют достаточно уверенно датировать южный подбой могилы № 13 и найденные в нем серьги второй половиной III века.

Склеп № 16. Три погребения. От погребения III (женщина старше 40 лет), с которым найдено 2 серебряные, плакированные серебряной позолоченной фольгой с тисненым орнаментом, серьги с сердоликовыми вставками (рис. 6,1,2), сохранилось несколько лежащих компактно костей. Авторы раскопок датируют склеп второй половиной III – началом IV в. [Свиридов, Язиков, 2023, с. 38–40].

Вместе с погребением III не положили других, кроме серег, вещей, что весьма необычно. Да и остальные погребения сопровождались небогатым инвентарем. Для датировки приходится использовать все вещи, найденные в склепе.

Стеклянный стакан (рис. 6,5) можно отнести к типу 108 по классификации К. Айсингс. Сосуды такого типа она датировала III–IV вв. [Isings, 1957, p. 134]. В Крыму стаканы типа Айсингс 108 являются самыми многочисленными среди стеклянных сосудов позднееримского времени. Их найдено более 50 экземпляров. Датируются они II – началом V в. [Шабанов, 2011, с. 142–144; 2020, с. 115, 116]. Следует отметить, что стаканы, включенные в тип Айсингс 108, в деталях отличаются друг от друга. В могильнике Нейзац найдены два стакана, которые по форме наиболее близки стаканам из склепа № 16 [Шабанов, 2011, рис. 1,7,8]. Один из них обнаружен в яме с сосудами IV в., другой – в разграбленном склепе № 22 вместе с находками как III, так и IV века.

Пряжки с прогнутыми язычками, концы которых едва выступают за рамку (рис. 6,4,6), в точности соответствуют пряжкам разновидности 2а из могильника Нейзац. От пряжек разновидности 2б они отличаются отсутствием щитков. Пряжки обеих разновидностей в могильнике Нейзац происходят из комплексов III в. [Храпунов, 2016а, с. 99].

Сравнение пряжек из склепа № 16 с классификацией В.Ю. Малашева несколько затруднено. Если не обращать внимание на отсутствие щитков и согласиться с тем, что фасетированные и нефасетированные экземпляры использовались одновременно, то пряжки из склепа № 16 попадают в группы I и II В.Ю. Малашева. Следовательно, они должны датироваться второй половиной II – III в. [Малашев, 2000, с. 198–201].

Перстень с разомкнутым щитком (рис. 6,3) должен датироваться III, возможно, началом IV века. Такие перстни найдены в шести крымских комплексах с вещами в позднееримском полихромном стиле (табл. 1).

Захоронения в склепе № 16 производились в III в., причем даже первую половину столетия нельзя исключить из датировки.

Подбойная могила № 21. Две серебряные, плакированные серебряной позолоченной

фольгой с тисненым орнаментом, серьги с вставками из синего стекла найдены у черепа погребенного (пол не установлен) (рис. 7,6,8). Авторы публикации датируют могилу концом III – первой половиной IV в. [Свиридов, Язиков, 2023, с. 43–45].

В могиле найдена серебряная двучленная лучковая фибула второй половины III в. с надетым на нее кольцом (рис. 7,9). Такие фибулы обнаружены в восьми крымских комплексах с вещами в позднееримском полихромном стиле (табл. 1).

Зеркало (рис. 7,7) типа Хазанов IX датируется II–III вв. [Хазанов, 1963, с. 66, 67; Абрамова, 1971, с. 129–131; Скрипкин, 1984, с. 47; Труфанов, 2007, с. 176–179].

Браслет (рис. 7,1) с обмотанными концами и замком в виде петельки и крючка. Соответствует браслетам типа А/ХП/4 по классификации Б. Полит. Собранные ей в этот тип экземпляры из Чернореченского и Друженского могильников датируются второй половиной III в. [Polit, 2022, р. 91, 92].

Перстень с разомкнутым щитком (рис. 7,5) однотипен перстням, найденным еще в пяти крымских комплексах с вещами в позднееримском полихромном стиле (табл. 1). Его дата – вторая половина III, возможно, начало IV века.

У стеклянного стакана отсутствует нижняя часть (рис. 7,10). Вероятно, он однотипен стаканам на сплошном поддоне. Такие стаканы датируются второй половиной III – IV веком. Они найдены в восьми крымских комплексах с вещами в позднееримском полихромном стиле (табл. 1).

Изделия в виде кольца с надетой на него пластинкой с тонкими концами. Концами протыкали ремень и с тыльной стороны ремня загибали их в противоположные стороны (рис. 7,3,4). По материалам могильника Нейзац такие изделия датируются III веком.

Погребение датируется по фибуле второй половиной III века. Остальные находки этой дате не противоречат. Не понятно, на чем основано мнение авторов публикации о датировке могилы концом III – первой половиной IV века.

Подбойная могила № 22. В северном подбое у челюсти погребенного (пол не установлен) лежала серебряная, плакированная серебряной позолоченной фольгой с тисненым

орнаментом, серьга с вставкой из фиолетового стекла (рис. 8,1).

Авторы публикации датируют могилу первой половиной – серединой IV в. [Свиридов, Язиков, 2023, с. 46].

В том же подбое найден перстень с разомкнутым щитком (рис. 8,3), он датируется второй половиной III – началом IV века. Такие перстни найдены в шести крымских комплексах с вещами в позднееримском полихромном стиле (табл. 1).

Краснолаковый кувшин (рис. 8,2) соответствует кувшинам типа Х из могильника Дружное, найденным в комплексах IV в. [Храпунов, 2002, с. 59]. Кувшины того же типа найдены в склепах IV в. крымских могильников Килен-Балка [Нессель, 2003, с. 116, 118, тип IV,2], Вишневое [Пуздровский и др., 2001, рис. 11,1], Нейзац [Khrapunov, 2008, р. 208, fig. 10,1, 11,2], Заречное [Масякин, 2010, с. 279, рис. 3,1], Суворово [Юрочкин, Труфанов, 2003, с. 202, рис. 2,19], Опушки [Храпунов, Стоянова, 2024, с. 291, рис. 6,6]. Такие кувшины найдены в трех крымских комплексах с вещами в позднееримском полихромном стиле (табл. 1).

В другом, южном подбое найдено краснолаковое блюдо формы 2 PRSW (рис. 8,4). Форма 2 датируется IV в. в целом. Экземпляр из могилы № 22 больше всего похож на вариант 2В. В таком случае он должен датироваться второй половиной IV в. [Domžalski, 2021, р. 77].

Ясно, что могила датируется IV веком. Половину столетия для датировки всей могилы в целом следует выбирать в зависимости от варианта краснолакового блюда формы 2.

Подбойная могила № 31. Серебряная, плакированная серебряной позолоченной фольгой с тисненым орнаментом, серьга с вставкой из синего стекла (рис. 8,6) найдена в заполнении могилы.

Стеклянный стакан на сплошном поддоне (рис. 8,5) датируется второй половиной III – IV веком. Такие стаканы найдены еще в семи крымских комплексах с вещами в позднееримском полихромном стиле (табл. 1).

Оснований для точной датировки могилы по найденным в ней вещам нет. Авторы публикации датируют могилу серединой – второй половиной III в. [Свиридов, Язиков,

2023, с. 54], вероятно, основываясь на планировке могильника.

Подбойная могила № 94. В южном подбое в районе таза погребенного (пол не определен) найдены обломки серебряного браслета с сердоликовой вставкой (рис. 9,1,2). Орнаментированная фольга не обнаружена. По-видимому, браслет был надет на руку вместе с браслетом другого типа. Авторы публикации датируют могилу серединой – второй половиной III в. [Свиридов, Язиков, 2023, с. 120–123].

Помимо браслета, в подбое найдено много других вещей.

Амфора (рис. 10,1) относится к типу D по классификации Д.Б. Шелова [Шелов, 1978, с. 19]. Выделен поздний вариант этих амфор, датирующийся второй половиной III века. Его самая яркая особенность – отсутствие вдавления на ножке или его очень слабая выраженность [Обломский, 2003, с. 58; Иванова, 2013, с. 124; Диденко, 2014, с. 37]. У амфоры из могилы № 94 вдавление на ножке выражено хорошо. Она относится к классическому «танаисскому» варианту и датируется первой половиной III века.

Стекланный кувшин (рис. 9,3) аналогичен кувшину, найденному в могильнике Нейзац в склепе IV века. Такие же кувшины найдены в слоях III в. некоторых боспорских городов [Шабанов, 2011, с. 156].

Стекланный стакан на сплошном поддоне (рис. 9,4) аналогичен стакану из могилы № 13 и других комплексов (табл. 1). Их дата – вторая половина III – IV век.

Двучленная лучковая фибула (рис. 8,7) аналогична фибуле из могилы № 6 и еще из семи комплексов с вещами в поздне римском полихромном стиле (табл. 1). Дата – вторая половина III века.

Лунница (рис. 9,6) отнесена к типу 3 подвесок-лунниц из могильника Фронтное 3. Аналогии многочисленны в крымских комплексах преимущественно первой половины III в., но иногда и второй половины III – начала IV в. [Мастыкова, Свиридов, 2021, с. 239, 240].

Краснолаковая амфора (рис. 10,2). Близка столовым амфорам формы 2 и 3 по классификации Д.В. Журавлева. Форма 3 датируется второй половиной I – II в., форма 2 – II в. [Журавлев, 2010, с. 71, 72].

Пряжка (рис. 9,5) по форме язычка соотносится с разновидностью П9, которая входит в группу Ша В.Ю. Малашева с нижней датой конец III или рубеж III–IV вв. [Малашев, 2000, с. 196, 206]. В разновидность 5б пряжек из могильника Нейзац включены изделия как с прямоугольными, так и овальными щитками. Все пряжки с прямоугольными щитками, как в могиле № 94, найдены в комплексах III в. [Храпунов, 2016а, с. 99].

Основная датирующая вещь в могиле № 94 – двучленная лучковая фибула, которая датирует погребение второй половиной III века. Эту дату поддерживает стекланный стакан. Подобные ему отсутствуют в комплексах, датируемых ранее второй половины III века. Пряжки, подвески-лунницы и стекланные кувшины производились в течение всего III века. Амфора по общепризнанным данным должна датироваться первой половиной III века. Конечно, ее использование в более позднее время исключить нельзя. Краснолаковая столовая амфора на фоне всех перечисленных вещей выглядит раритетом. Состав погребального инвентаря указывает на вторую половину III в., скорее всего, время, близкое к середине столетия, как на дату совершения погребения.

Подбойная могила № 96. Две серебряные, плакированные серебряной позолоченной фольгой с тисненым орнаментом, серьги с вставками из сердолика обнаружены в северном подбое у черепа погребенной женщины (рис. 10,3,4).

В том же подбое обнаружена бронзовая двучленная прогнутая подвязная фибула (рис. 10,5). Она соответствует фибулам варианта 1 или 2 по классификации А.К. Амброза, который датировал прогнутые подвязные фибулы в целом второй половиной III – IV в. [Амброз, 1966, с. 62–64]. Конец или вторую половину IV в. из датировки можно исключить, оставив это время для фибул с пластинчатой спинкой варианта 3. Авторы публикации датируют могилу второй половиной III – первой половиной IV в. [Свиридов, Язиков, 2023, с. 128].

Подбойная могила № 106. Два погребенных. Две серебряные, плакированные серебряной позолоченной фольгой с тисненым орнаментом, серьги с вставками из сердолика обнаружены у черепа погребенной женщи-

ны (рис. 11,1,2). Авторы публикации датируют могилу второй половиной III – первой половиной IV в. [Свиридов, Язиков, 2023, с. 137].

В той же могиле найдена уникальная серебряная лучковая подвясная двучленная фибула с широкой спинкой, украшенной сердоликовыми накладками (рис. 11,6). И.О. Гавритухин выделил ее в вариант 3-2-В с датой вторая половина III в. [Гавритухин, 2022, с. 27, 34, 35].

Серебряный флакон-подвеска (рис. 11,4). О таких флаконах уже говорилось в связи с находкой из могилы № 6. Датируются они в основном второй половиной III – IV веком.

Нож в деревянном футляре с серебряной оковкой (рис. 12,1). Все такие ножи датируются в пределах II–III вв. [Храпунов, Стоянова, 2022, с. 294]. Они найдены еще в трех крымских комплексах с вещами в позднееримском полихромном стиле (табл. 1).

Предмет неизвестного назначения, названный авторами публикации «подвеской-игольницей» (рис. 12,2). Ближайшая аналогия происходит из могилы второй половины III в. № 24 могильника Дружное [Храпунов, 2002, с. 21, 47, рис. 110,1]. Относится к типу Talmazza (по А. Рора). В обобщающей работе о таких подвесках тип датируется (на основании совместных находок с зеркалами различных типов) I в. до н.э. – серединой III в. н.э., возможно, и позднее. Они были широко распространены во второй половине II – первой половине III в., в Крыму появляются во второй половине или в конце I в. [Skóra, Niezabitowska-Wisniewska, 2018, p. 151]. Находка в могильнике Дружное с очевидностью указывает на то, что такие изделия использовались во второй половине III в. н.э.

Стекланный стакан на сплошном поддоне (рис. 11,3) аналогичен найденному в еще семи могилах с вещами в позднееримском полихромном стиле (табл. 1). Датируются такие стаканы второй половиной III – IV веком.

Серебряный перстень с разомкнутым щитком (рис. 11,5) аналогичен еще пяти, найденным с вещами в позднееримском полихромном стиле (табл. 1).

Датируются такие перстни в основном III в., но, возможно, и началом IV века.

Оба погребения в могиле датируются, скорее всего, второй половиной III в., но начало IV в. исключить из датировки тоже нельзя.

Могильник Суворово

Склеп № 38. Пять погребенных. Прямоугольное бронзовое, плакированное позолоченной фольгой, украшение со стеклянными вставками (рис. 13,1) найдено на месте груди погребенного III (подросток) [Юрочкин, Труфанов, 2003, с. 203, 204].

Последовательность погребений в склепе очевидна. В качестве погребального инвентаря использовалось множество вещей IV века. Вместе с самым ранним погребением I найдены две монеты Константина I, датируемые 317–324 и 326–330 гг. [Юрочкин, Труфанов, 2003, с. 205]. Погребение III совершено позже погребения I. Поэтому из его датировки должна быть исключена первая четверть IV века.

Таким образом, прямоугольное украшение датируется второй четвертью IV в. или более поздним временем, но в пределах IV века.

Могильник Чатыр-Даг

Могила № 21. Щиток от браслета, плакированный золотой фольгой с тисненым орнаментом. В центре – сердоликовая вставка (рис. 12,3). Использовался вторично. Авторы публикации называют этот предмет медальоном и бляшкой [Мыц и др., 2006, с. 17, 161, табл. 14Б, 25,7].

Могила представляла собой двухъярусную яму, нижняя часть которой была перекрыта плитами. На дне ямы сохранилось единственное в могильнике труположение ребенка. Кальцинированные кости найдены как над перекрытием, так и под ним.

В могиле найдены три серебряные монеты – антонинианы Требониана Галла (251–253 гг.) и Галлиена (253–268 гг.), статер Рескупорида IV (чеканен в 266/267 г.). Следовательно, щиток от браслета не мог попасть в могилу раньше 266 года. Но браслет мог быть сделан и раньше этой даты.

Гривна (рис. 12,6) относится к типу 86 по классификации А.А. Стояновой. У нее не сохранился один конец. Наверняка, он заканчивался крючком, но не ясно, была ли на крючке биконическая кнопка, что, может быть, является хронологическим показателем. Та-

кие гривны использовались вплоть до эпохи Великого переселения народов включительно, а появляются и широко распространяются они в III в. [Стойнова, 2011, с. 121, 122; Храпунов, Стойнова, 2022, с. 280, 283].

Подвеска в виде ромбовидной серебряной пластинки с отверстием (рис. 12,4). Точные аналогии обнаружены в могильнике Нейзац в погребениях III в. [Стойнова, 2016, с. 140].

Маленький приземистый колокольчик полусферической формы (рис. 12,7). Соответствует еще четырем аналогичным находкам в погребениях с вещами в позднееримском полихромном стиле (табл. 1). Пик их распространения приходится на вторую половину III – IV век.

Три браслета с замком в виде петельки и крючка. Два из них [Мыц и др., 2006, табл. 25, 2Б,Д] относятся к типу XII/I/A по классификации Б. Полит с датой вторая половина или конец II – III в. [Polit, 2022, р. 90]. На обмотке третьего Б. Полит усмотрела спиральный диск и отнесла его к типу XII/2 с датой II–III вв. [Polit, 2022, р. 91]. Нужно заметить, что иллюстрация в публикации результатов раскопок могильника [Мыц и др., 2006, табл. 25,2а] позволяет спиральный диск разве что угадать. В своей монографии Б. Полит рисунка не приводит.

Перстень (рис. 12,8) соответствует типу IV/2 по классификации Б. Полит с датой II–III вв., преимущественно III в. [Polit, 2022, р. 127, 128].

Краснолаковый кувшин (рис. 12,5) подробно изучил О.В. Шаров. Близких аналогий он не нашел и датировал сосуд широко II–IV вв. [Шаров, 2007, с. 50, 52].

Судя по датам монет, захоронение со щитком от браслета не могло быть совершенно раньше 266 года. Периоды использования других вещей из могилы совпадают в III веке. Так что вторую половину III в., как и предлагают авторы публикации результатов раскопок могильника [Мыц и др., 2006, с. 162], следует признать обоснованной. Учитывая, что в качестве погребального инвентаря использовали только часть браслета, целую вещь вполне могли изготовить и до 266 года.

Могильник Дружное

Склеп № 1-1984 г. Одиннадцать погребенных [Айбабин, 1994].

Две серебряные серьги, плакированные позолоченной фольгой с тисненым орнаментом и сердоликовыми вставками, найдены у черепа женского погребения № 2 (рис. 13,2,3). Других датирующих вещей с этим погребением не найдено.

Из более или менее узко датируемых вещей, найденных в склепе, можно назвать пряжки типа П10 и П11 по В.Ю. Малашеву (рис. 13,4–7), амфору типа F (рис. 13,10), железную двучленную «воинскую» фибулу (рис. 13,9). Все они датируются IV веком. Причем пряжки с язычком, охватывающим рамку на всю высоту, исследователи относят к последним десятилетиям IV – началу V в. [Малашев и др., 2015, с. 100]. Амфоры типа F встречены еще в двух крымских комплексах с вещами в позднееримском полихромном стиле (табл. 1). Выделяется в этом отношении прогнутая подвязная фибула (рис. 13,8) варианта 1 А.К. Амброза. И А.К. Амброз [1966, с. 62], и А.И. Айбабин [1994, с. 94] датируют такие застёжки второй половиной III века. Прогнутые подвязные фибулы найдены в пяти крымских комплексах с вещами в позднееримском полихромном стиле (табл. 1).

Судя по количеству погребений, захоронения в склепе совершали довольно долго, но вряд ли их датировка выходит за пределы IV века.

Склеп № 18. Шесть погребенных. Их последовательность не ясна. Серебряный, плакированный серебряной позолоченной фольгой с тисненым орнаментом, браслет с сердоликовой вставкой (рис. 14,3) найден у черепа ребенка, то есть не *in situ*. Его могли положить в погребение как престижную вещь⁵.

В склепе обнаружен разнообразный погребальный инвентарь, типичный для крымских комплексов IV в. [Храпунов, 2002, с. 18, 19, 68, рис. 16,86–92], в частности блюда PRS типов 1-A (рис. 14,1) и 2B (рис. 14,2) по классификации К. Домжальского [Domžalski, 2021, р. 57, 58, 77].

На детском погребении D, где найден браслет, нет узко датирующих вещей. Датировать склеп точнее, чем IV в., не удастся.

Склеп № 21. Восемь погребенных. Их последовательность не ясна.

По паре серег лежали *in situ* у черепов детского погребения В (рис. 14,4,5) и женского погребения Е (рис. 14,6,7). Все серьги серебряные, плакированы позолоченной фольгой с тисненым орнаментом. Пара из детского погребения украшена вставками фиолетового цвета, пара из женского погребения – сердоликом. Узко датированных вещей на этих погребениях нет.

В склепе обнаружен разнообразный погребальный инвентарь [Храпунов, 2002, с. 20, 21, 68, рис. 18,98–104].

Узкогорлая светлоглиняная амфора типа D (рис. 14,8) датируется второй половиной III в. [Иванова, 2013, с. 124–129]. С.А. Диденко продлевает производство таких амфор до 320-х годов. При этом он в значительной степени основывается как раз на находке амфоры в склепе № 21 могильника Дружное, а также на уверенности в том, что она была положена вместе с погребением А, где найдены вещи IV в. [Диденко, 2014, с. 37, 41]. Кроме того, С.А. Диденко исходит из установленной им ранее даты появления амфор типа F и полагает, что амфоры типа F появились сразу после того, как перестали использоваться амфоры типа D. Тот факт, что амфоры обоих типов ни разу до сих пор не находили вместе в закрытых комплексах, включая даже и достаточно долго использовавшиеся склепы с многократными погребениями, как будто намекает на перерыв в появлении амфор этих двух типов. Представляется, что амфоры типа D перестали использоваться в качестве погребального инвентаря приблизительно на рубеже III и IV веков.

Две прогнутые подвязные фибулы (рис. 14,12,13) относятся к группе 16, подгруппе 2, серии I, варианту 2 по классификации А.К. Амброза. Он датировал такие застёжки IV в. [Амброз, 1966, с. 62–64], О.В. Шаров – 280/290–310/320 гг. [Шаров, 1992, с. 181, 197], В. Бирбрауер – 260/270–300/320 гг. [Bierbrauer, 1994, S. 38], А.И. Айбабин – первой половиной IV в. [Айбабин, 1996, с. 292, 293], О.А. Гей, И.А. Бажан – 270/280–310/320 гг. [Гей, Бажан, 1997, с. 42, 43, 46–48]. Прогнутые подвязные фибулы найдены в пяти крымских комплексах с вещами в позднеримском полихромном стиле (табл. 1).

Двучленные железные фибулы с узкой ножкой (рис. 14,9,10), судя по концентрации

их находок почти исключительно в Крыму, изготавливались на полуострове, возможно, по черняховским бронзовым образцам. Все крымские находки датируются IV в. [Храпунов, 2002, с. 55; Khrapunov, Stoyanova, 2018, table № 23, 28, 69, 111, 116, 120, 121, 132, 141, 165, 198, 199, 215, fig. 7,21–26, 8,1–8].

Наконечник ремня (рис. 14,14) соответствует типу Н8 В.Ю. Малашева, который датирует такие наконечники второй половиной IV в. [Малашев, 2000, с. 197, 203, 205].

Две пряжки имеют прогнутые язычки, концы которых едва выступают за рамку (рис. 15,1,2). Эти признаки считаются характерными для пряжек III в. [Храпунов, 2016а, разновидности 2а, 2б]. У трех пряжек концы язычков загнуты за рамку почти на всю ее толщину, в тыльной части язычки ступенчато срезаны (рис. 15,3–5). Такие признаки характеризуют пряжки IV в. или даже началом V в. [Малашев, 2000, тип П10, П11; Малашев и др., 2015, с. 100; Храпунов, 2016а, разновидность 9б].

Остальные находки из склепа имеют еще более широкие даты в рамках III–IV веков.

Таким образом, получается, что склеп использовался в IV в., причем первые погребения в нем были совершены в начале столетия или на рубеже III–IV веков. Как долго в нем продолжали хоронить, сказать затруднительно, возможно, до конца IV века.

Подбойная могила № 24. Одно погребение.

Два серебряных браслета, плакированные позолоченной фольгой с тисненым орнаментом и украшенные сердоликовыми вставками, найдены *in situ* на руках погребенной (рис. 15,8,10).

В могиле обнаружены три римские монеты. Самая поздняя из них чеканена при Траяне Деции (249–251). В сочетании с двучленной лучковой подвязной фибулой (рис. 15,9) она позволяет уверенно датировать погребение второй половиной III в. [Амброз, 1966, с. 52, 53; Кропотов, 2010, с. 150, 151]. Двучленные лучковые фибулы найдены в семи крымских комплексах с вещами в позднеримском полихромном стиле (табл. 1). В том же погребении обнаружена пара золотых серег с сердоликовыми вставками (рис. 15,6,7). Такие серьги регулярно встречаются с вещами в поздне-

римском полихромном стиле [Храпунов, Стоянова, 2022, с. 303].

Склеп № 85. Ограблен. Весь инвентарь обнаружен не *in situ* [Храпунов, 2002, с. 36, 71, рис. 64, 202–208]. Найдены две серебряные серьги, плакированные позолоченной фольгой с тисненым орнаментом и сердоликовыми вставками (рис. 16, 1, 2).

В склепе обнаружены четыре монеты. Две самые поздние чеканены при Лицинии (308–324).

Наконечник ремня (рис. 16, 7) относится к разновидности Н8, которую В.Ю. Малашев датирует второй половиной IV в. [Малашев, 2000, с. 205], однако он может датироваться более ранним временем, так как серповидное расширение на его конце выражено слабо.

Железная фибула (рис. 16, 6) по многочисленным крымским аналогиям датируется IV веком⁶.

Все четыре пряжки (рис. 16, 4, 5, 8, 9) обладают признаками, характерными для IV в. [Малашев, 2000, тип П10, П11; Храпунов, 2016а, разновидность 9а, 9б].

Фрагмент узкогорлой светлоглиняной амфоры типа F (рис. 16, 3) датируется IV в. [Иванова, 2013, с. 129–140; Диденко, 2014, с. 39–45]. Амфоры типа F встречаются еще в двух крымских комплексах с вещами в позднееримском полихромном стиле (табл. 1).

Другие находки из склепа № 85 имеют более широкие даты.

Склеп № 85 датируется IV веком. Причем, судя по отсутствию вещей, которые могли бы датироваться III или III–IV вв., не началом столетия.

Таким образом, выясняется, что в могильнике Дружное только одна могила с вещами в позднееримском полихромном стиле датируется второй половиной III века. В ней найдены два браслета. Все восемь серег обнаружены в склепах с многократными погребениями, совершенными в IV веке. Более точно дату украшений установить не удастся. Еще в одном склепе IV в. найден браслет. Причем он не был надет на руку ребенка, а положен ему на голову, вероятно, как символ высокого социального статуса погребенного.

Могильник Опушки

Подбойная могила № 14. Две серебряные серьги, плакированные позолоченной фольгой с тисненым орнаментом и вставками из синего стекла (рис. 16, 11, 12). Они разные, собраны из разных пар. Кости погребенного не сохранились. Возможно, был похоронен ребенок, но по размерам могила подходит для взрослого.

Кроме серег, в могиле найдены бусы, браслет, янтарная восьмерковидная подвеска, два колокольчика [Храпунов, Стоянова, 2013].

Бронзовая подвеска в виде пластинки на петельке (рис. 16, 16) аналогична найденной в склепе № 301 могильника Нейзац IV в. [Стоянова, 2016, с. 140]. Янтарные восьмерковидные подвески, подобные найденной в могиле № 14 (рис. 16, 15) в Крыму, в подавляющем большинстве случаев найдены в комплексах IV в., но отдельные экземпляры происходят из более ранних погребений [Стоянова, 2016, с. 129]. Такие подвески обнаружены в четырех крымских комплексах с вещами в позднееримском полихромном стиле (табл. 1). Полушарические приземистые колокольчики (рис. 16, 13, 14), подобные найденным в могиле № 14, обнаружены в пяти крымских комплексах с вещами в позднееримском полихромном стиле (табл. 1). Пик их распространения приходится на вторую половину III – IV век.

Таким образом, могила узкой даты не имеет. Предпочтительной представляется датировка IV в., но вторую половину III в. исключить тоже нельзя.

Склеп № 124. Две серебряные серьги, плакированные позолоченной фольгой с тисненым орнаментом и сердоликовыми вставками (рис. 17, 1, 2), и лунница, плакированная позолоченной фольгой с тисненым орнаментом, украшенная одной сердоликовой и двумя вставками из синего стекла (рис. 17, 4). Склеп ограблен частично. Сохранились останки трех погребенных. Обнаружен разнообразный погребальный инвентарь, сочетающий вещи III и IV веков. Анализ погребального инвентаря показал, что комплекс сформировался в начале IV в. [Храпунов, 2018].

Пара серег найдена с погребением ребенка, совершенном в деревянном гробу. Вме-

сте с ними обнаружена маленькая сильнопрофилированная фибула (рис. 17,5) варианта 3 серии II группы 11 по классификации А.К. Амброза [Амброз, 1966, с. 42, 43]. По современным данным такие застёжки датируются второй половиной III – IV в. [Безуглов, 2008, с. 287, 288; Малашев, Кадзаева, 2021, с. 66].

Лунница лежала между погребениями в скоплении предметов, вероятно, заключённых в мешочек. Среди них находились бусы, колокольчик и перстень.

Перстень с кастом, окруженным рифленой проволокой, и сердоликовой вставкой, по-видимому, боспорского производства (рис. 17,3). Такие перстни обнаружены в пяти крымских комплексах с вещами в позднеримском полихромном стиле (табл. 1).

Таким образом, уточнить датировку вещей в позднеримском полихромном стиле по совместным находкам с вещами, безусловно опущенным в склеп вместе с ними, не удалось. Приходится ориентироваться на общую для всех находок в склепе датировку – вторая половина III – начало IV века.

Могила № 133. Две серебряные серьги, плакированные позолоченной фольгой с тисненым орнаментом и с сердоликовыми вставками (рис. 17,6,9). Они найдены в детском погребении, совершенном над склепом и провалившимся в его погребальную камеру. Границы детской могилы не прослежены. Сохранились зубы ребенка и рядом с ними некоторые вещи [Храпунов, 2020, с. 249, 250, 254–256].

Краснолаковой ойнохое (рис. 18,2) точных аналогий найти не удалось, но по форме тулова она соответствует кувшинам типа 2 по классификации О.В. Шарова [2007, с. 46–49], формы 39 по классификации Д.В. Журавлева [2010, с. 89, 90]. Много таких кувшинов найдено в крымских комплексах III века. В некрополе Дружное они обнаружены в могилах IV в. [Храпунов, 2002, с. 59, 60]. Они найдены в трех крымских комплексах с вещами в позднеримском полихромном стиле (табл. 1).

Краснолаковая миска (рис. 18,1) относится к группе Понтийской сигиллаты А, форме 14 по классификации Д.В. Журавлева с датой конец I – середина II в. [2010, с. 54, 55].

От наконечника ремня сохранилась подвеска (рис. 17,10). Она относится к типу Н1 по классификации В.Ю. Малашева и датиру-

ется второй половиной II – первой половиной III в. [Малашев, 2000, с. 197, 199]. Соответствует типу Х наконечников ремней из могильника Нейзац [Храпунов, 2008, с. 68].

Серебряный перстень (рис. 17,8) с кастом, окруженным рифленой проволокой, и сердоликовой вставкой, по-видимому, боспорского производства. Такие перстни обнаружены в пяти крымских комплексах с вещами в позднеримском полихромном стиле (табл. 1).

Серебряная подвеска в виде лунницы (рис. 17,7) относится к типу украшений, правда, как правило, большего размера, обнаруженных в крымских комплексах III в. [Стоянова, 2016, с. 135, 136]. Лунницы найдены в пяти крымских комплексах с вещами в позднеримском полихромном стиле (табл. 1).

Янтарные восьмерковидные подвески (рис. 17,11), как уже говорилось, в Крыму характерны в основном для погребений IV века. Тем более это верно по отношению к большим наборам, как в нашем случае (26 экз.). Из погребений более раннего времени происходят только отдельные находки. Янтарные восьмерковидные подвески найдены в четырех крымских комплексах с вещами в позднеримском полихромном стиле (табл. 1).

Периоды использования большинства вещей, найденных в детском погребении, совпадают в III веке. Ойнохоя могла использоваться и в IV веке. Для набора янтарных подвесок такая дата предпочтительна, для III в. большой набор янтарных подвесок был бы уникальным.

Таким образом, захоронение ребенка с серьгами в полихромном позднеримском стиле, скорее всего, совершили во второй половине III в., но и IV в., особенно его начало, исключать из датировки тоже нельзя.

Склеп № 164. Частично разграблен. Совершено несколько погребений [Храпунов, Стоянова, 2018]. Две серебряные серьги, плакированные позолоченной фольгой с тисненым орнаментом и с вставками из синего стекла, найдены на месте черепа неразграбленного погребения III (рис. 18,3,4). С этим погребением обнаружен разнообразный погребальный инвентарь. Из датирующих вещей можно выделить следующие.

Фибула лучковая подвязная одночленная (рис. 18,12). Соответствует варианту 5, с да-

той III в. А.К. Амброза [1966, с. 51], серии I, варианту 4, с датой заключительная часть II – первая половина III в. В.В. Кропотова [2010, с. 77–80], варианту I.B.1e.1, с датой первая половина III в., К. Хелльстрём [Hellström, 2018, S. 77–80]. Это единственная одночленная фибула, если не считать спорной находки из могилы № 3 Чернореченского могильника, найденная в крымских комплексах с вещами в позднеримском полихромном стиле.

Фибула «инкерманской» серии с надетым на нее кольцом (рис. 18,11). Соответствует серии II лучковых подвязных фибул с датой II–III вв. А.К. Амброза [1966, с. 52], серии II, варианту 4, форме 1 «периода повсеместного господства позднесарматской культуры» В.В. Кропотова [2010, с. 132–136], варианту I.B.1e.2, с датой первая половина III в., К. Хелльстрём [Hellström, 2018, S. 77–80]. Однотипные фибулы найдены в трех крымских комплексах с вещами в позднеримском полихромном стиле (табл. 1).

Фибула лучковая подвязная двучленная датируется, как правило, второй половиной III в. (рис. 18,11).

Краснолаковый кувшин (рис. 18,10) соответствует форме 39 по Д.В. Журавлеву [Журавлев, 2010, с. 89, 90; Стржелецкий и др., 2003–2004, вариант 2, с. 98; Шаров, 2007, тип. 2, с. 46, 49; Kuehnelt, 2008, form K-7, p. 88–90; Труфанов, 2005–2009, тип 7, вариант 1, с. 177; Нессель, 2022, с. 121]. Датируются такие кувшины второй половиной II – первой половиной III века. Они найдены в трех крымских комплексах с вещами в позднеримском полихромном стиле (табл. 1).

Пряжка с прямым язычком, конец которого не загнут (рис. 18,9). Пряжки с прямыми, не загнутыми язычками, выявлены в комплексах как III, так и IV вв. (см., например: [Храпунов, 2016а, с. 99, разновидности 3–5]). Пряжки отличаются другими характеристиками (гранением, фасетировкой, наличием щитка и др.). Обращает на себя внимание такой ранний признак пряжки из склепа № 164, как равномерная толщина рамки, отсутствие утолщения в ее передней части. На этом основании предпочтительной можно назвать дату в пределах III века.

Полусферические приземистые колокольчики (рис. 18,5–8) были особенно попу-

лярными во второй половине III – IV в., но единично встречаются в комплексах предшествующего времени. Они найдены в пяти крымских комплексах с вещами в позднеримском полихромном стиле (табл. 1).

Таким образом, инвентарь из погребения III указывает на III в., как на время совершения захоронения. Причем, возможно, на первую его половину, скорее всего, ближе к середине столетия.

Склеп № 346. Четыре погребения, совершенные с разнообразным инвентарем.

С погребением 2 найдены прямоугольное украшение (рис. 19,2) и браслет (рис. 19,3) в позднеримском полихромном стиле. С погребением 4 – однотипные прямоугольное украшение (рис. 19,1) и два браслета (рис. 20,1,2). Все перечисленные украшения сделаны из серебра, они плакированы позолоченной фольгой с тисненым орнаментом и украшены сердоликовыми вставками. Погребальный инвентарь подробно проанализирован в публикации. Там же предложена датировка погребений. Погребение 2 датируется второй половиной III в., погребение 4, скорее всего, также, но не исключено, что и началом IV в. [Храпунов, Стоянова, 2022].

Могила № 374. Грунтовая. Разграблена частично. Две серебряные серьги, плакированные позолоченной фольгой с тисненым орнаментом и с сердоликовыми вставками (рис. 20,3,4), найдены у черепа. Датировочных материалов в могиле нет.

Склеп № 400. Шесть погребений в два яруса, из них 5 в нижнем ярусе. Пара серебряных серег, плакированных позолоченной фольгой с тисненым орнаментом и с сердоликовыми вставками (рис. 20,5,6), найдена в нижнем ярусе, не *in situ*. Серьги лежали на значительном расстоянии друг от друга. Подробный анализ погребального инвентаря сделан в публикации [Храпунов, Стоянова, 2024]. Погребения нижнего яруса, расположенные на полу погребальной камеры, датируются в целом первой половиной IV века. Первое из них совершили, вероятно, на рубеже III и IV веков.

Датировка изделий в позднеримском полихромном стиле по совместным находкам с датировочными вещами не просто в одной могиле, но и там, где это возможно, в одном погребении, показывает следующее.

Пара серег из склепа № 164 датируется временем, близким к середине III в., пара из могилы № 133 – второй половиной III в., но и начало IV в. исключить нельзя, пара из склепа № 124 – второй половиной III – началом IV в., пара из подбойной могилы № 14 – IV в., но и вторую половину III в. исключить нельзя, пара из склепа № 400 – первой половиной IV века.

Получается, что серьги использовались, приблизительно, на протяжении 100 лет, с первой половины III до середины IV века. Серьги из склепа № 164 являются едва ли не самыми ранними изделиями в позднеримском полихромном стиле из найденных до сих пор не только в могильнике Опушки, но и во всем Крыму.

Лунница из склепа № 124 датируется второй половиной III – началом IV века.

Браслет из склепа № 346 погребения 2 датируется второй половиной III века. Нужно отметить, что датировка этого погребения второй половиной III в. базируется в основном на находке в нем изделий в позднеримском полихромном стиле, которые ранее в комплексах, датированных до середины III в., не встречались. Остальные находки в погребении вполне могут датироваться и первой половиной столетия. Пара браслетов из склепа № 346 погребения 4 датируются второй половиной III в., но не исключено, что и началом IV века.

Два прямоугольных украшения из склепа № 346, скорее всего, датируются второй половиной III в., но для украшения из погребения 2 нельзя исключить и более раннюю дату, а для украшения из погребения 4 – более позднюю.

Украшения в позднеримском полихромном стиле использовались населением, оставившим могильник Опушки, в III – первой половине IV века. Причем всем этим временем датируются только серьги. Уверенно можно говорить о том, что остальные украшения используются во второй половине III века. Некоторые из них могут относиться к началу IV в. и, с меньшей долей вероятности, первой половине III века.

Могильник Нейзац

Склеп № 4. Шесть погребенных. Две серебряные серьги, плакированные позолоченной фольгой с тисненым орнаментом и с сер-

доликовыми вставками (рис. 21,1,2). Серьги обнаружены с детским погребением VI. Судя по положению в склепе, оно, скорее всего, совершено последним, но нельзя исключить, что и первым. Вплотную к погребению лежала амфора типа F IV в. (рис. 21,3). Причем она была положена в могилу до того, как совершили погребение. Серьги найдены на месте живота погребенного вместе с другими предметами, представлявшими собой весьма странное сочетание. Среди них две пары железных удил с бронзовыми зажимами, две серебряные обоймы, надевавшиеся на ремни или края деревянных сосудов, железный гвоздик, большая бронзовая бляха. Понятно, что при совершении погребения серьги использовались не по назначению.

Находка вместе с погребением VI амфоры типа F не оставляет сомнения в датировке погребения IV веком. Этим же столетием датируются и другие погребения в склепе [Храпунов, 2008]. Амфоры типа F найдены в четырех крымских комплексах с вещами в позднеримском полихромном стиле (табл. 1).

Склеп № 306. Семь наконечников ремней (рис. 21,4–10).

В склепе совершались многократные захоронения в два яруса. Наконечники ремней найдены в нижнем ярусе. Кости погребенных были сдвинуты при подзахоронениях, поэтому определить принадлежность наконечников ремней определенному костяку нельзя. Многочисленный и разнообразный инвентарь из нижнего яруса датируется III в., есть вещи, относящиеся к первой половине столетия, а есть – ко второй [Храпунов, 2011].

Наконечники ремней из склепа № 306 представляют собой особую реплику позднеримского полихромного стиля. Основное отличие нейзацких находок заключается в том, что вместо сердоликовых или стеклянных вставок, которыми обычно украшались подобные изделия, наконечники орнаментированы крупными рельефными овалами. Кроме того, орнамент оттиснут не на фольге, как это делалось обычно, а непосредственно на тонкой внешней серебряной пластине.

Подбойная могила № 448. Два погребения.

Щиток серьги, плакированный позолоченной фольгой с тисненым орнаментом и украшен-

ный стеклянной вставкой (рис. 22,1), находился на месте шеи погребенного вместе с бусами. Серьга явно использовалась вторично.

В могиле найдены шесть лепных и два краснолаковых сосуда, а также обломки еще нескольких лепных. Такое большое количество сосудов характерно в могильнике Нейзац для IV века.

Краснолаковая миска с горизонтально отогнутым краем (рис. 22,2) формы 5 PRS по К. Домжальскому датируется IV – началом V в. [Domžalski, 2021, p. 113–115].

Датировка погребения с серьгой IV в., причем, вполне вероятно, второй его половиной, сомнений не вызывает.

Могила № 509. Конструкция этой могилы осталась не понятой. От серьги сохранился щиток, плакированный позолоченной фольгой с тисненым орнаментом и украшенный стеклянной вставкой (рис. 22,3).

В могиле обнаружен разнообразный погребальный инвентарь, но все вещи перемещены. В целом он датируется III–IV вв. [Храпунов, 2025, с. 192, 193, 397].

Подбойная могила № 511. Три погребения. Обнаружено два фрагмента наконечников ремней, аналогичных найденным в склепе № 306 (рис. 22,4,5). В могиле сделано много находок III века. Один из наконечников найден в погребении III, самом позднем в могиле, вместе с двучленной лучковой подвязной фибулой. Она датирует погребение второй половиной III в. [Храпунов, 2016б, с. 137, 143]. Двучленные лучковые фибулы найдены в восьми крымских комплексах с вещами в позднеримском полихромном стиле (табл. 1).

Все серьги в позднеримском полихромном стиле из могильника Нейзац или использовались вторично, или найдены не *in situ*. Три из четырех серег датируются IV в., одна – III–IV веками.

Итоги изучения хронологии комплексов графически отражены в таблице 2.

Из нее видно, что основная масса вещей в позднеримском полихромном стиле использовалась во второй половине III – IV веке. Отдельные погребения с такими изделиями, по всей вероятности, были совершены еще в первой половине III века. В этой связи обратим внимание на подкурганное погребение с богатым набором конской сбруи, изготовленной в позднеримском полихромном стиле. Оно об-

наружено в могильнике Гремячий III, расположенном в Волгоградской области. В могиле и находившемся рядом тайнике, кроме драгоценной сбруи, обнаружен разнообразный инвентарь. Автор раскопок и публикации датировал его серединой III в. [Демиденко, 2016; Демиденко, Гущина, 2024]. Среди погребального инвентаря имеется много вещей, включая фибулу, которые датируются временем более ранним, чем середина III века. Поэтому, возможно, корректнее будет выглядеть дата – первая половина III века. Трудно определить позднюю дату распространения позднеримского полихромного стиля в Крымских предгорьях в пределах IV века. Ничто не мешает присоединиться к датам М.М. Казанского или С.А. Яценко и В.Ю. Малашева, но уточнить или подтвердить их крымские комплексы возможности не дают. Заметим, что оттиски на тонких золотых пластинках, покрывавших щитки пряжек и наконечники ремней из Фанагории, сделаны матрицами или настоящими пряжками и наконечниками ремней, изготовленными в позднеримском полихромном стиле. Эти изделия датируются временем вплоть до конца IV – начала V в. [Трейстер, 2015, с. 166–173]. Так что традиция изготавливать вещи в обсуждаемом стиле не угасала вплоть до этого времени.

Всего в данной работе использовано 69 изделий в позднеримском полихромном стиле, в том числе 45 серег, 10 браслетов, 9 наконечников ремней, 4 прямоугольных нагрудных украшения, 1 подвеска-лунница. Они обнаружены в 34 комплексах. Выборка достаточно представительная, особенно, если учесть редкость изделий в позднеримском полихромном стиле, что объясняется их дороговизной и престижностью. Это позволяет надеяться, что выводы о времени распространения вещей в позднеримском полихромном стиле в крымских предгорьях окажутся достаточно достоверными.

Попутно с установлением хронологии комплексов выявлены устойчивые сочетания вещей, сопутствующих изделиям в позднеримском полихромном стиле (табл. 1).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00674 «Новый

взгляд на происхождение и распространение позднеримского полихромного стиля в связи с находками последних лет из предгорного Крыма».

This research is financially supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 25-28-00674, «A new interpretation of the origins and distribution of the Late Roman polychrome style in relation to the recent finds in the submountainous Crimea».

² В публикациях вещей в позднеримском полихромном стиле существует терминологический разнобой. Фольга именуется то золотой, то позолоченной, иногда определение ее материала отсутствует. Техника нанесения орнамента называется тиснением, выдавливанием или просто рельефом. Орнаментированная поверхность бывает плакировкой, фольгой, золотой или позолоченной пластиной, бляшкой и т. д. В тех случаях, когда ошибки авторов публикаций очевидны, они исправлялись. В неочевидных случаях оставались описа-

ния из публикаций, несмотря на сомнения в их точности.

³ В тексте статьи В.П. Бабенчикова при описании пары серег из могилы № 2 и пары из могилы № 3 указан один и тот же рисунок – табл. II, 13.

⁴ Браслет до настоящего времени не сохранился. О нем можно судить только по рисунку и фотографии В.П. Бабенчикова (рис. 3, 4). В Чернореченском могильнике найдено шесть выполненных в одном стиле серег, по паре в могилах № 2, 3, 9 (35). Ныне в фондах Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника сохранилось только три серьги, причем понять, в какой могиле найдена каждая из них, невозможно. Поэтому приводим изображения всех сохранившихся экземпляров (рис. 3, 1–3).

⁵ См. аналогичную ситуацию в склепе № 346 могильника Опушки.

⁶ См. об этих фибулах в описании находок из склепа № 21.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1. Взаимовстречаемость различных вещей с изделиями в поздне римском полихромном стиле

Table 1. Interoccurrence of various goods and the artefacts featuring the Late Roman polychrome style

	Ф/6	Ф/13	Ф/21	Ф/22	Ф/31	Ф/94	Ф/96	Ф/106	О/14	О/124	О/133	О/164	О/346
Монета Гордиана III													
Монета Филиппа Араба													
Перстень с разомкнутым щитком													
Перстень с проволокой вокруг каста													
Стакан Isings 96													
Стакан на сплошном поддоне													
Восьмерковидная подвеска													
Фибула лучковая двучленная													
Фибула «инкерманского» типа													
Фибула прогнутая подвижная													
Нож с серебряными оковками													
«Игольник»													
Колокольчик полусферический													
Лунница													
Кувшин краснолаковый типа Х в Дружном													
Кувшин краснолаковый форма 39 (Журавлев)													
Блюдо краснолаковое форма 2 PRSW													
Амфора типа D													
Амфора типа F													

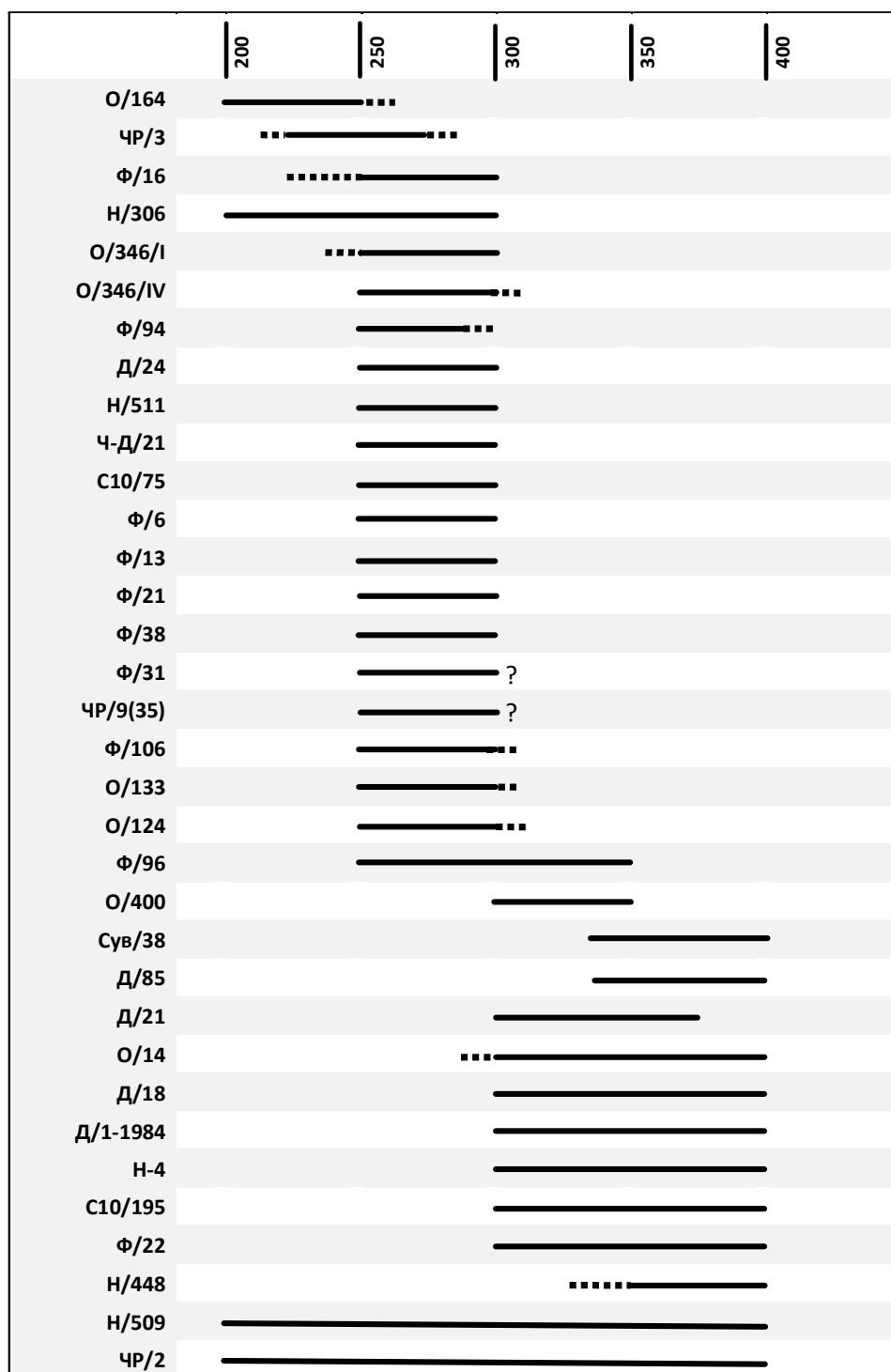
Окончание таблицы 1

End of Table 1

	О/400	Д/1-1984	Д/18	Д/21	Д/24	Д/85	Чр/2	Чр/3	Чр/9(35)	Н/4	С10/75	С10/195	ЧД/21
Монета Гордиана III													
Монета Филиппа Араба													
Перстень с разомкнутым щитком													
Перстень с проволокой вокруг каста													
Стакан Isings 96													
Стакан на сплошном поддоне													
Восьмерковидная подвеска													
Фибула лучковая двучленная													
Фибула «инкерманского» типа													
Фибула прогнутая подвижная													
Нож с серебряными оковками													
«Игольник»													
Колокольчик полусферический													
Лунница													
Кувшин краснолаковый типа Х в Дружном													
Кувшин краснолаковый форма 39 (Журавлев)													
Блюдо краснолаковое форма 2 PRSW													
Амфора типа D													
Амфора типа F													

Примечание. Д – могильник Дружное; Н – могильник Нейзац; О – могильник Опушки; С10 – могильник Совхоз 10; Ф – могильник Фронтное 3; ЧД – могильник Чатыр-Даг; Чр – Чернореченский могильник. После слэш – номер могилы.

Таблица 2. Хронология комплексов с вещами в позднеримском полихромном стиле
 Table 2. Chronology of assemblages containing the artefacts featuring the Late Roman polychrome style

Примечание. Д – могильник Дружное; Н – могильник Нейзац; О – могильник Опушки; С10 – могильник Совхоз 10; Ф – могильник Фронтное 3; Ч-Д – могильник Чатыр-Даг; Чр – Чернореченский могильник. После слэш – номер могилы.

Note. Д – Druzhnoe cemetery; Н – Neizats cemetery; О – Opushki cemetery; С10 – Sovkhoz 10 cemetery; Ф – Frontovoe 3 cemetery; Ч-Д – Chatyr-Dag cemetery; Чр – Chernorechenskoe cemetery. After the slash – the cemetery number.

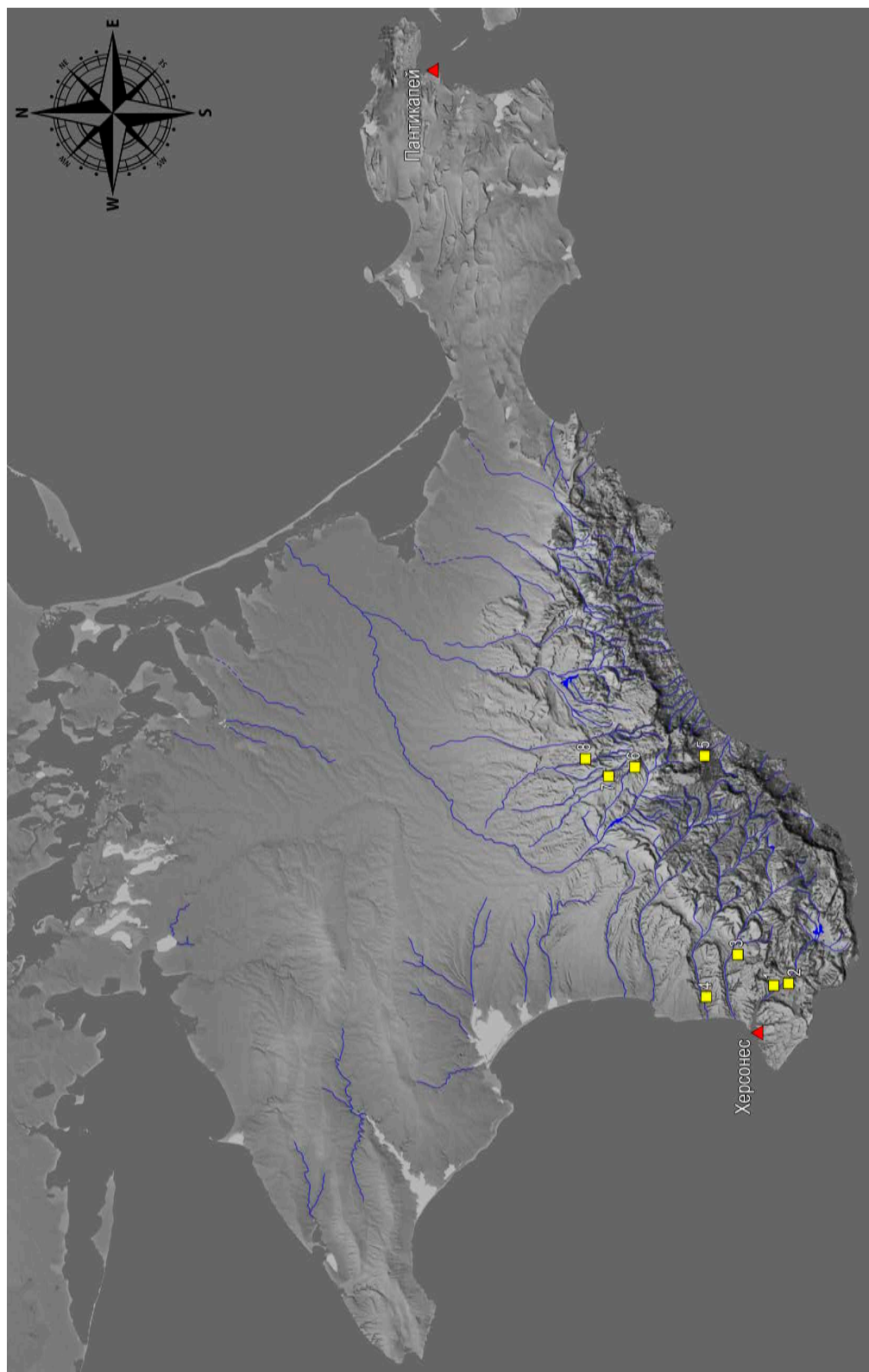

Рис. 1. Карта крымских могильников с вещами в позднеантичном полихромном стиле:

1 – Совхоз 10; 2 – Чернореченский; 3 – Фронтное; 4 – Суворово; 5 – Чатыр-Даг; 6 – Дружное; 7 – Опушки; 8 – Неизац

Fig. 1. Map of Crimean cemeteries containing the artefacts featuring the Late Roman polychrome style:

1 – Sovkhoz 10; 2 – Chernorechenskoe; 3 – Frontovoe; 4 – Suvorovo; 5 – Chatyr-Dag; 6 – Druzhnoe; 7 – Opushki; 8 – Neizats

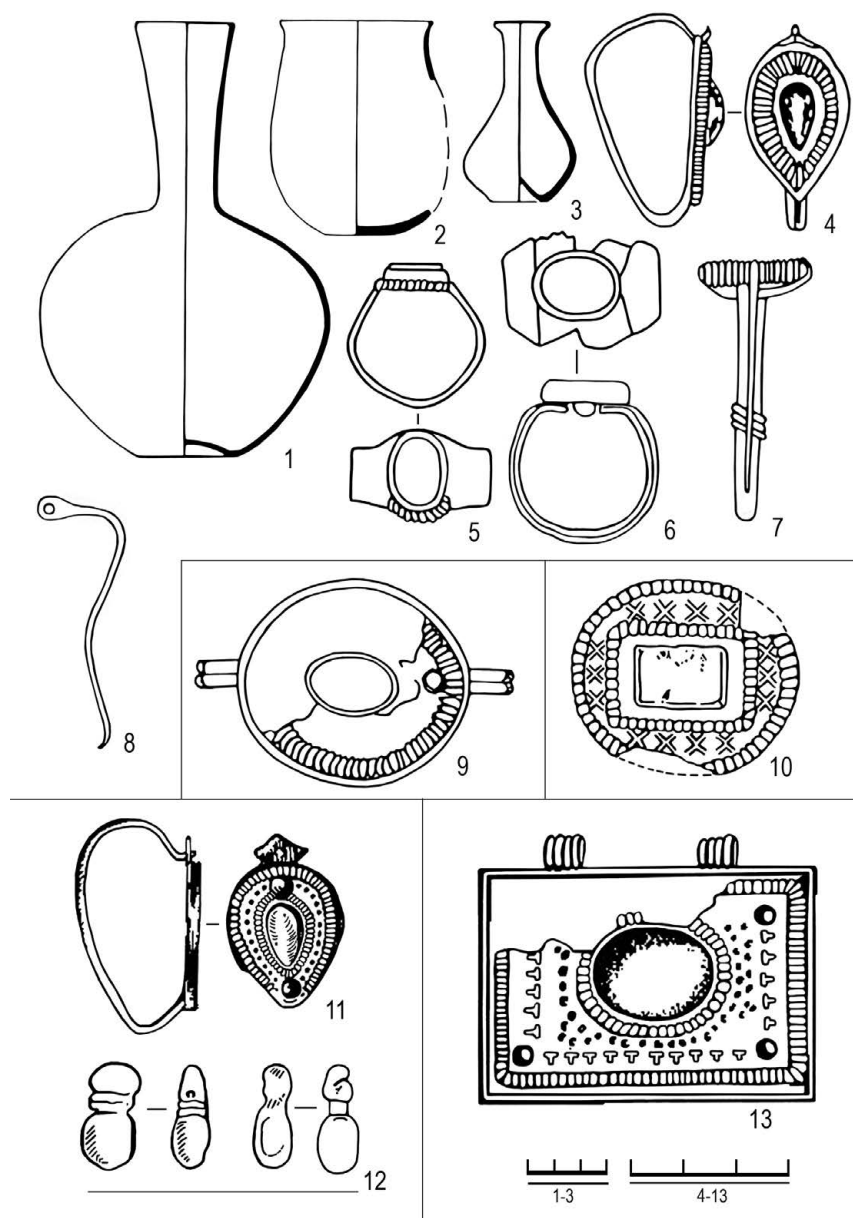

Рис. 2. Изделия в позднеримском полихромном стиле и сопутствующий погребальный инвентарь из могильников Совхоз 10 и Чернореченский:

Совхоз 10: 1–8 – мог. № 75 (по: [Стржеleckий и др., 2003–2004, табл. 11]); 9 – могила № 195 (по: [Стржеleckий и др., 2003–2004, табл. 26,8]); 10 – кам. ящ. XV, урна 1 (по: [Стржеleckий и др., 2003–2004, табл. 59,24]).

Чернореченский: 11–12 – мог. № 2 (по: [Бабенчиков, 1963, табл. II,13, III,17,18]);

13 – мог. № 3 (по: [Бабенчиков, 1963, табл. VI,5]).

1–3 – сосуды стеклянные; 4 – серьга серебряная; 5, 6 – перстни; 7, 8 – фибулы; 9 – украшение, сделанное из браслета; 10 – щиток от браслета; 11 – серьга серебряная; 12 – подвески янтарные; 13 – нагрудное украшение

Fig. 2. Artefacts featuring the Late Roman polychrome style and accompanying grave goods from Sovhoz 10 and Chernorechenskiy cemeteries:

Sovhoz 10: 1–8 – grave no. 75 (after: [Strzheletskiy et al., 2003–2004, pl. 11]); 9 – grave no. 195 (after: [Strzheletskiy et al., 2003–2004, pl. 26,8]); 10 – stone cist XV, urn 1 (after: [Strzheletskiy et al., 2003–2004, pl. 59,24]).

Chernorechenskiy: 11–12 – grave no. 2 (after: [Babenchikov, 1963, pl. II,13, III,17,18]);

13 – grave no. 3 (after: [Babenchikov, 1963, pl. VI,5]).

1–3 – glass vessels; 4 – silver earring; 5, 6 – finger rings; 7, 8 – brooches; 9 – ornament made of a bracelet; 10 – panel of a bracelet; 11 – silver earring; 12 – amber pendants; 13 – pectoral ornament

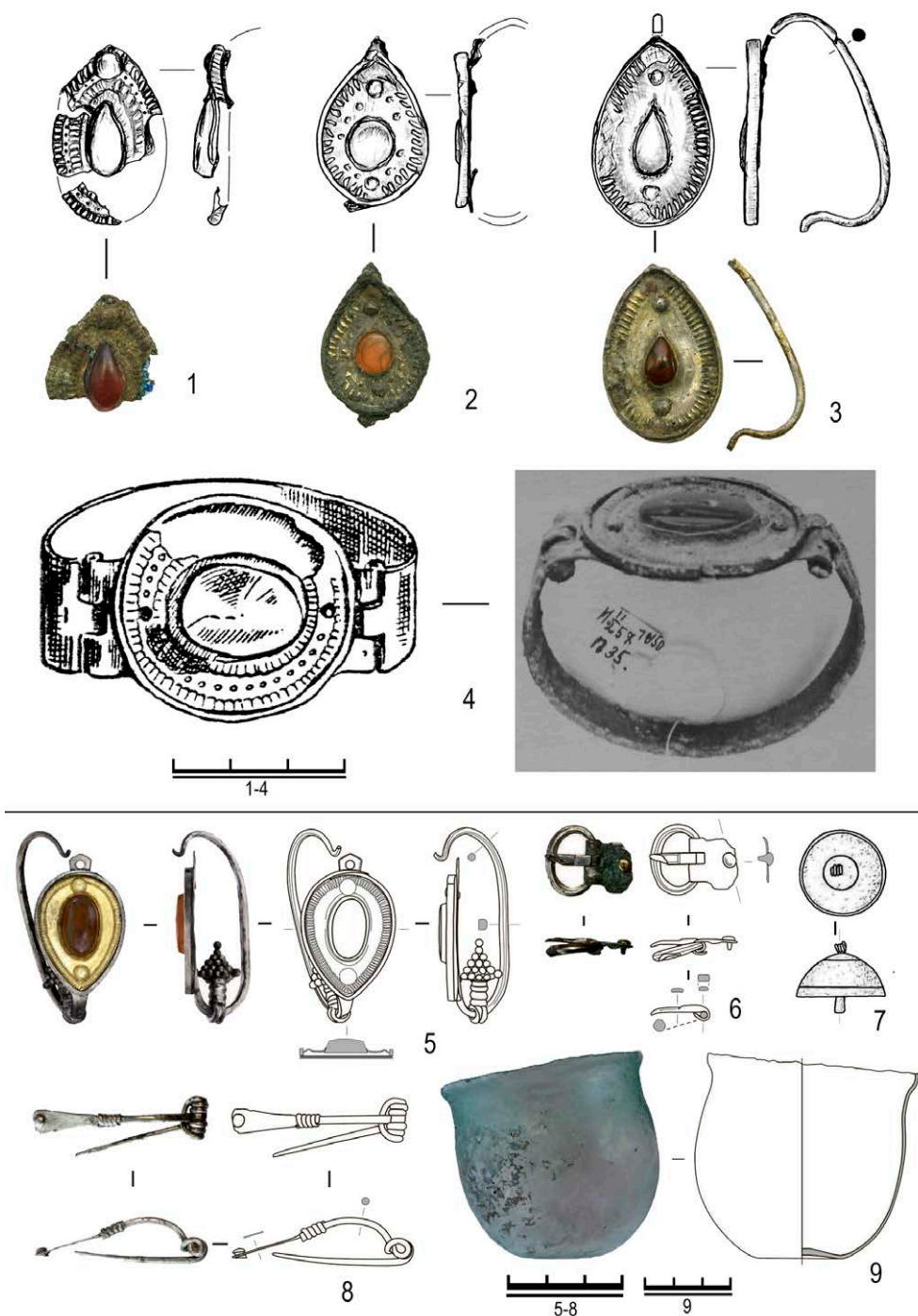

Рис. 3. Изделия в позднеримском полихромном стиле и сопутствующий погребальный инвентарь из могильников Чернореченский и Фронтвое 3:

Чернореченский: 1–4 – могила № 9 (35) (по: [Храпунов, Стоянова, 2016, рис. 4, 1–3, 5, 8, 4–6, 10]).

Фронтвое 3: 5–9 – могила № 6 (по: [Свиридов, Язиков, 2023, рис. 35, 1, 36, 1, 3, 37, 1, 38, 2]).

1–3 – серьги; 4 – браслет; 5 – серьга серебряная; 6 – пряжка с золотосеребряным покрытием; 7 – колокольчик бронзовый; 8 – фибула серебряная; 9 – сосуд стеклянный

Fig. 3. Artefacts featuring the Late Roman polychrome style and accompanying grave goods from Chernorechenskiy and Frontovoe 3:

Chernorechenskiy: 1–4 – grave no. 9 (35) (after: [Khrapunov, Stoyanova, 2016, fig. 4, 1–3, 5, 8, 4–6, 10]).

Frontovoe 3: 5–9 – grave no. 6 (after: [Sviridov, Yazikov, 2023, fig. 35, 1, 36, 1, 3, 37, 1, 38, 2]).

1–3 – earrings; 4 – bracelet; 5 – earring; 6 – gold-and-silver coated buckle; 7 – bronze bell; 8 – silver brooch; 9 – glass vessel

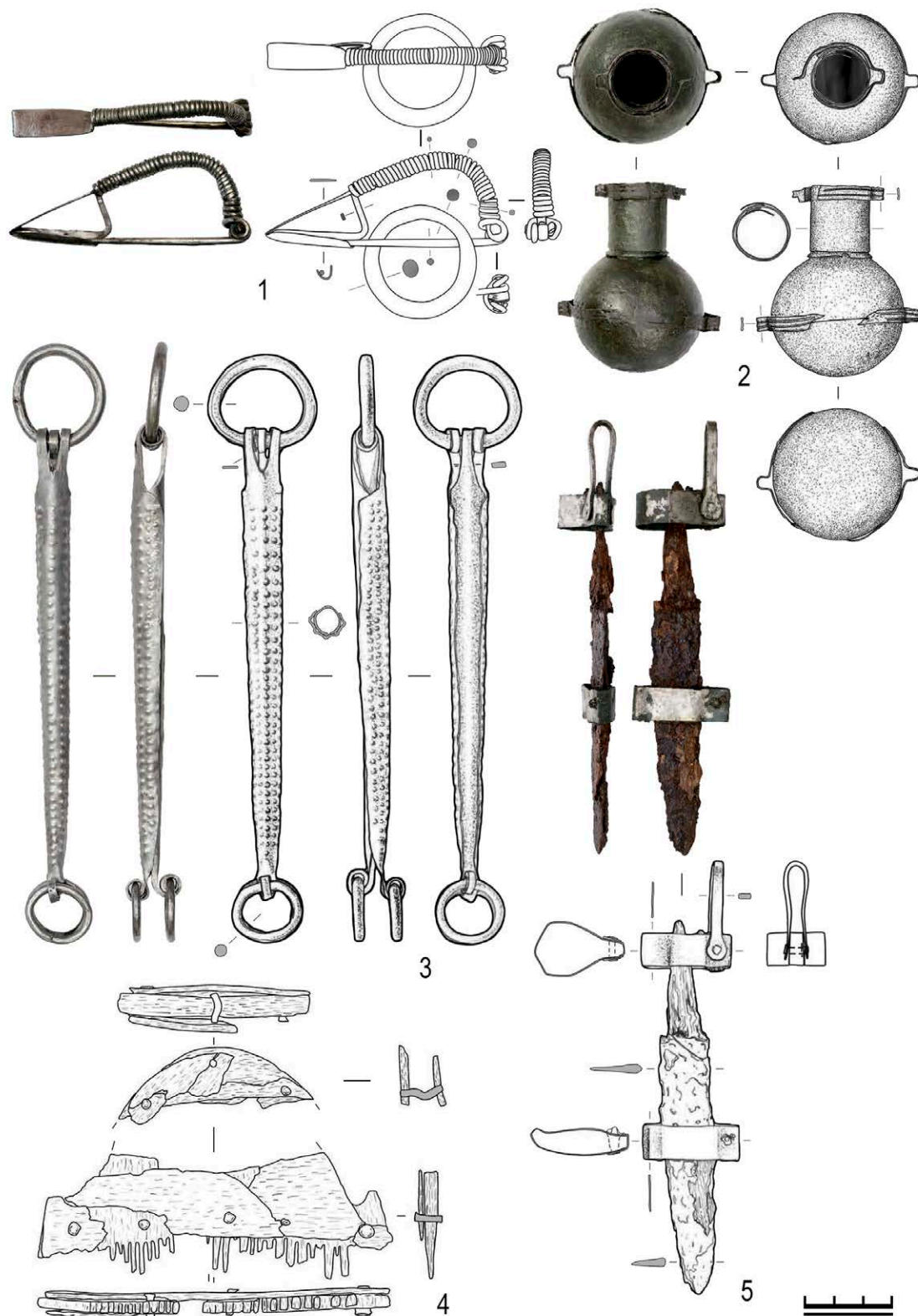

Рис. 4. Могильник Фронтвое 3, могила № 6. Погребальный инвентарь:

1 – фибула серебряная; 2 – флакон бронзовый; 3 – подвеска «игольница» серебряная; 4 – гребень костяной; 5 – нож железный в серебряных оковках (по: [Свиридов, Язиков, 2023, рис. 36,5, 37,4, 38,1,5, 39,1])

Fig. 4. Frontovoe 3 cemetery, grave no. 6. Grave goods:

1 – silver brooch; 2 – bronze bottle; 3 – silver needle-case pendant; 4 – bone comb; 5 – iron knife in silver bindings (after: [Sviridov, Iazikov, 2023, fig. 36,5, 37,4, 38,1,5, 39,1])

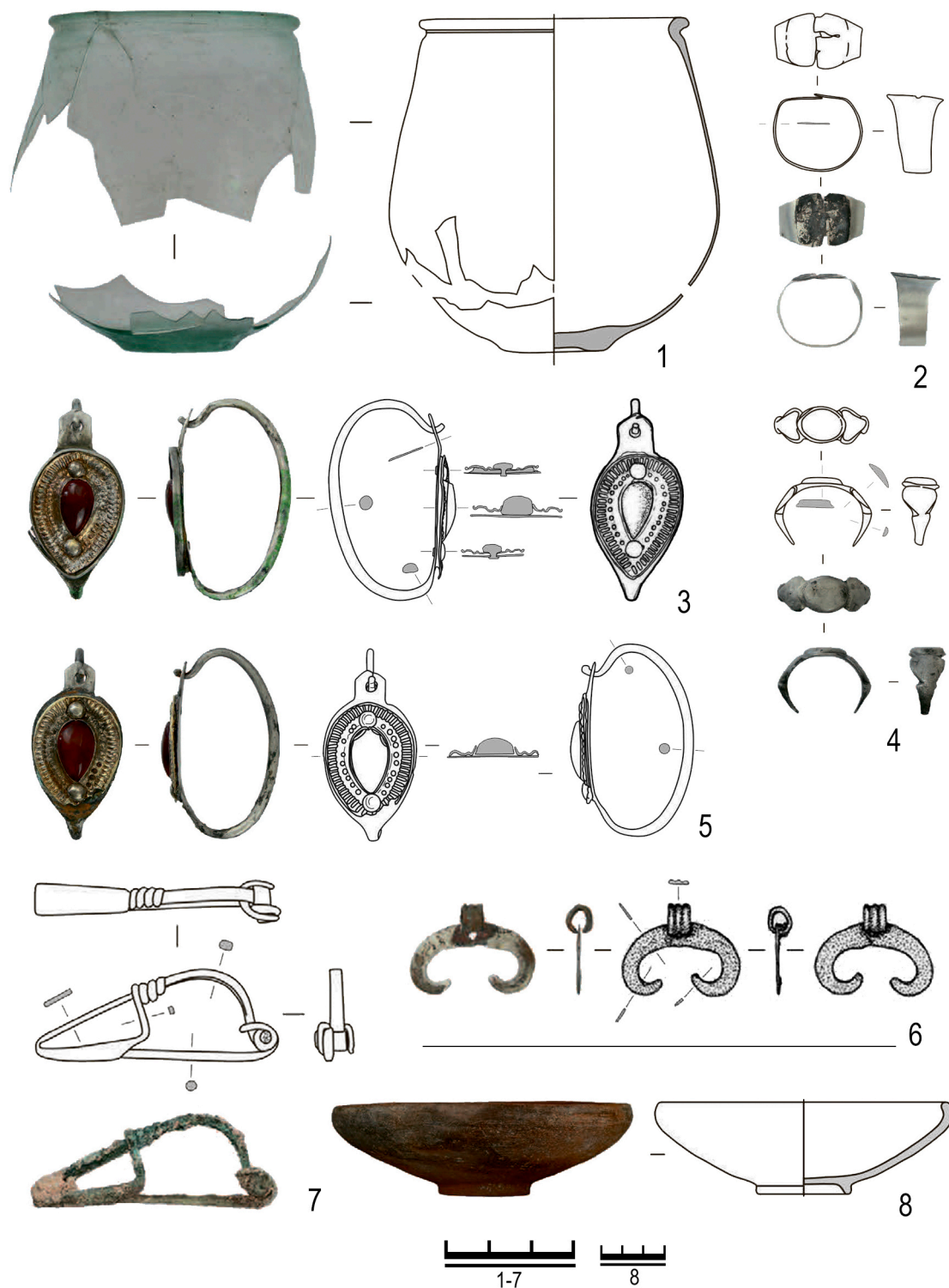

Рис. 5. Могильник Фронтвое 3, могила № 13. Изделия в позднеримском полихромном стиле и сопутствующий погребальный инвентарь:

1 – сосуд стеклянный; 2, 4 – перстни серебряные; 3, 5 – серьги серебряные; 6 – подвеска-лунница серебряная; 7 – фибула бронзовая; 8 – сосуд краснолаковый (по: [Свиридов, Язиков, 2023, рис. 61,2,35–37,39, 62,2,4])

Fig. 5. Frontovoe 3 cemetery, grave no. 13. Artefacts featuring the Late Roman polychrome style and accompanying grave goods:

1 – glass vessel; 2, 4 – silver finger-rings; 3, 5 – silver earrings; 6 – silver lunula pendant; 7 – bronze brooch; 8 – red-slip vessel (after: [Sviridov, Yazikov, 2023, fig. 61,2,35–37,39, 62,2,4])

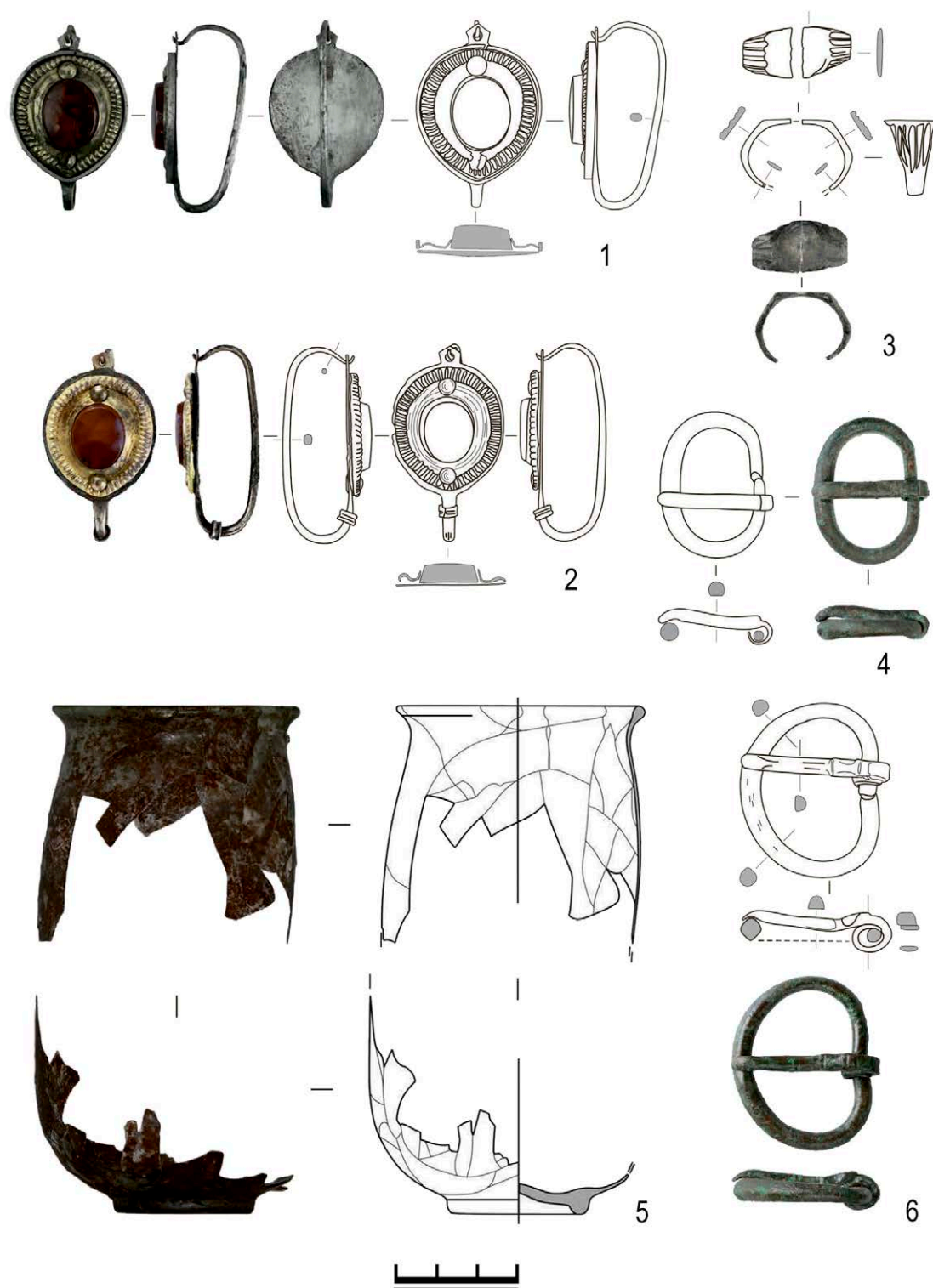

Рис. 6. Могильник Фронтвое 3, могила № 16. Изделия в позднеримском полихромном стиле и сопутствующий погребальный инвентарь:

1, 2 – серьги серебряные; 3 – перстень серебряный; 4 – пряжка бронзовая; 5 – сосуд стеклянный; 6 – пряжка медная (по: [Свиридов, Язиков, 2023, рис. 69,3–5, 70,5,7,9])

Fig. 6. Frontovoe 3 cemetery, grave no. 16. Artefacts featuring the Late Roman polychrome style and accompanying grave goods:

1, 2 – silver earrings; 3 – silver finger ring; 4 – bronze buckle; 5 – glass vessel; 6 – copper buckle (after: [Sviridov, Yazikov, 2023, fig. 69,3–5, 70,5,7,9])

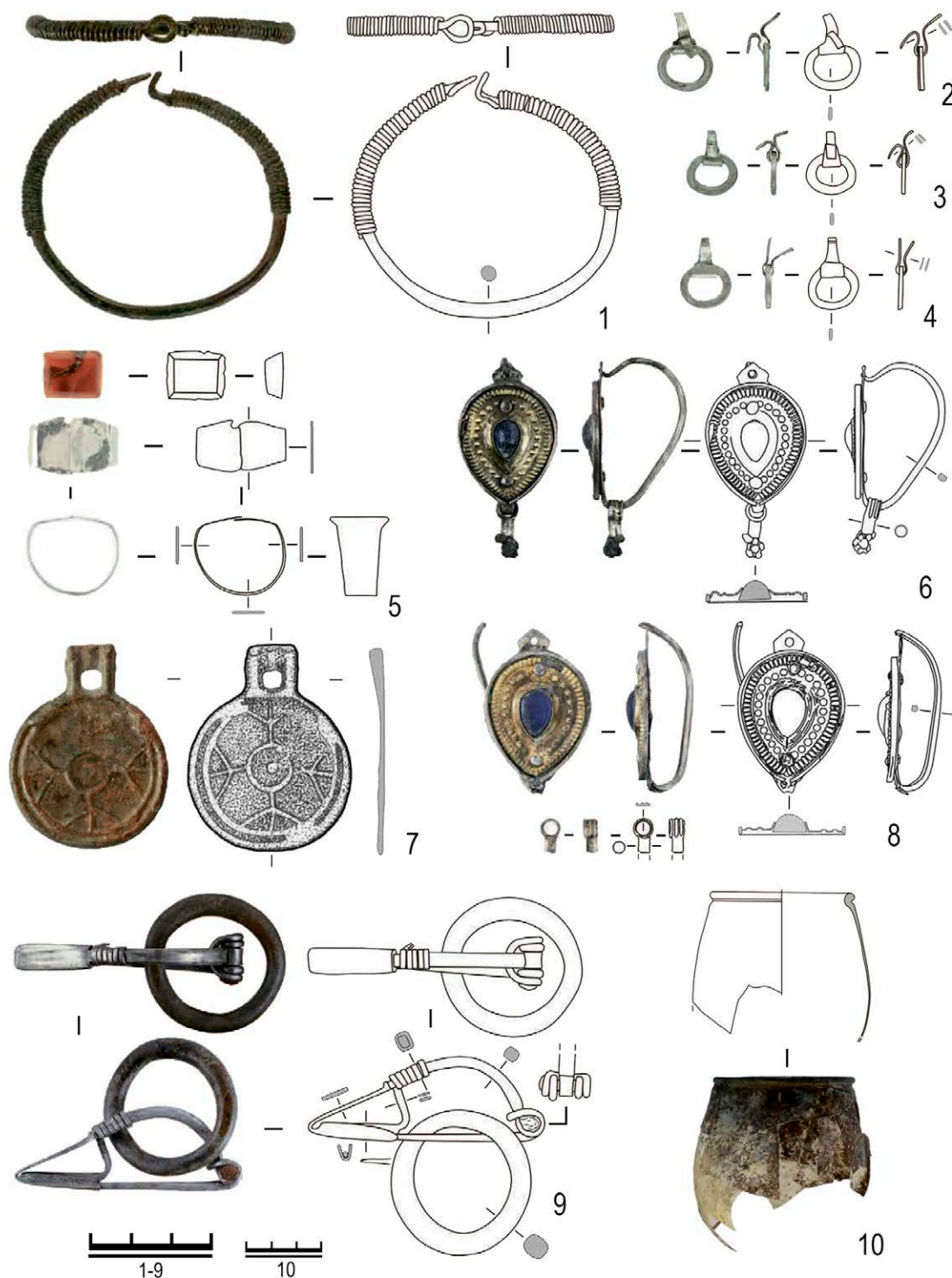

Рис. 7. Могильник Фронтное 3, могила № 21. Изделия в позднеримском полихромном стиле и сопутствующий погребальный инвентарь:

1 – браслет медный; 2–4 – кольца с зажимами серебряные; 5 – перстень серебряный; 6, 8 – серьги серебряные;
7 – зеркало бронзовое; 9 – фибула серебряная; 10 – сосуд стеклянный
(по: [Свиридов, Языков, 2023, рис. 83,2,11–13, 84,1,2,4–7])

Fig. 7. Frontovoe 3 cemetery, grave no. 21. Artefacts featuring the Late Roman polychrome style and accompanying grave goods:

1 – copper bracelet; 2–4 – silver rings with clamps; 5 – silver finger-ring; 6, 8 – silver earrings; 7 – bronze mirror;
9 – silver brooch; 10 – glass vessel (after: [Sviridov, Yazikov, 2023, fig. 83,2,11–13, 84,1,2,4–7])

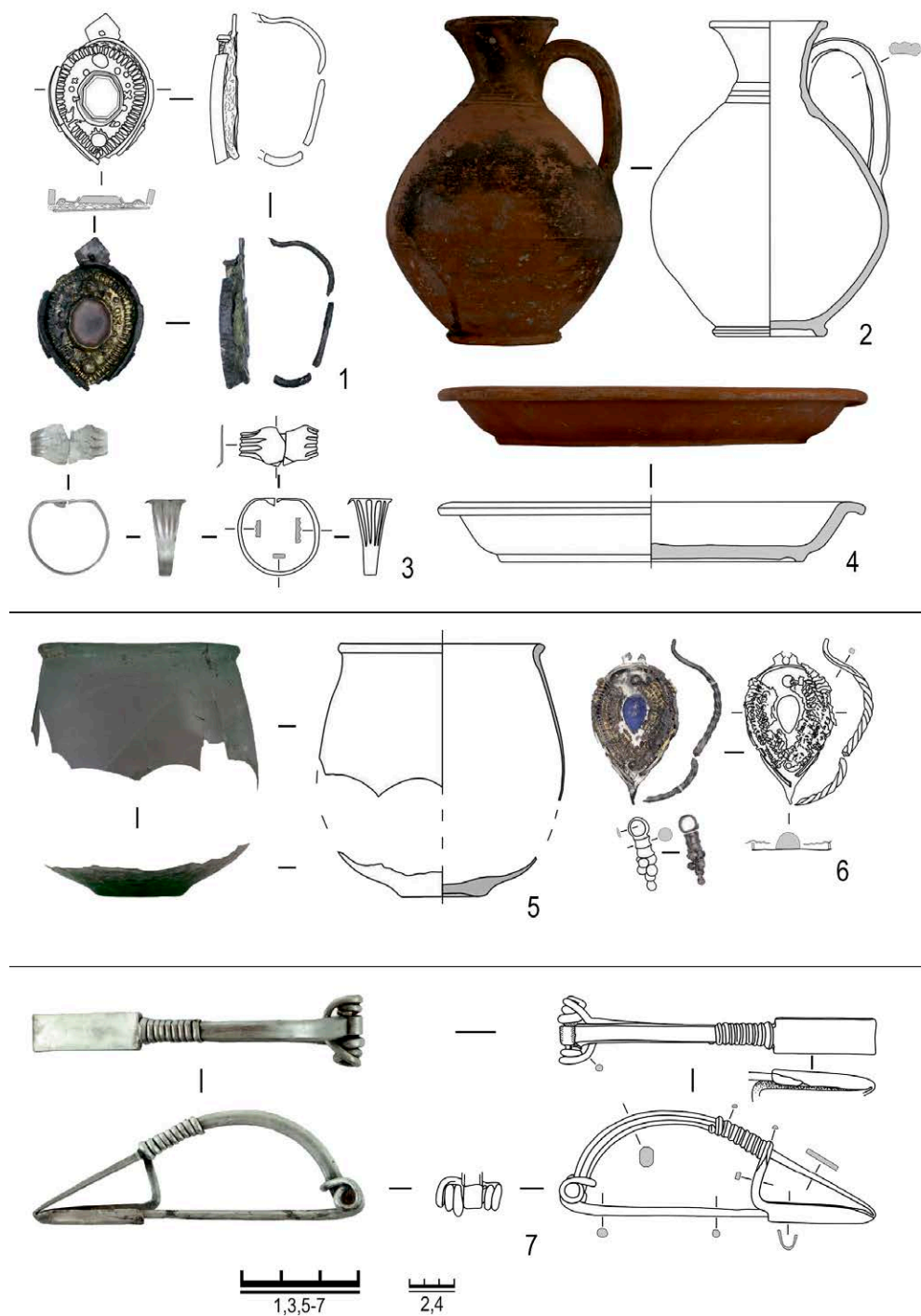

Рис. 8. Могильник Фронтвое 3. Изделия в позднеримском полихромном стиле и сопутствующий погребальный инвентарь:

1–4 – могила № 22; 5 – могила № 31; 6 – могила № 31; 7 – могила № 94
(по: [Свиридов, Язиков, 2023, рис. 86,1,3,5, 87,2, 108,3, 110,4, 306,2])

1 – серьга серебряная; 2, 4 – сосуды краснолаковые; 3 – перстень серебряный; 5 – сосуд стеклянный;
6 – серьга серебряная; 7 – фибула серебряная

Fig. 8. Frontovoe 3 cemetery. Artefacts featuring the Late Roman polychrome style and accompanying grave goods:

1–4 – grave no. 22; 5 – grave no. 31; 6 – grave no. 31; 7 – grave no. 94
(after: [Sviridov, Iazikov, 2023, fig. 86,1,3,5, 87,2, 108,3, 110,4, 306,2])

1 – silver earring; 2, 4 – red-slip vessels; 3 – silver finger-ring; 5 – glass vessel; 6 – silver earring; 7 – silver brooch

Рис. 9. Могильник Фронтвое 3, могила № 94. Изделия в позднеримском полихромном стиле и сопутствующий погребальный инвентарь:

1 – вставка сердоликовая; 2 – браслет серебряный; 3, 4 – сосуды стеклянные; 5 – пряжка медная; 6 – подвеска-лунница серебряная (по: [Свиридов, Язиков, 2023, рис. 304,2,3, 305,4,10,11, 306,2,3])

Fig. 9. Frontovoe 3 cemetery, grave no. 94. Artefacts featuring the Late Roman polychrome style and accompanying grave goods:

1 – carnelian inset; 2 – silver bracelet; 3, 4 – glass vessels; 5 – copper buckle; 6 – silver lunula pendant (after: [Sviridov, Yazikov, 2023, fig. 304,2,3, 305,4,10,11, 306,2,3])

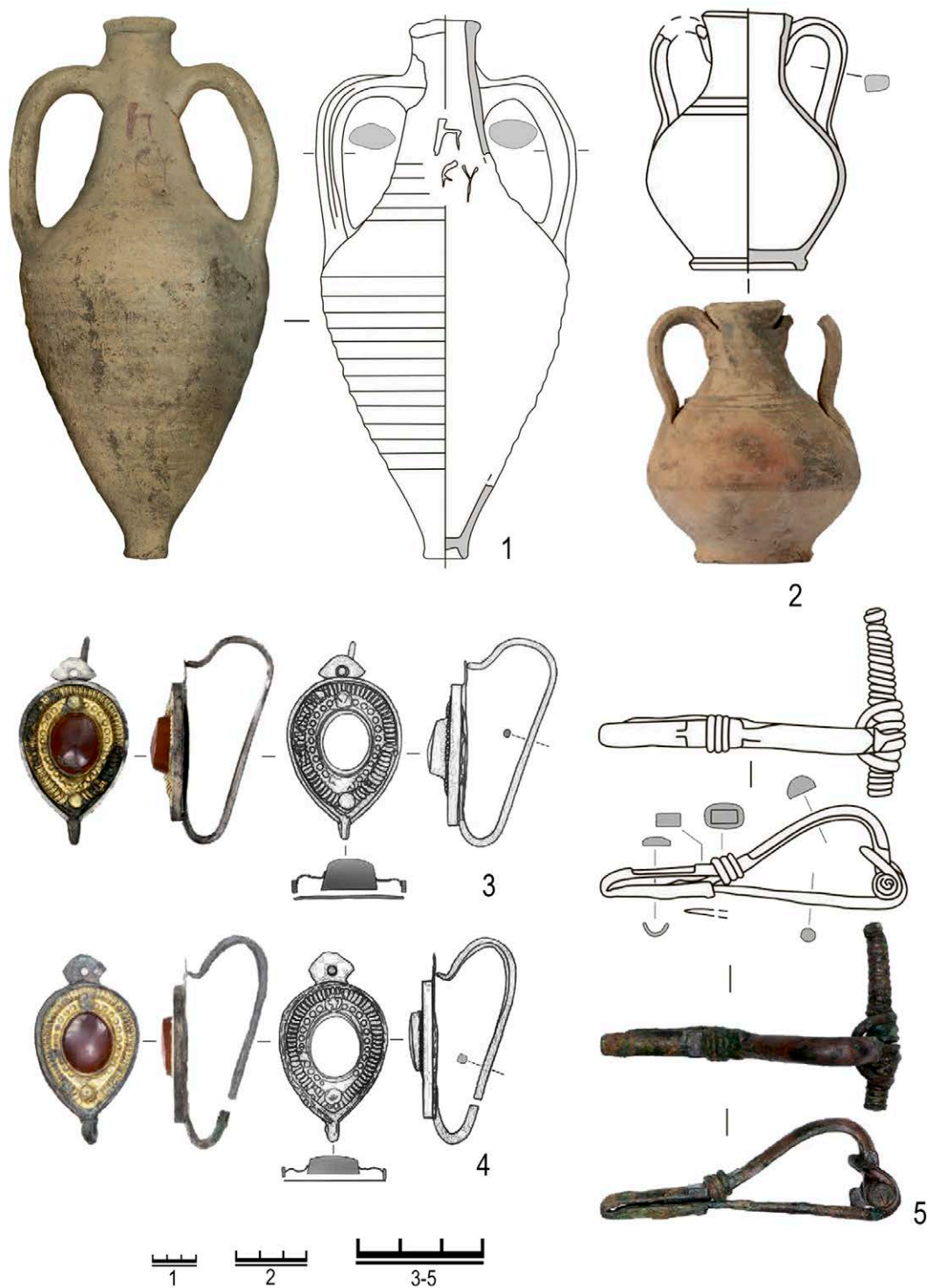

Рис. 10. Могильник Фронтвое 3. Изделия в позднеримском полихромном стиле и сопутствующий погребальный инвентарь:

1–2 – могила № 94; 3–5 – могила № 96 (по: [Свиридов, Языков, 2023, рис. 303,4, 304,1, 315,36, 316,1,3]).

1 – амфора; 2 – сосуд краснолаковый; 3, 4 – серьги серебряные; 5 – фибула бронзовая

Fig. 10. Frontovoe 3 cemetery. Artefacts featuring the Late Roman polychrome style and accompanying grave goods:

1–2 – grave no. 94; 3–5 – grave no. 96 (after: [Sviridov, Yazikov, 2023, fig. 303,4, 304,1, 315,36, 316,1,3]).

1 – amphora; 2 – red-slip vessel; 3, 4 – silver earrings; 5 – bronze brooch

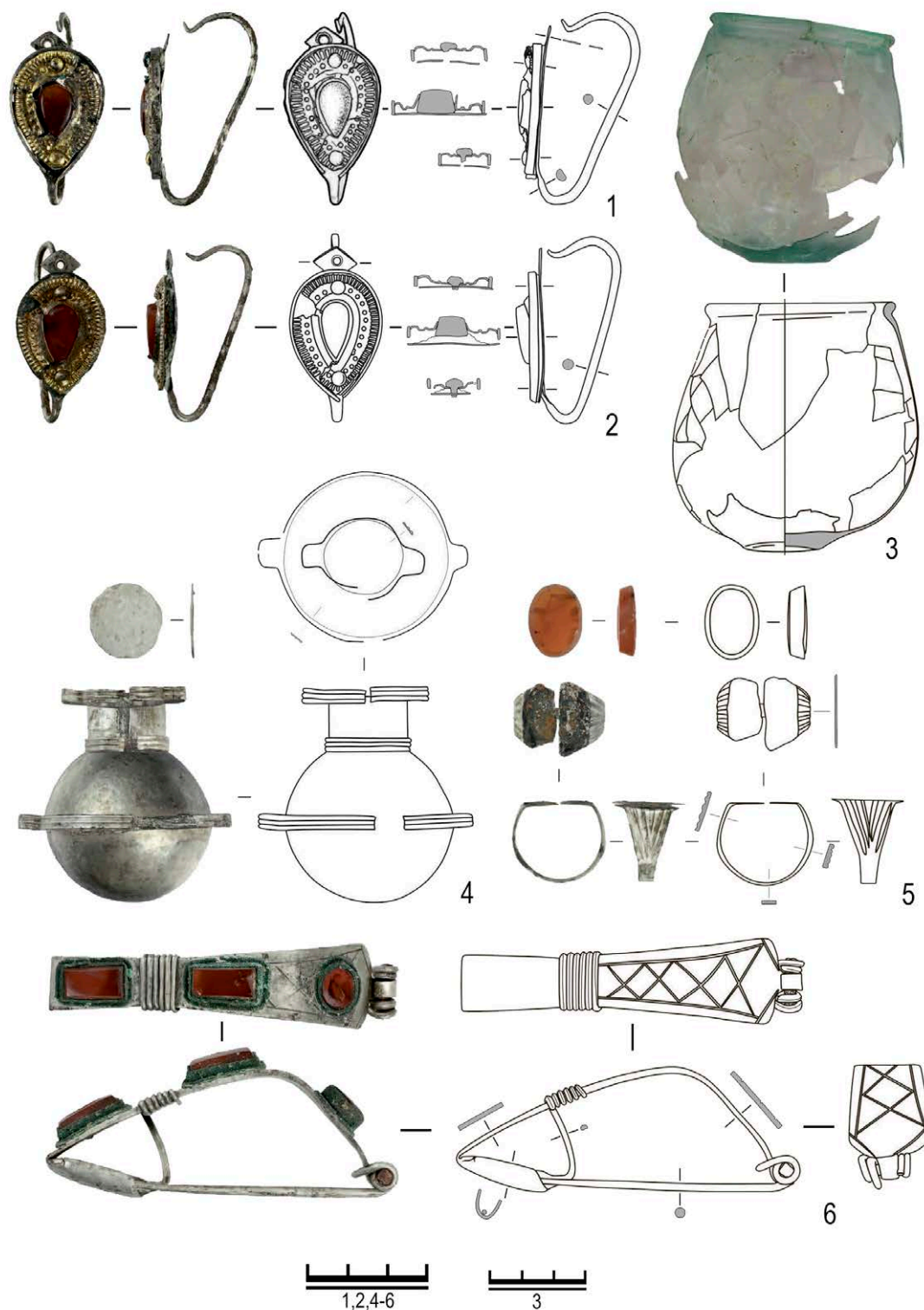

Рис. 11. Могильник Фронтвое 3, могила № 106. Изделия в позднеримском полихромном стиле и сопутствующий погребальный инвентарь:

1, 2 – серьги серебряные; 3 – сосуд стеклянный; 4 – флакон серебряный; 5 – перстень серебряный;
6 – фибула серебряная (по: [Свиридов, Языков, 2023, рис. 343,3,4,5,10, 344,2, 345,1])

Fig. 11. Frontovoe 3 cemetery, grave no. 106. Artefacts featuring the Late Roman polychrome style and accompanying grave goods:

1, 2 – silver earrings; 3 – glass vessel; 4 – silver bottle; 5 – silver finger ring;
6 – silver brooch (after: [Sviridov, Yazikov, 2023, fig. 343,3,4,5,10, 344,2, 345,1])

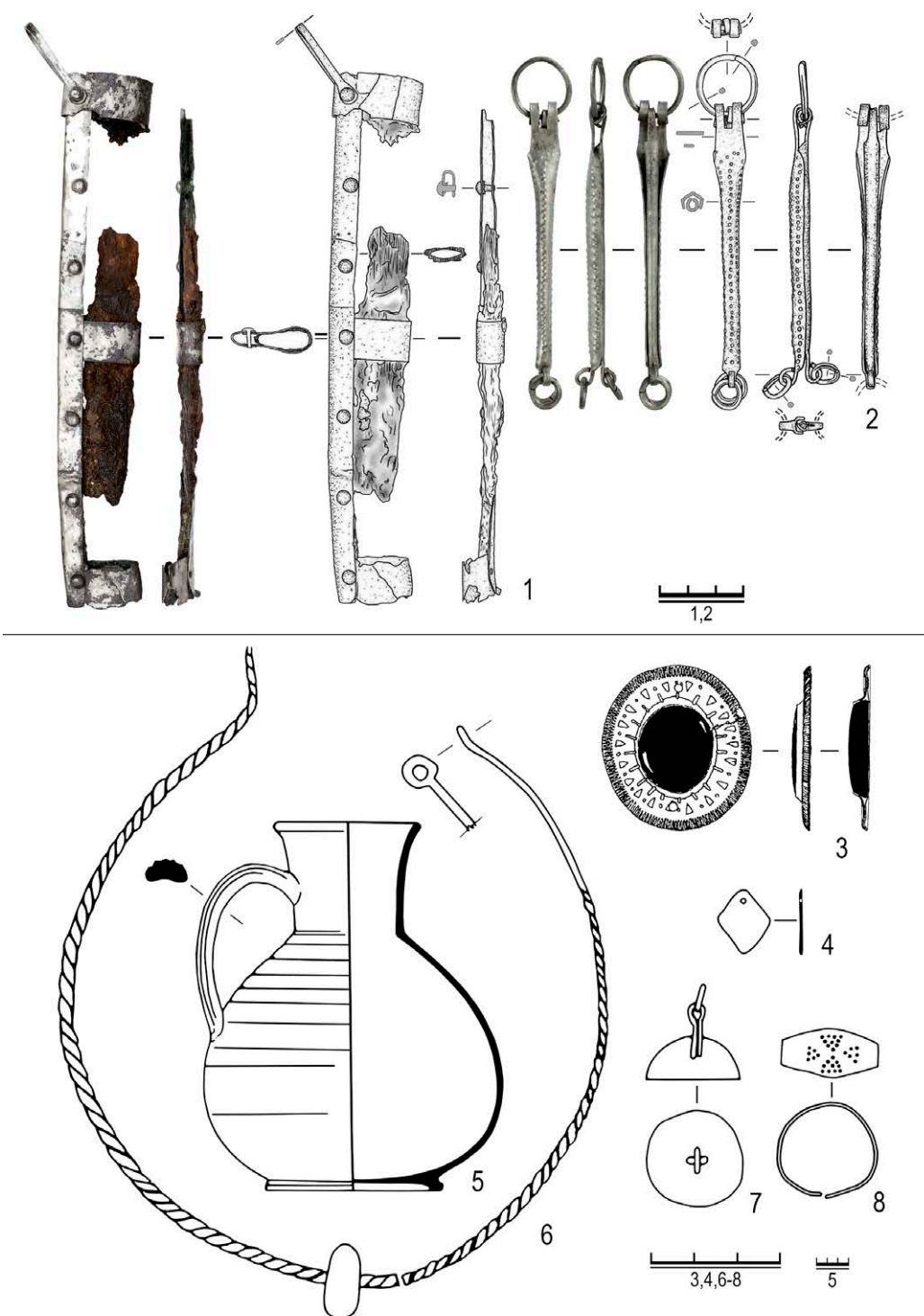

Рис. 12. Изделия в позднеримском полихромном стиле и сопутствующий погребальный инвентарь:

1, 2 – могильник Фронтное 3, могила № 106 (по: [Свиридов, Язиков, 2023, рис. 344,1, 346,1]);

3–8 – могильник Чатыр-Даг, могила № 21 (по: [Мыц и др., 2006, табл. 14Б, 25,1,2б,д,3,5,7,8,9]).

1 – нож железный в серебряных оковках; 2 – подвеска «игольница»; 3 – бронзовый щиток от браслета; 4 – подвеска серебряная; 5 – сосуд краснолаковый; 6 – гривна бронзовая; 7 – колокольчик бронзовый; 8 – перстень бронзовый

Fig. 12. Artefacts featuring the Late Roman polychrome style and accompanying grave goods:

1, 2 – Frontovoe 3 cemetery, grave no. 106 (after: [Sviridov, Yazikov, 2023, fig. 344,1, 346,1]);

3–8 – Chatyr-Dag cemetery, grave no. 21 (after: [Myts et al., 2006, pl. 14Б, 25,1,2б,д,3,5,7,8,9]).

1 – iron knife in silver bindings; 2 – silver needle-case pendant; 3 – bronze bracelet panel; 4 – silver pendant; 5 – red-slip vessel; 6 – bronze neck-ring; 7 – bronze bell; 8 – bronze finger-ring

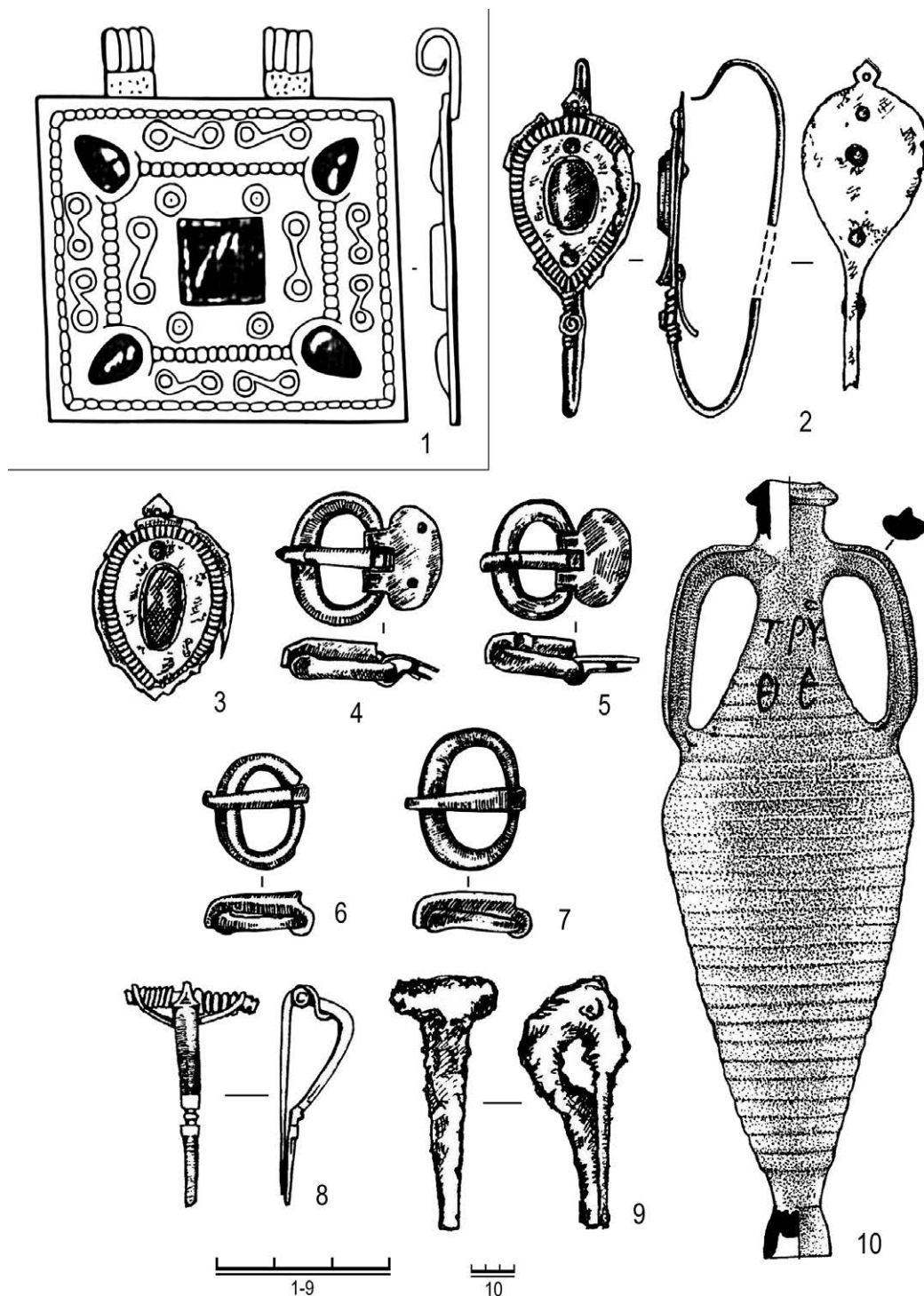

Рис. 13. Изделия в позднеримском полихромном стиле и сопутствующий погребальный инвентарь:

1 – могильник Суворово, склеп № 38 (по: [Юрочкин, Труфанов, 2003, рис. 4,47]);
 2–10 – могильник Дружное, склеп № 1-1984 (по: [Айбабин, 1994, рис. 4,7,8, 6,1,2, 9,18, 10,23, 11,2, 13,1, 20]).
 1 – нагрудное украшение бронзовое; 2, 3 – серьги серебряные; 4 – пряжка серебряная; 5–7 – пряжки бронзовые;
 8 – фибула бронзовая; 9 – фибула железная; 10 – амфора

Fig. 13. Artefacts featuring the Late Roman polychrome style and accompanying grave goods:

1 – Suvorovo cemetery, burial vault no. 38 (after: [Yurochkin, Trufanov, 2003, fig. 4,47]);
 2–10 – Druzhnoe cemetery, burial vault no. 1-1984 (after: [Aibabin, 1994, fig. 4,7,8, 6,1,2, 9,18, 10,23, 11,2, 13,1, 20]).
 1 – pectoral ornament; 2, 3 – silver earrings; 4 – silver buckle; 5–7 – bronze buckles;
 8 – bronze brooch; 9 – iron brooch; 10 – amphora

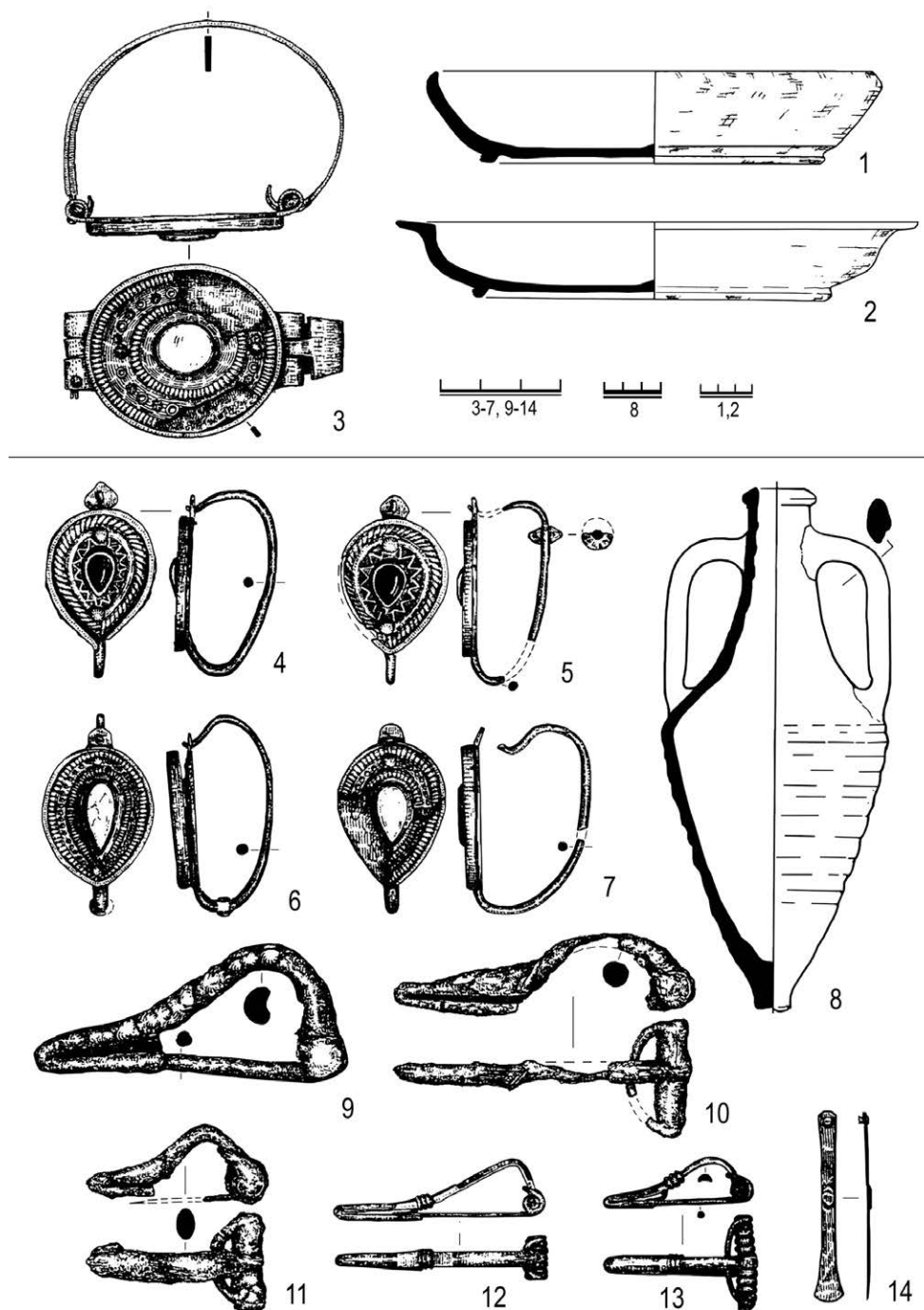

Рис. 14. Могильник Дружное. Изделия в позднеримском полихромном стиле и сопутствующий погребальный инвентарь:

1-3 – склеп № 18 (по: [Храпунов, 2002, рис. 86,5,6, 89,1]); 4-14 – склеп № 21 (по: [Храпунов, 2002, рис. 99,4, 102,10,16,17,19, 103,4,5, 104,5,6,7,11,14]).

1, 2 – сосуды краснолаковые; 3 – браслет серебряный; 4-7 – серьги серебряные; 8 – амфора; 9-11 – фибулы железные; 12, 13 – фибулы серебряные; 14 – наконечник ремня серебряный

Fig. 14. Druzhnoe cemetery. Artefacts featuring the Late Roman polychrome style and accompanying grave goods:

1-3 – burial vault no. 18 (after: [Khrapunov, 2002, fig. 86,5,6, 89,1]); 4-14 – burial vault no. 21 (after: [Khrapunov, 2002, fig. 99,4, 102,10,16,17,19, 103,4,5, 104,5,6,7,11,14]).

1, 2 – red-slip vessels; 3 – silver bracelet; 4-7 – silver earrings; 8 – amphora; 9-11 – iron brooches; 12, 13 – silver brooches; 14 – silver strap end

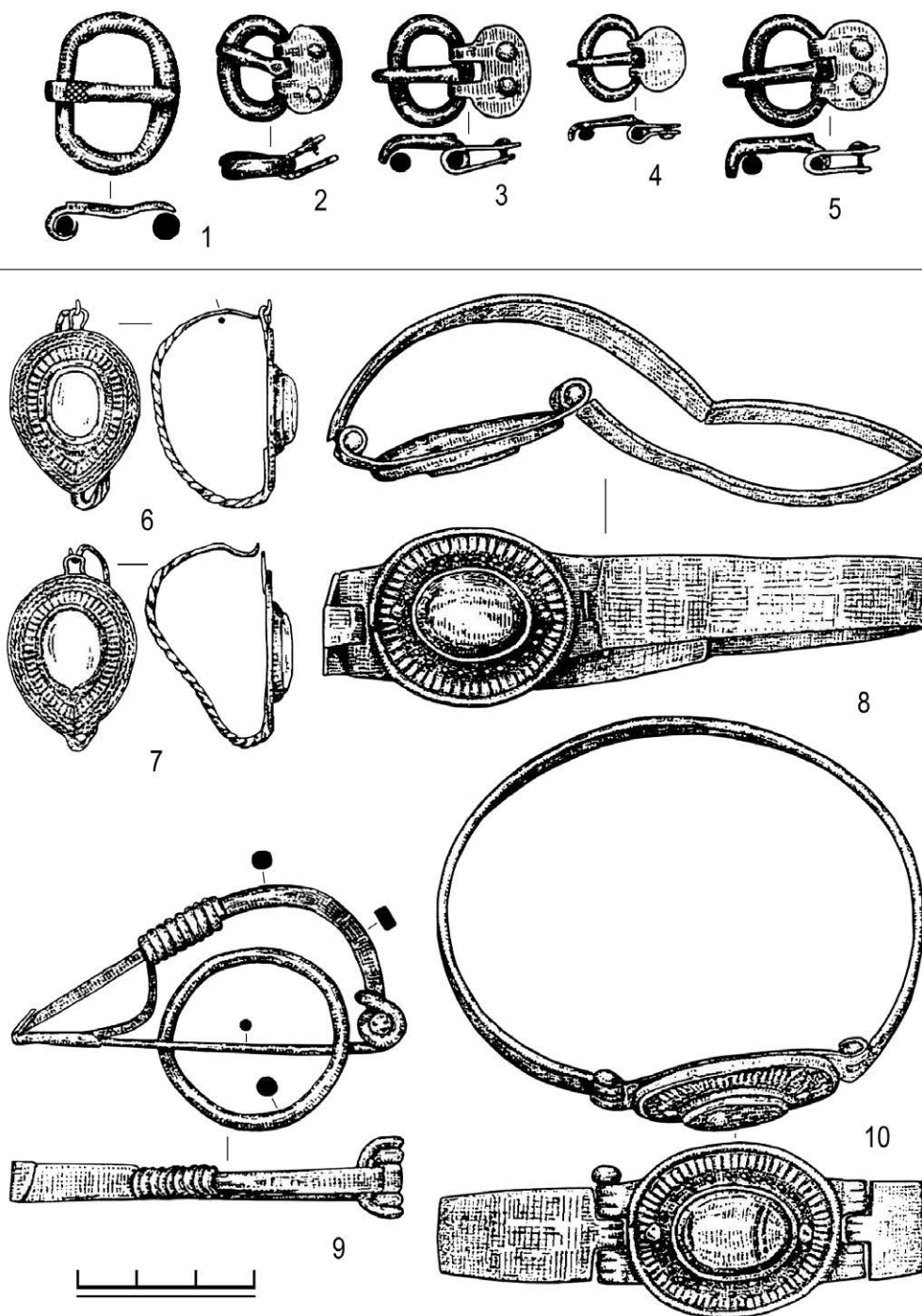

Рис. 15. Могильник Дружное. Изделия в позднеримском полихромном стиле и сопутствующий погребальный инвентарь:

1–5 – склеп № 21 (по: [Храпунов, 2002, рис. 102,18, 104,9,10,12,15]); 6–10 – могила № 24 (по: [Храпунов, 2002, рис. 108,10, 109,4,5]).

1, 4 – пряжки бронзовые; 2, 3, 5 – пряжки серебряные; 6, 7 – серьги серебряные; 8, 10 – браслеты серебряные; 9 – фибула серебряная

Fig. 15. Druzhnoe cemetery. Artefacts featuring the Late Roman polychrome style and accompanying grave goods:

1–5 – burial vault no. 21 (after: [Khrapunov, 2002, fig. 102,18, 104,9,10,12,15]); 6–10 – grave no. 24 (after: [Khrapunov, 2002, fig. 108,10, 109,4,5]).

1, 4 – bronze buckles; 2, 3, 5 – silver buckles; 6, 7 – silver earrings; 8, 10 – silver bracelets; 9 – silver brooch

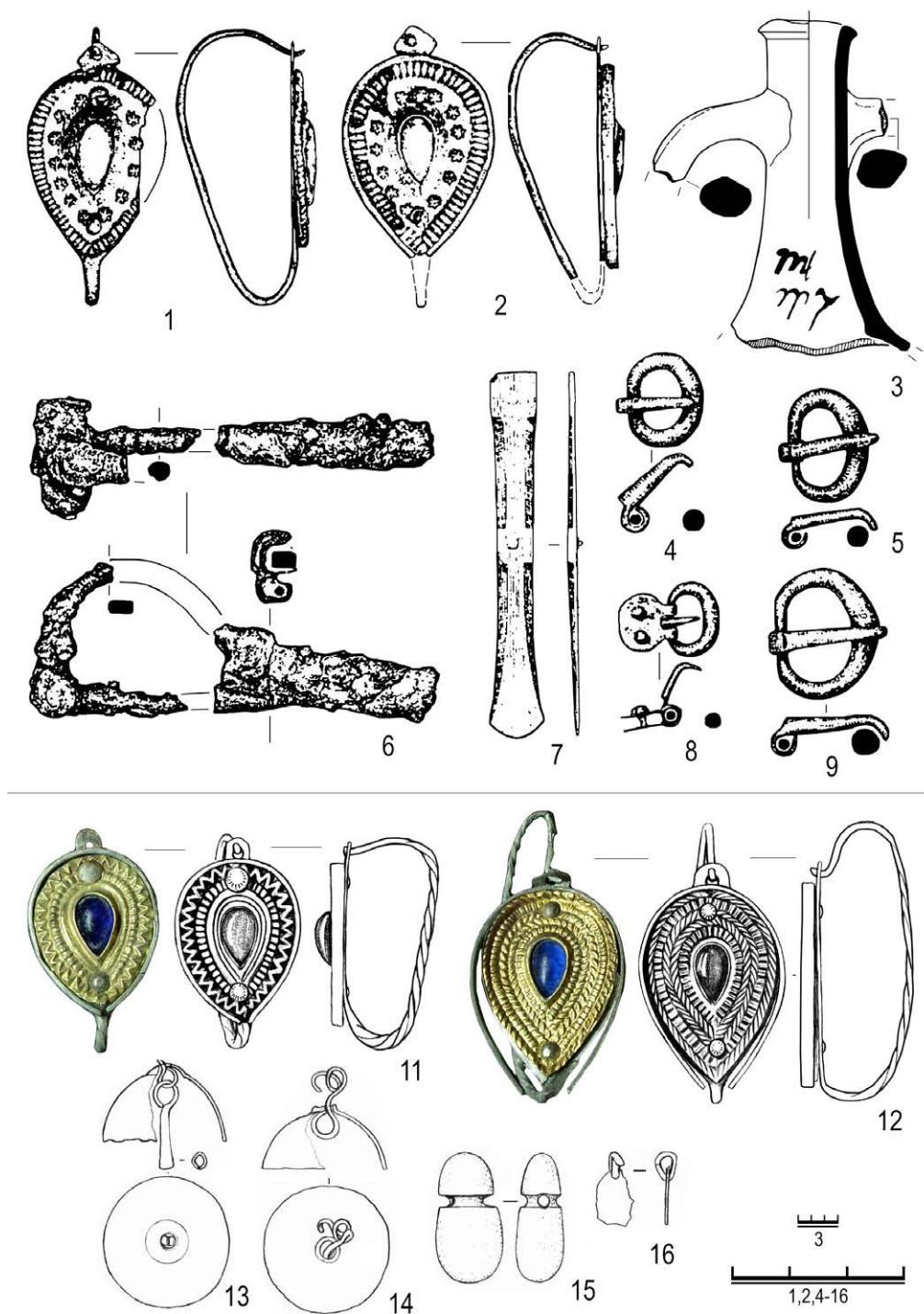

Рис. 16. Изделия в позднеримском полихромном стиле и сопутствующий погребальный инвентарь.

1–9 – могильник Дружное, склеп № 85 (по: [Храпунов, 2002, рис. 204,2, 206,3–6,19–21,27]);

11–16 – могильник Опушки, могила № 14 (по: [Храпунов, Стоянова, 2013, рис. 5,1–3,15,17,18]).

1, 2 – серьги серебряные; 3 – фрагмент амфоры; 4 – пряжка серебряная; 5, 8, 9 – пряжки бронзовые; 6 – фибула железная; 7 – наконечник ремня серебряный; 11, 12 – серьги серебряные; 13, 14 – колокольчики бронзовые; 15 – подвеска янтарная; 16 – подвеска серебряная

Fig. 16. Artefacts featuring the Late Roman polychrome style and accompanying grave goods:

1–9 – Druzhnoe cemetery, burial vault no. 85 (after: [Khrapunov, 2002, fig. 204,2, 206,3–6,19–21,27]);

11–16 – Opushki cemetery, grave no. 14 (after: [Khrapunov, Stoyanova, 2013, fig. 5,1–3,15,17,18]).

1, 2 – silver earrings; 3 – amphora fragment; 4 – silver buckle; 5, 8, 9 – bronze buckles; 6 – iron brooch; 7 – silver strap-end; 11, 12 – silver earrings; 13, 14 – bronze bells; 15 – amber pendant; 16 – silver pendant

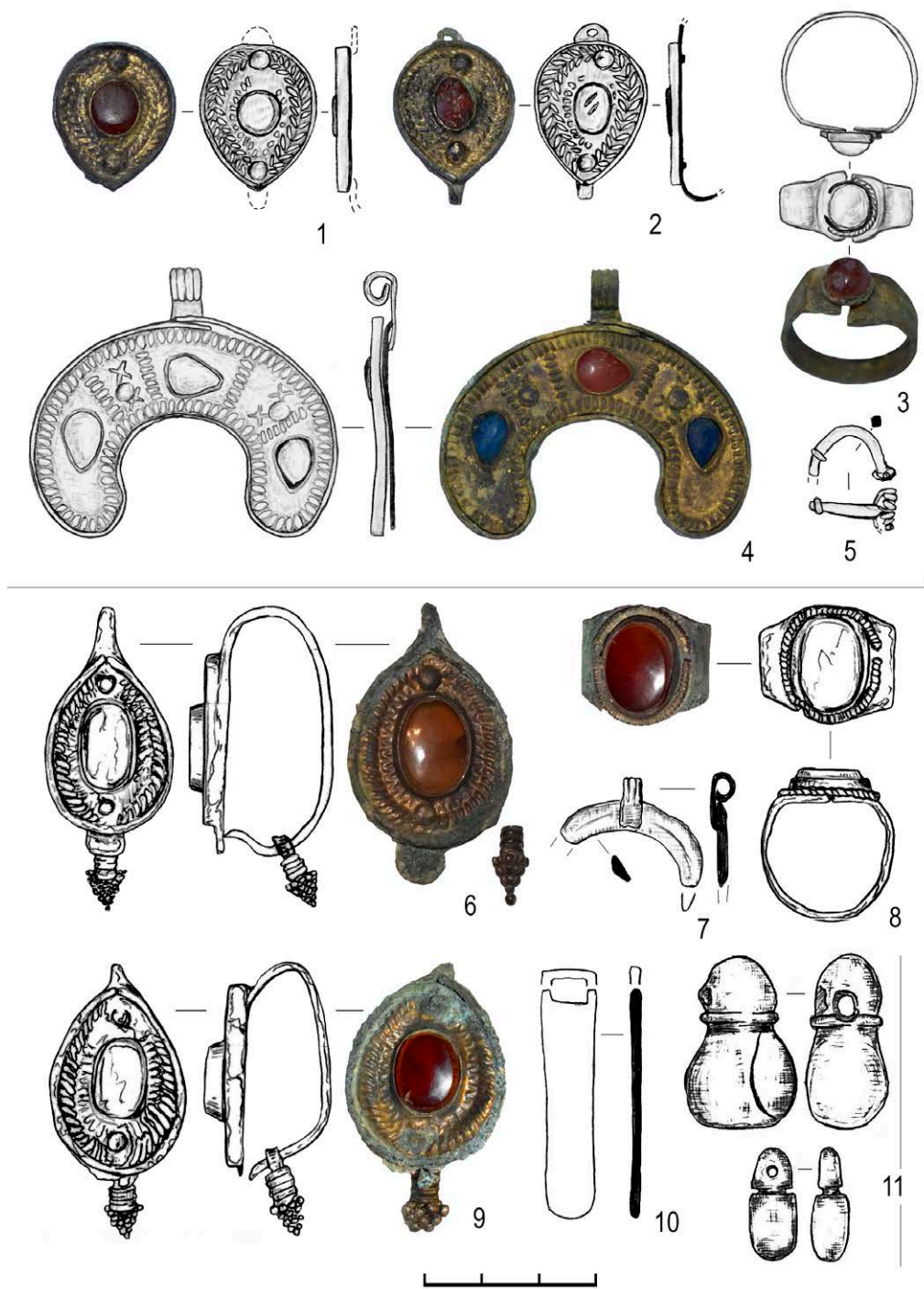

Рис. 17. Могильник Опушки. Изделия в позднеримском полихромном стиле и сопутствующий погребальный инвентарь:

1–5 – склеп № 124 (по: [Храпунов, 2018, рис. 10, 1–5, 11, 8]); 6–11 – склеп № 133 (по: [Храпунов, 2020, рис. 6, 3, 7, 1–4, 27]).

1, 2 – серьги серебряные; 3 – перстень серебряный; 4 – подвеска-лунница серебряная; 5 – фибула бронзовая;
6, 9 – серьги серебряные; 7 – подвеска-лунница серебряная; 8 – перстень серебряный;
10 – наконечник ремня бронзовый; 11 – подвески янтарные

Fig. 17. Opushki cemetery. Artefacts featuring the Late Roman polychrome style and accompanying grave goods:

1–5 – burial vault no. 124 (after: [Khrapunov, 2018, fig. 10, 1–5, 11, 8]); 6–11 – burial vault no. 133 (after: [Khrapunov, 2020, fig. 6, 3, 7, 1–4, 27]).

1, 2 – silver earrings; 3 – silver finger ring; 4 – silver lunula pendant; 5 – bronze brooch; 6, 9 – silver earrings;
7 – silver lunula pendant; 8 – silver finger ring; 10 – bronze strap end; 11 – amber pendants

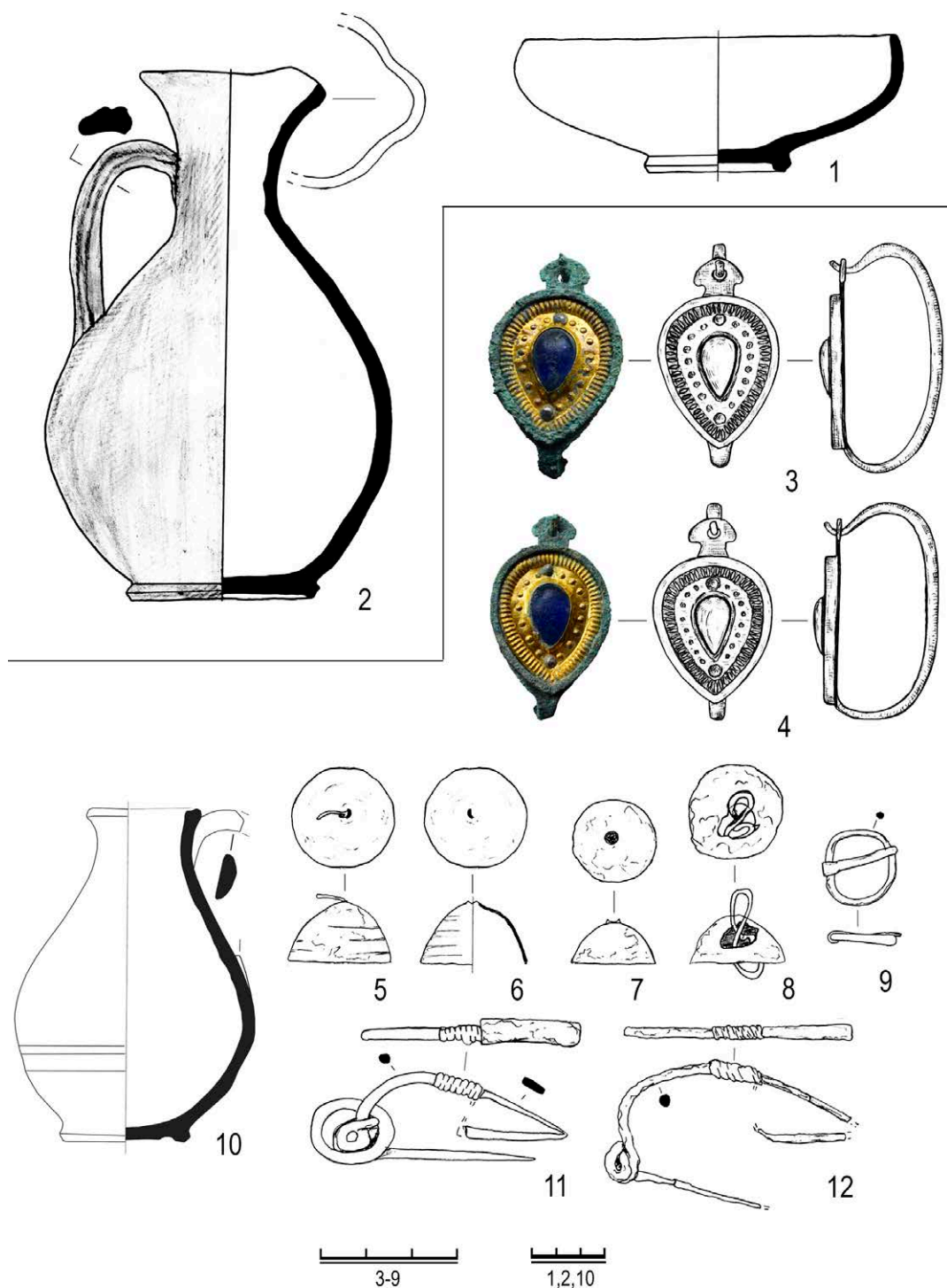

Рис. 18. Могильник Опушки. Изделия в позднеримском полихромном стиле и сопутствующий погребальный инвентарь:

1, 2 – склеп № 133 (по: [Храпунов, 2020, рис. 6,4,5]); 3–12 – склеп № 164 (фото и рисунки А.А. Стояновой).

1, 2 – краснолаковые сосуды 3, 4 – серьги серебряные; 5–8 – колокольчики бронзовые;

9 – пряжка бронзовая; 10 – сосуд краснолаковый; 11, 12 – фибулы бронзовые

Fig. 18. Opushki cemetery. Artefacts featuring the Late Roman polychrome style and accompanying grave goods:

1, 2 – vault no. 133 (after: [Khrapunov, 2020, fig. 6,4,5]); 3–12 – burial vault no. 164 (photographs and drawings: A.A. Stoyanova).

1, 2 – red-slip vessels from burial; 3, 4 – silver earrings; 5–8 – bronze bells; 9 – bronze buckle; 10 – red-slip vessel;

11, 12 – bronze brooches

Рис. 19. Могильник Опушки, могила № 346. Серебряные изделия в позднеримском полихромном стиле:
1, 2 – нагрудные украшения; 3 – браслет (по: [Храпунов, Стоянова, 2022, рис. 14,1, 15, 19,9])

Fig. 19. Opushki cemetery, grave no. 346. Silver artefacts featuring the Late Roman polychrome style:
1, 2 – pectoral ornaments; 3 – bracelet (after: [Khrapunov, Stoyanova, 2022, fig. 14,1, 15, 19,9])

Рис. 20. Могильник Опушки. Серебряные изделия в позднеримском полихромном стиле:
 1, 2 – склеп № 346 (по: [Храпунов, Стоянова, 2022, рис. 20,1–4]); 3, 4 – могила № 374 (фото А.А. Стояновой);
 5, 6 – склеп № 400 (по: [Храпунов, Стоянова, 2024, рис. 13,1,2]).
 1, 2 – браслеты; 3–6 – серьги

Fig. 20. Opushki cemetery. Silver artefacts featuring the Late Roman polychrome style:
 1, 2 – burial vault no. 346 (after: [Khrapunov, Stoyanova, 2022, fig. 20,1–4]); 3, 4 – grave no. 374
 (photo by A.A. Stoyanova); 5, 6 – burial vault no. 400 (after: [Khrapunov, Stoyanova, 2024, fig. 13,1,2]).
 1, 2 – bracelets; 3–6 – earrings

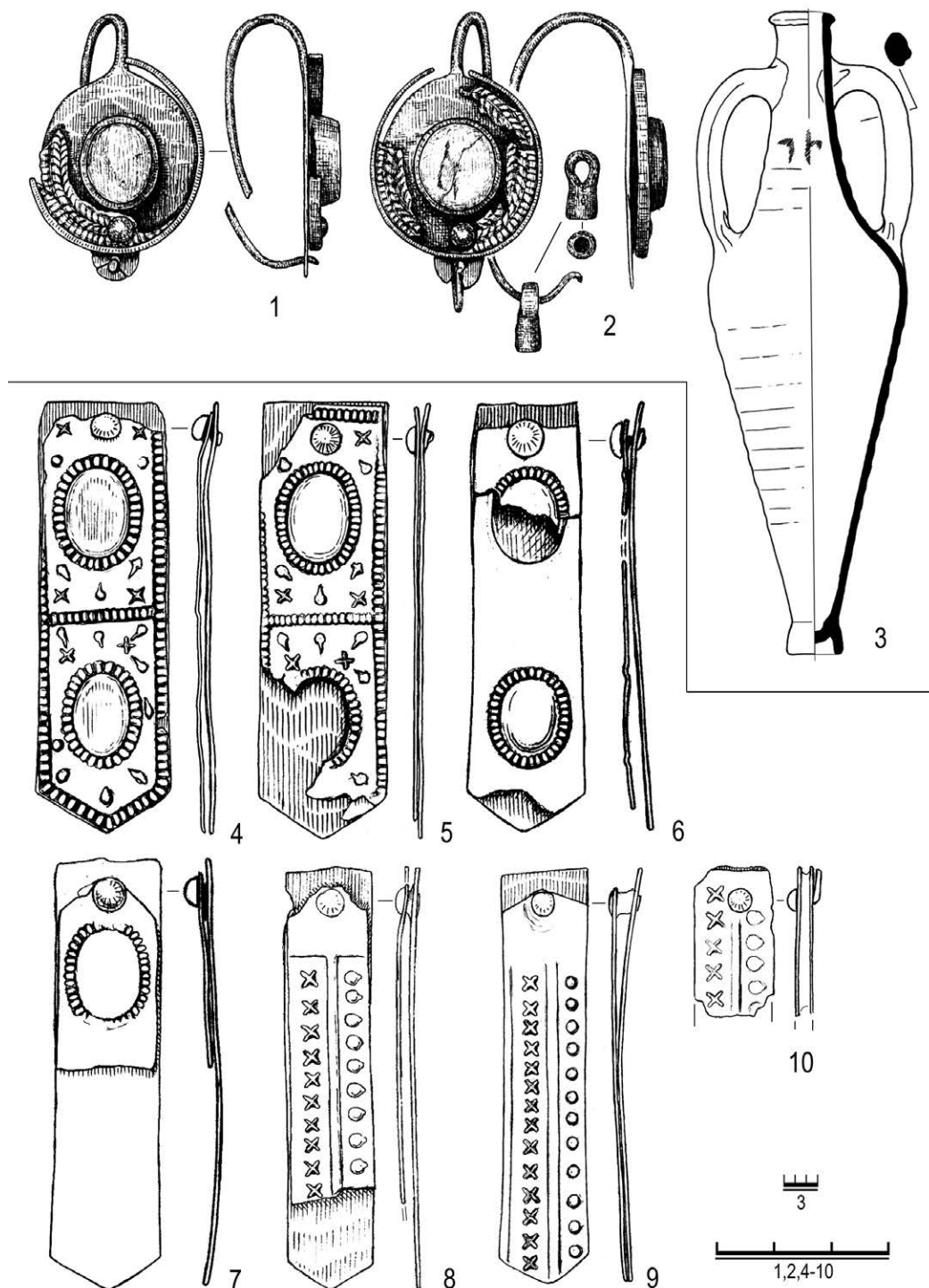

Рис. 21. Могильник Нейзац. Изделия в позднеримском полихромном стиле и сопутствующий погребальный инвентарь:

1–3 – склеп № 4 (по: [Храпунов, 2008, рис. 3,23,26, 10,3]); 4–10 – склеп № 306 (по: [Храпунов, 2011, рис. 7,9, 8,16,17, 10,5, 13,8,9, 15,3]).

1, 2 – серьги серебряные; 3 – амфора; 4–10 – серебряные наконечники ремней

Fig. 21. Neizats cemetery. Artefacts featuring the Late Roman polychrome style and accompanying grave goods:

1–3 – burial vault no. 4 (after: [Khrapunov, 2008, fig. 3,23,26, 10,3]); 4–10 – burial vault no. 306 (after: [Khrapunov, 2011, fig. 7,9, 8,16,17, 10,5, 13,8,9, 15,3]).

1, 2 – silver earrings; 3 – amphora; 4–10 – silver strap ends

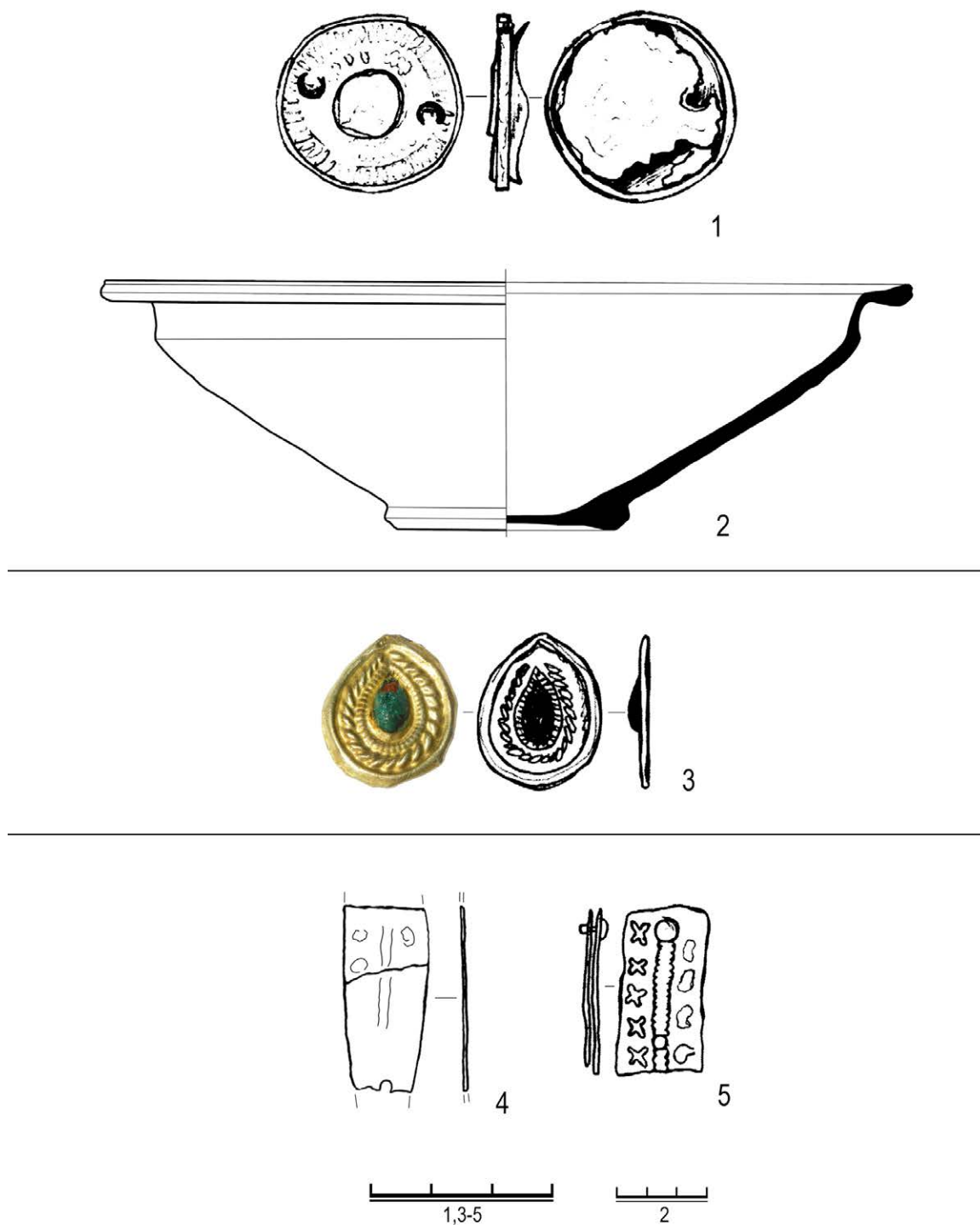

Рис. 22. Могильник Нейзац. Изделия в позднеримском полихромном стиле и сопутствующий погребальный инвентарь:

1–2 – могила № 448 (рисунки С.А. Мульда); 3 – могила № 509 (рисунок С.А. Мульда);
4–5 – могила № 511 (по: [Храпунов, 2016б, рис. 6,20, 8,8]).

1 – щиток от серьги бронзовый; 2 – сосуд краснолаковый; 3 – щиток от серьги серебряный;
4, 5 – серебряные наконечники поясов

Fig. 22. Neizats cemetery. Artefacts featuring the Late Roman polychrome style and accompanying grave goods:

1–2 – grave no. 448 (drawing by S.A. Mul'd); 3 – grave no. 509 (drawing by S.A. Mul'd);
4–5 – grave no. 511 (after: [Khrapunov, 2016b, fig. 6,20, 8,8]).

1 – bronze earring panel; 2 – red-slip vessel; 3 – silver earring panel; 4, 5 – silver strap ends

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамова М. П., 1971. Зеркала горных районов Северного Кавказа // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М. : Сов. Россия. С. 121–132.
- Айбабин А. И., 1994. Раскопки могильника близ села Дружное в 1984 году // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. IV. С. 89–131.
- Айбабин А. И., 1996. Население Крыма в середине III – IV в. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. V. С. 290–302.
- Амброз А. К., 1966. Фибулы юга Европейской части СССР. М. : Наука. 111 с.
- Амброз А. К., 1989. Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв. М. : Наука. 132 с.
- Амброз А. К., 1992. Боспор. Хронология раннесредневековых древностей // Боспорский сборник. Вып. 1. М. С. 6–108.
- Бабенчиков В. П., 1963. Чорноріченський могильник // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. 13. Київ : Вид-во Акад. наук УРСР. С. 90–122.
- Безуглов С. И., 2008. Курганные катакомбные погребения позднееримской эпохи в нижнедонских степях // Проблемы современной археологии. М. : Таус. С. 284–301.
- Безуглов С., Захаров А., 1989. Богатое погребение позднееримского времени близ Танаиса // Известия Ростовского областного музея краеведения. Вып. 6. Ростов н/Д : РОМК. С. 42–66.
- Гавритухин И. О., 2022. Подвязные лучковые фибулы из могильника Фронтное 3 (типология и хронология) // Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах империи. М. : ИА РАН. С. 22–42. DOI: <http://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-373-2.22-42>
- Гей О. А., Бажан И. А., 1997. Хронология эпохи «готских» походов (на территории Восточной Европы и Кавказа). М. 143 с.
- Демиденко С. В., 2016. Воинское погребение с парадной конской упряжью позднесарматского времени в бассейне реки Аксай // Краткие сообщения Института археологии РАН. Вып. 244. С. 195–221.
- Демиденко С. В., Гущина А. А., 2024. К вопросу о технологии изготовления украшений парадной конской упряжи позднесарматского времени из кургана 1 могильника Гремячий III на Нижнем Дону // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. № 2. С. 50–66.
- Диденко С. В., 2014. Хронология светлоглиняных узкогорлых амфор типов D и F (по материалам погребальных комплексов) // Oium 4: Черняхівська культура. Київ. С. 34–48.
- Єрмолін О., 2006. Археологічні дослідження античного некрополя Джург-Оба (Керч) в 2005 році // Дрогобицький краєзнавчий збірник. Вип. X. Дрогобич : Коло. С. 11–44.
- Журавлев Д. В., 2010. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I–III вв. н.э. (по материалам позднекифских некрополей Бельбекской долины). Симферополь. 320 с.
- Засецкая И. П., 2008. Стеклопосуда некрополя Боспора второй половины IV – рубежа VI–VII вв. н.э. (из собрания Государственного Эрмитажа). Симферополь ; Керчь. 224 с.
- Иванова О. С., 2013. Амфоры позднееримского времени из раскопок Мангупа // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). Вып. 1. Симферополь ; Бахчисарай : Доля. С. 93–154.
- Казанский М. М., 1994. Могилы алано-сарматских вождей IV в. в Понтийских степях // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. 4. С. 238–256.
- Кропотов В. В., 2010. Фибулы сарматской эпохи. Киев : АДЕФ-Украина. 384 с.
- Кунина Н. З., Сорокина Н. П., 1972. Стеклопосуда Боспора // Труды Государственного Эрмитажа. Вып. 4. Л. : Аврора. С. 146–177.
- Магомедов Б. В., 2001. Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin : Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej. 290 с.
- Малашев В. Ю., 2000. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов н/Д : Терра : Гефест. С. 194–232.
- Малашев В. Ю., Гаджиев М. С., Илюков Л. С., 2015. Страна маскутов в Западном Прикаспии. Курганные могильники Прикаспийского Дагестана III–V вв. н.э. Махачкала : Мавраев. 452 с.
- Малашев В. Ю., Кадзаева В. П., 2021. Сильнопрофилированные фибулы середины III – IV в. н.э. // Российская археология. № 2. С. 54–72. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086960630009953-7>

- Масленников А. А., 1997. Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. М. 108 с.
- Мастыкова А. В., Свиридов А. Н., 2021. Двурогие пластинчатые лунницы римского времени в Крыму: пространство, датировка (по материалам могильника Фронтное 3) // *Stratum plus*. № 4. С. 231–243.
- Масякин В. В., 2010. Склеп позднеантичного времени у с. Заречное в Центральном Крыму // *Древняя и средневековая Таврика*. Донецк : Донбасс. С. 278–284.
- Мордвинцева В. И., Трейстер М. Ю., 2007. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье 2 в. до н.э. – 2 в. н.э. Т. I. Симферополь ; Бонн. 308 с.
- Мыц В. Л., Лысенко А. В., Щукин М. Б., Шаров О. В., 2006. Чатыр-Даг – некрополь римской эпохи в Крыму. СПб. : Нестор-История. 208 с.
- Нессель В. А., 2003. Краснолаковая керамика из могильника Килен-Балка // *Херсонесский сборник*. Вып. 12. Севастополь. С. 107–123.
- Нессель В. А., 2022. Краснолаковая керамика первых веков н.э. в составе погребального инвентаря могильника Нейзац // *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.)*. Вып. VIII. Севастополь : Альбатрос. С. 109–146.
- Обломский А. М., 2003. Днепровское лесостепное левобережье в позднеантичное и гуннское время (середина III – первая половина V в. н.э.). М. : Наука. 255 с.
- Пуздровский А. Е., 1989. Отчет о работах Симферопольской экспедиции в 1989 г. // *Научный архив Института археологии Крыма РАН*. Д. 23441.
- Пуздровский А. Е., Зайцев Ю. П., Неневоля И. И., 2001. Новые памятники III–IV вв. н.э. в Юго-Западном Крыму // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. Вып. 8. С. 32–50.
- Пуздровский А. Е., Труфанов А. А., 2017. Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2004–2007 гг. Симферополь : ИП Зуева Т.В. 372 с.
- Свиридов А. Н., 2024. Подвески-«игольницы» из могильника Фронтное 3 (Юго-Западный Крым) // *Археологические вести*. Вып. 44. С. 125–136. DOI: <https://doi.org/10.31600/1817-6976-2024-44-125-136>
- Свиридов А. Н., Язиков С. В., 2023. Могильник римского времени Фронтное 3 в Юго-Западном Крыму. Ч. 1. М. : ИА РАН. 460 с.
- Симоненко А. В., 2013. Полихромные сбруйные наборы позднеантичного времени из Сарматии и Пантикапея // *Варварский мир северопонтийских земель в сарматскую эпоху*. Киев : Видавець Олег Філюк. С. 223–241.
- Скрипкин А. С., 1984. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та. 149 с.
- Стоянова А. А., 2011. Гривны из памятников Крыма сарматского времени // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. Вып. XVII. С. 116–140.
- Стоянова А. А., 2016. Подвески из могильника Нейзац // *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.)*. Вып. II: 20 лет исследований могильника Нейзац. Симферополь : Наследие тысячелетий. С. 122–165.
- Стржелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И., 2003–2004. Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10») // *Stratum plus*. № 4. С. 27–277.
- Суханов Е. В., Гавритухин И. О., Нессель В. А., 2021. Краснолаковая керамика второй половины III – начала V в. из могильника Фронтное 3 // *Краткие сообщения Института археологии РАН*. Вып. 263. С. 441–456. DOI: <http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.263.441-456>
- Трейстер М. Ю., 2011. Об одной группе боспорских золотых перстней II–III вв. н.э. // *Боспорские исследования*. Вып. XXV. С. 312–322.
- Трейстер М. Ю., 2015. Золото Фанагории. Типологический, стилистический и хронологический анализ // *Фанагория. Результаты археологических исследований*. Т. 2. Золото Фанагории. М. : Ин-т археологии РАН. С. 77–181.
- Труфанов А. А., 2005–2009. Хронология могильников предгорного Крыма I в. до н.э. – III в. н.э. // *Stratum plus*. № 4. С. 117–328.
- Труфанов А. А., 2007. Зеркала-подвески первых веков н.э. из могильников Крымской Скифии // *Древняя Таврика*. Симферополь : Универсум. С. 173–186.
- Труфанов А. А., 2022. Колокольчики из Усть-Альминского некрополя // *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.)*. Вып. VIII. Севастополь : Альбатрос. С. 223–267.

- Хазанов А. М., 1963. Генезис сарматских бронзовых зеркал // Советская археология. № 4. С. 58–71.
- Храпунов И. Н., 2002. Могильник Дружное (III–IV вв. н.э.). Lublin : Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Sklodowskiej. 313 с.
- Храпунов И. Н., 2003. Новые данные о сармато-германских контактах в Крыму (по материалам раскопок могильника Нейзац) // Боспорские исследования. Вып. III. Симферополь. С. 329–350.
- Храпунов И. Н., 2008. Наконечники ремней из могильника Нейзац // МАИЭТ. Вып. XIV. С. 61–79.
- Храпунов И. Н., 2011. Склеп с погребениями III–IV вв. н.э. из могильника Нейзац. Симферополь : Доля. 72 с.
- Храпунов И. Н., 2016а. Серебряные и бронзовые пряжки из могильника Нейзац // Крым в сарматскую эпоху. Вып. II : 20 лет исследований могильника Нейзац. Симферополь : Наследие тысячелетий. С. 97–121.
- Храпунов И. Н., 2016б. Две подбойные могилы III в. н.э. из некрополя Нейзац (Крым) // Российская археология. № 2. С. 132–149.
- Храпунов И. Н., 2018. Склеп с вещами в догуннском полихромном стиле из могильника Опушки // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). Вып. III. Симферополь : ИП Бровко А.А. С. 137–169.
- Храпунов И. Н., 2020. Склеп с монетами III в. н.э. из могильника Опушки // Нижневолжский археологический вестник. Т. 19, № 2. С. 247–278. DOI : <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.13>
- Храпунов И. Н., 2025. Могильник Нейзац (II–IV вв. н.э.). Т. 1. Севастополь : Альбатрос. 472 с.
- Храпунов И. Н., Стоянова А. А., 2013. Три подбойные могилы из некрополя Опушки в Крыму // Варварский мир северопонтийских земель в сарматскую эпоху. Киев : Видавець Олег Філюк. С. 184–207.
- Храпунов И. Н., Стоянова А. А., 2016. Могила № 9 (35) из Чернореченского могильника в Крыму // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 244. С. 166–194.
- Храпунов И. Н., Стоянова А. А., 2018. Украшения в позднеримском полихромном стиле из могильника Опушки в Крыму // Stratum plus. № 4. С. 255–262.
- Храпунов И. Н., Стоянова А. А., 2022. Склеп III в. н.э. с украшениями в позднеримском полихромном стиле из могильника Опушки // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). Вып. VIII. Севастополь : Альбатрос. С. 268–324.
- Храпунов И. Н., Стоянова А. А., 2024. Склеп с идолом IV в. н.э. из могильника Опушки // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). Вып. X. Симферополь : Наследие тысячелетий. С. 269–300.
- Шабанов С. Б., 2011. Стекланные сосуды из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996–2011 гг.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XVII. С. 141–191.
- Шабанов С. Б., 2020. Стекланные сосуды римского времени из могильника Опушки в Крыму (по материалам раскопок 2003–2019 гг.) // Проблемы истории, филологии, культуры. № 2. С. 110–134. DOI: <https://doi.org/10.18503/1992-0431-2020-2-68-110-134>
- Шабанов С. Б., 2022. К вопросу о времени появления в крымских предгорьях позднеримских стекланных стаканов с утолщенным дном // История и археология Северного Причерноморья в античную и средневековую эпохи : материалы Всерос. науч. конф. Севастополь : ГИА МЗ «Херсонес Таврический». С. 240–243.
- Шаров О. В., 1992. Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчаны и проблема датировки черняховской керамики // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. СПб. С. 158–207.
- Шаров О. В., 2007. Керамический комплекс некрополя Чатыр-Даг. Хронология комплексов с римскими импортами. СПб. : Нестор-История. 208 с.
- Шаров О. В., 2022. Боспорское царство и варварский мир Центральной и Восточной Европы в позднеримскую эпоху (середина II – середина IV в. н.э.). М. : ИА РАН. 304 с.
- Шелов Д. Б., 1978. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // Краткие сообщения Института археологии РАН. Вып. 156. С. 16–21.
- Юрочкин В. Ю., Труфанов А. А., 2003. Позднеантичный погребальный комплекс в низовьях реки Качи // Херсонесский сборник. Вып. XII. Севастополь. С. 199–225.
- Яценко С. А., Малашев В. Ю., 2000. О полихромном стиле позднеримского времени на территории Сарматии // Stratum plus. № 4. С. 226–250.
- Bierbrauer V., 1994. Archeologia e storia dei Goti dal I al IV secolo // I Goti. Milano : Electa. S. 22–107.
- Domžalski K., 2021. Pontic Red Slip Ware. Typology, Chronology and Distribution of a Major Group of Late Roman Fine Pottery in the Black Sea Region. Warsaw. 221 p.

- Hellström K., 2018. Fibeln und Fibeltracht der Sarmatischen Zeit im Nordschwarzmeergebiet (2. Jh. v. Chr. – 3. Jh. n. Chr.). Bonn : Habelt – Verlag. 284 S.
- Isings C., 1957. Roman Glass from Dated Finds. Groningen ; Djakarta : J. B. Wolters. 185 p.
- Khrapunov I. N., 2008. The Vault with Openwork Plaque from the Cemetery of Neyzats in the Crimea // The Turbulent Epoch. New materials from the Late Roman Period and the Migration Period. 1. Lublin : Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej. P. 189–217.
- Khrapunov I., Stoyanova A., 2018. Fibulae in the cemetery of Nejzac // Studia barbarica. Professorowi Andrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznicę urodzin. Tom I. Lublin : UMCS. P. 456–479.
- Kuehnelt E., 2008. Terra Sigillata aus Alma Kermen. Typologie. Datierung. Rohstoffgruppen der Pontische Sigillata. Dissertationarbeit. Berlin : Freien Universität. 475 S.
- Mastykova A., Sviridov A., 2021. The lunula pendants from the cemetery of Frontovoe 3 from the Late Roman Period in the South-Western Crimea // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. 72. 1. P. 119–136. DOI: <http://dx.doi.org/10.1556/072.2021.00007>
- Polit B., 2022. Jewellery of the Barbarian Societies from the Crimea in the Sarmatian Period. Earrings, Bracelets, Band Rings and Finger Rings. Rzeszow : Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego. 425 p.
- Skóra K., Niezabitowska-Wiśniewska B., 2018. Flabellum czy calamistrum? I jeszcze jeden, niezwykle intrygujący zabytek ... z Dratowa // Studia Barbarica. Professorowi Andrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznicę urodzin. Nom II. Lublin : UMCS. P. 130–180.
- Thomas S., 1960. Studien zu den Germanischen Kämmen der Römischen Kaiserzeit // Arbeits- und Forschungsberichte zur Sächsischen Bodendenkmalpflege. Bd. 8. S. 54–215.

REFERENCES

- Abramova M.P., 1971. Zerkala gornyykh rayonov Severnogo Kavkaza [Mirrors of the Mountainous Regions of the North Caucasus]. *Istoriya i kul'tura Vostochnoy Evropy po arkheologicheskim dannym* [The History and Culture of Eastern Europe According to Archaeological Data]. Moscow, Sov. Rossiia Publ., pp. 121–132.
- Aibabin A.I., 1994. Raskopki mogil'nika bliz sela Druzhnoe v 1984 godu [Excavation of a Cemetery Near the Village of Druzhnoye in 1984]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archeology, History and Ethnography of Tauria], iss. IV, pp. 89–131.
- Aibabin A.I., 1996. Naselenie Kryma v seredine III – IV v. [The Population of Crimea in the Middle of the 3rd – 4th Centuries]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archeology, History and Ethnography of Tauria], iss. V, pp. 290–302.
- Ambroz A.K., 1966. *Fibuly iuga Evropeiskoy chasti SSSR* [Fibulae of the Southern European Part of the USSR]. Moscow, Nauka Publ. 111 p.
- Ambroz A.K., 1989. *Khronologiya drevnostei Severnogo Kavkaza V–VII vv.* [Chronology of the Antiquities of the North Caucasus of the 5th – 7th Centuries]. Moscow, Nauka Publ. 132 p.
- Ambroz A.K., 1992. Bospor. Khronologiya rannesrednevekovykh drevnostei [Bosporus. Chronology of Early Medieval Antiquities]. *Bosporskii sbornik* [Bosporan Collection], iss. 1. Moscow, pp. 6–108.
- Babenchikov V.P., 1963. Chornorichens'kii mogil'nik [Chernorechensky Cemetery]. *Arkheologichni pam'iatki URSR* [Archaeological Sites of the Ukrainian SSR], vol. 13. Kyiv, AS Ukrainian SSR, pp. 90–122.
- Bezuglov S.I., 2008. Kurgannye katakombnye pogrebeniya pozdnerimskoy epokhi v nizhnedonskikh stepyakh [Kurgan Catacomb Burials of the Late Roman Era in the Lower Don Steppes]. *Problemy sovremennoy arkheologii* [Problems of Modern Archaeology]. Moscow, Taus Publ., pp. 284–301.
- Bezuglov S., Zakharov A., 1989. Bogatoye pogrebenie pozdnerimskogo vremeni bliz Tanaisa [A Rich Burial from the Late Roman Period Near Tanais]. *Izvestiia Rostovskogo oblastnogo muzeya kraevedeniya* [Proceedings of the Rostov Regional Museum], iss. 6. Rostov-on-Don, Rostov Regional Museum of Local Lore, pp. 42–66.
- Gavritukhin I.O., 2022. Podvyeznye luchkovye fibuly iz mogil'nika Frontovoe 3 (tipologiya i khronologiya) [Bow-Shaped Brooches with Returned Foot from the Cemetery Frontovoe 3 (Typology and Chronology)]. *Mogil'nik rimskogo vremeni Frontovoe 3: varvary na granitsakh imperii* [Cemetery of Roman Times Frontovoe 3: Barbarians on the Borders of the Empire]. Moscow, IA RAS, pp. 22–42. DOI: <http://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-373-2.22-42>

- Gey O.A., Bazhan I.A., 1997. *Khronologiya epokhi «gotskikh» pokhodov (na territorii Vostochnoy Evropy i Kavkaza)* [Chronology of the Period of the “Gothic” Campaigns (in Eastern Europe and the Caucasus)]. Moscow. 143 p.
- Demidenko S.V., 2016. Voinskoe pogrebenie s paradnoy konskoy upriazh’yu pozdnesarmatskogo vremeni v basseine reki Aksai [A Warrior’s Grave with Ceremonial Horse Trappings of the Late Sarmatian Period in the Kurmoyarsky Aksay River Basin]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii RAN* [Brief Communications of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences], iss. 244, pp. 195-221.
- Demidenko S.V., Gushchina A.A., 2024. K voprosu o tekhnologii izgotovleniya ukrasheniy paradnoy konskoy upriazhi pozdnesarmatskogo vremeni iz kurgana 1 mogil’nika Gremyachiy III na Nizhnem Donu [On the Question of the Technology for Making Decorations for Ceremonial Horse Harnesses of the Late Sarmatian Period from Mound 1 of the Gremyachiy III Burial Ground on the Lower Don]. *Biulleten’ Kalmytskogo nauchnogo tsentra RAN* [Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], no. 2, pp. 50-66.
- Didenko S.V., 2014. Khronologiya svetloglinianyykh uzkogorlykh amfor tipov D i F (po materialam pogrebal’nykh kompleksov) [Chronology of Light-Clay Narrow-Necked Amphorae of Types D and F (Based on Materials from Funerary Complexes)]. *Oium 4: Cherniakhivs’ka kul’tura* [Oium 4: Chernyakhov Culture]. Kiev, pp. 34-48.
- Ermolin O., 2006. Arkheologichni doslidzhennya antichnogo neropolya Dzhurg-Oba (Kerch) v 2005 rotsi [Archaeological Research of the Ancient Necropolis of Djurg-Oba (Kerch) in 2005]. *Drogobits’kii kraeznavchii zb’rnik* [Drohobych Local History Collection], iss. X. Drogoibich, Kolo Publ., pp. 11-44.
- Zhuravlev D.V., 2010. *Krasnolakovaya keramika Yugo-Zapadnogo Kryma I–III vv. n.e.: (po materialam pozdneskifskikh nekropoley Belbekskoy doliny)* [Terra Sigillata of the South-Western Crimea in the 1st – 3rd Centuries A.D. (Finds from Late Scythian Necropolis of the Belbek-River Valley)]. Simferopol. 320 p.
- Zasetskaya I.P., 2008. *Stekliannaya posuda nekropolya Bospora vtoroy poloviny IV – rubezha VI–VII vv. n. e. (iz sobraniya Gosudarstvennogo Ermitazha)* [Glassware of the Bosphorus Necropolis of the Second Half of the IV – the turn of the VI–VII Centuries A.D. (From the Collection of the State Hermitage Museum)]. Simferopol’; Kerch’. 224 p.
- Ivanova O.S., 2013. Amfory pozdnerimskogo vremeni iz raskopok Mangupa [Late Roman Period Amphorae from the Mangup Excavations]. *Krym v sarmatskuiu epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.)* [The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC AD 400)], iss. 1. Simferopol’, Bakhchisaray, DOLIA Publ., pp. 93-154.
- Kazanski M.M., 1994. Mogily alano-sarmatskikh vozhdov IV v. v Pontiiskikh stepiakh [Graves of Alan-Sarmatian Chiefs of the 4th Century in the Pontic Steppes]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archeology, History and Ethnography of Tauria], iss. 4, pp. 238-256.
- Kropotov V.V., 2010. *Fibuly sarmatskoy epokhi* [Fibulae of the Sarmatian Period]. Kiev, ADEF-Ukraine Publ. 384 p.
- Kunina N.Z., Sorokina N.P., 1972. Stekliannye bal’zamarii Bospora [Glass Balzamarius of the Bosphorus]. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* [Proceedings of the State Hermitage Museum], iss. 4. Leningrad, Avrorra Publ., pp. 146-177.
- Magomedov B.V., 2001. *Chernyakhovskaya kultura. Problema etnosa* [The Cherniakhov Culture: the Problem of the Ethnos]. Lublin, Wydawnictwo Uniwersitetu Marii Curie-Skladowskie. 290 p.
- Malashev V.Yu., 2000. Periodizatsiya remennykh garnitur pozdnesarmatskogo vremeni [The Periodization of Belt Sets of the Late Sarmatian Era]. *Sarmaty i ikh sosedi na Donu* [The Sarmatians and Their Neighbors on the Don]. Rostov-on-Don, Terra Publ., Gefest Publ., pp. 194-232.
- Malashev V.Yu., Gadzhiev M.S., Ilyukov L.S., 2015. *Strana maskutov v Zapadnom Prikaspii. Kurgannye mogilniki Prikaspiyskogo Dagestana III–V vv. n.e.* [The Country of the Maskuts in the Western Caspian Region. Kurgan Cemeteries of Caspian Dagestan of the 3rd – 5th Centuries AD]. Makhachkala, Mavraev Publ. 452 p.
- Malashev V.Yu., Kadzaeva V.P., 2021. Sil’noprofilirovannye fibuly serediny III – IV v. n.e. [Strongly Profiled Fibulae of the Middle 3rd – 4th Century]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], no. 2, pp. 54-72. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086960630009953-7>
- Maslennikov A.A., 1997. *Semeinye sklepy sel’skogo naseleniya pozdneantichnogo Bospora* [Family Vaults of the Rural Population of the Late Antique Bosphorus]. Moscow. 108 p.
- Mastykova A.V., Sviridov A.N., 2021. Dvurogie plastinchatyte lunitsy rimskogo vremeni v Krymu: rasprostraneniye, datirovka (po materialam mogil’nika Frontovoe 3) [Two-horned Lamellar Lunulas of the Roman Period in

- the Crimea: Distribution, Dating (By Materials from the Frontovoye 3 Burial Ground)]. *Stratum plus*, no. 4, pp. 231-243.
- Masiakin V.V., 2010. Sklep pozdnerimskogo vremeni u s. Zarechnoe v Tsentral'nom Krymu [The Vault of the Late Roman Period Near the Village of Zarechnoye in the Central Crimea]. *Drevnyaya i srednevekovaya Tavrika* [Ancient and Medieval Taurica]. Donetsk, Donbass Publ., pp. 278-284.
- Mordvintseva V.I., Treister M.Iu., 2007. *Proizvedeniya torevniki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e 2 v. do n.e. – 2 v. n.e.* [Works of Toreutics and Jewelry in the Northern Black Sea Region of the 2nd Century BC – 2nd Century AD.], vol. I. Simferopol'; Bonn. 308 p.
- Myts V.L., Lysenko A.V., Shchukin M.B., Sharov O.V., 2006. *Chatyr-Dag – nekropol rimskoy epokhi v Krymu* [Chatyr-Dag: A Necropolis of Roman Period in the Crimea]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ. 208 p.
- Nessel' V.A., 2003. Krasnolakovaya keramika iz mogil'nika Kilen-Balka [Terra Sigillata from the Kilen-Balka Cemetery]. *Khersonesskii sbornik* [The Chersonesos Collection], iss. 12. Sevastopol', pp. 107-123.
- Nessel' V.A., 2022. Krasnolakovaya keramika pervykh vekov n.e. v sostave pogrebal'nogo inventarya mogil'nika Neizats [Terra Sigillata from the First Centuries A.D. in the Grave Goods of the Cemetery of Neizats]. *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.)* [The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC – AD 400)], iss. 8. Sevastopol', Al'batros Publ., pp. 109-146.
- Oblomskiy A.M., 2003. *Dneprovskoe lesostepnoe levoberezh'e v pozdnerimskoe i gunnskoe vremya (seredina III – pervaya polovina V v. n.e.)* [Forest-Steppe Left Bank Dnieper Area in the Late Roman and Hunnic Times (Middle of the 3rd – First Half of the 5th Century AD)]. Moscow, Nauka Publ. 255 p.
- Puzdrovskiy A.E., 1989. Otchet o rabotakh Simferopol'skoy ekspeditsii v 1989 g. [Report on the Work of the Simferopol Expedition in 1989]. *Nauchnyi arkhiv Instituta arkheologii Kryma RAN*. D. 23441.
- Puzdrovskiy A.E., Zaitsev Iu.P., Nenevolia I.I., 2001. Novye pamiatniki III–IV vv. n.e. v Iugo-Zapadnom Krymu [New Sites of the III–IV Centuries A.D. in the Southwestern Crimea]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archeology, History and Ethnography of Tauria], iss. 8, pp. 32-50.
- Puzdrovskiy A.E., Trufanov A.A., 2017. *Polevye issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropolia v 2004–2007 gg.* [Field Researches at Ust'-Al'ma Cemetery in 2004–2007]. Simferopol, IP Brovko A.A. Publ. 372 p.
- Sviridov A.N., 2024. Podveski-«igol'nitsy» iz mogil'nika Frontovoe 3 (Yugo-Zapadnyy Krym) [Pendants-“Pincushions” from the Frontovoye 3 Burial Ground (South-West Crimea)]. *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological News], iss. 44, pp. 125-136. DOI: <https://doi.org/10.31600/1817-6976-2024-44-125-136>
- Sviridov A.N., Yazikov S.V., 2023. *Mogil'nik rimskogo vremeni Frontovoe 3 v Iugo-Zapadnom Krymu. Ch. 1* [Cemetery of the Roman Period Frontovoe 3 in the South-Western Crimea]. Moscow, IARAS. 460 p.
- Simonenko A.V., 2013. Polikhromnye sbruinye nabory pozdnerimskogo vremeni iz Sarmatii i Pantikapeia [Polychrome Harness Sets from the Late Roman Period from Sarmatia and Panticapaeum]. *Varvarskii mir severopontiiskikh zemel' v sarmatskuyu epokhu* [The Barbaric World of the North Pontic Lands in the Sarmatian Period]. Kiev, Vidavets' Oleg Filiuk, pp. 223-241.
- Skripkin A.S., 1984. *Nizhnee Povolzh'e v pervye veka nashey ery* [The Lower Volga Region in the First Centuries AD]. Saratov, Saratov University. 149 p.
- Stoyanova A.A., 2011. Grivny iz pamiatnikov Kryma sarmatskogo vremeni [Neck-Rings in the Crimean Sites from the Sarmatian Period]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], iss. XVII, pp. 116-140.
- Stoyanova A.A., 2016. Podveski iz mogil'nika Neizats [Pendants from the Cemetery of Neizats]. *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.). Vyp. II. 20 let issledovaniy mogil'nika Neizats* [The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC – AD 400). Vol. II: 20 Years of Researches at the Cemetery of Neizats]. Simferopol, Nasledie tysiacheletiy Publ., pp. 122-165.
- Strzheletskiy S.F., Vysotskaya T.N., Ryzhova L.A., Zhestkova G.I., 2003–2004. Naselenie okrugov Khersonesa v pervoy polovine I tysiacheletiya novoy ery (po materialam nekropolia «Sovkhoz № 10») [The Population in the Neighborhood of Chersonesos Tauricus in the First Half of 1st Millennium A.D. (by materials of the necropolis “Sovkhoz No. 10”)]. *Stratum plus*, no. 4, pp. 27-277.
- Sukhanov E.V., Gavritukhin I.O., Nessel' V.A., 2021. Krasnolakovaya keramika vtoroy poloviny III – nachala V v. iz mogil'nika Frontovoe 3 [Red-Slip Ware Ceramics of the Second Half of the 3rd – Early 5th Centuries from the Frontovoye 3 Cemetery]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii RAN* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], iss. 263, pp. 441-456. DOI: <http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.263.441-456>

- Treister M. Yu., 2011. Ob odnoy gruppe bosporskikh zolotykh perstney II–III vv. n.e. [About one Group of Bosporan Gold Rings of the II–III Centuries A.D.]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporos Studies], iss. XXV, pp. 312–322.
- Treister M. Yu., 2015. Zoloto Fanagorii. Tipologicheskii, stilisticheskii i khronologicheskii analiz [The Gold of Phanagoria: Its Typological, Stylistic, and Chronological Analysis]. *Fanagoriya. Rezultaty arkhеologicheskikh issledovaniy. T. 2. Zoloto Fanagorii* [Phanagoria. The Results of the Archaeological Researches. Vol. 2. The Gold of Phanagoria]. Moscow, IA RAS, pp. 77–181.
- Trufanov A.A., 2005–2009. Khronologiya mogil'nikov predgornogo Kryma I v. do n.e. – III v. n.e. [Chronology of Cemeteries of Crimean Foothills of the 1st C. BC – 3rd C. AD.]. *Stratum plus*, no. 4, pp. 117–328.
- Trufanov A.A., 2007. Zerkala-podveski pervykh vekov n.e. iz mogil'nikov Krymskoy Skifii [Mirrors-Pendants of the First Centuries A.D. from the Cemeteries of Crimean Scythia]. *Drevniaia Tavrika* [Ancient Taurica]. Simferopol', Universum Publ., pp. 173–186.
- Trufanov A.A., 2022. Kolokol'chiki iz Ust'-Al'minskogo nekropolya [The Small Bells from the Cemetery of Ust'-Al'ma]. *Krym v sarmatskuiu epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.)* [The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC – AD 400)], iss. VIII. Sevastopol', Al'batros Publ., pp. 223–267.
- Khazanov A.M., 1963. Genezis sarmatskikh bronzovykh zerkal [The Genesis of the Sarmatian Bronze Mirrors]. *Sovetskaya arkhеologiya* [Soviet Archaeology], no. 4, pp. 58–71.
- Khrapunov I.N., 2002. *Mogil'nik Druzhnoe (III–IV vv. n.e.)* [The Cemetery of Druzhnoe (Third and Fourth Centuries AD)]. Lublin, Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Sklodowskiej. 313 p.
- Khrapunov I.N., 2003. Novye dannye o sarmato-germanskikh kontaktakh v Krymu (po materialam raskopok mogil'nika Neizats) [New Data on Sarmatian-German Contacts in Crimea (Based on the Excavation Materials of the Cemetery of Neizac)]. *Bosporskie issledovaniia* [Bosporos Studies], iss. III. Simferopol', pp. 329–350.
- Khrapunov I.N., 2008. Nakonechniki remney iz mogilnika Neyzats [Strap-Ends from the Cemetery of Neyzats]. *MAIET* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], iss. XIV, p. 61–79.
- Khrapunov I.N., 2011. *Sklep s pogrebeniyami III–IV vv. n.e. iz mogil'nika Neizats* [A Burial Vault with the Third and Fourth Century AD Burials in the Cemetery of Neizats]. Simferopol, Dolya Publ. 72 p.
- Khrapunov I.N., 2016a. Serebryanye i bronzovye pryazhki iz mogilnika Neyzats [Silver and Bronze Buckles from the Cemetery of Neyzats]. *Krym v sarmatskuyu epokhu. Vyp. II. 20 let issledovaniy mogilnika Neyzats* [The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC – AD 400). II. 20 Years of Researches at the Cemetery of Neyzats]. Simferopol, Nasledie tysyacheletiy Publ., pp. 97–121.
- Khrapunov I.N., 2016b. Dve podboinye mogily III v. n.e. iz nekropolia Neizats (Krym) [Two Niche Graves of the 3rd C. AD from the Necropolis Neizats (Crimea)]. *Rossiiskaya arkhеologiya* [Russian archaeology], no. 2, pp. 132–149.
- Khrapunov I.N., 2018. Sklep s veshchavi v dogunnskom polikhromnom stile iz mogilnika Opushki [A Burial Vault with Goods in the Pre-Hunnic Polychrom Style in Opushki Cemetery]. *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.)* [The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC – AD 400)], iss. III. Simferopol, IP Brovko A.A. Publ., pp. 137–169.
- Khrapunov I.N., 2020. Sklep s monetami III v. n.e. iz mogil'nika Opushki [A Crypt with Third-Century Coins in the Cemetery of Opushki]. *Nizhnevolzhskiy arkhеologicheskii vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 19, no. 2, pp. 247–278. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.13>
- Khrapunov I.N., 2025. *Mogil'nik Neizats (II–IV vv. n.e.)* [The Cemetery of Neizats (Second to Fourth Centuries AD)], vol. 1. Sevastopol', Al'batros Publ. 472 p.
- Khrapunov I.N., Stoyanova A.A., 2013. Tri podboinye mogily iz nekropolia Opushki v Krymu [Three Undercut Graves from the Cemetery of Opushki in Crimea]. *Varvarkii mir severopontiiskikh zemel' v sarmatskuiu epokhu* [The Barbaric World of the North Pontic Lands in the Sarmatian Period]. Kiev, Vidavets' Oleg Filiuk Publ., pp. 184–207.
- Khrapunov I.N., Stoyanova A.A., 2016. Mogila № 9 (35) iz Chernorechenskogo mogil'nika v Krymu [Grave 9 (35) from the Chernorechensky Cemetery in the Crimea]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkhеologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], iss. 244, pp. 166–194.
- Khrapunov I.N., Stoyanova A.A., 2018. Ukrasheniya v pozdnerimskom polikhromnom stile iz mogilnika Opushki v Krymu [Adornments of the Late Roman Polychrome Style in the Cemetery of Opushki in the Crimea]. *Stratum plus*, no. 4, pp. 255–262.

- Khrapunov I.N., Stoyanova A.A., 2022. Sklep III v. n.e. s ukrasheniyami v pozdnerimskom polikhromnom stile iz mogil'nika Opushki [A Third-Century AD Burial Vault Containing the Ornaments Featuring in the Late Roman Polychrom Style in the Cemetery of Opushki]. *Krym v sarmatskuiu epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.)* [The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC – AD 400)], iss. VIII. Sevastopol', Al'batros Publ., pp. 268-324.
- Khrapunov I.N., Stoyanova A.A., 2024. Sklep s idolom IV v. n.e. iz mogil'nika Opushki [A Fourth-Century AD Burial Vault with an Idol from the Cemetery of Opushki]. *Krym v sarmatskuiu epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.)* [The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC – AD 400)], iss. X. Simferopol', Nasledie tysiacheletiy Publ., pp. 269-300.
- Shabanov S.B., 2011. Stekliannye sosudy iz mogil'nika Neizats (po materialam raskopok 1996–2011 gg.) [Glass Vessels from the Cemetery of Neizac (Based on Excavation Materials from 1996 to 2011)]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], iss. XVII, pp. 141-191.
- Shabanov S.B., 2020. Stekliannye sosudy rimskogo vremeni iz mogil'nika Opushki v Krymu (po materialam raskopok 2003–2019 gg.) [Glass Vessels from the Roman Period in Opushki Necropolis, the Crimea (Excavations in 2003–2019)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], no. 2, pp. 110-134. DOI: <https://doi.org/10.18503/1992-0431-2020-2-68-110-134>
- Shabanov S.B., 2022. K voprosu o vremeni poiyavleniya v krymskikh predgor'iyakh pozdnerimskikh stekliannykh stakanov s utolshchennym dnom [On the Question of the Time of the Appearance of Late Roman Glass Tumblers with a Thickened Bottom in the Crimean Foothills]. *Istoriya i arkheologiya Severnogo Prichernomora v antichnyuyu i srednevekovuyu epokhi: materialy Vseros. nauch. konf.* [The History and Archaeology of the Northern Black Sea Region in the Ancient and Medieval Periods. Materials of the All-Russian Scientific Conference]. Sevastopol', The State Museum-Preserve «Tauric Chersonese», pp. 240-243.
- Sharov O.V., 1992. Khronologiya mogil'nikov Ruzhichanka, Kosanovo, Dancheny i problema datirovki cherniakhovskoi keramiki [Chronology of the Cemeteries Ruzhichanka, Kosanovo, and Danchen and the Problem of Dating Chernyakhov Ceramics]. *Problemy khronologii epokhi latena i rimskogo vremeni* [Problems of Chronology of the Latene Period and Roman Times]. St. Petersburg, pp. 158-207.
- Sharov O.V., 2007. *Keramicheskiy kompleks nekropolia Chatyr-Dag. Khronologiya kompleksov s rimskimi importami* [The Ceramic Complex of the Cemetery of Chatyr-Dag. Chronology of Complexes with Roman Imports]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ. 208 p.
- Sharov O.V., 2022. *Bosporskoe tsarstvo i varvarskiy mir Tsentral'noy i Vostochnoy Evropy v pozdnerimskuiu epokhu (seredina II – sredina IV v. n. e.)* [The Bosporan Kingdom and the Barbarian World of Central and Eastern Europe in the Late Roman Period (Middle 2nd – Middle 4th Century AD)]. Moscow, IAS RAS. 304 p.
- Shelov D.B., 1978. Uzkogorlye svetlogliniane amfory pervykh vekov nashey ery. Klassifikatsiya i khronologiya [Narrow-Necked Light-Clay Amphorae of the First Centuries AD. Classification and Chronology]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii RAN* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], iss. 156, pp. 16-21.
- Yurochkin V.Yu., Trufanov A.A., 2003. Pozdneantichnyy pogrebal'nyy kompleks v nizov'iyakh reki Kachi [[Late Ancient Burial Complex in the Lower Course of the Kacha River]. *Khersonesskiy sbornik* [The Chersonesos Collection], iss. XII. Sevastopol', pp. 199-225.
- Yatsenko S.A., Malashev V.Iu., 2000. O polikhromnom stile pozdnerimskogo vremeni na territorii Sarmatii [On the Polychromic Style of the Late Roman Time in Sarmatia]. *Stratum plus*, no. 4, pp. 226-250.
- Bierbrauer V., 1994. Archeologia e storia dei Goti dal I al IV secolo. *I Goti*. Milano, Electa, pp. 22-107.
- Domžalski K., 2021. *Pontic Red Slip Ware. Typology, Chronology and Distribution of a Major Group of Late Roman Fine Pottery in the Black Sea Region*. Warsaw. 221 p.
- Hellström K., 2018. *Fibeln und Fibeltracht der Sarmatischen Zeit im Nordschwarzmeergebiet (2. Jh. v. Chr. – 3. Jh. n. Chr.)*. Bonn, Habelt – Verlag. 284 p.
- Isings C., 1957. *Roman Glass from Dated Finds*. Groningen, Djakarta, J. B. Wolters. 185 p.
- Khrapunov I.N., 2008. The Vault with Openwork Plaque from the Cemetery of Neizats in the Crimea. *The Turbulent Epoch. New materials from the Late Roman Period and the Migration Period. 1*. Lublin, Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, pp. 189-217.
- Khrapunov I., Stoyanova A., 2018. Fibulae in the Cemetery of Neizac. *Studia barbarica. Professorowi Andrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznicę urodzin*. Tom I. Lublin, UMCS, pp. 456-479.
- Kuehnelt E., 2008. *Terra Sigillata aus Alma Kermen. Typologie. Datierung. Rohstoffgruppen der Pontische Sigillata. Dissertationarbeit. Freien Universität, Berlin*. Berlin. 475 p.

- Mastykova A., Sviridov A., 2021. The Lunula Pendants from the Cemetery of Frontovoe 3 from the Late Roman Period in the South-Western Crimea. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 72. 1, pp. 119-136. DOI: <http://dx.doi.org/10.1556/072.2021.00007>
- Polit B., 2022. *Jewellery of the Barbarian Societies from the Crimea in the Sarmatian Period. Earrings, Bracelets, Band Rings and Finger Rings*. Rzeszow, Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego. 425 p.
- Skóra K., Niezabitowska-Więniowska B., 2018. Flabellum czy calamistrum? I jeszcze jeden, niezwykle intrygujący zabytek ... z Dratowa. *Studia Barbarica. Professorowi Andrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznicę urodzin*. Tom II. Lublin, UMCS, pp. 130-180.
- Thomas S., 1960. Studien zu den Germanischen Kämmen der Römischen Kaiserzeit. *Arbeits- und Forschungsberichte zur Sächsischen Bodendenkmalpflege*, vol. 8, pp. 54-215.

Information About the Author

Igor N. Khrapunov, Doctor of Sciences (History), Professor, Senior Researcher, Department of Grant Projects Realization, Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Akad. Vernadskogo, 2, 295007 Simferopol, Russian Federation; Professor, Department of Archaeology and World History, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Prosp. Akad. Vernadskogo, 4, 295007 Simferopol, Russian Federation, igorkhrapunov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3961-6297>

Информация об авторе

Игорь Николаевич Храпунов, доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник отдела выполнения грантовых проектов, Институт археологии Крыма РАН, просп. Акад. Вернадского, 2, 295007 г. Симферополь, Российская Федерация; профессор кафедры археологии и всеобщей истории, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, просп. Акад. Вернадского, 4, 295007 г. Симферополь, Российская Федерация, igorkhrapunov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3961-6297>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.3.5>

UDC 903.25

LBC 63.442.7(235.4)

Submitted: 03.10.2025

Accepted: 01.12.2025

ARCHAEOLOGICAL FINDS OF FIBULAE OF THE CHERNYAKHOV TRADITION IN THE UPPER OKA BASIN¹

Aleksey M. Vorontsov

Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the publication of a complete catalog of archaeological finds of Chernyakhov fibulae in the upper Oka basin, from its upper reaches to the confluence with the Moskva River. It includes 74 specimens from 40 sites, which is almost five times more than previously published materials. This allows us to accurately define the boundaries of the Chernyakhov influence zone in the region and provide a more detailed description of this phenomenon. Most of the finds are associated with monuments of the Moshchiny culture and monuments of the Krivoluchye type. The main concentration zone is located on the Oka-Don watershed. On the left bank of the Oka, the number of finds decreases significantly, and they tend to be located near the riverbed, adjacent to the main concentration zone. The most distant individual finds are known from the sites of the Dyakovo culture. The appearance of Chernyakhov fibulae among the Moshchiny antiquities is associated with the 2nd cultural horizon of the sites of the Oka-Don watershed, which dates from the turn of the 3rd and 4th centuries to the middle of the 4th century. They continue to be used on sites of the 3rd cultural horizon, which dates back to the second half of the 4th century. Some new findings suggest that the tradition of using them in the upper Oka region continued until the beginning of the Migration Period. I.O. Gavritukhin previously made an important observation that there are an unusually large number of iron Chernyakhov-style fibulae on the Moshchiny monuments, and they clearly outnumber the bronze fibulae in terms of percentage. This is confirmed by the more extensive material now available. This fact allows us to talk about the possibility of their own production by the bearers of the Moshchino culture, along with imports.

Key words: upper Oka basin, Late Roman period, fibulae, Moshchiny culture, sites of Vozdremo type, sites of Krivoluchye type, Dyakovo culture.

Citation. Vorontsov A.M., 2026. Nahodki fibul chernyahovskoy traditsii v bassejne verkhney Oki [Archaeological Finds of Fibulae of the Chernyakhov Tradition in the Upper Oka Basin]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 25, no. 3, pp. 121-143. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.3.5>

УДК 903.25

ББК 63.442.7(235.4)

Дата поступления статьи: 03.10.2025

Дата принятия статьи: 01.12.2025

НАХОДКИ ФИБУЛ ЧЕРНЯХОВСКОЙ ТРАДИЦИИ В БАСЕЙНЕ ВЕРХНЕЙ ОКИ¹

Алексей Михайлович Воронцов

Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена публикации полного каталога находок черняховских фибул в бассейне верхней Оки, начиная с ее верховьев до впадения р. Москва. В нем учтено 74 экземпляра из 40 пунктов, что практически в 5 раз превышает ранее опубликованные материалы. Это позволяет достоверно очертить границы зоны черняховского влияния в регионе и более подробно охарактеризовать это явление. Большая часть находок связана с памятниками мощинской культуры и памятниками типа Криволучье. Основная зона их концентрации расположена на Окско-Донском водоразделе. На левом берегу Оки количество находок значительно уменьшается, и они тяготеют к руслу, примыкая к основной зоне концентрации. Наиболее далекие единичные находки известны на памятниках дяковской культуры. Появление черняховских фибул среди мощинских древностей связано со 2-м культурно-хронологическим горизонтом памятников Окско-Донского водораздела, датирующимся начиная с рубежа III/IV вв. до середины IV века. Продолжается их использо-

вание на памятниках 3-го культурно-хронологического горизонта, датирующегося 2-й половиной IV века. Некоторые новые находки позволяют предположить, что традиция их использования на верхней Оке продолжалась до начала эпохи Великого переселения народов. И.О. Гавритухиным ранее было сделано важное наблюдение о том, что на мощинских памятниках необычно много железных экземпляров фибул черняховского облика, причем в процентном отношении к бронзовым они явно превосходят подборки с территории черняховской культуры и других зон. Оно подтверждается на более обширном материале, доступном сейчас. Этот факт позволяет говорить о возможности их собственного производства носителями мощинской культуры наряду с импортом.

Ключевые слова: бассейн верхней Оки, позднеримское время, фибулы, мощинская культура, памятники типа Воздремо, памятники типа Криволучье, дяковская культура.

Цитирование. Воронцов А. М., 2026. Находки фибул черняховской традиции в бассейне верхней Оки // Нижневолжский археологический вестник. Т. 25, № 3. С. 121–143. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.3.5>

В статье рассматриваются находки массовых типов фибул, связываемых с черняховским влиянием на регион верхней Оки (рис. 1), и приводится их полный каталог (прил. 1, номера по каталогу приводятся в подрисуночных подписях).

Наиболее многочисленны двучленные прогнутые подвязные с узкой ножкой и вертикальной пластинкой для удержания оси пружины (рис. 2, 2–8, 10–12, 3, 1, 2, 5, 6, 9, 4, 1, 5–9, 12–15, 5, 1–3, 5–8, 10, 12, 6, 1–10, 7, 1–11), относящиеся к гр. 16, подгр. 2, сер. I, вар. 1–4 (здесь и ниже по А.К. Амброзу) и датирующихся в рамках позднеримского и начала гуннского времени [Амброз, 1966, с. 61–66]. Близки им единичные находки подвязных фибул с жаловидной ножкой (рис. 2, 13, 7, 12, 13), относящихся к гр. 16, подгр. 2, сер. III и отличающихся от фибул I сер. «лишь формой ножки» [Амброз, 1966, с. 69].

Другой массив составляют двучленные «воинские» фибулы, имеющие сплошной приемник и вертикальную пластинку для оси пружины. Примерно половину из них составляют изделия с узкой ножкой (рис. 2, 1, 9, 3, 3, 4, 8, 4, 2), относящиеся к гр. 17, подгр. 1, сер. I [Амброз, 1966, с. 70–71]. Вторую составляют экземпляры с расширенной ножкой (рис. 4, 4, 10, 5, 4, 9, 11, 6, 11, 12), рассмотренные в рамках подгр. 2 (с треугольной ножкой) и 3 (с ромбической) гр. 17 [Амброз, 1966, с. 71–72]. Все относящиеся к гр. 17 фибулы, по мнению А.К. Амброза, синхронны вариантам 2–4 прогнутых подвязных и датируются в рамках IV в. [Амброз, 1966, с. 70].

Впервые в научном обороте черняховские фибулы с памятников мощинской культуры бассейна верхней Оки появляются в связи

с работами Т.Н. Никольской. Это находки с городищ Свинухово, Серенск и Лужки (рис. 1, 5, 6, 13, 2, 10, 11, 3, 9) [Никольская, 1953, с. 93, рис. 24, 7; 1970, с. 89, рис. 4, 3; Фролов, 1970, с. 81, рис. 1, 4]. В своде А.К. Амброза были учтены только два пункта – Свинухово и Лужки [Амброз, 1966, с. 63, 64]. Он отметил, правда, основываясь преимущественно на материалах рязано-окских могильников, что «в долине Оки, фибулы IV в. были обычных черняховских типов, возможно, они привозились с Украины» [Амброз, 1966, с. 96]. В.В. Седов связывал распространение этих фибул на Верхней Оке с миграцией сюда крупной группы черняховского населения «под угрозой гуннского разорения» в конце IV – начале V в. [Седов, 1994, с. 306–309].

Первая специальная работа, посвященная этим находкам, правда только части рассматриваемого в данной статье региона – Окско-Донского водораздела, появилась в 2008 г. [Гавритухин, Воронцов, 2008]. В ней было учтено 9 изделий интересующих нас типов и проведен их подробный анализ. Сделанные тогда выводы актуальны и по сей день, хотя и нуждаются в дополнении с учетом расширившегося материала и изменений в понимании этнокультурной ситуации в регионе.

К началу 2010-х гг. для всего региона было опубликовано 16 фибул, связанных с черняховским влиянием. За последнее время круг находок увеличился почти в 5 раз – сейчас учтено 74 экз. из 40 пунктов (прил. 1)², что позволяет вполне достоверно очертить границы зоны черняховского влияния на верхней Оке и более подробно охарактеризовать это явление.

Бассейн верхней Оки включает в себя ее начальный участок, текущий в северном

направлении до впадения р. Угра, и начало ее течения в восточном направлении вплоть до впадения в нее р. Москва, ниже которого начинается Мещерская низменность (рис. 1). Современное понимание этнокультурной ситуации в поздне римское время в этом регионе следующее. К северу от Оки регион Москворечья и прилегающие территории занимают памятники позднедьяковской культуры (рис. 1, I), возникающие еще в предыдущую эпоху [Кренке, 2011, с. 64–67]. Основную часть региона занимают памятники мощинской культуры (рис. 1, II), появляющейся именно в поздне римское время около середины III в. [Воронцов, 2013, с. 26–27]. На правобережье Оки юго-восточная граница их распространения совпадает с границей лесной зоны. Памятники, расположенные на правобережье (Окско-Донском водоразделе – регионе, включающем правобережье верхней Оки), подвержены сильному культурному воздействию со стороны лесостепи.

На самой границе лесостепи здесь недавно выделена группа памятников типа Криволучье (рис. 1, III), возникающая около середины IV в. [Воронцов, 2022, с. 153, 154; Воронцов, Столяров, 2017]. Оставившее их население было смешанным, в составе материальной культуры наиболее сильны раннеславянские традиции, близкие киевской культуре сейминско-донецкого варианта, а также прослеживаются черняховские и мощинские черты. Памятники типа Криволучье находятся в начальной стадии изучения, и, безусловно, наше представление об их ареале в будущем претерпит серьезные изменения.

Изучение находок с территории дяковской культуры (рис. 1, I, a) показывает практически полное отсутствие черняховских фибул к северу от верхнего течения Оки. Фактически мы имеем находку «воинской» фибулы на городище Алтухово на Протве (рис. 1, I, 2, I) и подвязную фибулу, связанную с верхним слоем городища Дьяково (рис. 1, 8, 2, I3).

Алтуховская находка происходит из раскопок К.Я. Виноградова 1924–1925 гг. [Археологическая карта России ... , 2006, с. 125, рис. 63]. Памятник традиционно относится к дяковской культуре, но раскопок и анализа коллекции на современном научном уровне не проводилось. Близость городища к мощинскому

ареалу позволяет предположить, что один из горизонтов его слоя может соотноситься с периферийным мощинским поселением.

Дьяковская находка, таким образом, выглядит единичной, довольно далеко оторванной от основного ареала. Ближайшие ей территориально, аналогичные подвязные фибулы с жаловидной ножкой найдены на поселении Упа 2, относящемся к памятникам типа Криволучье (рис. 1, 40, 7, I2, I3).

Наиболее массовые находки интересующих нас фибул связаны с мощинскими памятниками (рис. 1, b). Исследования на современном научном уровне проводились за последнее время только на памятниках Окско-Донского водораздела, для которых была разработана периодизация, включающая 4 культурно-хронологических горизонта [Воронцов, 2013, с. 23–42]. Поскольку черняховские застежки концентрируются именно в этой части культуры, мы можем, с известной осторожностью, опираться на эти горизонты при рассмотрении всех находок.

Их появление среди мощинских древностей связано со 2-м культурно-хронологическим горизонтом, датирующимся начиная с рубежа III/IV вв. до середины IV в. [Воронцов, 2013, с. 29–32]. С его финалом связаны прослеженные на ряде городищ (Борисово, Супруты, Акиньино (рис. 1, I4, I5, 23) слои пожаров и штурмов, с которыми связаны находки черняховских фибул. Для этого горизонта характерно сочетание прогнутых подвязных фибул с узкой ножкой 2-го и 3-го вариантов по А.К. Амброзу (рис. 4, I, I3–I5, 5, I–3) и присутствие соответствующих им «воинских» (рис. 4, 2) [Гавритухин, Воронцов, 2008, с. 32–36, 45].

Для 3-го культурно-хронологического горизонта, датирующегося 2-й половиной IV в. [Воронцов, 2013, с. 33–37], была зафиксирована одна фибула со сплошным приемником и расширенной ножкой – в постройке 2 раскопа V на городище Щепилово (рис. 1, 24, 5, 4). Она имеет как черняховские, так и более западные черты, и не может считаться типичным изделием черняховских мастеров, скорее единичным, возможно выполненным с учетом запросов носителей мощинской культуры [Гавритухин, Воронцов, 2008, с. 36–38]. Тем не менее она свидетельствует о продолжении

существования традиции использования в мощинской среде черняховских фибул во 2-й половине IV в., тем более что общая датировка подвязных фибул 2-го и, в особенности, 3-го варианта и соответствующих им «воинских фибул» захватывает этот период.

Таким образом, мы можем включить в круг находок черняховских фибул, использовавшихся населением памятников Окско-Донского водораздела 2-го и 3-го культурно-хронологических горизонтов, еще целый ряд находок, происходящих из нестратифицированных участков культурного слоя, подъемного материала и случайных сборов. Это подвязные фибулы 3-го варианта из Щурово, Лужков, Марково, Мишнево, Пластово, Сенево, Щепилово (рис. 1, 11, 13, 19, 20, 21, 22, 24, 3, 5–6, 9, 4, 6, 7, 9, 12, 5, 5), «воинские» из Соколовой пустыни, Клейменово, Пластово (рис. 1, 10, 17, 21, 3, 3, 4, 4, 4, 10), а также фрагменты подвязных или имевших сплошной приемник фибул из Щурово, Велегожа, Пластово (рис. 1, 11, 16, 21, 3, 7, 4, 3, 11).

Находки фибул, известные в левобережной части верхней Оки, малочисленны, пункты расположены близко от русла Оки, примыкают к памятникам Окско-Донского водораздела, и, по всей вероятности, составляют с ними единое целое. Многие происходят из раскопок, но соотнести их с конкретными слоями и сооружениями невозможно. Это подвязные фибулы 3-го варианта с Дешовок 2 и Серенска (рис. 1, 2, 6, 2, 2–3, 11) и 2-го варианта со Свиного (рис. 1, 5, 2, 10). Одна случайная находка застёжки 2-го варианта происходит из Яковки (рис. 1, 7, 2, 11).

Самое крупное скопление случайных находок на левобережье связано с городищем Лысая гора 2 в низовьях р. Таруса (рис. 1, 4). Согласно публикации [Симонов, Фролов, 2021], здесь найдено 14 фибул, 12 из которых железные, 2 бронзовые. Находчик, который не был археологом, умер, коллекция утрачена. Опубликована фотография 6 фибул [Симонов, Фролов, 2021, рис. 1], исходное изображение которой удалось найти³. Из них 5 железных – 4 подвязных 3-го варианта и 1 «воинская» с узкой ножкой (рис. 2, 5–9) и 1 бронзовая. Бронзовая относится к Т-образным пружинным и здесь не учитывается. Изображений других фибул найти не удалось. Поскольку авторы

статьи приводят противоречивые определения, называя всю коллекцию то двучленными прогнутыми подвязными фибулами, то имеющими сплошной приемник [Симонов, Фролов, 2021, с. 4, 6], дать определение остальным находкам невозможно.

За последнее время появился ряд находок, которые могут говорить о сохранении традиции использования черняховских фибул мощинским населением в начале 4-го культурно-хронологического горизонта, относящегося уже к эпохе Великого переселения народов [Воронцов, 2013, с. 37–42]. Речь идет о подвязных фибулах, относящихся к 4-му варианту по А.К. Амброзу, отличающихся от изделий 3-го варианта размерами – имеющих длину более 70 мм [Амброз, 1966, с. 66]. К числу таких относятся находка из культурного слоя поселения Красный поселок 3 в низовьях Угры (рис. 1, 3, 2, 4) и случайная находка из Зиброво (рис. 1, 9, 3, 1). Близки им по параметрам формально относящиеся еще к 3-му варианту крупные железные фибулы из Косолапово (68 мм) и Мишнево (65 мм) (рис. 1, 18, 20, 4, 5, 8) и бронзовый экземпляр из Соколовой пустыни (70 мм) (рис. 1, 10, 3, 2). Дополняет этот ряд очень крупная (86 мм) железная «воинская» фибула с узкой ножкой из поселения Щуровский карьер под Коломной (рис. 1, 12, 3, 8). Она найдена при спасательных раскопках позднесредневекового поселения, вероятно, практически полностью разрушившего слой интересующего нас времени.

И.О. Гавритухиным еще на материалах, доступных к 2008 г., было сделано важное наблюдение о том, что на мощинских памятниках необычно много железных экземпляров фибул черняховского облика, причем в процентном отношении к бронзовым они явно превосходят подборки с территории черняховской культуры и других зон [Гавритухин, Воронцов, 2008, с. 35]. Оно подтверждается и на более обширном материале, доступном нам сейчас.

Если брать только материалы раскопок достоверно мощинских городищ и селищ, без учета случайных находок, то количество железных составит 9 экз. (Дешовки 2, Серенск, Акиньюшино, Борисово, Сенево, Супруты) против 7 бронзовых (Свиного, Лужки, Велегож, Супруты, Щепилово). Общее соотношение,

с учетом всех доступных находок, составляет 22 железных и 18 бронзовых.

При этом, совершенно другая картина наблюдается на буквально соседних памятниках типов Воздремо и Криволучье, о которых речь пойдет ниже, на которых известны только бронзовые экземпляры. Для соседнего крупного ареала находок черняховских фибул на памятниках рязано-окской культуры средней Оки не издано полного свода находок, но в доступных материалах, в частности в опубликованной И.В. Белоцерковской сводке черняховских предметов из женских погребений, железные экземпляры также практически отсутствуют [Белоцерковская, 2012]. Таким образом, большой (около половины) процент находок железных фибул однозначно является особенностью именно мощинских памятников.

Этот факт позволяет более уверенно говорить о возможности собственного производства носителями мощинской культуры фибул массовых черняховских типов, наряду с импортом. Это вполне возможно, поскольку для них изначально характерно использование «фибульного костюма» и производство своих серий фибул, таких как окские фибулы с кнопкой на ножке и типа Картавцево-Серенск [Воронцов, 2021; 2022, с. 148, 152–153, рис. 10, 1–9].

В связи с этим необходимо отдельно упомянуть фибулы (рис. 3, 2–7), связанные с археологическими комплексами Щурово и Соколова Пустынь, расположенными на участке русла Оки между Каширой и Коломной (рис. 1, 10, 11). Все фибулы связаны с поселенческими слоями, которые интерпретируются авторами работ как памятники, расположенные на пограничье позднедьяковской, мощинской и рязано-окской культур, которые нельзя однозначно отнести ни к одной из них [Сыроватко, 2023, с. 31–32, 40; Сыроватко и др., в печати]. Соотношение железных и бронзовых экземпляров позволяет безусловно связать эти находки с мощинским компонентом.

Недавно на Окско-Донском водоразделе была открыта новая группа памятников типа Воздремо (рис. 1, с), возникающих около середины III века. Они принадлежат к числу мощинских, но обладают культурным своеобразием. В основном это небольшие селища, расположенные вдоль южной границы лесной зоны, то есть занимающие только окраину мо-

щинского ареала [Воронцов, 2022, с. 149–150, рис. 7; 2025; Воронцов, Столяров, 2018; 2020]. На большинстве из них есть следы железоделательного, кузнечного и бронзолитейного производств (включая 2 фибульные мастерские). С селищами связаны два могильника с грунтовыми кремациями. Эта группа памятников продолжает существовать, по крайней мере до конца IV века. Среди связанных с ними находок много предметов «западного» происхождения, в том числе (но не исключительно) черняховских. Это фибулы, римские монеты, предметы вооружения. На раннем этапе их существования известны находки фибул, связанных скорее с вельбарскими, чем с черняховскими древностями. В то же время керамическая традиция этих памятников – практически полностью мощинская.

Важным отличием комплекса находок этой группы памятников является наличие подвязных фибул раннего, 1-го варианта – из Козюлькино, с площадки могильника 2 Павловское и Супрут 6 (рис. 1, 28, 32, 35, 6, 1, 6, 10). Такие фибулы в целом датируются концом II – III в. и известны в том числе на ранних черняховских памятниках [Амброз, 1966, с. 62–63]. Для верхней Оки они синхронны памятникам 1-го культурно-хронологического горизонта мощинской культуры, характеризующегося использованием украшений круга восточноевропейских выемчатых эмалей и датирующегося серединой – второй половиной III в., в которых таких находок нет [Воронцов, 2013, с. 26–27]. Они могут быть связаны как с черняховским, так и с другим западным (например, вельбарским) влиянием. Для более поздних происходящих с этих памятников фибул, описанных ниже, таких сомнений нет – они черняховские.

Наиболее массовыми на памятниках типа Воздремо, как и на обычных мощинских, являются бронзовые подвязные фибулы 2-го и 3-го вариантов. Это находки из Воздремо 4, Каменки, Козюлькино 2, Малой Стрекаловки 5 (рис. 1, 25, 27, 29, 30, 5, 6, 12, 6, 2, 4) и Воздремо 4, Козюлькино 2, Орлово, Павловского и Селиваново (рис. 1, 25, 29, 31, 33, 34, 5, 7, 8, 6, 3, 5, 7–9) соответственно. Необходимо отметить экземпляр из Воздремо 10, очень близкий по размерам (69 мм) к 4-му варианту (рис. 1, 26, 5, 10).

Фибул со сплошным приемником и узкой ножкой не известно, но есть экземпляры с треугольной – Воздремо 4 и 10 (рис. 1,25,26, 5,9,11) и ромбической – Супруты 6 (рис. 1,35, 6,12) ножками.

Интерес представляет «воинская» фибула с Супрут 6, формально имеющая прямоугольную ножку, равную по ширине корпусу с дужкой (рис. 6,11). Наиболее близкими ей аналогиями являются черняховские находки, выделенные О.В. Петраускасом в отдельную серию внутри типа 7 по его классификации, которую составляют застёжки, украшенные кружками на площадке выше ножки [Петраускас, 2010, с. 193, рис. 12,8–10,15]. Они происходят из Градижска, Косанова и Маслово. Вообще к типу 7 отнесены застёжки с пластинчатым корпусом и ножкой трапецевидной формы [Петраускас, 2010, с. 197–198], но на интересующих нас экземплярах ножка расширена незначительно (на экземпляре из Косанова расширение составляет около 0,5 мм с каждой стороны).

Комплекс находок, связанный с памятниками типа Криволучье, типичен для лесостепного населения, находившегося под сильным черняховским влиянием. Большинство из них относится ко 2-му и 3-му вариантам подвязных фибул. Это экземпляры из Майского, Упы 2 (рис. 1,39,40, 7,5–7) и Большой Кожуховки 2, Карьера 1, Коледино, Майского, Упы 2 (рис. 1,36–40, 7,1–4,8–11) соответственно. Дополняют их две подвязные фибулы с жаловидной ножкой из Упы 2 (рис. 7,12,13). Все застёжки бронзовые.

Таким образом, в бассейне верхней Оки наиболее многочисленные находки фибул массовых черняховских типов связаны с территорией Окско-Донского водораздела. Начиная от границы лесной и лесостепной зон, где расположены памятники типов Криволучье и Воздремо (рис. 1,с,д), они идут до русла Оки, где занимают участок от устья Упы до впадения Москвы.

Левобережье верхней Оки в ее меридиональном течении дает иную картину. Пунктов находок здесь меньше, и они сконцентрированы в бассейне Жиздры (рис. 1,2,6,7) и в нижнем течении Угры и Тарусы (рис. 1, 3–5). Основное течение Угры, где расположена значительная часть ареала мощинской культуры,

включая изученное широкой площадью эпонимное городище Мощины, таких находок не дает. Наиболее дальним единичным пунктом находки на севере, в глубине лесной зоны, является городище Дьяково (рис. 1,8). На юг достаточно далеко от основного ареала находится находка на мощинском городище Лужки в самых верховьях Оки (рис. 1,13).

Приложение 1. Каталог находок

Находки даны по областям, по культурной принадлежности памятников, по памятникам и местонахождениям (в алфавитном порядке). Указаны материал, длина и максимальная ширина корпуса в мм, место хранения⁴ и публикации. Все рисунки, кроме номеров в каталоге 1.2.1–1.2.2, 1.4.1–1.4.5, 1.6.1, сделаны с оригиналов.

1. Калужская область

Дьяковская культура

1.1. Алтухово (Ичское), городище (рис. 1,1). Жуковский р-н.

1.1.1. Со сплошным приемником и узкой ножкой (рис. 2,1). Бронза, 52 и 5,2. Раскопки 1924–1925 гг. (К.Я. Виноградов), культур. слой.

Хран.: КОМЗ 11935/1, Ар-285. Публ.: [Археологическая карта России ... , 2006, с. 125, рис. 63].

Мощинская культура

1.2. Дешовки 2, поселение (рис. 1,2). Козельский р-н.

1.2.1. Подвязная с узкой ножкой (рис. 2,2). Железо, 46 и 4. Раскоп 3, 1990 г. (Р.А. Нигматуллин), верх. горизонт культур. слоя.

Не сохр. Публ.: [Нигматуллин и др., 2005, с. 110, рис. 122,1].

1.2.2. Подвязная с узкой ножкой (рис. 2,3). Железо, 42 и 5. Раскоп 2 1990 г. (Р.А. Нигматуллин), верх. горизонт культур. слоя.

Не сохр. Публ.: [Нигматуллин и др., 2005, с. 110, рис. 122,2].

1.3. Красный поселок 3 (Льва Толстого 3), поселение (рис. 1,3). ГО Калуга.

1.3.1. Подвязная с узкой ножкой (рис. 2,4). Бронза, 98 и 11. Работы 2001 г. (О.Л. Прошкин), подъем. материал.

Хран.: КОМЗ НВ-6409/22. Не публ.

1.4. Лысая гора 2, городище (рис. 1,4). Тарусский р-н.

1.4.1. Подвязная с узкой ножкой (рис. 2,5). Железо, 54 и 6. Случ. находка.

Хран.: неизв. Публ.: [Симонов, Фролов, 2021, с. 5, рис. 1,4].

1.4.2. Подвязная с узкой ножкой (рис. 2,6). Железо, 50 и 6. Случ. находка.

Хран.: неизв. Публ.: [Симонов, Фролов, 2021, с. 5, рис. 1,3].

1.4.3. Подвязная с узкой ножкой (рис. 2,7). Железо, 35 и 6. Случ. находка.

Хран.: неизв. Публ.: [Симонов, Фролов, 2021, с. 5, рис. 1,7].

1.4.4. Подвязная с узкой ножкой (рис. 2,8). Железо, 34 и 6. Случ. находка.

Хран.: неизв. Публ.: [Симонов, Фролов, 2021, с. 5, рис. 1,2].

1.4.5. Со сплошным приемником и узкой ножкой (рис. 2,9). Железо, 35 и 5? Случ. находка.

Хран.: неизв. Публ.: [Симонов, Фролов, 2021, с. 5, рис. 1,1].

1.5. Свинухово, городище (рис. 1,5). Дзержинский р-н.

1.5.1. Подвязная с узкой ножкой (рис. 2,10). Бронза, 66 и 5,5. Раскоп 1950 г. (Т.Н. Никольская), верхний горизонт нижнего культурного слоя.

Хран.: КОМЗ. Публ.: [Никольская, 1953, с. 93, рис. 24,7; 1959, с. 50, 90, рис. 20,1; Нигматуллин и др., 2005, рис. 133,3].

1.6. Серенск, городище (рис. 1,6). Мещовский р-н.

1.6.1. Подвязная с узкой ножкой (рис. 2,11). Раскопки 1965–1969 гг. (Т.Н. Никольская), ниж. слой. Железо, 45 и 6.

Не сохр. Публ.: [Фролов, 1970, с. 81, рис. 1,4].

1.7. Яковка, окрестности (рис. 1,7). Мещовский р-н.

1.7.1. Подвязная с узкой ножкой (рис. 2,12). Бронза, 58 и 5. Случ. находка.

Хран.: ГМЗКП. Не публ.

2. Московская область

Дьяковская культура

2.1. Дьяково, городище (рис. 1,8). Москва.

2.1.1. Подвязная с жаловидной ножкой (рис. 2,13). Бронза, 37 и 5,5. Раскоп 1983 г. (Н.А. Кренке), верх. слой.

Хран.: Музей Москвы 29395/1198. Публ.: [Кренке, 2011, с. 443, рис. 145,252–283].

Мощинская культура

2.2. Зиброво, поселение (рис. 1,9). ГО Серпухов.

2.2.1. Подвязная с узкой ножкой (рис. 3,1). Бронза, 90 и 8. Случ. находка.

Хран.: Серпуховский ист.-худ. музей. Не публ.

2.3. Соколова пустынь, арх. комплекс (рис. 1,10). ГО Ступино.

2.3.1. Подвязная с узкой ножкой (рис. 3,2). Бронза, 70 и 8. Нижняя площадка, раскоп 3, 2022 г. (О.Ю. Потемкина), пахотный горизонт.

Хран.: СИКМ. Публ.: [Сыроватко и др., в печати].

2.3.2. Со сплошным приемником и узкой ножкой (рис. 3,3). Железо, 47 и 6,5. Средняя площадка, раскоп 6, 2023 г. (О.Ю. Потемкина), пахотный горизонт.

Хран.: СИКМ. Публ.: [Сыроватко и др., в печати].

2.3.3. Со сплошным приемником и узкой ножкой (рис. 3,4). Железо, бронза (кнопки), 56 и 6. Верхняя площадка, раскоп 2, 2022 г. (О.Ю. Потемкина), пахотный горизонт.

Хран.: СИКМ. Публ.: [Сыроватко и др., в печати].

2.4. Щурово, арх. комплекс (рис. 1,11). ГО Коломна.

2.4.1. Подвязная с узкой ножкой (рис. 3,5). Бронза, 39 и 5. Раскоп 2009 г. (А.С. Сыроватко) на верх. площадке, культур. слой.

Хран.: ККМ ОФ 3489/42. Публ.: [Сыроватко, 2023, с. 31–32, рис. 35,1].

2.4.2. Подвязная с узкой ножкой (рис. 3,6). Железо, 48 (изначально) и 5,7. Раскоп 7, 2015 г. (А.С. Сыроватко), верх. площадка, яма 2, сл. 4.

Хран.: ККМ. Публ.: [Сыроватко и др., 2018, рис. 1В,3; Сыроватко, 2023, с. 31–32, рис. 29,5, 35,4].

2.4.3. Пружина от подвязной или имевшей сплошной приемник фибулы (рис. 3,7). Железо. Исследования 2011 г. (А.С. Сыроват-

ко) на верх. площадке, раскоп 6, участок 1, кв. 1, пл. 5.

Хран.: КKM OF 3636/215. *Публ.:* [Сыроватко, 2023, с. 31–32, рис. 35,3].

2.5. Щуровский карьер, селище (рис. 1,12). *ГО Коломна.*

2.5.1. Со сплошным приемником и узкой ножкой (рис. 3,8). Железо, 86 и 8. Раскоп 2023 г. (О.Л. Прошкин), участок 197/198, объект 70, глубина -337, слой 208/209.

Хран.: ИА РАН. *Не публ.*

3. Орловская область

Мощинская культура

3.1. Лужки (Пашково), городище (рис. 1,13). Кромский р-н.

3.1.1. Подвязная с узкой ножкой (рис. 3,9). Бронза, 32 и 4,5. Раскоп 1959 г. (Т.Н. Никольская), раскоп 3, шт. 1 из очага наз. постройки.

Хран.: Орловский краевед. музей 12468/338. *Публ.:* [Никольская, 1970, с. 89, рис. 4,3].

4. Тульская область

Мощинская культура

4.1. Акиньино, городище (рис. 1,14). *Суворовский р-н.*

4.1.1. Подвязная с узкой ножкой (рис. 4,1). Железо, 56 и 5,5. Раскоп 1, 2009 г. (А.М. Воронцов), слой 2/1.

Хран.: ГМЗКП 2063/23. *Не публ.*

4.2. Борисово, городище (рис. 1,15). *Ясногорский р-н.*

4.2.1. Со сплошным приемником и узкой ножкой (рис. 4,2). Железо, 48 и 5. Раскоп 1, 1995 г. (Т.В. Наумова), слой пожара.

Хран.: ГМЗКП 92/13. *Публ.:* [Гавритухин, Воронцов, 2008, с. 54, 62, рис. 3,1; Воронцов, 2013, с. 89, рис. 9,1, с. 127, рис. 46,8; 2022, с. 167, рис. 11,12].

4.3. Велегож, городище (рис. 1,16). *Заокский р-н.*

4.3.1. Фрагмент подвязной или имевшей сплошной приемник фибулы (рис. 4,3). Бронза, 18 (фрагмент) и 7. Подъемный материал.

Хран.: ГМЗКП. *Публ.:* [Воронцов, Столяров, 2015, с. 17, рис. 5,2].

4.4. Клейменово, окрестности (рис. 1,17). *Алексинский р-н.*

4.4.1. Со сплошным приемником и расширенной ножкой (рис. 4,4). Бронза, 43, 4,6. Случ. находка.

Хран.: ГМЗКП. *Не публ.*

4.5. Косолапово, окрестности (рис. 1,18). *Суворовский р-н.*

4.5.1. Подвязная с узкой ножкой (рис. 4,5). Железо, 68 и 8. Случ. находка.

Хран.: ГМЗКП. *Не публ.*

4.6. Марково, окрестности (рис. 1,19). *Суворовский р-н.*

4.6.1. Подвязная с узкой ножкой (рис. 4,6). Бронза, 36 (деформирована) и 6,5. Случ. находка.

Хран.: ГМЗКП. *Не публ.*

4.7. Мишнево, окрестности (рис. 1,20). *Суворовский р-н.*

4.7.1. Подвязная с узкой ножкой (рис. 4,7). Железо, 42 (не полная), 5,3. Случ. находка.

Хран.: ГМЗКП. *Не публ.*

4.7.2. Подвязная с узкой ножкой (рис. 4,8). Железо, 65 (деформирована) и 6,5. Случ. находка.

Хран.: ГМЗКП. *Не публ.*

4.8. Пластово, окрестности (рис. 1,21). *Алексинский р-н.*

4.8.1. Подвязная с узкой ножкой (рис. 4,9). Бронза, 43 и 4,8. Случ. находка.

Хран.: ГМЗКП. *Не публ.*

4.8.2. Со сплошным приемником и расширенной ножкой (рис. 4,10). Бронза, 45 и 5,1. Случ. находка.

Хран.: ГМЗКП. *Не публ.*

4.8.3. Пружина от подвязной или имевшей сплошной приемник фибулы (рис. 4,11). Бронза. Случ. находка.

Хран.: ГМЗКП. *Не публ.*

4.9. Сенево, городище (рис. 1, 22). *Алексинский р-н.*

4.9.1. Подвязная с узкой ножкой (рис. 4,12). Железо, 54 и 6. Раскоп 1, 1979 г. (А.С. Фролов), культур. слой

Хран.: Алексинский краевед. музей 86/33. *Публ.:* [Гавритухин, Воронцов, 2008, с. 54,

61, рис. 2,3; Воронцов, 2013, с. 88, рис. 8,2; 2022, с. 167, рис. 11,7].

4.10. Супруты, городище (рис. 1,23). Щекинский р-н.

4.10.1. Подвязная с узкой ножкой (рис. 4,13). Бронза, 43 и 5,5. Раскоп XXV, 2002 г. (А.В. Григорьев), сл. 1.

Хран.: ГМЗКП 1954/18. Публ.: [Гавритухин, Воронцов, 2008, с. 57, 61, рис. 2,7; Воронцов, 2013, с. 88, рис. 8,6, с. 133, рис. 52,1].

4.10.2. Подвязная с узкой ножкой (рис. 4,14). Бронза, 42 и 4. Работы 1995 г. (А.В. Шеков). Подъем. материал.

Хран.: ГМЗКП 101/87. Публ.: [Гавритухин, Воронцов, 2008, с. 57, 61, рис. 2,8; Воронцов, 2013, с. 88, рис. 8,7].

4.10.3. Подвязная с узкой ножкой (рис. 4,15). Бронза, 47 и 7. Раскоп XXI, 1995 г. (А.В. Шеков), перекоп.

Хран.: ГМЗКП 101/1. Публ.: [Гавритухин, Воронцов, 2008, с. 57, 61, рис. 2,9; Воронцов, 2013, с. 88, рис. 8,8].

4.10.4. Подвязная с узкой ножкой (рис. 5,1). Железо, 40 и 5-6. Раскоп VII, 1969 г. (С.А. Изюмова), культур. слой.

Хран.: ГИМ Оп. В 2728/40. Публ.: [Гавритухин, Воронцов, 2008, с. 56, 61, рис. 2,2; Воронцов, 2013, с. 88, рис. 8,1].

4.10.5. Подвязная с узкой ножкой (рис. 5,2). Железо, 46 и 5,5-6. Раскоп XXI, 1976 г. (С.А. Изюмова), культур. слой.

Хран.: ГИМ. Публ.: [Гавритухин, Воронцов, 2008, с. 56, 61, рис. 2,5; Воронцов, 2013, с. 88, рис. 8,4].

4.10.6. Подвязная с узкой ножкой (рис. 5,3). Железо, 50 и 5-5,5. Раскоп VII, 1969 г. (С.А. Изюмова), культур. слой.

Хран.: ГИМ. Публ.: [Гавритухин, Воронцов, 2008, с. 56, 61, рис. 2,4; Воронцов, 2013, с. 88, рис. 8,3].

4.11. Щетилово, городище (рис. 1,24). МО г. Тула.

4.11.1. Со сплошным приемником и расширенной ножкой (рис. 5,4). Бронза, 39 и 6. Раскоп V, 2004 г. (А.М. Воронцов), слой 1, постр. 2.

Хран.: ГМЗКП 1882/20. Публ.: [Гавритухин, Воронцов, 2008, с. 59, 62, рис. 3,2; Воронцов, 2013, с. 89, рис. 9,2, с. 94,

рис. 14,1; 2021, с. 123, рис. 6,2; 2022, с. 167, рис. 11,13].

4.11.2. Подвязная с узкой ножкой (рис. 5,5). Бронза, 45 и 4,8. Случ. находка.

Хран.: ГМЗКП 1807/3. Не публ.

Памятники типа Воздремо

4.12. Воздремо 4, селище (рис. 1,25). Щекинский р-н.

4.12.1. Подвязная с узкой ножкой (рис. 5,6). Бронза, 43 и 4,5. Подъем. материал 2017 г. (К.А. Столярова).

Хран.: ГМЗКП 1880/7. Публ.: [Воронцов, Столяров, 2018, с. 72, рис. 4,1; Воронцов, 2022, с. 167, рис. 11,5].

4.12.2. Подвязная с узкой ножкой (рис. 5,7). Бронза, 43 и 5,8. Подъем. материал 2017 г. (К.А. Столярова).

Хран.: ГМЗКП 1880/15. Публ.: [Воронцов, Столяров, 2018, с. 72, рис. 4,5; Воронцов, 2022, с. 167, рис. 11,6].

4.12.3. Подвязная с узкой ножкой (рис. 5,8). Бронза, 44 и 6. Шурф 1, 2017 г. (К.А. Столярова).

Хран.: ГМЗКП 1880/13. Публ.: [Воронцов, Столяров, 2018, с. 72, рис. 4,3].

4.12.4. Со сплошным приемником и расширенной ножкой (рис. 5,9). Бронза, 41 и 4,6. Подъем. материал 2017 г. (К.А. Столярова).

Хран.: ГМЗКП 1880/11. Публ.: [Воронцов, Столяров, 2018, с. 72, рис. 4,6; Воронцов, 2022, с. 167, рис. 11,10].

4.13. Воздремо 10, селище (рис. 1,26). Щекинский р-н.

4.13.1. Подвязная с узкой ножкой (рис. 5,10). Бронза, 69 и 8,2. Случ. находка.

Хран.: ГМЗКП 1880/35. Публ.: [Воронцов, Столяров, 2018, с. 73, рис. 5,1; Воронцов, 2022, с. 167, рис. 11,8].

4.13.2. Со сплошным приемником и расширенной ножкой (рис. 5,11). Бронза, 34 и 5. Шурф 1, 2017 г. (К.А. Столярова).

Хран.: ГМЗКП 1880/36. Публ.: [Воронцов, Столяров, 2018, с. 73, рис. 5,2].

4.14. Каменка, окрестности (рис. 1,27). Щекинский р-н.

4.14.1. Подвязная с узкой ножкой (рис. 5,12). Бронза, 45 и 5. Случ. находка.

Хран.: ГМЗКП. Не публ.

4.15. *Козюлькино, окрестности* (рис. 1,28).
Одоевский р-н.

4.15.1. Подвязная с узкой ножкой
(рис. 6,1). Бронза, 48,5 и 4,5. Случ. находка.
Хран.: ГМЗКП 1896/332. Не публ.

4.16. *Козюлькино 2, селище* (рис. 1,29).
Одоевский р-н.

4.16.1. Подвязная с узкой ножкой
(рис. 6,2). Бронза, 46 и 5. Подъем. материал
2025 г. (Е.В. Столяров).

Хран.: ГМЗКП. Не публ.

4.16.2. Подвязная с узкой ножкой
(рис. 6,3). Бронза, 41,6 и 6,3. Подъем. мате-
риал 2025 г. (Е.В. Столяров).

Хран.: ГМЗКП. Не публ.

4.17. *Малая Стрекаловка 5, селище*
(рис. 1,30). *МО г. Тула.*

4.17.1. Подвязная с узкой ножкой
(рис. 6,4). Бронза. Подъем. материал 2016 г.
(Е.В. Столяров).

*Хран.: ГМЗКП 1898/61. Публ.: [Ворон-
цов, Столяров, 2022, с. 176, рис. 45,7].*

4.18. *Орлово, окрестности* (рис. 1,31).
Щекинский р-н.

4.18.1. Подвязная с узкой ножкой (рис. 6,5).
Бронза, 45 и 6. Случ. находка.

Хран.: ГМЗКП. Не публ.

4.19. *Павловское, мог. 2* (рис. 1,32).
Одоевский р-н.

4.19.1. Подвязная с узкой ножкой (рис. 6,6).
Бронза, 47,5 и 3. Подъем. материал, 2018 г.
(К.А. Столярова).

Хран.: ГМЗКП. Не публ.

4.20. *Павловское, окрестности* (рис. 1,33).
Одоевский р-н.

4.20.1. Подвязная с узкой ножкой
(рис. 6,7). Бронза, 44 и 5. Случ. находка.

Хран.: ГМЗКП. Не публ.

4.20.2. Подвязная с узкой ножкой
(рис. 6,8). Бронза, 38 и 4,9. Случ. находка.

Хран.: ГМЗКП. Не публ.

4.21. *Селиваново, окрестности* (рис. 1,34).
Щекинский р-н.

4.21.1. Подвязная с узкой ножкой
(рис. 6,9). Бронза, 44 и 6. Случ. находка.

Хран.: ГМЗКП. Не публ.

4.22. *Супруты 6, селище* (рис. 1,35).
Щекинский р-н.

4.22.1. Подвязная с узкой ножкой, 1-й
вариант (рис. 6,10). Бронза, 45,2 и 3,6. Случ.
находка.

*Хран.: ГМЗКП. Публ.: [Воронцов, Сто-
ляров, 2020, с. 124, рис. 6,1; Воронцов, 2022,
с. 167, рис. 11,4].*

4.22.2. Со сплошным приемником и рас-
ширенной ножкой (рис. 6,11). Бронза, 37,5 и 6.
Подъемный материал 2018 г. (Е.В. Столяров).

*Хран.: ГМЗКП. Публ.: [Воронцов, Сто-
ляров, 2020, с. 124, рис. 6,3; Воронцов, 2022,
с. 167, рис. 11,11].*

4.22.3. Со сплошным приемником и рас-
ширенной ножкой (рис. 6,12). Бронза, 46,8 и
6,4. Случ. находка.

Хран.: ГМЗКП. Не публ.

Памятники типа Криволучье:

4.23. *Большая Кожуховка 2, селище*
(рис. 1,36). *МО г. Тула.*

4.23.1. Подвязная с узкой ножкой
(рис. 7,1). Бронза, 48,4 и 5. Случ. находка.

*Хран.: ГМЗКП. Публ.: [Воронцов, 2023,
с. 391, рис. 3,5].*

4.24. *Карьер 1, селище* (рис. 1,37). *Ще-
кинский р-н.*

4.24.1. Подвязная с узкой ножкой
(рис. 7,2). Бронза, 36,6 и 6,2. Случ. находка.

*Хран.: ГМЗКП. Публ.: [Воронцов, 2023,
с. 391, рис. 3,6].*

4.25. *Коледино, окрестности* (рис. 1,38).
Щекинский р-н.

4.25.1. Подвязная с узкой ножкой
(рис. 7,3). Бронза, 35 и 5,6. Случ. находка.

Хран.: ГМЗКП. Не публ.

4.26. *Майский, р-н городища* (рис. 1,39).
Щекинский р-н.

4.26.1. Подвязная с узкой ножкой
(рис. 7,4). Бронза, 45 и 5,6–6,3. Случ. находка.

*Хран.: ГМЗКП. Публ.: [Воронцов, 2023,
с. 391, рис. 3,7].*

4.26.2. Подвязная с узкой ножкой
(рис. 7,5). Бронза, 52 и 4,1. Случ. находка.

Хран.: ГМЗКП. Не публ.

4.27. Уна 2, селище (рис. 1,40). г. Тула.
4.27.1. Подвязная с узкой ножкой
(рис. 7,6). Бронза, 55 и 4,5. Раскоп 1 2016 г.
(Е.В. Столяров), яма 46.

Хран.: ГМЗКП 1916/38. Публ.: [Воронцов, Столяров, 2017, с. 308, рис. 6,8; Воронцов, 2022, с. 183, рис. 23,8; 2023, с. 391, рис. 3,1].

4.27.2. Подвязная с узкой ножкой
(рис. 7,7). Бронза, 57 и 4. Случ. находка.

Хран.: ГМЗКП 1916/59. Не публ.

4.27.3. Подвязная с узкой ножкой
(рис. 7,8). Бронза, 46,6 и 4,8. Случ. находка.

Хран.: ГМЗКП 1916/60. Публ.: [Воронцов, 2023, с. 391, рис. 3,3].

4.27.4. Подвязная с узкой ножкой
(рис. 7,9). Бронза, 37,6 и 4,6. Случ. находка.

Хран.: ГМЗКП 1916/61. Не публ.

4.27.5. Подвязная с узкой ножкой
(рис. 7,10). Бронза, 49 и 5,6. Случ. находка.

Хран.: ГМЗКП 1916/62. Не публ.

4.27.6. Подвязная с узкой ножкой
(рис. 7,11). Бронза, 39,6 и 6,3. Случ. находка.

Хран.: ГМЗКП 1916/69. Не публ.

4.27.7. Подвязная с жаловидной ножкой
(рис. 7,12). Бронза, 59 и 6. Случ. находка.

Хран.: ГМЗКП 1916/68. Публ.: [Воронцов, 2021, с. 123, рис. 6,6; 2023, с. 391, рис. 3,2].

4.27.8. Подвязная с жаловидной ножкой
(рис. 7,13). Бронза, 43 и 5,2. Случ. находка.
Хран.: ГМЗКП 1916/63. Не публ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения НИР ИА РАН по теме «Развитие культурных традиций населения Восточной Европы в I тыс. н.э.» (№ НИОКТР 126011315525-8).

The article was prepared as part of the research project of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences on the topic “Development of Cultural Traditions of the Population of Eastern Europe in the 1st Millennium AD” (No. NIOKTR 126011315525-8).

² Выражаю большую благодарность М.А. Воронцову, В.А. Дудареву, Ю.Ю. Петрову, О.Ю. Потемкиной и А.С. Сыроватко за помощь в сборе и обработке данных.

³ Выражаю большую благодарность О.Л. Прошкину за помощь в поиске информации.

⁴ Список сокращений: ГИМ – Государственный исторический музей; ГМЗКП – Государственный музей-заповедник «Куликово поле»; ККМ – Коломенский краеведческий музей; КОМЗ – Калужский объединенный музей-заповедник; СИКМ – Ступинский историко-краеведческий музей.

ПРИЛОЖЕНИЯ

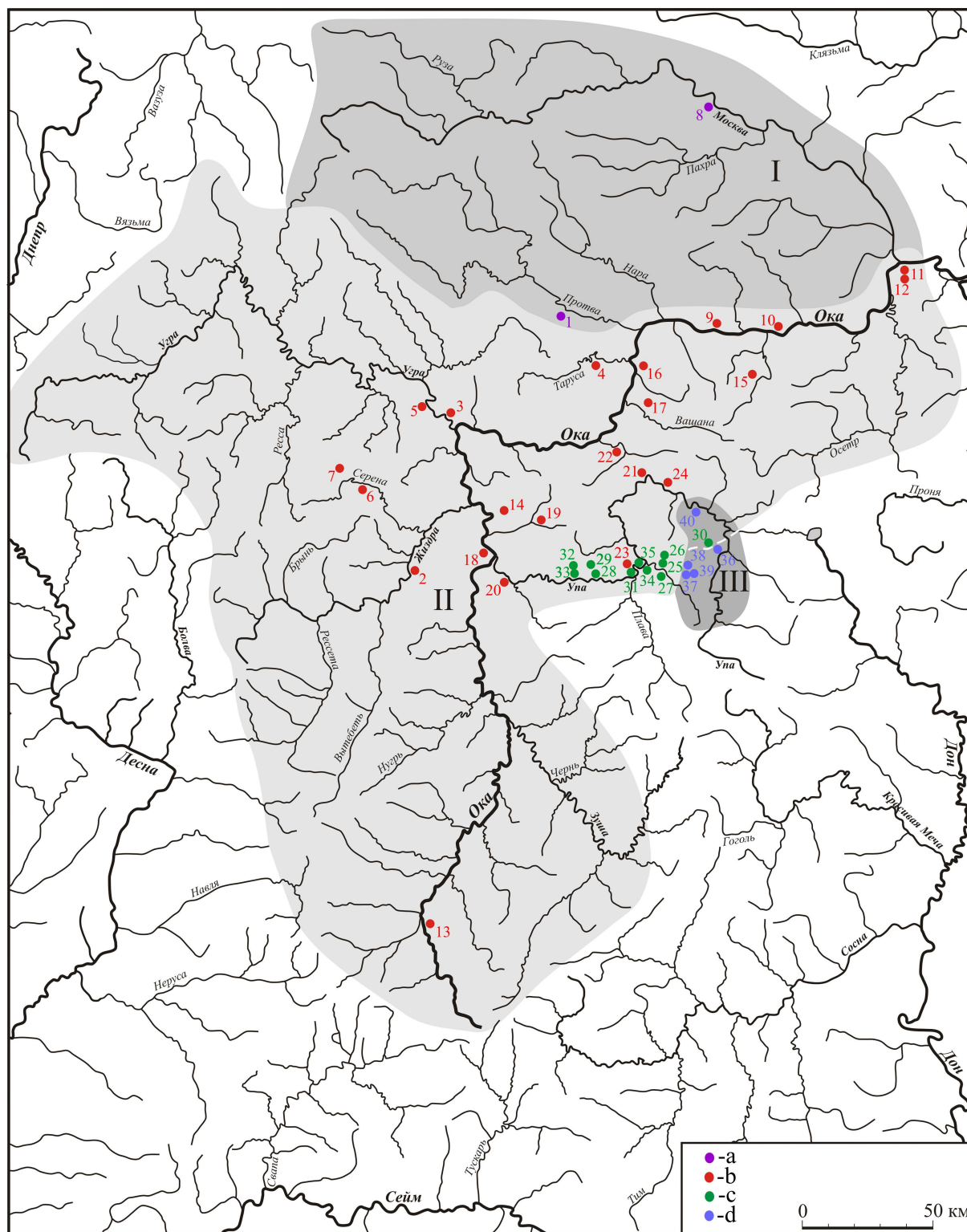

Рис. 1. Карта находок фибул черняховской традиции в бассейне верхней Оки:

I – ареал учтенных памятников дьяковской культуры; *II* – ареал мощинской культуры;
III – ареал памятников типа Криволучье.

a – дьяковские памятники; *b* – мощинские памятники; *c* – памятники типа Воздремо; *d* – памятники типа Криволучье.

1 – Алтухово (1.1); *2* – Дешовки 2 (1.2); *3* – Красный поселок 3 (1.3); *4* – Лысая гора 2 (1.4); *5* – Свиногово (1.5);
6 – Серенск (1.6); *7* – Яковка (1.7); *8* – Дьяково (2.1); *9* – Зиброво (2.2); *10* – Соколова Пустынь (2.3); *11* – Шурово (2.4);

12 – Щуровский карьер (2.5); 13 – Лужки (3.1); 14 – Акиншино (4.1); 15 – Борисово (4.2); 16 – Велегож (4.3);
17 – Клейменово (4.4); 18 – Косолапово (4.5); 19 – Марково (4.6); 20 – Мишнево (4.7); 21 – Пластово (4.8);
22 – Сенево (4.9); 23 – Супруты (4.10); 24 – Щепилово (4.11); 25 – Воздремо 4 (4.12); 26 – Воздремо 10 (4.13);
27 – Каменка (4.14); 28 – Козюлькино (4.15); 29 – Козюлькино 2 (4.16); 30 – Малая Стрекаловка 5 (4.17); 31 – Орлово (4.18);
32 – Павловское, мог. 2 (4.19); 33 – Павловское (4.20); 34 – Селиваново (4.21); 35 – Супруты 6 (4.22);
36 – Большая Кожуховка 2 (4.23); 37 – Карьер 1 (4.24); 38 – Коледино (4.25); 39 – Майский (4.26); 40 – Упа 2 (4.27)

Fig. 1. Map of archaeological finds of fibulae of Chernyakhov tradition in the Upper Oka basin:

I – area of registered sites of the Dyakovo culture; *II* – area of Moshchiny culture;

III – the area of sites of the Krivoluchye type.

a – Dyakovo sites; *b* – Moshchiny sites; *c* – sites of the Vozdremo type; *d* – sites of the Krivoluchye type.

I – Altuhovo (1.1); 2 – Deshovki 2 (1.2); 3 – Krasnyy poselok 3 (1.3); 4 – Lysaya gora 2 (1.4); 5 – Svinukhovo (1.5);
6 – Serensk (1.6); 7 – Yakovka (1.7); 8 – D'yakovo (2.1); 9 – Zibrovo (2.2); 10 – Sokolova Pustyn (2.3); 11 – Shchurovo (2.4);
12 – Shchurovskiy karyer (2.5); 13 – Luzhki (3.1); 14 – Akinshino (4.1); 15 – Borisovo (4.2); 16 – Velegozh (4.3);
17 – Kleymenovо (4.4); 18 – Kosolapovo (4.5); 19 – Markovo (4.6); 20 – Mishnevo (4.7); 21 – Plastovo (4.8);
22 – Senevo (4.9); 23 – Supruty (4.10); 24 – Shchepilovo (4.11); 25 – Vozdremo 4 (4.12); 26 – Vozdremo 10 (4.13);
27 – Kamenka (4.14); 28 – Kozyulkino (4.15); 29 – Kozyulkino 2 (4.16); 30 – Malaya Strekalovka 5 (4.17); 31 – Orlovo (4.18);
32 – Pavlovskoe, burial ground 2 (4.19); 33 – Pavlovskoe (4.20); 34 – Selivanovo (4.21); 35 – Supruty 6 (4.22);
36 – Bolshaya Kozhukhovka 2 (4.23); 37 – Karyer 1 (4.24); 38 – Koledino (4.25); 39 – Mayskiy (4.26); 40 – Upa 2 (4.27)

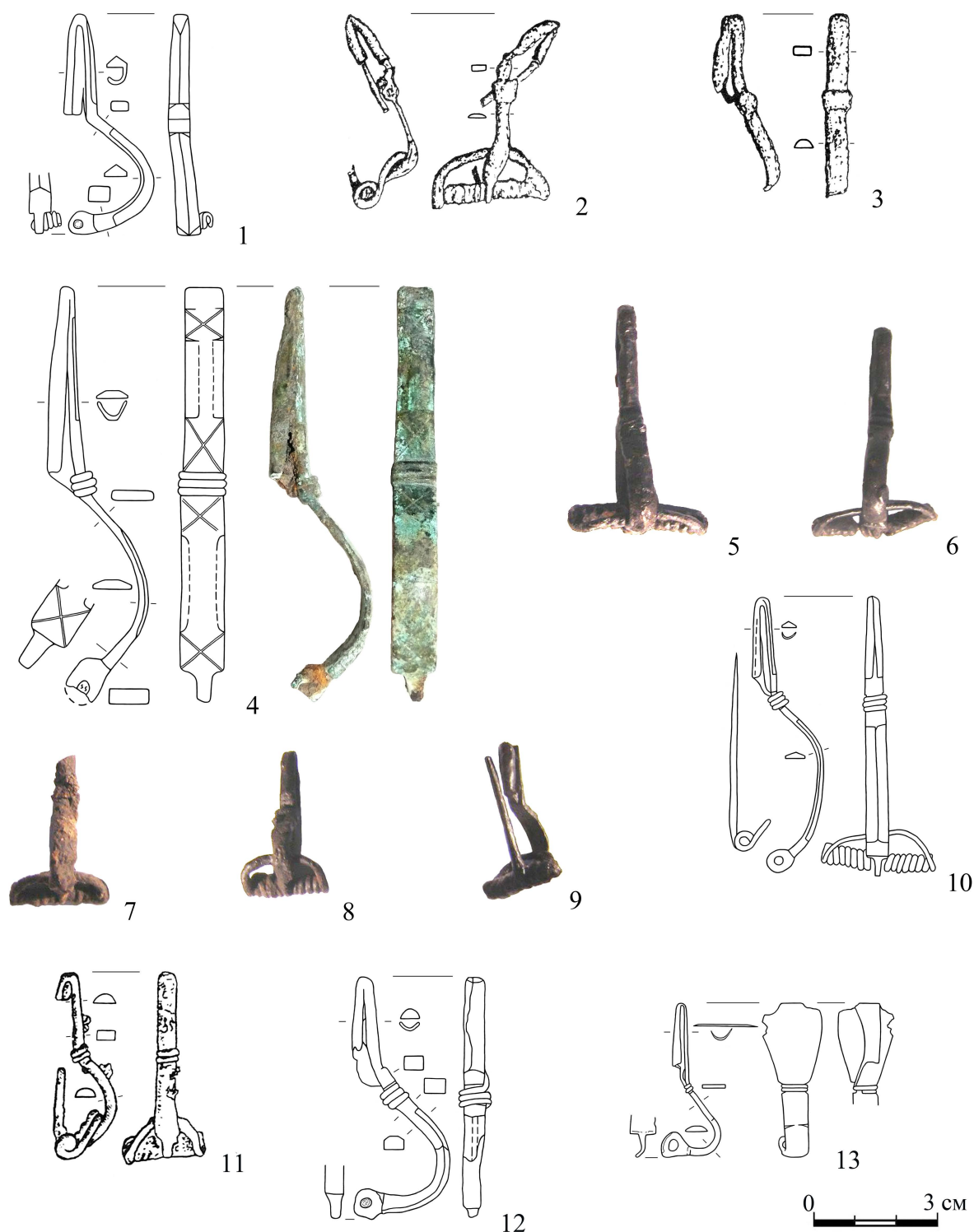

Рис. 2. Находки с памятников Калужской области (1–12) и городища Дьяково (13):

1 – Алтухово (1.1.1); 2, 3 – Дешовки 2 (1.2.1–2); 4 – Красный поселок 3 (1.3.1); 5–9 – Лысая гора 2 (1.4.1–5); 10 – Свинухово (1.5.1); 11 – Серенск (1.6.1); 12 – Яковка (1.7.1); 13 – Дьяково (2.1.1).
1, 4 – рисунки А.М. Воронцова; 2–3 – по: [Нигматуллин и др., 2005, рис. 122, 1–2]; 5–9 – по: [Симонов, Фролов, 2021, рис. 1, 1–4, 7]; 10, 13 – рисунки И.О. Гавритухина; 11 – по: [Фролов, 1970, рис. 1, 4]; 12 – рисунок А.М. Воронцова

Fig. 2. Archaeological findings of the Kaluga Region (1–12) and Dyakovo hillfort (13):

1 – Altuhovo (1.1.1); 2, 3 – Deshovki 2 (1.2.1–2); 4 – Krasnyy poselok 3 (1.3.1); 5–9 – Lysaya gora 2 (1.4.1–5); 10 – Svinukhovo (1.5.1); 11 – Serensk (1.6.1); 12 – Yakovka (1.7.1); 13 – Dyakovo (2.1.1).
1, 4 – drawings by A.M. Vorontsov; 2–3 – after: [Nigmatullin et al., 2005, fig. 122, 1–2]; 5–9 – after: [Simonov, Frolov, 2021, fig. 1, 1–4, 7]; 10, 13 – drawings by I.O. Gavritukhin; 11 – after: [Frolov, 1970, fig. 1, 4]; 12 – drawing by A.M. Vorontsov

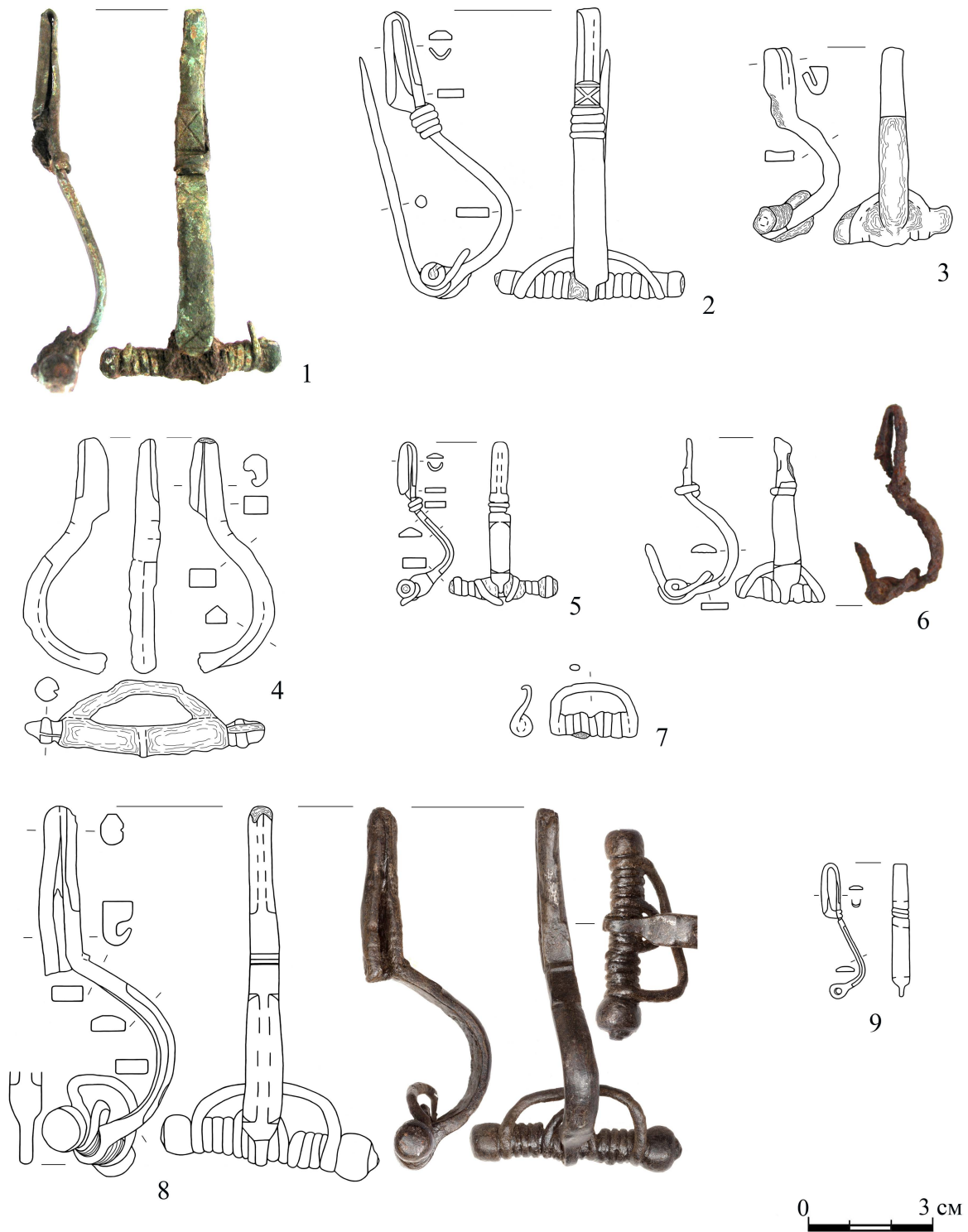

Рис. 3. Находки с памятников Московской (1–8) и Орловской области (9):

1 – Зиброво (2.2.1); 2–4 – Соколова Пустынь (2.3.1–3); 5–7 – Щурово (2.4.1–3); 8 – Щуровский карьер (2.5.1); 9 – Лужки (3.1.1). 1 – фотография А.В. Павлихина; 2–8 – рисунки А.М. Воронцова; 9 – рисунок И.О. Гавритухина

Fig. 3. Archaeological finds from sites in the Moscow (1–8) and Oryol regions (9):

1 – Zibrovo (2.2.1); 2–4 – Sokolova Pustyn (2.3.1–3); 5–7 – Shchurovo (2.4.1–3); 8 – Shchurovskiy karyer (2.5.1); 9 – Luzhki (3.1.1). 1 – photograph by A.V. Pavlihin; 2–8 – drawings by A.M. Vorontsov; 9 – drawing by I.O. Gavritukhin

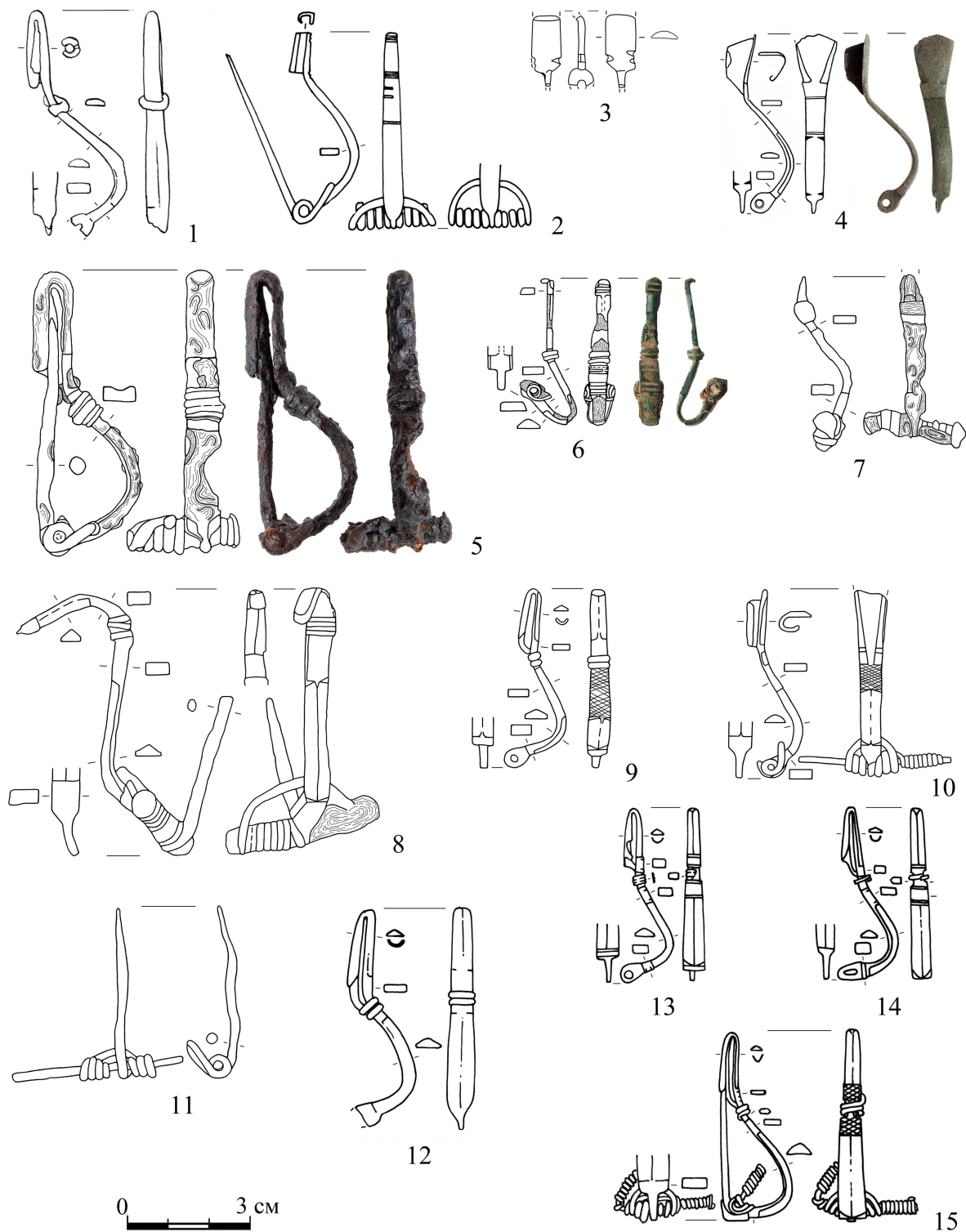

Рис. 4. Находки с памятников Тульской области:

1 – Акиньишино (4.1.1); 2 – Борисово (4.2.1); 3 – Велегож (4.3.1); 4 – Клейменово (4.4.1); 5 – Косолапово (4.5.1); 6 – Марково (4.6.1); 7, 8 – Мишнево (4.7.1–2); 9–11 – Пластово (4.8.1–3); 12 – Сенево (4.9.1); 13–15 – Супруты (4.10.1–3).
1–3, 12–15 – рисунки И.О. Гавритухина; 4 – рисунок А.М. Воронцова; 5–8, 9–11 – рисунки М.А. Воронцова

Fig. 4. Archaeological finds from sites in the Tula region:

1 – Akinshino (4.1.1); 2 – Borisovo (4.2.1); 3 – Velegozh (4.3.1); 4 – Kleymenovo (4.4.1); 5 – Kosolapovo (4.5.1); 6 – Markovo (4.6.1); 7, 8 – Mishnevo (4.7.1–2); 9–11 – Plastovo (4.8.1–3); 12 – Senevo (4.9.1); 13–15 – Supruty (4.10.1–3).
1–3, 12–15 – drawings by I.O. Gavritukhin; 4 – drawing by A.M. Vorontsov; 5–8, 9–11 – drawings by M.A. Vorontsov

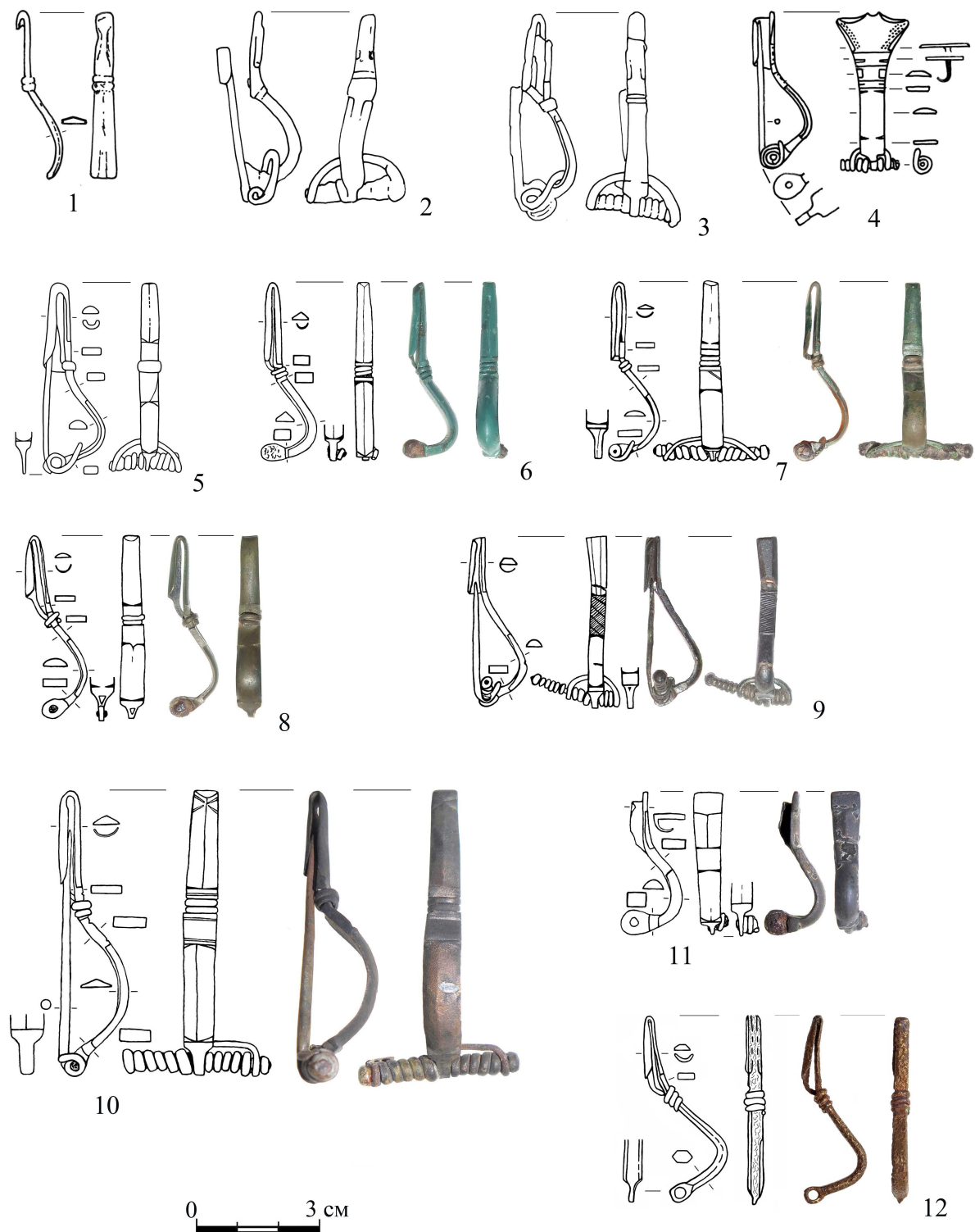

Рис. 5. Находки с памятников Тульской области:

1–3 – Супруты (4.10.4–6); 4, 5 – Щепилово (4.11.1–2); 6–9 – Воздремо 4 (4.12.1–4); 10, 11 – Воздремо 10 (4.13.1–2); 12 – Каменка (4.14.1). 1–4 – рисунки И.О. Гавритухина; 5–11 – рисунки А.М. Воронцова; 12 – рисунок М.А. Воронцова

Fig. 5. Archaeological finds from sites in the Tula region:

1–3 – Supruty (4.10.4–6); 4, 5 – Shchepilovo (4.11.1–2); 6–9 – Vozdremo 4 (4.12.1–4); 10, 11 – Vozdremo 10 (4.13.1–2); 12 – Kamenka (4.14.1). 1–4 – drawings by I.O. Gavritukhin; 5–11 – drawings by A.M. Vorontsov; 12 – drawing by M.A. Vorontsov

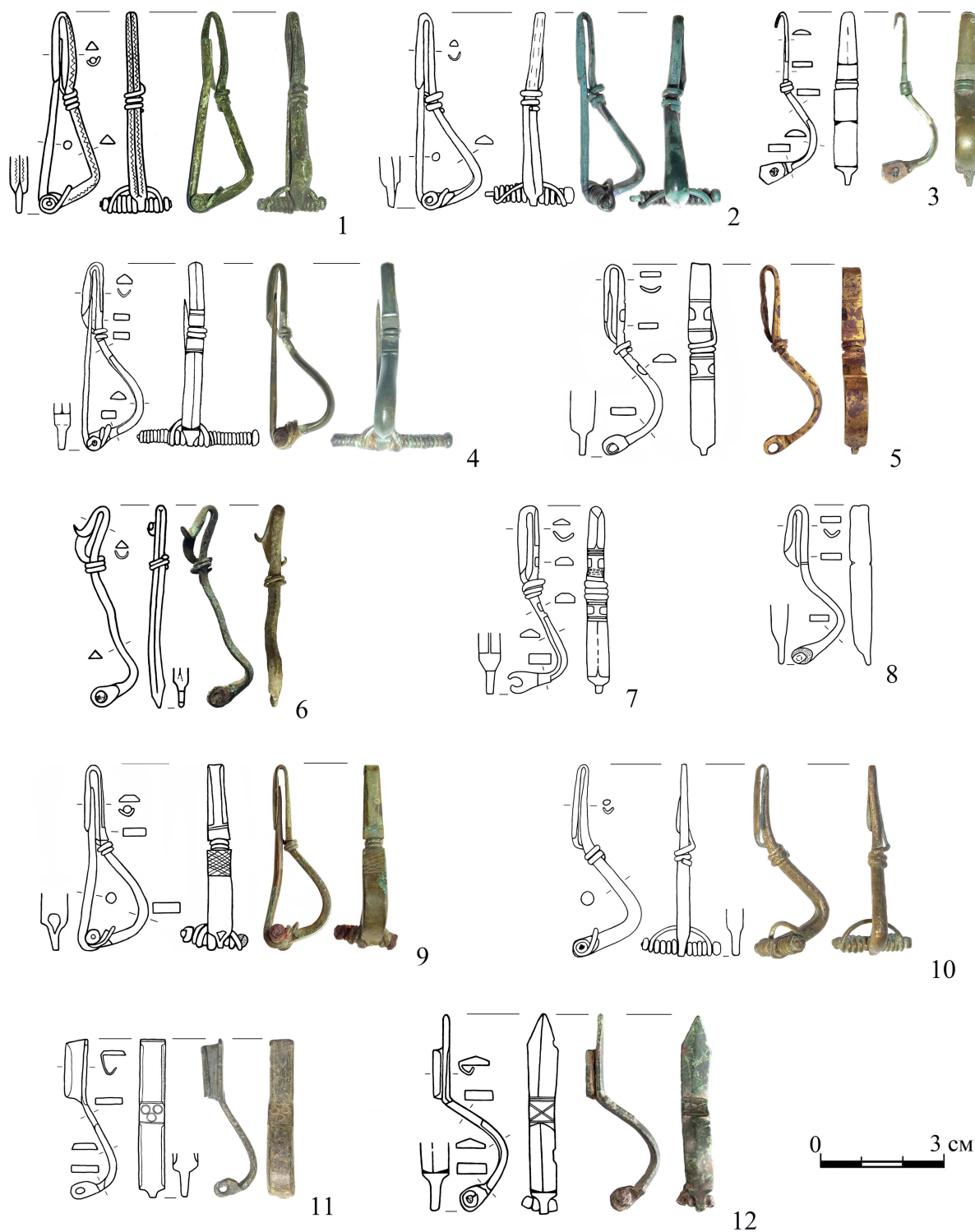

Рис. 6. Фибулы с памятников Тульской области:

1 – Козюлькино (4.15.1); 2, 3 – Козюлькино 2 (4.16.1–2); 4 – Малая Стрекаловка 5 (4.17.1); 5 – Орлово (4.18.1); 6 – Павловское, мог. 2 (4.19.1); 7, 8 – Павловское (4.20.1–2); 9 – Селиваново (4.21.1); 10–12 – Супруты 6 (2.22.1–3).

1–4, 6, 10–12 – рисунки А.М. Воронцова; 5, 7–9 – рисунки М.А. Воронцова

Fig. 6. Fibulae from sites in the Tula region:

1 – Kozyulkin (4.15.1); 2, 3 – Kozyulkin 2 (4.16.1–2); 4 – Malaya Strekalovka 5 (4.17.1); 5 – Orlovo (4.18.1); 6 – Pavlovskoe, burial ground 2 (4.19.1); 7, 8 – Pavlovskoe (4.20.1–2); 9 – Selivanovo (4.21.1); 10–12 – Supruty 6 (2.22.1–3).

1–4, 6, 10–12 – drawings by A.M. Vorontsov; 5, 7–9 – drawings by M.A. Vorontsov

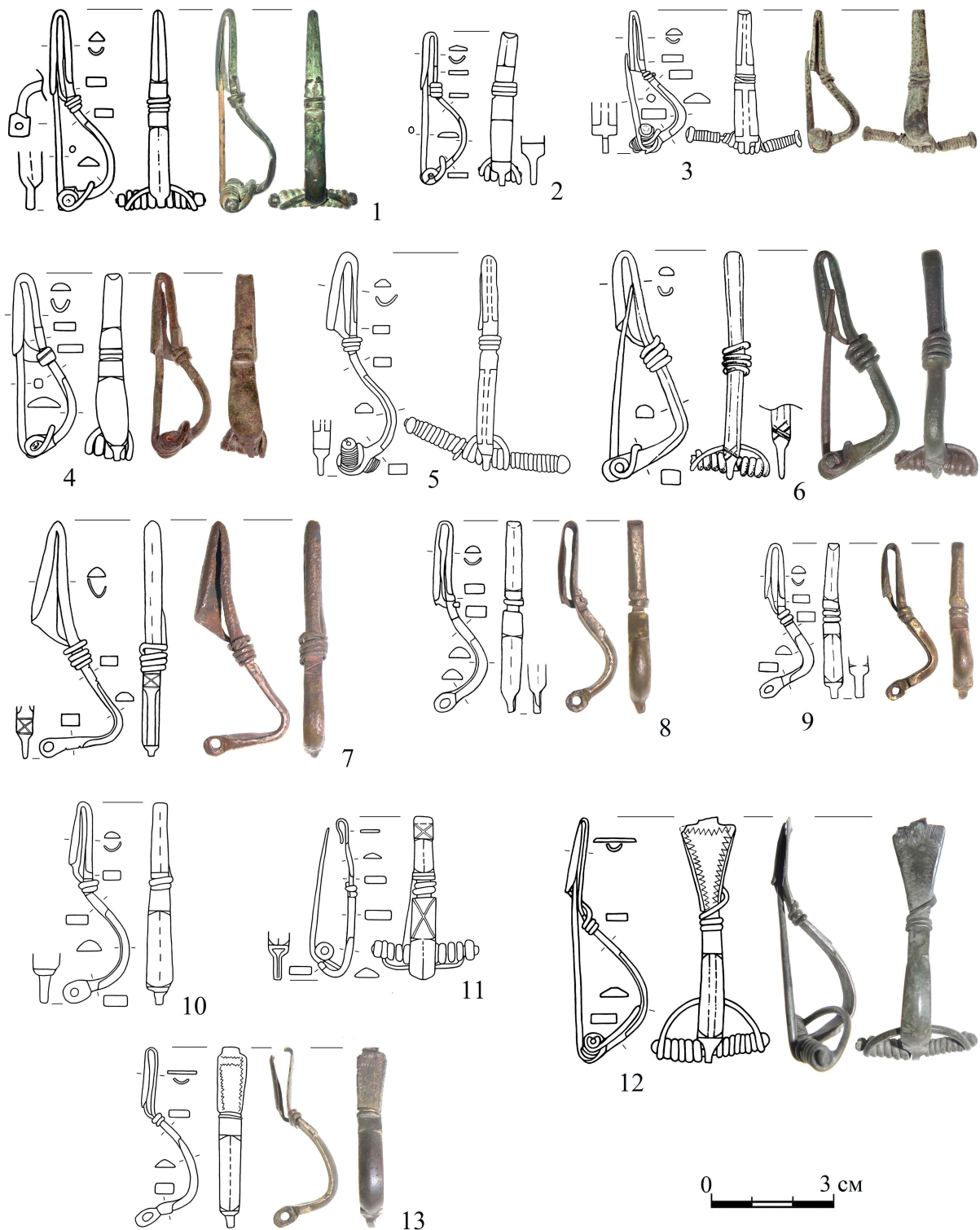

Рис. 7. Находки с памятников Тульской области:

1 – Большая Кожуховка 2 (4.23.1); 2 – Карьер 1 (4.24.1); 3 – Коледино (4.25.1); 4, 5 – Майский (4.26.1–2);
6–13 – Упа 2 (4.27.1–8). 1, 2, 4, 6–13 – рисунки А.М. Воронцова; 3, 5 – рисунки М.А. Воронцова

Fig. 7. Archaeological finds from sites in the Tula region:

1 – Bolshaya Kozhukhovka 2 (4.23.1); 2 – Karyer 1 (4.24.1); 3 – Koledino (4.25.1); 4, 5 – Mayskiy (4.26.1–2);
6–13 – Upa 2 (4.27.1–8). 1, 2, 4, 6–13 – drawings by A.M. Vorontsov; 3, 5 – drawings by M.A. Vorontsov

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Археологическая карта России. Калужская область, 2006. М. : ИА РАН. 310 с.
- Амброз А. К., 1966. Фибулы юга европейской части СССР (II в. до н.э. – IV в. н.э.). САИ. Вып. Д1-30. М. : Наука. 142 с.
- Белоцерковская И. В., 2012. О предметах черняховской культуры в женском инвентаре рязано-окских могильников // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гущиной. Тр. ГИМ. Вып. 191. М. : ГИМ. С. 27–42.
- Воронцов А. М., 2013. Культурно-хронологические горизонты памятников II–V веков на территории Окско-Донского водораздела. Тула : Гос. музей-заповедник «Куликово поле». 173 с.
- Воронцов А. М., 2021. Фибулы типа Картавецво – Серенск: к вопросу о локальных традициях и культурных связях эпохи Великого переселения народов // Поволжская археология. № 1 (35). С. 114–130. DOI: <http://doi.org/10.24852/ra2021.1.35.114.130>
- Воронцов А. М., 2022. Позднеримское время и эпоха Великого переселения народов (конец II – VII век) // Археология Окско-Донского водораздела. Тула : Гос. музей-заповедник «Куликово поле». Кн. 1. С. 142–184.
- Воронцов А. М., 2023. Тульский феномен: новые находки позднеримских бронзовых монет с правобережья верхней Оки // Stratum plus. № 4. С. 387–408. DOI: <https://doi.org/10.55086/sp234387408>
- Воронцов А. М., 2025. Верховья Оки и Дона в период формирования системы культур позднеримского времени // Труды VII (XXIII) Всероссийского археологического съезда. Красноярск, 6–10 октября 2025 г. Т. II. Красноярск : Сиб. федер. ун-т. С. 102–104.
- Воронцов А. М., Столяров Е. В., 2015. Городище Велегож на правобережье верхней Оки // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конф. 4. Ч. 1. Тула : Гос. музей-заповедник «Куликово поле». С. 9–56.
- Воронцов А. М., Столяров Е. В., 2017. Материалы гуннского времени с поселения Упа 2 в черте города Тулы // Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур: к 60-летию А.М. Обломского. М. : ИА РАН. С. 298–310.
- Воронцов А. М., Столяров Е. В., 2018. Группа селищ мощинской культуры на р. Воздремок // Этнокультурные процессы на территории Беларуси в I – начале II тысячелетия нашей эры : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию проф. Э.М. Загоруйского. Минск : БГУ. С. 67–76.
- Воронцов А. М., Столяров Е. В., 2020. Поселение Супруты 6 (середина III – IV в.) на верхней Оке // Между Востоком и Западом (Inter Orientem et Occidentem) : сб. ст. к 65-летию доктора Эрмута Шультце и 20-летию Германо-Славянской археологической экспедиции. Остроготика. Т. 3. Харьков : ХНУ им. В.Н. Каразина. С. 109–130.
- Воронцов А. М., Столяров Е. В., 2022. Городище Малая Стрекаловка на левобережье средней Упы // Археологическое наследие. № 1 (5). С. 121–180.
- Гавритухин И. О., Воронцов А. М., 2008. Фибулы верхнеокско-донского водораздела: двучленные прогнутые, подвязыные и со сплошным приемником // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 1. Тула : Гос. музей-заповедник «Куликово поле». С. 28–89.
- Кренке Н. А., 2011. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М. : ИА РАН. 548 с.
- Нигматуллин Р. А., Прошкин О. Л., Массалитина Г. А., Хохлова Т. М., 2005. Древний Козельск и его округа. М. : ИА РАН. 188 с.
- Никольская Т. Н., 1953. Городище у д. Свинухово // Краткие сообщения института истории и материальной культуры. Вып. XLIX. С. 86–96.
- Никольская Т. Н., 1959. Культура племен бассейна верхней Оки в I тыс. н.э. МИА. № 72. М. : Изд-во АН СССР. 151 с.
- Никольская Т. Н., 1970. К истории домостроительства у племен бассейна Верхней Оки // Древние славяне и их соседи. МИА. № 176. М. : Наука. С. 83–90.
- Петраускас О. В., 2010. Фібули «вопнського типу» черняхівської культури (за матеріалами пам'яток Укрупни) // Археологія і давня історія України. Вип. 2. Київ : ІА НАНУ. С. 191–207.

- Седов В. В., 1994. Славяне в древности. М. : НБПО «Фонд археологии». 327 с.
- Симонов О. В., Фролов А. С., 2021. К датировке мощинского слоя 2-го Лысогорского городища // Таруса в исследованиях краеведов : сб. докл., тез., сообщений III–V конф. «Историко-культурное и природное наследие Тарусского края». Калуга : Фридгельм. С. 3–8.
- Сыроватко А. С., 2023. Щурово: поселения и могильники I тыс. н.э. Материалы раскопок 2001–2014 гг. Материалы и исследования по археологии Коломны и Коломенского края. Вып. 2. М. : ИА РАН. 452 с.
- Сыроватко А. С., Потемкина О. Ю., Жеребцова Н. С., в печати. О степени мозаичности населения позднедьяковского времени в долине р. Оки: к постановке проблемы // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конф. 5 и 6. Тула : Гос. музей-заповедник «Куликово поле».
- Сыроватко А. С., Трошина А. А., Гольева А. А., Семеняк Н. С., Жеребцова Н. С., 2018. Размышления о пользе комплексного естественно-научного исследования // Тверской археологический сборник. Вып. 11. Тверь : Триада. С. 468–476.
- Фролов И. К., 1970. Нижний слой городища у дер. Серенск // Древние славяне и их соседи. МИА. № 176. М. : Наука. С. 80–82.

REFERENCES

- Arheologicheskaya karta Rossii. Kaluzhskaya oblast'* [Archaeological Map of Russia. Kaluga Region], 2006. Moscow, IARAS. 310 p.
- Ambroz A.K., 1966. *Fibuly yuga evropeyskoy chasti SSSR (II v. do n.e. – IV v. n.e.)* [Fibulae of the South of European Part of USSR (2nd Century BC – 4th Century AD)]. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov, iss. D1-30. Moscow, Nauka Publ. 142 p.
- Belotserkovskaya I.V., 2012. O predmetakh chernyakhovskoy kul'tury v zhenskom inventare ryazano-okskikh mogil'nikov [About the Objects of Chernyakhov Culture in the Women's Inventory of the Ryazan-Oka Burial Grounds]. *Evrasiya v skifo-sarmatskoe vremya. Pamyati Iriny Ivanovny Gushchinoy*. Tr. GIM, iss. 191. Moscow, SHM, pp. 27-42.
- Vorontsov A.M., 2013. *Kul'turno-khronologicheskie gorizonty pamiatnikov II–V vekov na territorii Oksko-Donskogo vodorazdela* [Cultural-Chronological Horizons of 2nd – 5th Century Sites on the Territory of Oka-Don Interstream]. Tula, The State Museum-Reserve “Kulikovo Field”. 173 p.
- Vorontsov A.M., 2021. Fibuly tipa Kartavtsevo – Serensk: k voprosu o lokal'nykh traditsiyakh i kul'turnykh svyazyakh ehpokhi Velikogo pereseleniya narodov [Fibulae of Kartavtsevo – Serensk Type: The Issue of Local Traditions and Cultural Relations of the Great Migration Period]. *Povolzhskaya arkheologiya* [The Volga River Region Archaeology], no. 1 (35), pp. 114-130. DOI: <http://doi.org/10.24852/pa2021.1.35.114.130>
- Vorontsov A.M., 2022. Pozdnerimskoe vremya i ehpkha Velikogo pereseleniya narodov (konets II – VII vek) [The Late Roman Period and Great Migration Period (The End of the II–VII Century)]. *Arkheologiya Oksko-Donskogo vodorazdela* [Archaeology of the Oka-Don Interstream]. Tula, The State Museum-Reserve “Kulikovo Field”, book 1, pp. 142-184.
- Vorontsov A.M., 2023. Tul'skiy fenomen: novye nakhodki pozdnerimskikh bronzovykh monet s pravoberezh'ya verkhney Oki [Tula Phenomenon: New Finds of the Late Roman Bronze Coins from the Right Bank of the Upper Oka]. *Stratum plus*, no. 4, pp. 387-408. DOI: <https://doi.org/10.55086/sp234387408>
- Vorontsov A.M., 2025. Verkhov'ya Oki i Dona v period formirovaniya sistemy kul'tur pozdnerimskogo vremeni [Upper Reaches of the Oka and Don During the Formation of the Late Roman Period Cultural System]. *Trudy VII (XXIII) Vserossiyskogo arkheologicheskogo sezda. Krasnoyarsk, 6–10 oktyabrya 2025 g.* [Proceedings of VII (XXIII) All-Russian Archaeological Congress. Krasnoyarsk, 6–10 October 2025], vol. II. Krasnoyarsk, SFU, pp. 102-104.
- Vorontsov A.M., Stolyarov E.V., 2015. Gorodishche Velegozh na pravoberezh'e verkhney Oki [Velegorz Hillfort on the Right Bank of the Upper Oka River]. *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epokhi rimskikh vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov* [Forest and Forest-Steppe Zone of Eastern Europe During the Roman Influence and the Great Migration Periods], konf. 4, ch. 1. Tula, The State Museum-Reserve “Kulikovo Field”, pp. 9-56.

- Vorontsov A.M., Stolyarov E.V., 2017. Materialy gunnskogo vremeni s poseleniya Upa 2 v cherte goroda Tuly [Materials of the Hunnic Period from the Settlement of Upa 2 in the City of Tula]. *Yevropa ot Latena do Srednevekovya: varvarskii mir i rozhdenie slavyanskikh kultur: k 60-letiyu A.M. Oblomskogo* [Europe from Latin to the Middle Ages: The Barbarian World and the Birth of Slavic Cultures: On the 60th Anniversary of A.M. Oblomsky]. Moscow, IA RAS, pp. 298-310.
- Vorontsov A.M., Stolyarov E.V., 2018. Gruppa selishch moshchinskoj kul'tury na r. Vozdremok [A Group of Villages of the Moshchiny Culture on the River Vozdremok]. *Etnokulturnie protsessy na territorii Belarusi v I – nachale II tysyacheletiya nashei eri: materialy Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 90-letiyu prof. E.M. Zagorulskogo* [Ethnocultural Processes on the Territory of Belarus in the I – Beginning of the II Millennium of Our Era. Proceedings of the International Scientific Conference, Dedicated to the 90th Anniversary of Professor E.M. Zagorulsky]. Minsk, BSU, pp. 67-76.
- Vorontsov A.M., Stolyarov E.V., 2020. Poselenie Supruty 6 (seredina III – IV v.) na verkhney Oke [The Settlement of Supruty 6 (Middle of the III–IV Centuries) on the Upper Oka]. *Mezhdru Vostokom i Zapadom (Inter Orientem et Occidentem): sb. st. k 65-letiyu doktora Erdmute Shulttse i 20-letiyu Germano-Slavyanskoy arheologicheskoy ekspeditsii. Ostrogotika. T. 3* [Between East and West (Inter Orientem et Occidentem). Collection of Articles Dedicated to the 65th Anniversary of Dr. Erdmute Schultze and the 20th Anniversary of the German-Slavic Archaeological Expedition]. Kharkiv, V.N. Karazin Kharkiv National University, pp. 109-130.
- Vorontsov A.M., Stolyarov E.V., 2022. Gorodishche Malaya Strelakovka na levoberezh'e sredney Upy [The Hillfort Malaya Strelakovka on the Left Bank of the Middle Upa]. *Arheologicheskoe nasledie* [Archaeological Heritage], no. 1 (5), pp. 121-180.
- Gavritukhin I.O., Vorontsov A.M., 2008. Fibuly verkhneoksko-donskogo vodorazdela: dvuchlennyye prognuty, podvyeznye i so sploshnym priemnikom [Fibulae from the Upper Oka-Don Watershed: Two-Part Bow Fibulae with Narrow Foot and with Solid Catch]. *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epokhi rimskikh vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov* [Forest and Forest-Steppe Zone of Eastern Europe during the Roman Influence and the Great Migration Periods], iss. 1. Tula, The State Museum-Reserve "Kulikovo Field", pp. 28-89.
- Krenke N.A., 2011. *D'yakovo gorodishche: kul'tura naseleniya basseyna Moskvy-reki v I tys. do n.e. – I tys. n.e.* [Dyakovo Hillfort: The Culture of the Population of the River Moskva Basin in the 1st Millennium BC – 1st Millennium AD]. Moscow, IA RAS. 548 p.
- Nigmatullin R.A., Proshkin O.L., Massalitina G.A., Khokhlova T.M., 2005. *Drevnii Kozelsk i yego okrug* [Ancient Kozelsk and Its Districts]. Moscow, IA RAS. 188 p.
- Nikolskaya T.N., 1953. Gorodishche u d. Svinukhovo [The Hillfort at the Village Svinukhovo]. *Kratki soobshcheniya instituta istorii material'noy kul'tury* [Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture], iss. XLIX, pp. 86-96.
- Nikolskaya T.N., 1959. *Kultura plemen basseina verkhney Oki v I tys. n.e.* [Culture of the Tribes of the Upper Oka Basin in the 1st Millennium AD]. MIA № 72. Moscow, USSRAS. 151 p.
- Nikolskaya T.N., 1970. K istorii domostroitelstva u plemen basseina Verkhney Oki [On the History of House Building among the Tribes of the Upper Oka Basin]. *Drevnie slavyane i ikh sosedi* [Ancient Slavs and Their Neighbors]. MIA № 176. Moscow, Nauka Publ., pp. 83-90.
- Petrauskas O.V., 2010. Fibuly «voinskogo tipu» chernyakhivskoy kultury (za materialami pam'yatok Ukraini) [Fibulae of the "Military Type" of the Chernyakhov Culture (Based on the Materials of Ukrainian Sites)]. *Arheologiya i davnya istoriya Ukraini* [Archaeology and Ancient History of Ukraine], iss. 2. Kiev, IA NANU, pp. 191-207.
- Sedov V.V., 1994. *Slavyane v drevnosti* [Slavs in Ancient Times]. Moscow, NBPO «Fond arheologii». 327 p.
- Simonov O.V., Frolov A.S., 2021. K datirovke moshchinskogo sloya 2-go Lisogorskogo gorodishcha [On the Dating of the Moshchinsky Layer of the 2nd Lysogorsky Hillfort]. *Tarusa v issledovaniyakh kraevedov: sb. dokl., tez., soobshcheniy III–V konf. «Istoriko-kulturnoe i prirodnoe nasledie Tarusskogo kraja»* [Tarusa in the Research of Local Historians. Collection of Proceedings, Abstracts, Reports of the 3th – 5th Conferences "Historical, Cultural and Natural Heritage of the Tarusa Region"]. Kaluga, Friedhelm Publ., pp. 3-8.
- Syrovatko A.S., 2023. Shchurovo: poseleniya i mogilniki i tis. n.e. Materialy raskopok 2001–2014 gg. Materialy i issledovaniya po arheologii Kolomny i Kolomenskogo kraja. Vyp. 2 [Shchurovo: Settlements and Burial Grounds of the 1st Millennium AD. Excavation Materials 2001–2014. Iss. 2]. Moscow, IA RAS. 452 p.
- Syrovatko A.S., Potemkina O.Yu., Zherebtsova N.S., in print. O stepeni mozaichnosti naseleniya pozdnyakovskogo vremeni v doline r. Oki: k postanovke problemi [On the Degree of Mosaic Formation of the Population of the

Late Dyakovo Period in the Valley of the Oka River: Towards a Problem Statement]. *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epokhi rimskikh vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov. Konf. 5 i 6* [Forest and Forest-Steppe Zone of Eastern Europe during the Roman Influence and the Great Migration Periods. Conf. 5–6]. Tula, The State Museum-Reserve “Kulikovo Field”].

Syrovatko A.S., Troshina A.A., Gol’eva A.A., Semenyak N.S., Zhrebtsova N.S., 2018. Razmyshleniya o pol’ze kompleksnogo estestvenno-nauchnogo issledovaniya [Reflections on the Benefits of Comprehensive Natural Science Research]. *Tverskoy arkheologicheskiy sbornik* [Tver Archaeological Collection], iss. 11. Tver, Triada Publ., pp. 468–476.

Frolov I.K., 1970. Nizhniy sloy gorodishcha u der. Serensk [The Lower Layer of the Hillfort near the Village Serensk]. *Drevnie slavyane i ikh sosedi* [Ancient Slavs and Their Neighbors]. MIA. № 176. Moscow, Nauka Publ., pp. 80–82.

Information About the Author

Aleksey M. Vorontsov, Candidate of Sciences (History), Head of the Department of Archeology of the Great Migration Period and Early Middle Ages, Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanov St, 19, 117292 Moscow, Russian Federation, amvorontsov@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-8434-4051>

Информация об авторе

Алексей Михайлович Воронцов, кандидат исторических наук, заведующий отделом археологии эпохи Великого переселения народов и раннего Средневековья, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, 117292 г. Москва, Российская Федерация, amvorontsov@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-8434-4051>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.3.6>

UDC 902:551.8(470+571)

LBC 63.48(2)-2

Submitted: 18.02.2026

Accepted: 15.06.2026

**IMPACT OF THE CASPIAN SEA FLUCTUATIONS
IN THE SECOND HALF OF THE 10th CENTURY
ON THE KHAZAR SETTLEMENTS OF THE SEMIBUGORINSKY
ARCHAEOLOGICAL COMPLEX, CENTRAL PART OF THE VOLGA DELTA ¹**

Sergey A. Kotenkov

Shirshov Institute of Oceanology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Damir S. Soloviev

Shirshov Institute of Oceanology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Radik R. Makshaev

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Ekaterina Yu. Matlakhova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Nikolay T. Tkach

Geological Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Alina A. Tkach

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Daria M. Lobacheva

Shirshov Institute of Oceanology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Elena I. Lysenko

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Tatiana I. Tikhonova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Abstract. Fluctuations in the level of the Caspian Sea played a decisive role in the development of the settlement complexes' infrastructure in the Volga River delta during the Holocene. In turn, the transgressive-regressive cycle had a significant impact on the restructuring of the hydrographic network and sedimentation conditions in the Volga River delta. During periods of transgression, part of the delta was flooded, leading to the development of extensive bays in which a distinctive complex of sediments and malacofaunal assemblages formed. Traces of the transgressive stages are clearly visible in the form of a series of ancient shorelines developed on the Baer knolls in the central part of the delta. During regressive phases, the deltaic territory expanded, the hydrographic network was transformed, and extensive alluvial plains were formed. This paper presents the results of comprehensive (archaeological and geological-geomorphological) investigations in the central part of the Volga River delta, in the vicinity of the Semibugorinsky archaeological complex, which includes settlements from the Khazar period. Archaeological and geological-geomorphological data have made it possible to identify areas corresponding to the flooding phase that occurred during the existence of Volga Khazaria in the Volga River delta. The geomorphological setting, the lithological structure of the deposits, and the presence of archaeological artefacts have made it possible

to identify layers that were subject to fluvial processes. It was also possible to trace the position of the shoreline and establish the maximum level of the Caspian Sea in the second half of the X century, the absolute height of which reached elevations of -24 to -23.8 m. It is likely that during the period of rising Caspian Sea levels, the population of Volga Khazaria migrated to the northern part of the Volga River delta, which was not affected by flooding.

Key words: Caspian Sea, Volga Delta, Volga Khazaria, archeology, paleogeography, reconstruction.

Citation. Kotenkov S.A., Soloviev D.S., Makshaev R.R., Matlakhova E.Yu., Tkach N.T., Tkach A.A., Lobacheva D.M., Lysenko E.I., Tikhonova T.I., 2026. Vliyanie kolebaniy Kaspiyskogo morya vo vtoroy polovine X v. na hazarskie poseleniya Semibugorinskogo arheologicheskogo kompleksa, tsentralnaya chast delty r. Volgi [Impact of the Caspian Sea Fluctuations in the Second Half of the 10th Century on the Khazar Settlements of the Semibugorinsky Archaeological Complex, Central Part of the Volga Delta]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 25, no. 3, pp. 144-168. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.3.6>

УДК 902:551.8(470+571)
ББК 63.48(2)-2

Дата поступления статьи: 18.02.2026
Дата принятия статьи: 15.06.2026

ВЛИЯНИЕ КОЛЕБАНИЙ КАСПИЙСКОГО МОРЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ X в. НА ХАЗАРСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ СЕМИБУГОРИНСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА, ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЧАСТЬ ДЕЛЬТЫ р. ВОЛГИ¹

Сергей Анатольевич Котеньков

Институт океанологии им. П.П. Ширшова РАН, г. Москва, Российская Федерация

Дамир Сергеевич Соловьев

Институт океанологии им. П.П. Ширшова РАН, г. Москва, Российская Федерация

Радик Рафаэлевич Макшаев

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

Екатерина Юрьевна Матлахова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

Николай Тимофеевич Ткач

Геологический институт РАН, г. Москва, Российская Федерация

Алина Алексеевна Ткач

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

Дарья Максимовна Лобачева

Институт океанологии им. П.П. Ширшова РАН, г. Москва, Российская Федерация

Елена Игоревна Лысенко

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

Татьяна Игоревна Тихонова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Флуктуации уровня Каспийского моря играли определяющую роль в развитии инфраструктуры поселенческих комплексов дельты р. Волги в голоценовый период. В свою очередь, трансгрессивно-регрессивная ритмика оказывала существенное влияние на перестройку гидрографической сети и усло-

вий осадконакопления в дельте р. Волги. В периоды трансгрессий часть дельты затоплялась, и происходило развитие обширных заливов, в которых формировался особый комплекс отложений и малакофаунистических комплексов. Следы трансгрессивных этапов хорошо прослеживаются в виде серий древних береговых линий, развитых на бэровских буграх в центральной части дельты. В регрессивные этапы происходило расширение дельтовой территории, трансформировалась гидрографическая сеть, происходило формирование обширных аккумулятивных аллювиальных равнин. В данной работе приводятся результаты комплексных (археологических и геолого-геоморфологических) исследований в центральной части дельты р. Волги в окрестностях Семибугоринского археологического комплекса, в состав которого входят поселения хазарского времени. Археологические и геолого-геоморфологические данные позволили выявить участки, соответствующие этапу затопления в период существования Волжской Хазарии в дельте р. Волги. Геоморфологическое положение, литологическое строение отложений и наличие археологических артефактов позволили выделить горизонты, подвергавшиеся воздействию флювиальных процессов. Также удалось проследить положение береговой линии и установить максимальное положение уровня Каспийского моря во второй половине X в., абсолютная высота которого достигала отметок -24 – -23,8 м. Вероятно, в период подъема уровня Каспийского моря население Волжской Хазарии переселялось в северные районы дельты, не подверженные подтоплению.

Ключевые слова: Каспийское море, дельта реки Волги, Волжская Хазария, археология, палеогеография, реконструкции.

Цитирование. Котеньков С. А., Соловьев Д. С., Макшаев Р. Р., Матлахова Е. Ю., Ткач Н. Т., Ткач А. А., Лобачева Д. М., Лысенко Е. И., Тихонова Т. И., 2026. Влияние колебаний Каспийского моря во второй половине X в. на хазарские поселения Семибугоринского археологического комплекса, центральная часть дельты р. Волги // Нижневолжский археологический вестник. Т. 25, № 3. С. 144–168. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.3.6>

Введение

Глобальные и региональные климатические флуктуации являются основополагающим фактором изменений природной среды. Данные процессы играли определяющую роль как в развитии, так и угасании поселений людей, государств, а порою и целых культур. Ярким примером адаптации человека к изменениям природной среды является расположение древних поселений в дельтовых участках крупных рек. Быстро протекающие изменения природной среды влекли за собой перемены в жизни и хозяйстве людей, которые не всегда успевали приспособиться к меняющейся обстановке и были вынуждены мигрировать в поисках более безопасных условий для жизни. Подобная ситуация сложилась в X в. в раннесредневековом государстве – Хазарском каганате, а именно в его домене – Волжской Хазарии, археологических свидетельств о местонахождении которого до последнего времени обнаружено не было. По историческим данным путешественников Ал-Мукаддаси, Ал-Истахри, Ал-Масуди, Ибн Фадлана, Ибн Хаукаля (X в.), ал-Бакри (XI в.), Ал-Идриси (XII в.), г. Итиль располагался на р. Волге (ранее также носившей назва-

ние «Итиль»), в ее устье [Калинина и др., 2014, с. 44–73], и существовал в период между VIII и X вв. [Флеров, 2011, с. 86].

Близость столичного домена к р. Волге и Каспийскому морю позволяла активно развивать рыбный промысел, импортировать рыбную продукцию далеко за пределы Хазарии. Волго-Каспийский путь позволял активно развивать торговлю, способствовал развитию различных ремесел. Начиная с середины X в. уровень Каспийского моря оставался нестабильным. За полвека колебания отметок уровня, вызывавшие периодические подтопления прибрежных территорий, происходили в пределах от -27,5 до -24,5 м абс. [Варущенко и др., 1987, с. 116, 117], что могло иметь катастрофические последствия для проживавших в волжской дельте людей.

В настоящей работе на основе междисциплинарных исследований (а именно комбинации исторического, археологического, геолого-геоморфологического и палеогеографического подходов) создана реконструкция изменений природной среды во второй половине X в. в центральной части дельты р. Волги, а также приведена оценка влияния этих изменений на развитие и угасание поселений Волжской Хазарии.

Материалы и методы исследований

Археологические исследования. В 2019–2024 гг. совместной экспедицией ООО «Археоцентр», Белгородского государственного университета, Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова и Института океанологии им. П.П. Ширшова РАН проводились археологические исследования на Семибугоринском археологическом комплексе в Камызякском и Приволжском районах Астраханской области [Соловьев, 2019; 2020; 2021а; 2021б]. Памятник расположен в центральной части дельты р. Волги в окрестностях сел Семибугры и Бараний Бугор, на правом и левом берегах р. Болды (рис. 1). Археологический комплекс объединяет несколько хазарских поселений: 5 небольших по размеру (Малый Костюбе-2, 3, 4, Бихтобе-1, Кинелле-1) и 3 крупных (Семибугры, Бараний бугор и Малый Костюбе-1) [Сарапулкин, Соловьев, 2025].

На территории комплекса обнаружен нумизматический материал VIII в., изделия из металла, многочисленные обломки лепной и круговой (кухонной, столовой, тарной) керамики, аналогичные фрагментам посуды VIII–X вв., найденной на городищах и поселениях хазарского времени Дагестана, Приазовья, Крыма, Донецкого региона и салтово-маяцкой культуры. Выявленные артефакты позволили сделать вывод об обнаружении в данном регионе первых хазарских поселенческих объектов [Соловьев, Котеньков, 2022; Сарапулкин и др., 2022; Сарапулкин, 2023]. Кроме того, в общем массиве керамики выделяются красноглиняные фрагменты посуды, происходящие от толстостенных сосудов (более 1 см) – предположительно, пифосов, а также керамический брак указанных сосудов. Большое количество керамического шлака вкупе с браком керамического производства [Котеньков, Соловьев, 2022, с. 194–195], обнаружение в одном из шурфов остатков горна, вероятно, для обжига керамики [Валиев, Ситдилов, 2023, с. 38–39] позволяют предположить, что на территории Семибугоринского археологического комплекса существовали гончарные мастерские. Также были обнаружены многочисленные кости рыб, как частиковых, так и осетровых пород [Соловьев, 2019; 2020; 2021а; 2021б], свиде-

тельствующие о развитии рыбного промысла. Средневековые авторы (IX–XI вв.) Истахри, Ибн Хаукал, Мукаддаси, Йакут и Насир ад-Дин Туей называют рыбу основным источником пищи для хазар, которые имели суда и занимались ловлей рыбы, водившейся в Волге в изобилии [Артамонов, 1962, с. 397; Захедер, 1962, с. 35, 141, 371; Новосельцев, 1990, с. 114; Плетнева, 1976, с. 55]. Известно, что хазары привозили рыбную продукцию на своих судах даже в Константинополь [Плетнева, 1976, с. 55].

Обнаруженные арабский дирхем (VIII в.) [Котеньков и др., 2020, с. 74], фрагменты импортных сосудов – причерноморских амфор IX–X вв. [Соловьев, Котеньков, 2024], трехручные пифосы-кувшины [Соловьев, Котеньков, 2022] указывают на существование водного торгового пути, соединявшего по Волге и Дону волжский домен Хазарии с рынками Причерноморья и хазарскими центрами на Дону. Результаты археологических исследований дают авторам основания предполагать, что хазарские поселения Семибугоринского археологического комплекса в IX–X вв. были сконцентрированы в центре Волжской Хазарии.

Геолого-геоморфологическая характеристика района. Территория Семибугоринского археологического комплекса располагается на обширной аккумулятивной аллювиальной равнине дельты р. Волги. Для нее характерно наличие многочисленных речных протоков, ильменей, палеорусел, бэровских бугров и межбугровых понижений, а также обширных пойм (рис. 1). Бэровские бугры являются отличительной особенностью рельефа дельты р. Волги и представляют собой субшироко вытянутые холмы длиной 500–3 000 м, высотой 8–21 м [Бэр, 1856, с. 195–196]. Холмы сложены бугровыми отложениями, состав которых представлен слоистыми песками и алевролитами с редкими прослоями раковинного детрита [Свиточ, Ключевиткина, 2006; Лобачева и др., 2021].

Для всех бугров, располагающихся в районе работ, характерно наличие абразионных и абразионно-аккумулятивных террас, свидетельствующих об их формировании в прибрежно-морских и эстуарных условиях. Межбугровые понижения заполнены разнообразными по генезису отложениями (озерными, аллю-

виальными, субаэральными), свидетельствующими о существовании различных обстановок осадконакопления, динамично сменявшихся в течение голоцена.

Геолого-геоморфологические исследования. На ключевых участках было проведено изучение рельефа и геологического строения территории расположения археологических памятников. Изучение литологического строения отложений проведено в археологических раскопах в районе бугра Семибугры-1 и села Бараний Бугор (рис. 1). В раскопах в слоях, представленных песками и алевритами, обнаружены находки красно- и сероглиняной керамики салтово-маяцкой культуры, предметы из металла, кости, стекла, относящиеся к эпохе Хазарского каганата (IX–X вв.), а также многочисленные кости рыб и домашнего скота [Соловьев, 2019; 2020; 2021a; 2021b]. На двух участках в районе бугра Семибугры-1 и села Бараний Бугор также проведено ручное бурение для изучения литологического строения и идентификации культурных слоев. Высотная привязка исследованных точек осуществлялась с помощью системы ГНСС EFT-M1 в местной системе координат. Для построения реконструкции положения береговых линий использовалась программа QGIS 3.28, а также усовершенствованная глобальная ЦМР FABDEM [Neal, Hawker, 2023].

Результаты исследований

Семибугры-1. В шурфе С2 (4 × 2 м, высота дневной поверхности -23,4 м абс., верхняя часть бугра (~1 м) снята скрепером) обнаружены фрагменты керамики (свыше 5 тыс. экз.), костей, кирпича, шлака, изделий из металла и кости [Котеньков, Соловьев, 2022, с. 195]. Находки зафиксированы в верхних слоях (2–5), перекрытых аллювиальными и ингрессионными песчаными отложениями, содержащими раковины солоноватоводных (*Didacna barbotdemarnii*) и пресноводных (*Dreissena polymorpha* и *Unio* sp.) моллюсков (рис. 2). Их накопление происходило в результате очередного затопления участка пресными и морскими водами (рис. 2, 3).

В основании слоя 2, перекрывающего слой 3 с керамикой, отмечаются текстуры восходящей ряби течения (рис. 3). Наличие такой

текстуры свидетельствует о высоких темпах седиментации, нагромождении подводных дюн друг на друга по мере выпадения осадка из потока, несущего большое количество мути и взвеси. Это признак периодических подтоплений и разливов, часто имеющих место в дельтовой области вблизи границы моря. В слоях 3 и 5 залегают мощные (от 10 до 70 см) слои, состоящие из большого количества фрагментов красноглиняной и сероглиняной керамики, имеющей следы длительного пребывания в воде и окатанной волновой динамикой до состояния гальки (рис. 4). Обнаруженные керамические артефакты, датируемые IX–X вв., имеют прямые аналоги с керамикой салтово-маяцкой культуры этого периода. В слое 3 также встречаются *in situ* раковины солоноватоводных *Didacna barbotdemarnii* и пресноводных *Dreissena polymorpha* моллюсков, что является свидетельством их развития в прибрежной зоне. Супеси и суглинки (слой 6), слагающие бугровую толщу, вскрываются ниже глубины 2,3 м и продолжают далее; отмечается наклонное залегание пластов в северо-западном направлении.

Для верификации литологических и культурных слоев с окатанной керамикой были пробурены 2 скважины: С6 и С9. Литологическое строение скважин С6 и С9 практически сопоставимо с шурфом С2 (рис. 5). Однако крупные слои с окатанной керамикой здесь не фиксируются, встречаются лишь отдельные их фрагменты.

Бараний Бугор. Строение археологического раскопа ВВ5 (глубина 1,8 м, высота дневной поверхности -25,5 м абс.) представлено чередованием культурных слоев, состоящих из темно-серых суглинков и светло-бежевых супесей и суглинков с включениями обломков и целых раковин моллюсков *Unio* sp., *Viviparus* sp., углистыми прослоями, костями животных, а также с фрагментами красно- и сероглиняной керамики (рис. 6). Верхняя часть раскопа (~60 см) представлена техногенным горизонтом XX века. Залегающие ниже культурные слои содержат большое количество фрагментов керамических изделий X в., костей домашнего скота, рыб.

Рядом с раскопом ВВ5 был исследован шурф ВВ4 (глубина 1,7 м), располагающийся гипсометрически выше (-23,3 м абс.). В шурфе ВВ4 на глубине 90–110 см были обнаружены куль-

турные слои с включениями красно- и сероглиняной керамики IX–X вв. в толще коричневых суглинков, а также древесных углей и крупных раковин *Dreissena polymorpha* (рис. 7).

Располагающаяся в северо-восточном направлении от раскопа BB5 скважина BB11 (кровля -26,2 м абс.) представлена отложениями, в которых прослеживается чередование песчаных и суглинистых слоев. В песках встречаются обломки раковин моллюсков. Археологические артефакты в скважине BB11 отсутствуют.

Обсуждение

Исторические сведения о колебаниях уровня Каспийского моря

Относительно отметок уровня Каспийского моря в X в. мнения исследователей разнятся. Многие ученые приводили отметки уровней Каспийского моря, опираясь на данные исследования западного берега Каспия и, в частности, Дербентской крепости, построенной в конце V в., ее стен, мола, каменоломни, где добывался камень для строительства крепости, а также на записки восточных географов и путешественников IX–X вв. (Баладзори, Кудам, Масуди, Табари, Истахри), описавших как строительство, так и воздействие колебаний уровня моря на стены крепости [Берг, 1934, с. 16–20; Аполлов, 1951, с. 135, 136; 1956б, с. 216; Николаева, Хан-Магомедов, 1962, с. 178–189; Варущенко С.И., Варущенко А.Н., 1984, с. 62–63, 66–67; Трифионов, Караханян, 2004, с. 421–422]. Также ученые ссылались на данные исследований на побережье Азербайджана: караван-сарая в Бакинской бухте, построенного в XIII в., пней срубленных деревьев на о. Артема и у Ленкорани, некрополя I в. до н.э. к северу от Апшеронской дамбы [Аполлов, 1951, с. 140, 141; 1956а, с. 77], городища Бяндован [Квачидзе, 1980]. Показатели отметок уровня моря по данным археологии корректировались геоморфологическими данными района и результатами радиоуглеродного датирования раковин, торфов и остатков растительности [Варущенко С.И., Варущенко А.Н., 1984, с. 62; Варущенко и др., 1987, с. 69–70]. Исследовались морские и ингрессионные террасы в устьях рек на западном побережье моря, а так-

же раковины моллюсков, заключенные в осадках новокаспийских отложений, по которым проводились абсолютные датировки, полученные ^{14}C и Th/U методами [Рычагов, 1993а, с. 48].

Для первой четверти X в. некоторые исследователи определяли высокий уровень моря: А.В. Вознесенский (1926) – -17 м абс., Н.В. Ханьков – -14 м абс. [Родионов, 1991, с. 25]. Б.А. Аполлов, ссылаясь на изображение о. Кулалы на карте арабского географа Истахри (951 г.), приводит отметки уровня моря в X в. от -25,5 м абс. [Аполлов, 1956б, с. 228] до -27,5 м абс. [Аполлов, 1956а, с. 87]. Опираясь на данные Истахри, по мнению Л.С. Берга, нельзя судить о высоком стоянии Каспия в X в. [Берг, 1934, с. 18]. По заключению ученого, уровень Каспия в это время был близок к современному [Берг, 1934, с. 18], то есть на 1934 г. соответствовал -27,5 м абс. [Варущенко и др., 1987, с. 117]. По мнению Л.Н. Гумилева, проводившего подводные исследования стен Дербентской крепости в августе 1961 г., «...абсолютная отметка Каспия в конце VI в. была -32 м абс., а в середине X в. -29,5 м абс. ...море поднялось на 3 м» [Гумилев, 1966, с. 88–89]. Однако, в соответствии с его диаграммой, уровень моря в X в. составлял -32 м абс. [Варущенко и др., 1987, с. 65].

Согласно С.И. Варущенко, к середине X в. уровень Каспийского моря составлял -35 – -36 м [Варущенко С.И., Варущенко А.Н., 1984, с. 66]. По данным Г.И. Рычагова, в период с I по XIV в. уровень моря оставался низким, колебаясь от -27 до -32 м, с наибольшим повышением в XIII–XIV вв., а в середине X в. этот показатель варьировался в пределах -32 – -34 м [Рычагов, 1993а, с. 48; 1993б, с. 43–44; 2011, с. 6].

Во второй половине X в. уровень Каспия поднялся до -24,5 м абс., что подтверждается находками раковин, датированных на данной высоте [Варущенко и др., 1980, с. 88–89; 1987, с. 70]. Однако Г.И. Рычагов указывает, что в это время уровень не превышал -25 м [Рычагов, 1993а, с. 48], а С.Н. Родионов приводит значение -29 м [Родионов, 1991, с. 34].

В фундаментальном труде С.И. Варущенко с соавторами [Варущенко и др., 1987] приведена детальная кривая и таблица уровней Каспийского моря с разбивкой по десятилетиям за последние 2600 лет. На данной кри-

вой для X в. отмечается быстрый подъем уровня Каспийского моря от отметок -32,2 до -24,5 м абс. (рис. 8).

Некоторые ученые, указывая на максимальные подъемы уровня моря с начала н.э. (II, IV, XI, 2-й половине XII, начале XIII, конце XVIII и начале XIX вв. (самое высокое -25 – -24 м абс.)) [Трифонов, Караханян, 2004, с. 422; Нестеров, 2016, с. 79, 81], не отмечали высокого положения уровня в середине X в., которое могло иметь катастрофические последствия для проживавших в волжской дельте людей.

Приводимый Л.Н. Гумилевым уровень Каспия для середины X в. -29,5 – -28,5 м абс. [Гумилев, 1966, с. 81; 1980, с. 45] близок к современному и не является критичным для проживания населения в данном регионе. При таких отметках могли бы пострадать населенные пункты Волжской Хазарии, расположенные южнее современного морского края дельты (если таковые были в тот период). Однако исторические и археологические свидетельства, подтверждающие их существование в более южных районах, на данный момент отсутствуют.

Поиски Волжской Хазарии

в дельте р. Волги.

Историко-археологический аспект

Л.Н. Гумилев был первым исследователем, занимавшимся в 60-е гг. прошлого века поисками Итиля в дельте Волги. Однако находки артефактов хазарского времени им были зафиксированы исключительно на бэровских буграх – возвышенностях естественного происхождения, которые долгое время считались наиболее перспективными объектами для поиска археологических памятников, в то время как равнинные участки традиционно считались мало перспективными в этом отношении [Котеньков, 2018]. На межбугровых пространствах дельты хазарские памятники им не были выявлены. Исключение составляют находки керамики, обнаруженной на Иголкинской банке (расположенном в восточной части авандельты), отнесенные Л.Н. Гумилевым к хазарскому времени [Гумилев, 1966, с. 127]. Однако установить точное местоположение находок данных артефактов, ввиду отсутствия их координат в отчете Л.Н. Гумилева, не представляется возможным.

К концу прошлого века в низовьях Волги исследователями были выявлены редкие и территориально разбросанные одиночные погребения хазарского времени в Красноярском [Котеньков, 2001, с. 54], Володарском [Гумилев, 1966, с. 37; Васильев, 1993, с. 19–20], Камызякском [Гумилев, 1966, с. 7–9] и Приволжском районах [Кутуков, Пантелеев, 2013, с. 189]. А.Г. Ситдилов, И.Ю. Мирсияпов на территории дельты выделяют 5 археологических объектов с «керамикой салтово-маяцкого истока»: поселение, грунтовые могильники и местонахождение в Приволжском и Икрянинском районах, расположенных также на природных возвышенностях [Ситдилов, Мирсияпов, 2011].

В западной части дельты р. Волги в Камызякском районе, на берегах протоки Старая Волга расположен крупный средневековый поселенческий памятник – Самосдельское городище (XI–XIV вв.). Данный объект впервые исследован С.А. Котеньковым в 90-х гг. XX века. В этот период были проведены рекогносцировочные работы и заложены раскопы. В ходе исследований выявлены полуразрушенные конструкции и сооружения из обожженного кирпича, многочисленные фрагменты керамических изделий XI–XIV вв. [Котеньков, 1990; 1991]. Начиная с 2000 г. работы на данном городище продолжили Э.Д. Зиливинская и Д.В. Васильев [Васильев, 2020]. Данные авторы, опираясь на местоположение городища, находки артефактов, выявленных в нижних слоях памятника (остатки крепости, юртообразные жилища, керамика), и результаты радиоуглеродного датирования, выдвинули версию о соотношении нижних слоев Самосдельского городища с Итилем [Зиливинская, Васильев, 2008; Валиulina, Зиливинская, 2010, с. 65; Самосдельское городище ... , 2011, с. 162–164]. Однако В.С. Флеров в своей работе аргументированно подверг критике указанную версию [Флеров, 2011, с. 107–108, 110–11, 112, 114].

Палеогеографическая обстановка

в районе Семибугоринского археологического комплекса во второй половине X века

На основании проведенных междисциплинарных исследований на Семибугоринском

археологическом комплексе представляется возможным реконструировать палеогеографическую обстановку в дельте Волги во второй половине X века.

Геолого-геоморфологические данные позволяют установить, что на исследованной территории происходило подтопление значительных участков суши. Эти условия хорошо прослеживаются в строении и характеристиках отложений в районе бугра Семибугры-1. Обнаруженные слои с фрагментами окатанной керамики IX–X вв. в шурфе С2 достигают абсолютной высоты -23,8 м и демонстрируют периодические подтопления межбугровых пространств и склонов близлежащих бугров речными и ингрессионными морскими водами. На это, помимо окатанной керамики, также указывают находки *in situ* раковин пресноводных *Unio* sp., *Dreissena polymorpha* и солоноватоводных моллюсков *Didacna barbotdemarnii*, что является показателем их длительного пребывания в прибрежной зоне. Супеси (слой 4), залегающие между песков с окатанной керамикой (слоями 3 и 5), свидетельствуют о флуктуациях уровня ингрессионного залива Каспия в дельте р. Волги, имевших место не позднее X века.

В районе села Бараний Бугор пространственное положение и строение изученных слоев в точках ВВ4, ВВ5, ВВ11 (рис. 7) демонстрируют их падение к востоку от раскопа ВВ5. Наличие песчаных слоев с раковинным детритом в скважине ВВ11 свидетельствует о неоднократной смене речных и ингрессионных обстановок, в условиях которых местное население вынуждено было предпринимать меры для ограждения поселений от паводков и периодических подъемов уровня моря. В южном и западном профилях бортов раскопа ВВ5 зафиксированы слои мощностью до 0,42 м, состоящие из плотного светло-палевого легкого суглинка с редким детритом пресноводных моллюсков, не содержащего артефактов (рис. 6). Вероятнее всего, данные слои представляют собой остатки искусственной насыпи, сооруженной жителями для защиты территории в районе раскопа ВВ5 от подтоплений. При этом система насыпей перекрыта сверху и устилает снизу культурные слои IX–X вв., которые отличаются темно-коричневым цветом и высоким содержанием

артефактов, обломков керамики IX–X вв., костей животных. В указанных культурных слоях были найдены *in situ* раковины пресноводных моллюсков *Dreissena polymorpha*, *Unio* sp., указывающие на субаквальные условия накопления данных слоев. Кроме этого, в одном из шурфов в районе села Бараний Бугор были найдены развалы пифосов-кувшинов, погребенных под слоями наносов. Судя по расположению развалов стенок сосудов, пифосы-кувшины были частично врыты в землю и, видимо, не были изначально разбиты, а разрушились под давлением перекрывавшего их грунта – слоев морских наносов. Вероятно, данное место проживания было в спешке покинуто людьми, которые не смогли забрать с собой эти дорогостоящие и необходимые в быту сосуды [Соловьев, Котеньков, 2022, с. 310], после чего культурные слои подверглись воздействию паводков, вызванных подъемом уровня Каспийского моря в X веке.

Результаты моделирования изменения положения береговой линии для высотных отметок -24,5, -24 -23,8 м абс. (рис. 9) позволяют проследить участки затопления в центральной части дельты р. Волги. Абсолютные высоты для проведения моделирования были выбраны с учетом максимального положения уровня Каспийского моря в X в. [Варущенко и др., 1987, с. 116, 117], а также по результатам археологических и геолого-геоморфологических исследований на Семибуграх-1 и Бараньем Бугре, представленных в данной работе.

При положении уровня моря на отметках -24,5 м абс. отмечается развитие крупных ингрессионных заливов в восточной части дельты р. Волги (рис. 9А). В южной части Семибугоринского археологического комплекса реконструируются области, подвергающиеся подтоплению.

При уровне Каспийского моря на отметке -24 м абс. фиксируется развитие ингрессионных участков непосредственно вблизи районов бугра Семибугры-1 и села Бараний Бугор (рис. 9Б). Практически все межбугровые участки подтоплены. Бэровские бугры становятся островами.

При повышении уровня моря до отметок -23,8 м абс. происходит дальнейшее подтопление территории в районах Семибугров-1 и Бара-

нього Бугра (рис. 9В). Ингрессионные участки проникают на север дельтовой части и затапливают в том числе и северные участки района Семибугоринского археологического комплекса.

Сравнение проведенных реконструкций позволяет установить, что воздействие подъема уровня моря существенно сказывалось как на левобережной, так и на правобережной частях р. Болды. Изменения природной среды, вызванные подъемом уровня Каспийского моря во второй половине X в., вероятно, сыграли определяющую роль в трансформации и последующем упадке развития поселений Волжской Хазарии в центральной части дельты р. Волги.

Выводы

Проведенные работы дают возможность полагать, что во второй половине X в. повышение уровня Каспийского моря стало масштабной катастрофой для местного населения, произошло затопление поселений, хозяйственных объектов, значительно изменился ландшафт региона. Состав отложений на исследованных участках в районе Семибугоринского археологического комплекса, наличие мощных горизонтов с окатанной керамикой, находки *in situ* раковин пресноводных и солоноватоводных моллюсков, а также данные по реконструкциям положения береговой линии Каспийского моря позволяют утверждать, что отметки уровня моря в исследуемом районе достигали -24 – -23,8 м абс. Вероятно, часть населения Волжской Хазарии была вынуждена переселяться в северные районы дельты, не подверженные подтоплению.

Последствия повышения уровня моря нанесли серьезный удар по экономике Волжской Хазарии, явившись одними из основополагающих факторов разрушения ее поселенческой инфраструктуры, что на фоне осложненной политической обстановки могло привести к ослаблению Хазарского каганата и стало основной причиной бесследного исчезновения столичного домена с исторической арены.

БЛАГОДАРНОСТИ

Авторы выражают искреннюю благодарность археологической экспедиции ООО «Археоцентр» за всестороннюю помощь в организации и проведении полевых работ.

ACKNOWLEDGMENTS

The authors express their sincere gratitude to the archaeological expedition of LLC Archeocenter for their comprehensive assistance in organising and conducting fieldwork.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ 25-27-00357 «Климато-гидрологические события в период раннего средневековья (VI–X вв.) на территории дельты р. Волги».

The research was financially supported by the Russian Science Foundation, grant No. 25-27-00357 “Climatic and hydrological events in the Early Middle Ages (6th – 10th centuries) on the territory of the Volga River delta.”

ПРИЛОЖЕНИЯ

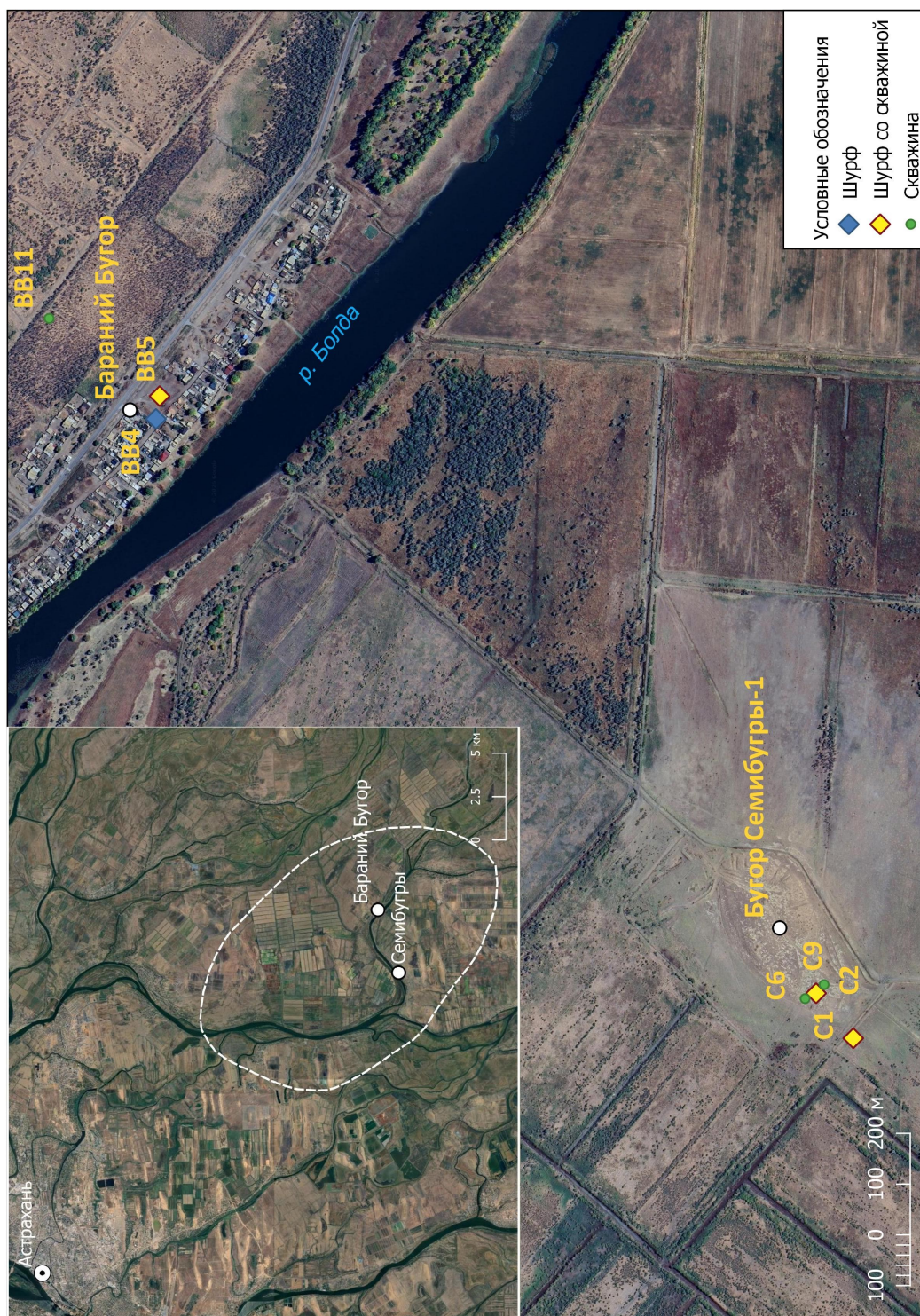

Рис. 1. Схема расположения Семибугоринского археологического комплекса. Белой пунктирной линией показаны границы памятника. Точками обозначены ключевые участки работ
Fig. 1. Map showing the location of the Semibugory archaeological complex.
The white dashed line indicates the boundaries of the site. The dots mark the key study areas

Рис. 2. Литологическое строение шурфа С2, в юго-западной части бугра Семибугры-1.

В квадрате (Б) выделен участок с видимыми слоями с окатанной керамикой и фрагментами раковин моллюсков. Виден слой 2, перекрывающий слой 3, содержащий окатанную керамику X века

Fig. 2. Lithological structure of Pit C2, in the southwestern part of the Semibugry-1 knoll.

In the square (B), a section with visible layers of rounded ceramics and fragments of mollusc shells is highlighted. Layer 2 is visible, overlapping layer 3, containing rounded ceramics of the 10th century

Рис. 3. Литологическое строение северной стенки шурфа С2, в районе бугра Семибугры-1. В слоях 3 и 5 представлены фрагменты окатанной красноглиняной и сероглиняной керамики

Fig. 3. Lithological structure of the northern wall of Pit C2 in the area of the Semibugry-1 knoll. Layers 3 and 5 contain fragments of rounded red-clay and gray-clay ceramics

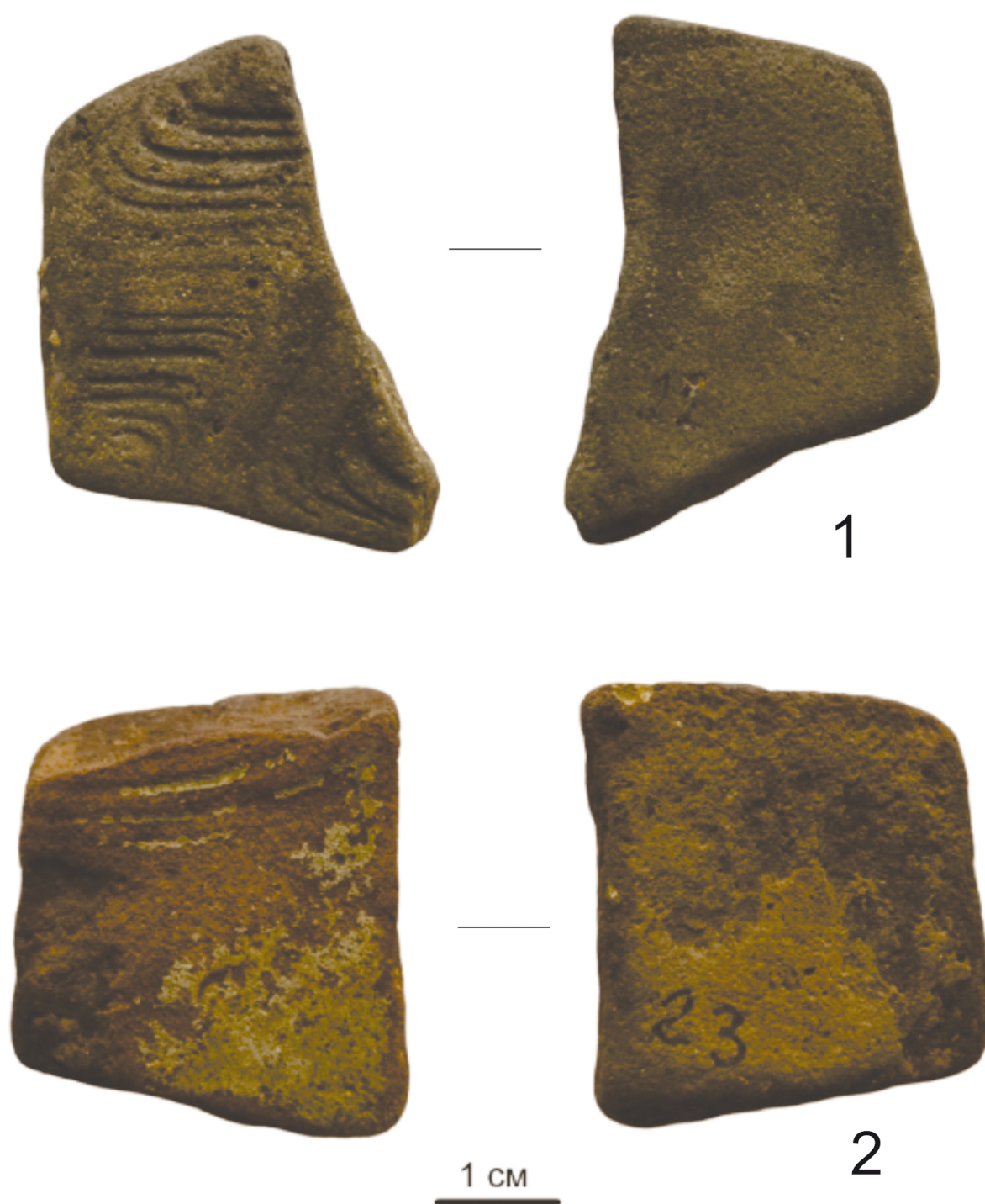

Рис. 4. Фрагменты окатанной керамики:

- 1 – стенка сероглиняного гончарного сосуда с волнистым орнаментом;
2 – стенка красноглиняного гончарного сосуда с линейным орнаментом

Fig. 4. Fragments of rolled ceramics:

- 1 – grey clay pottery vessel with wavy ornament;
2 – red clay pottery vessel with linear ornament

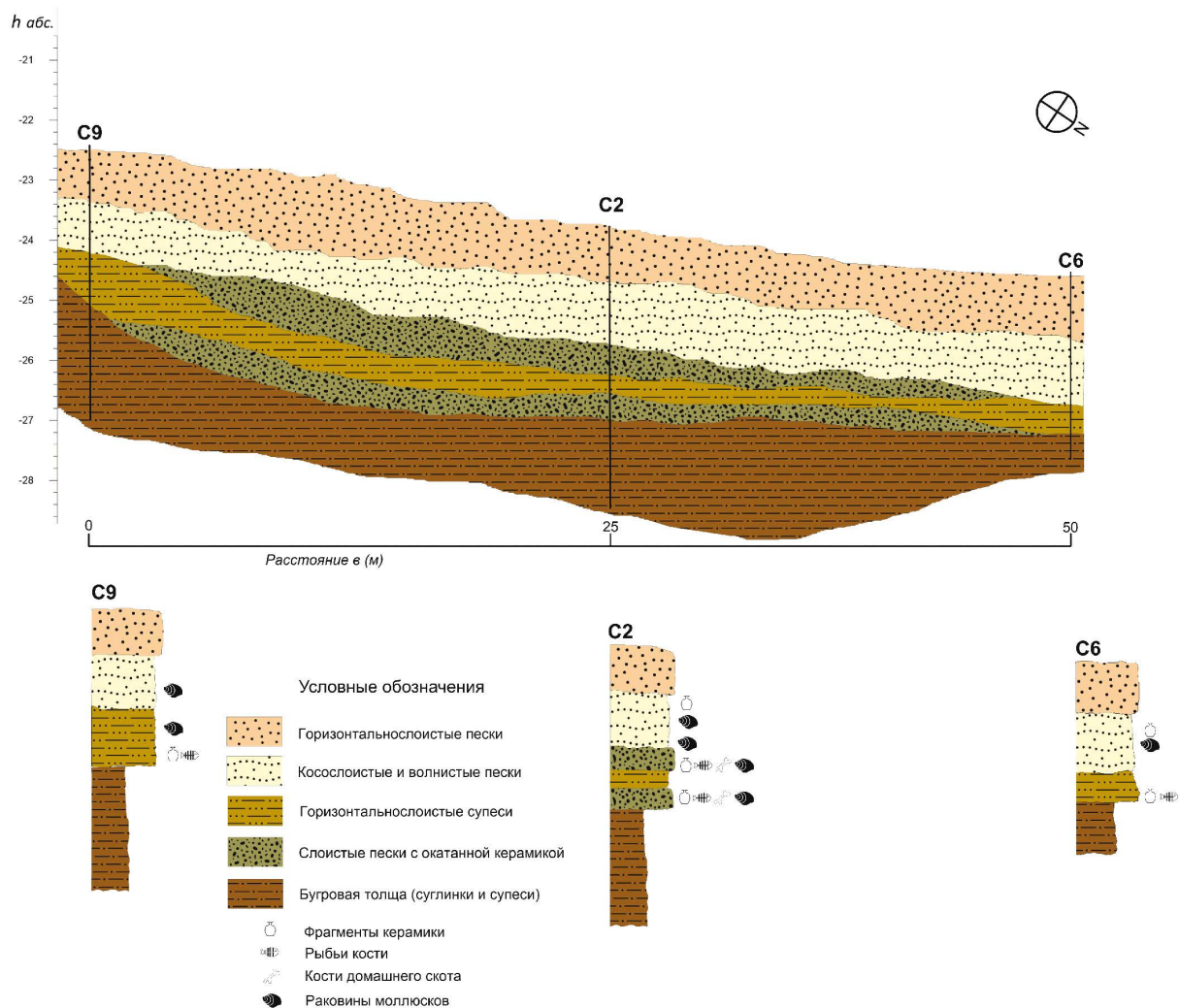

Рис. 5. Геологическое строение юго-западной части бугра Семибугры-1, между точками С9–С6
Fig. 5. Geological structure of the southwestern part of the Semibugry-1 knoll, between points C9–C6

Рис. 6. Археологический раскоп в районе Бараний Бугор. Справа виден светлый горизонт, представленный суглинками и созданный искусственно, вероятно, в качестве вала для защиты от наводнений

Fig. 6. Archaeological excavation in the area of the settlement of Baraniy Bugor. On the right, a light – coloured horizon consisting of loams is visible and created artificially, probably as a rampart to protect against floods

Рис. 7. Литологическое строение шурфов и скважин BB4, BB5 и BB11 в районе Бараний Бугор

Fig. 7. Lithological structure of pits and boreholes BB4, BB5 and BB11 in the area of the settlement of Baraniy Bugar

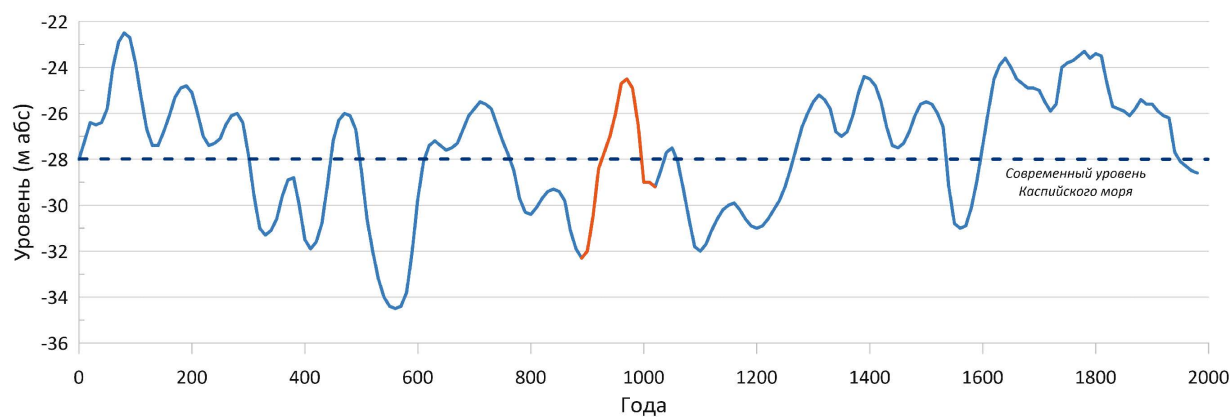

Рис. 8. Изменение уровня Каспийского моря в IX–XI вв. (по: [Варущенко и др., 1987]).

Красным выделен период X века

Fig. 8. The Caspian Sea level fluctuations in the 9th – 11th centuries CE (after: [Varushchenko et al., 1987]). The period of the 10th century CE is highlighted in red

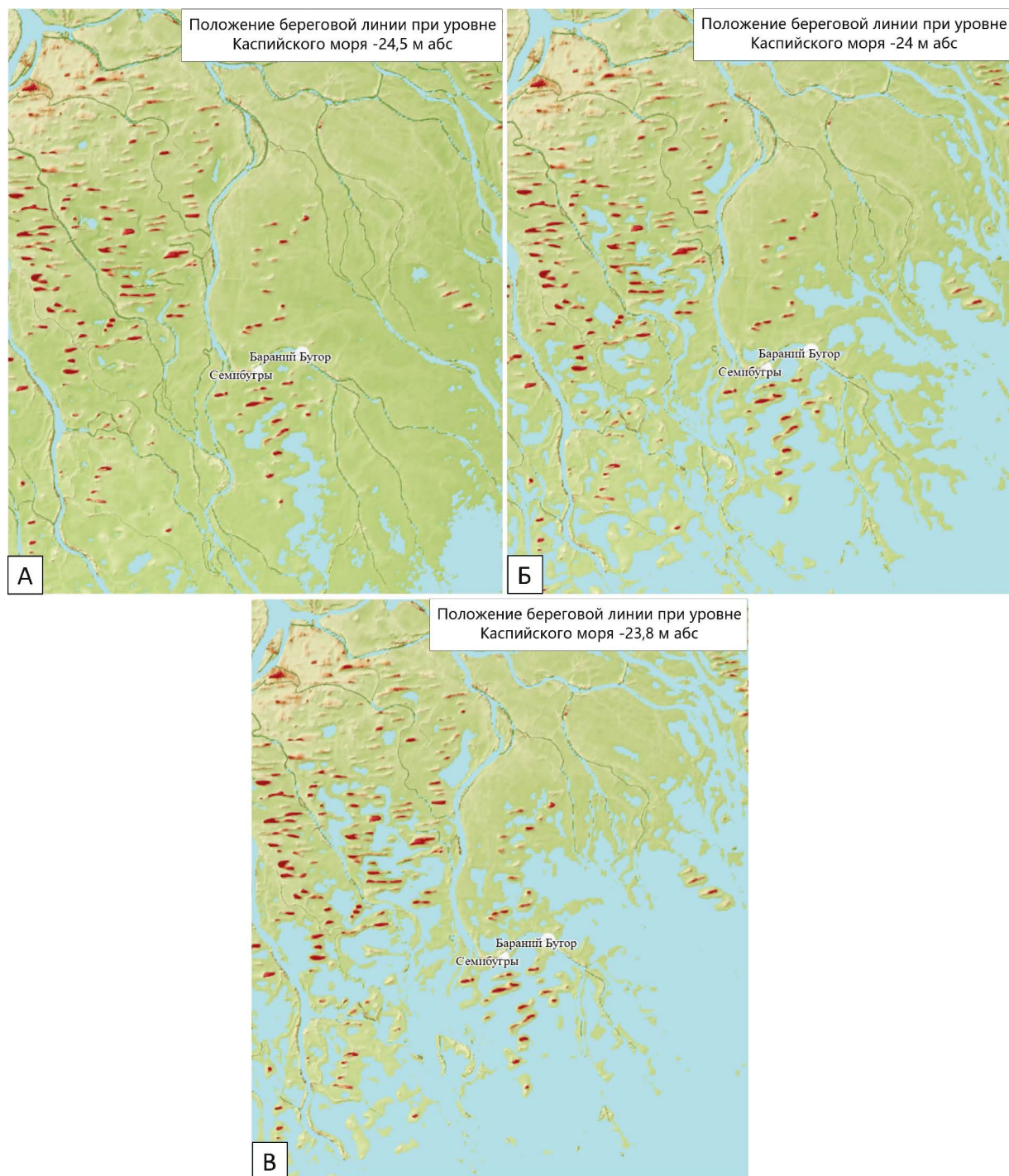

Рис. 9. Реконструкция положения береговой линии Каспийского моря в центральной части дельты р. Волги при уровнях:
А) -24,5; Б) -24; В) -23,8 м абс.

Fig. 9. Reconstruction of the position of the Caspian Sea coastline in the central part of the Volga River delta at levels:
A) -24.5 m asl; Б) -24 m; В) -23.8 m asl

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аполлов Б. А., 1951. Доказательства прошлых низких стояний уровня Каспийского моря // Вопросы географии. № 24. С. 134–143.
- Аполлов Б. А., 1956а. Каспийское море и его бассейн. М. : Изд-во АН СССР. 119 с.
- Аполлов Б. А., 1956б. Колебания уровня Каспийского моря // Тр. Института океанологии АН СССР. Т. 15. М. : Изд-во АН СССР. 288 с.
- Артамонов М. И., 1962. История хазар. Л. : Изд-во Госэрмитажа. 523 с.
- Берг Л. С., 1934. Уровень Каспийского моря за историческое время // Проблемы физической географии. М. : Изд-во АН СССР. С. 11–64.
- Бэр К. М., 1856. Ученые записки о Каспийском море и его окрестностях // Записки русского географического общества. Кн. XI. СПб. : Типография императорской Академии наук. С. 181–224.
- Валиев Р. Р., Ситдилов А. Г., 2023. Отчет об археологической разведке в округе с. Бараний Бугор в Камызякском районе Астраханской области в 2023 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. б/н.
- Валиулина С. И., Зиливинская Э. Д., 2010. Стекланные изделия Самосдельского городища // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. Т. 152, кн. 3, ч. 1. С. 63–76.
- Варущенко С. И., Варущенко А. Н., 1984. Уровень Каспийского моря и колебания увлажненности Русской равнины в средние века // Известия АН СССР. Серия географическая. № 4. С. 61–70.
- Варущенко С. И., Варущенко А. Н., Клиге Р. К., 1980. Изменение уровня Каспийского моря в позднем плейстоцене-голоцене // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М. : Наука. С. 79–90.
- Варущенко С. И., Варущенко А. Н., Клиге Р. К., 1987. Изменения режима Каспийского моря и бессточных водоемов в палеовремени. М. : Наука. 240 с.
- Васильев Д. В., 1993. Отчет об археологических исследованиях на грунтовом могильнике «Лбище» в Володарском районе Астраханской области в 1993 году // Фонд археологии Астраханского государственного объединенного историко-архитектурного музея-заповедника. № Кп 42812.
- Васильев Д. В., 2020. Двадцать лет исследований Самосдельского городища: результаты, проблемы, интерпретация // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XVI. Пермь : ПГПУ. С. 64–75.
- Гумилев Л. Н., 1966. Открытие Хазарии : (Историко-географический этюд). М. : Наука. 191 с.
- Гумилев Л. Н., 1980. История колебаний за 2000 лет (с IV в. до н.э. по XVI в. н.э.) // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М. : Наука. С. 32–48.
- Заходер Б. Н., 1962. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX–X вв. М. : Вост. лит. 280 с.
- Зиливинская Э. Д., Васильев Д. В., 2008. О вероятной локализации города Итиля на Самосдельском городище в дельте Волги // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале 2008 г. Т. II. М. : Ин-т археологии РАН. С. 224–226.
- Калинина Т. М., Флеров В. С., Петрухин В. Я., 2014. Хазария в кросскультурном пространстве: историческая география, крепостная архитектура, выбор веры. М. : Языки славянской культуры. 208 с.
- Квачидзе В. А., 1980. Городище Бянднован – археологический памятник и источник данных об изменении уровня Каспийского моря // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М. : Наука. С. 152–155.
- Котеньков С. А., 1990. Отчет об исследованиях Самосдельского городища в Камызякском районе Астраханской области в 1990 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 15862–15866.
- Котеньков С. А., 1991. Отчет об исследованиях Самосдельского городища в Камызякском районе Астраханской области в 1991 г. // Архив ИА РАН. Р. 1. Д. 16126–16127.
- Котеньков С. А., 2001. Новые памятники древних болгар в Астраханском крае // Диалог культур Евразии : Вопросы средневековой истории и археологии. Изучение и сохранение историко-культурного наследия. Вып. 2. Казань : ТГТИ. С. 53–57.
- Котеньков С. А., 2018. Бэровские бугры – потенциальные археологические памятники волжской дельты // Проблемы археологии и музееведения : сб. ст., посвящ. памяти Н.В. Хабаровой (1955–2017). Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 237–244.
- Котеньков С. А., Соловьев Д. С., 2022. Итоги междисциплинарных исследований на Семибугоринском археологическом комплексе // Маргулановские чтения-2022 : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Алматы : Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана. С. 190–200.

- Котеньков С. А., Соловьев Д. С., Тимофеев А. А., 2020. Археологические исследования на бугре Семибугры-I в Камызякском районе Астраханской области в 2019 г. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. № 26. Барнаул : АГУ. С. 72–76.
- Кутуков Д. В., Пантелеев С. А., 2013. Исследования болгарских захоронений домонгольского времени на территории Астраханской области // Поволжская археология. № 3 (5). С. 175–191. DOI: <https://doi.org/10.24852/ra2013.3.5.175.190>
- Лобачева Д. М., Бадюкова Е. Н., Макшаев Р. Р., 2021. Литофациальное строение и условия накопления отложений бэровских бугров Северного Прикаспия // Вестник Московского университета. Серия 5, География. № 6. С. 99–111.
- Нестеров Е. С., 2016. Водный баланс и колебания уровня Каспийского моря. Моделирование и прогноз. М. : Трида. 378 с.
- Николаева Р. В., Хан-Магомедов С. О., 1962. Новые данные об уровне Каспийского моря за историческое время // Труды Института океанологии АН СССР. М., Л. : Изд-во АН СССР. Вып. 60. С. 178–189.
- Новосельцев А. П., 1990. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М. : Наука. 264 с.
- Плетнева С. А., 1976. Хазары. М. : Наука. 96 с.
- Родионов С. Н., 1991. Основные этапы в ходе уровня Каспийского моря и их связь с изменениями климата за последнее тысячелетие // Гидрология морей и устьев рек. Вып. 183. М. : Гидрометеиздат. С. 24–35.
- Рычагов Г. И., 1993а. Уровневый режим Каспийского моря за последние 10 000 лет // Вестник Московского университета. Серия 5, География. № 2. С. 38–49.
- Рычагов Г. И., 1993б. Уровень Каспийского моря за историческое время // Вестник Московского университета. Серия 5, География. № 4. С. 42–49.
- Рычагов Г. И., 2011. Колебания уровня Каспийского моря: причины, последствия, прогноз // Вестник Московского университета. Серия 5, География. № 2. С. 4–12.
- Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации, 2011. Астрахань : Астраханская цифровая типография. 169 с.
- Сарапулкин В. А., 2023. Отчет о разведке в Приволжском районе Астраханской области в 2023 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1, б/н.
- Сарапулкин В. А., Соловьев Д. С., Котеньков С. А., Кравченко Э. Е., 2022. Поселения хазарского времени в дельте Волги // Краткие сообщения Института археологии. № 268. С. 245–255. DOI: <http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.268.245-255>
- Сарапулкин В. А., Соловьев Д. С., 2025. Поселения хазарского времени в Дельте Волги (по результатам работ 2023 года) // Археология евразийских степей. № 3. С. 258–270.
- Свиточ А. А., Ключиткина Т. С., 2006. Бэровские бугры Нижнего Поволжья. М. : МГУ. 159 с.
- Ситдинов А. Г., Мирсияпов И. Ю., 2011. Керамика салтово-маяцкого истока в материалах Нижнего Поволжья X–XI вв. // Керамика Хазарского каганата (VII–X вв.) и проблема идентификации болгарской керамики в странах Причерноморья и Поволжье. Симферополь : Крым. фил. Ин-та археологии НАНУ. С. 92–98.
- Соловьев Д. С., 2019. Отчет об археологических разведках на территории Харабалинского, Камызякского и Енотаевского районов Астраханской области в 2019 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 65921.
- Соловьев Д. С., 2020. Отчет об археологических разведках на поселении Семибугры в Камызякском районе Астраханской области в 2020 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 68370–68371.
- Соловьев Д. С., 2021а. Отчет об археологических раскопках на территории грунтового могильника «Семибугры» в границах выявленного объекта культурного наследия в Камызякском районе Астраханской области в 2021 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1, б/н.
- Соловьев Д. С., 2021б. Отчет об археологических разведках в Камызякском районе Астраханской области в 2021 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 74661.
- Соловьев Д. С., Котеньков С. А., 2022. Находки раннесредневековых пифосов-кувшинов в дельте Волги // Археология евразийских степей. № 3. С. 304–313.
- Соловьев Д. С., Котеньков С. А., Кравченко Э. Е., Коваленко А. В., 2024. Первые находки предметов византийского импорта в дельте Волги // Византиноведение IV: Крым и Северное Причерноморье в системе мировых цивилизаций. Симферополь : Н. Ореанда. С. 204–210.

- Трифонов В. Г., Караханян А. С., 2004. Геодинамика и история цивилизаций. М. : Наука. 668 с.
- Флеров В. С., 2011. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. М. : Мосты культуры : Гешарим. 264 с.
- Neal J., Hawker L., 2023. FABDEM V1-2 DOI: <http://doi.org/10.5523/bris.s5hqmjcdj8yo2ibzi9b4ew3sn>

REFERENCES

- Apollov B.A., 1951. Dokazatelstva proshlykh nizkikh stoyaniy urovnya Kaspiyskogo morya [Evidence of Past Low Standings of the Caspian Sea Level]. *Voprosy geografii* [Questions of Geography], no. 24, pp. 134-143.
- Apollov B.A., 1956a. *Kaspiyskoe more i ego basseyn* [The Caspian Sea and Its Basin]. Moscow, Academy of Sciences Press of USSR. 119 p.
- Apollov B.A., 1956b. Kolebaniya urovnya Kaspiyskogo morya [Fluctuations of the Caspian Sea Level]. *Tr. Instituta okeanologii* [Proceedings of the Institute of Oceanology], vol. 15. Moscow, AS USSR. 288 p.
- Artamonov M.I., 1962. *Istoriya khazar* [History of the Khazars]. Leningrad, State Hermitage. 523 p.
- Berg L.S., 1934. Uroven' Kaspiyskogo morya za istoricheskoe vremya [The Level of the Caspian Sea over Historical Time]. *Problemy fizicheskoy geografii* [Problems of Physical Geography]. Moscow, AS USSR, pp. 11-64.
- Baer K.M., 1856. Uchenye zapiski o Kaspiyskom more i ego okrestnostyakh [Scientific Notes about the Caspian Sea and Adjacent Regions]. *Zapiski russkogo geograficheskogo obshchestva* [Notes of the Imperial Russian Geographical Society]. Book 11. Saint Petersburg, Imperial Academy of Science, pp. 181-224.
- Valiev R.R., Sitdikov A.G., 2023. *Otchet ob arkheologicheskoy razvedke v okruge s. Baraniy Bugor v Kamyshtyatskom rayone Astrakhanskoy oblasti v 2023 g.* [Report on Archaeological Survey in the Vicinity of Baraniy Bugor Village in Kamyshtyatsky District, Astrakhan Region, in 2023]. *Arkhiv IA RAN*, F-1, R-1.
- Valiulina S.I., Zilivinskaya E.D., 2010. Steklyannye izdeliya Samosdelskogo gorodishcha [Glass Products from the Samosdelka Settlement]. *Ucheny'e zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarny'e nauki* [Scientific Notes of the Kazan University. Series: Humanities], vol. 152, book 3, part 1, pp. 63-76.
- Varushchenko S.I., Varushchenko A.N., 1984. *Uroven' Kaspiyskogo morya i kolebaniya uvlazhnennosti Russkoy ravniny v srednie veka* [The Caspian Sea Level and Moisture Fluctuations in the Russian Plain in the Middle Ages]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya geograficheskaya* [Bulletin of the Academy of Science of the USSR. Geographical Series], no. 4, pp. 61-70.
- Varushchenko S.I., Varushchenko A.N., Klige R.K., 1980. Izmenenie urovnya Kaspiyskogo morya v pozdnem pleistotsene-golotsene [Changes in the Caspian Sea Level in the Late Pleistocene-Holocene]. *Kolebaniya uvlazhnennosti Aralo-Kaspiyskogo regiona v golotsene* [Fluctuations in the Moisture of the Aral-Caspian Region in the Holocene]. Moscow, Nauka Publ., pp. 79-90.
- Varushchenko S.I., Varushchenko A.N., Klige R.K., 1987. *Izmenenie rezhima Kaspiyskogo morya i besstokhnykh vodoemov v paleovremeni* [Changes in the Regime of the Caspian Sea and Endorheic Basins in Paleotime]. Moscow, Nauka Publ. 240 p.
- Vasiliev D.V., 1993. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh na gruntovom mogil'nike «Lbishche» v Volodarskom rayone Astrakhanskoy oblasti v 1993 godu [Report on Archaeological Excavations at the "Lbishche" Burial Ground in Volodarsky District, Astrakhan Region, in 1993]. *Fond arkheologii Astrakhanskogo gosudarstvennogo ob"edinennogo istoriko-arkhitekturnogo muzeya-zapovednika*, no. Kp 42812.
- Vasiliev D.V., 2020. Dvadsat' let issledovaniy Samosdel'skogo gorodishcha: rezul'taty, problemy, interpretatsiya [Twenty Years of Research at Samosdelka Settlement: Results, Problems, Interpretation]. *Trudy Kamskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii* [Proceedings of the Kama Archaeology-Ethnographic Expedition], iss. XVI. Perm, PSHPU, pp. 64-75.
- Gumilev L.N., 1966. *Otkrytie Khazarii: (Istoriko-geograficheskii etyud)* [The Discovery of Khazaria: A Historical-Geographical Study]. Moscow, Nauka Publ. 191 p.
- Gumilev L.N., 1980. Istoriya kolebaniy za 2000 let (s IV v. do n.e. po XVI v. n.e.) [History of Fluctuations Over 2000 Years (From the 4th Century BC to the 16th Century AD)]. *Kolebaniya uvlazhnennosti Aralo-Kaspiyskogo regiona v golotsene* [Fluctuations in the Moisture of the Aral-Caspian Region in the Holocene]. Moscow, Nauka Publ., pp. 32-48.
- Zakhoder B.N., 1962. *Kaspiyskiy svod svedenii o Vostochnoy Evrope. Gorgan i Povolzh'e v IX-X vv.* [The Caspian Compendium of Information on Eastern Europe: Gorgan and the Volga Region in the 9th – 10th Centuries]. Moscow, Vost. Lit. Publ. 280 p.

- Zilivinskaya E.D., Vasiliev D.V., 2008. O veroyatnoy lokalizatsii goroda Itilya na Samosdel'skom gorodishche v del'te Volgi [On the Probable Localization of the City of Itil at Samosdelka Settlement in the Volga Delta]. *Trudy II (XVIII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo sezda v Suzdale 2008 g.* [Proceedings II (XVIII) of the All-Russian Archaeological Congress in Suzdal 2008], vol. II. Moscow, IA RAS, pp. 224-226.
- Kalinina T.M., Flyorov V.S., Petrukhin V.Ya., 2014. *Khazariya v krosskul'turnom prostranstve: istoricheskaya geografiya, krepostnaya arkhitektura, vybor very* [Khazaria in the Cross-Cultural Space: Historical Geography, Fortress Architecture, Choice of Faith]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ. 208 p.
- Kvachidze V.A., 1980. Gorodishche Byandnovan – arkheologicheskii pamyatnik i istochnik dannykh ob izmenenii urovnya Kaspiyskogo moray [The Byandnovan Settlement: An Archaeological Site and a Source of Data on Caspian Sea Level Changes]. *Kolebaniya uvlazhnennosti Aralo-Kaspiyskogo regiona v golotsene* [Fluctuations in the Moisture of the Aral-Caspian Region in the Holocene]. Moscow, Nauka Publ., pp. 152-155.
- Kotenkov S.A., 1990. Otchet ob issledovaniyakh Samosdel'skogo gorodishcha v Kamyshyatskom rayone Astrakhanskoy oblasti v 1990 godu [Report on Excavations at Samosdelka Settlement in Kamyshyatsky District, Astrakhan Region, in 1990]. *Arkhir IA RAN*, R-1, no. 15862-15866.
- Kotenkov S.A., 1991. Otchet ob issledovaniyakh Samosdel'skogo gorodishcha v Kamyshyatskom rayone Astrakhanskoy oblasti v 1991 g. [Report on Excavations at Samosdelka Settlement in Kamyshyatsky District, Astrakhan Region, in 1991]. *Arkhir IA RAN*, R-1, d. 16126-16127.
- Kotenkov S.A., 2001. Novye pamyatniki drevnikh bolgar v Astrakhanskom krae [New Monuments of Ancient Bulgars in the Astrakhan Region]. *Dialog kul'tur Evrazii: Voprosy srednevekovoy istorii i arkheologii. Izucheniye i sokhraneniye istoriko-kulturnogo naslediya* [Dialogue of Cultures of Eurasia. Medieval History and Archaeology. Study and Preservation of Historical and Cultural Heritage], iss. 2, Kazan, TSGI, pp. 53-57.
- Kotenkov S.A., 2018. Berovskie bugry – potentsial'nye arkheologicheskie pamyatniki volzhskoy del'ty [Baer Knolls: Potential Archaeological Monuments of the Volga Delta]. *Problemy arkheologii i muzeeyvedeniya: sb. st., posvyashch. pamyati N.V. Khabarovoy (1955–2017)* [Problems of Archaeology and Museology. Collection of Articles Dedicated to the Memory of N.V. Khabarova (1955–2017)]. Volgograd, VolSU, pp. 237-244.
- Kotenkov S.A., Soloviev D.S., 2022. Itogi mezhdistsiplinarykh issledovaniy na Semibugorinskom arkheologicheskom komplekse [Results of Interdisciplinary Research at the Semibugry Archaeological Complex]. *Margulanovskie chteniya-2022: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Margulan Readings-2022. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference]. Almaty, A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, pp. 190-200.
- Kotenkov S.A., Soloviev D.S., Timofeev A.A., 2020. Archeologicheskiye issledovaniya na bugre Semibugry-1 v Kamyshyatskom rayone Astrakhanskoy oblasti v 2019 g. [Archaeological Research on the Semibugry-I Hillock in the Kamyshyatsky District of the Astrakhan Region in 2019]. *Sokhraneniye i izucheniye kulturnogo naslediya Altaiskogo kraya* [Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Territory], no. 26, Barnaul, AGU, pp. 72-76.
- Kutukov D.V., Panteleev S.A., 2013. Issledovaniya bulgarskikh zakhoroneni domongol'skogo vremeni na territorii Astrakhanskoy oblasti [Investigation of the Bulgarian Burials of Pre-Mongolian Times in the Territory of Astrakhan Region]. *Povolzhskaya arkheologiya* [The Volga River Region Archaeology], no. 3 (5), pp. 175-191. DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2013.3.5.175.190>
- Lobacheva D.M., Badyukova E.N., Makshaev R.R., 2021. Litofatsial'noe stroeniye i usloviya nakopleniya otlozhenii berovskikh bugrov Severnogo Prikaspiya [Lithofacial Structure and Conditions of Accumulation of Baer Knoll Deposits in the Northern Caspian Region]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya* [Science Journal of the Moscow University. Series 5. Geography], no. 6, pp. 99-111.
- Nesterov E.S., 2016. *Vodnyy balans i kolebaniya urovnya Kaspiyskogo morya. Modelirovaniye i prognoz* [Water Balance and Fluctuations of the Caspian Sea Level. Modeling and Forecast]. Moscow, Triada Publ. 378 p.
- Nikolaeva R.V., Khan-Magomedov S.O., 1962. Novye dannye ob urovne Kaspiyskogo morya za istoricheskoe vremya [New Data on the Caspian Sea Level in Historical Time]. *Trudy Instituta okeanologii AN SSSR* [Proceedings of the Institute of Oceanology Academy of Sciences Press of USSR]. Moscow, Leningrad, AS USSR, iss. 60, pp. 178-189.
- Novoseltsev A.P., 1990. *Khazarskoe gosudarstvo i ego rol' v istorii Vostochnoy Evropy i Kavkaza* [The Khazar State and Its Role in the History of Eastern Europe and the Caucasus]. Moscow, Nauka Publ. 264 p.
- Pletnyova S.A., 1976. *Khazary* [The Khazars]. Moscow, Nauka Publ. 96 p.
- Rodionov S.N., 1991. Osnovnye etapy v khode urovnya Kaspiyskogo morya i ikh svyaz' s izmeneniyami klimata za poslednee tysyacheletie [Main Stages in the Caspian Sea Level and Their Connection with Climate Changes

- Over the Last Millennium]. *Gidrologiya morei i ust'ev rek* [Hydrology of Seas and River Mouths], iss. 183. Moscow, Gidrometeoizdat Publ., pp. 24-35.
- Rychagov G.I., 1993a. Urovennyy rezhim Kaspiyskogo morya za poslednie 10 000 let [The Level Regime of the Caspian Sea Over the Last 10,000 Years]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya* [Science Journal of the Moscow University. Series 5. Geography], no. 2, pp. 38-49.
- Rychagov G.I., 1993b. Uroven' Kaspiyskogo morya za istoricheskoe vremya [The Caspian Sea Level in Historical Time]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya* [Science Journal of the Moscow University. Series 5. Geography], no. 4, pp. 42-49.
- Rychagov G.I., 2011. Kolebaniya urovnya Kaspiyskogo morya: prichiny, posledstviya, prognoz [Caspian Sea Level Fluctuations: Causes, Consequences, Forecast]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya* [Science Journal of the Moscow University. Series 5. Geography], no. 2, pp. 4-12.
- Samosdel'skoe gorodishche: voprosy izucheniya i interpretatsii* [Samosdelka Settlement: Issues of Study and Interpretation], 2001. Astrakhan, Astrakhanskaya tsifrovaya tipografiya Publ. 169 p.
- Sarapulkin V.A., 2023. Otchet o razvedke v Privolzhskom rayone Astrakhanskoy oblasti v 2023 godu [Report on Survey in Privolzhsky District, Astrakhan Region, in 2023]. *Arkhiv IA RAN*, F-1, R-1.
- Sarapulkin V.A., Solov'yev D. S., Koten'kov S. A., Kravchenko E. E., 2022. Poseleniya khazarskogo vremeni v del'te Volgi [Khazarian Settlements in the Volga Delta]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], no. 268, pp. 245-255. DOI: <http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.268.245-255>
- Sarapulkin V. A., Solov'yev D. S., 2025. Poseleniya khazarskogo vremeni v Del'te Volgi (po rezul'tatam rabot 2023 goda) [Khazarian Settlements in the Volga Delta (based on the results of 2023 work)]. *Arheologiya evraziyskikh stepey* [Archaeology of the Eurasian Steppes], no. 3, pp. 258-270.
- Svitoch A.A., Klyuvitkina T.S., 2006. *Berovskie bugry Nizhnego Povolzh'ya* [Baer Knolls of the Lower Volga Region]. Moscow, MSU. 159 p.
- Sitdikov A.G., Mirsiyapov I. Yu., 2011. Keramika saltovo-mayatskogo istoka v materialakh Nizhnego Povolzh'ya X–XI vv. [Saltovo-Mayaki Pottery in the Materials of the Lower Volga Region (10th – 11th Centuries)]. *Keramika Khazarskogo kaganata (VII–X vv.) i problema identifikatsii bolgarskoj keramiki v stranah Prichernomor'ya i Povolzh'e* [Pottery of the Khazar Khaganate (7th – 10th Centuries) and the Problem of Identifying Bulgarian Ceramics in the Black Sea and Volga Regions]. Simferopol, Crimean branch of the IANANAU, pp. 92-98.
- Soloviev D.S., 2019. Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh na territorii Kharabalinskogo, Kamyshtyanskogo i Enotaevskogo rayonov Astrakhanskoy oblasti v 2019 g. [Report on Archaeological Survey in Kharabalinsky, Kamyshtyansky, and Enotaevsky Districts, Astrakhan Region, in 2019]. *Arkhiv IA RAN*, F-1, R-1, no. 65921.
- Soloviev D.S., 2020. Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh na poselenii Semibugry v Kamyshtyanskom rayone Astrakhanskoy oblasti v 2020 g. [Report on Archaeological Survey at the Semibugry Settlement in Kamyshtyansky District, Astrakhan Region, in 2020]. *Arkhiv IA RAN*, F-1, R-1, no. 68370-68371.
- Soloviev D.S., 2021a. Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh na territorii gruntovogo mogil'nika «Semibugry» v Kamyshtyanskom rayone Astrakhanskoy oblasti v 2021 g. [Report on Archaeological Excavations at the “Semibugry” Burial Ground in Kamyshtyansky District, Astrakhan Region, in 2021]. *Arkhiv IA RAN*, F-1, R-1.
- Soloviev D.S., 2021b. Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh v Kamyshtyanskom rayone Astrakhanskoy oblasti v 2021 g. [Report on Archaeological Survey in Kamyshtyansky District, Astrakhan Region, in 2021]. *Arkhiv IA RAN*, F-1, R-1, no. 74661.
- Soloviev D.S., Kotenkov S.A., 2022. Nakhodki rannesrednevekovykh pifosov-kuvshinov v del'te Volgi [Early Medieval Pithos-Jugs Discovered in the Volga Delta]. *Arheologiya evraziyskikh stepey* [Archaeology of the Eurasian Steppes], no. 3, pp. 304-313.
- Soloviev D.S., Kotenkov S.A., Kravchenko E.E., Kovalenko A.V., 2024. Pervye nakhodki predmetov vizantiyskogo importa v del'te Volgi [The First Finds of Byzantine Import Items in the Volga Delta]. *Vizantinotavrika IV: Krym i Severnoye Prichernomor'ye v sisteme mirovykh tsivilizatsiy* [Vizantinotavrika IV. Crimea and the Northern Black Sea Region in the System of World Civilizations.]. Simferopol, N. Oreanda Publ., pp. 204-210.
- Trifonov V.G., Karakhanian A.S., 2004. *Geodinamika i istoriya tsivilizatsii* [Geodynamics and the History of Civilizations]. Moscow, Nauka Publ. 668 p.
- Flyorov V.S., 2010. «Goroda» i «zamki» Khazarskogo kaganata. *Arkheologicheskaya real'nost'* [“Cities” and “Castles” of the Khazar Khaganate: Archaeological Reality]. Moscow, Mosty kul'tury Publ., Gesharim Publ. 264 p.
- Neal J., Hawker L., 2023. FABDEM V1-2. DOI: [10.5523/bris.s5hqmjcdj8yo2ibzi9b4ew3sn](https://doi.org/10.5523/bris.s5hqmjcdj8yo2ibzi9b4ew3sn)

Information About the Authors

Sergey A. Kotenkov, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Shirshov Institute of Oceanology of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Nakhimovsky, 36, 117997 Moscow, Russian Federation, s_kotenkov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0462-5553>

Damir S. Soloviev, Senior Researcher, Shirshov Institute of Oceanology of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Nakhimovsky, 36, 117997 Moscow, Russian Federation, arheocentr@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9024-695X>

Radik R. Makshaev, Candidate of Sciences (Geography), Leading Researcher, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, 1, 119234 Moscow, Russian Federation, radikm1986@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7284-0928>

Ekaterina Yu. Matlakhova, Candidate of Sciences (Geography), Associate Professor, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, 1, 119234 Moscow, Russian Federation, matlakhova_k@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0632-085X>

Nikolay T. Tkach, Candidate of Sciences (Geology and Mineralogy), Senior Researcher, Geological Institute of the Russian Academy of Sciences, Pyzhevsky Lane, 7, Bld. 1, 119017 Moscow, Russian Federation, tkachgeo@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5794-5898>

Alina A. Tkach, Candidate of Sciences (Geography), Researcher, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, 1, 119234 Moscow, Russian Federation, alinaberdnikowa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9391-894X>

Daria M. Lobacheva, Candidate of Sciences (Geography), Leading Engineer, Shirshov Institute of Oceanology of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Nakhimovsky, 36, 117997 Moscow, Russian Federation, lobachevadm@my.msu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5016-5784>

Elena I. Lysenko, Candidate of Sciences (Geography), Engineer, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, 1, 119234 Moscow, Russian Federation, lenobl1996@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-5071-8091>

Tatiana I. Tikhonova, Technician, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, 1, 119234 Moscow, Russian Federation, tanechka261204@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-9597-5472>

Информация об авторах

Сергей Анатольевич Котеньков, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт океанологии им. П.П. Ширшова РАН, просп. Нахимовский, 36, 117997 г. Москва, Российская Федерация, s_kotenkov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0462-5553>

Дамир Сергеевич Соловьев, главный специалист, Институт океанологии им. П.П. Ширшова РАН, просп. Нахимовский, 36, 117997 г. Москва, Российская Федерация, arheocentr@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9024-695X>

Радик Рафаэлевич Макшаев, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник, географический факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, 119234 г. Москва, Российская Федерация, radikm1986@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7284-0928>

Екатерина Юрьевна Матлахова, кандидат географических наук, доцент, географический факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, 119234 г. Москва, Российская Федерация, matlakhova_k@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0632-085X>

Николай Тимофеевич Ткач, кандидат геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник, Геологический институт РАН, пер. Пыжевский, 7, стр. 1, 119017 г. Москва, Российская Федерация, tkachgeo@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5794-5898>

Алина Алексеевна Ткач, кандидат географических наук, научный сотрудник, географический факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, 119234 г. Москва, Российская Федерация, alinaberdnikowa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9391-894X>

Дарья Максимовна Лобачева, кандидат географических наук, ведущий инженер, Институт океанологии им. П.П. Ширшова РАН, просп. Нахимовский, 36, 117997 г. Москва, Российская Федерация, lobachevadm@my.msu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5016-5784>

Елена Игоревна Лысенко, кандидат географических наук, инженер, географический факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, 119234 г. Москва, Российская Федерация, lenobl1996@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-5071-8091>

Татьяна Игоревна Тихонова, техник, географический факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, 119234 г. Москва, Российская Федерация, tanechka261204@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-9597-5472>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.3.7>

UDC 902.699/556

LBC 63.48(2)

Submitted: 11.01.2026

Accepted: 02.03.2026

THE INFLUENCE OF NATURAL FACTORS ON THE CONDITIONS OF EXISTENCE OF ARCHAEOLOGICAL SITES IN THE ASTRAKHAN VOLGA REGION IN THE MIDDLE AGES

Dmitry V. Vasiliev

Astrakhan Tatishchev State University, Astrakhan, Russian Federation;
Astrakhan Museum-Reserve, Astrakhan, Russian Federation

Abstract. This article analyzes the influence of Caspian Sea level fluctuations on the distribution of medieval archaeological sites in the Volga Delta. Drawing on archaeological research from recent decades, the author critically examines E.M. Pigarev's monograph and proposes a more detailed method for correlating archaeological layers with historical hydrology. The central object of the study is the Samosdelka settlement, identified with the cities of Itil and Saksin. Using this example, the stratigraphic data (including fire and flood layers) are analyzed in detail and linked to key historical events: the Kipchak raids of the 11th century, the Mongol conquest of 1236/37, and subsequent Caspian transgressions. The author demonstrates how dated flood layers discovered at Excavation Site No. 2 allow us to refine the chronology of sea level rise in the 13th – 14th centuries. The methodology tested at the Samosdelka settlement is also applied to the Left Bank Samosdelka settlement and the Semibugry archaeological complex (the settlements of Maly Kostyube-1 and Baraniy Bugor). This allows the author to hypothesize a migration of political and economic centers from the central part of the delta (active during the Khazar period of the 8th – 9th centuries) to its higher western part (the Samosdelka settlement) due to the rise in the Caspian Sea level in the 10th century. Specifically, the author substantiates the hypothesis that brick structures at Maly Kostyube-1 were dismantled and the building materials were transferred to the Samosdelka settlement for the construction of a fortress. The article emphasizes the need to consider local adjustments (the difference in sea and river levels at a given site) when using paleohydrological data and outlines directions for future research, for example, at the Moshai settlement.

Key words: Volga Delta, Caspian Sea level fluctuations, Samosdelka settlement, Khazar Khaganate, city of Saksin, archaeological stratigraphy, Semibugry archaeological complex.

Citation. Vasiliev D.V., 2026. Vliyanie prirodnih faktorov na usloviya sushchestvovaniya pamyatnikov arheologii v astrahanskom Povolzhe v epohu srednevekovya [The Influence of Natural Factors on the Conditions of Existence of Archaeological Sites in the Astrakhan Volga Region in the Middle Ages]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 25, no. 3, pp. 169-188. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.3.7>

УДК 902.699/556

ББК 63.48(2)

Дата поступления статьи: 11.01.2026

Дата принятия статьи: 02.03.2026

ВЛИЯНИЕ ПРИРОДНЫХ ФАКТОРОВ НА УСЛОВИЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ В АСТРАХАНСКОМ ПОВОЛЖЬЕ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Дмитрий Викторович Васильев

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, г. Астрахань, Российская Федерация;
Астраханский музей-заповедник, г. Астрахань, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу влияния колебаний уровня Каспийского моря на размещение средневековых памятников археологии в дельте Волги. Основываясь на археологических исследованиях после-

дних десятилетий, автор критически рассматривает монографию Е.М. Пигарева и предлагает более детальную методику корреляции археологических слоев с исторической гидрологией. Центральным объектом исследования выступает Самосдельское городище, отождествляемое с городами Итиль и Саксин. На его примере детально анализируются стратиграфические данные (включая слои пожаров и затоплений), которые связываются с ключевыми историческими событиями: кыпчакскими набегами XI в., монгольским завоеванием 1236/37 г. и последующими трансгрессиями Каспия. Автор демонстрирует, как датированные слои затопления, выявленные на раскопе № 2, позволяют уточнить хронологию подъема уровня моря в XIII–XIV веках. Методология, апробированная на Самосдельском городище, применяется также к Левобережному Самосдельскому селищу и Семибугоринскому археологическому комплексу (поселения Малый Костюбе-1, Бараний бугор). Это позволяет автору выдвинуть гипотезу о миграции политических и экономических центров из центральной части дельты (активной в хазарский период VIII–IX вв.) в ее более возвышенную западную часть (Самосдельское городище) в связи с подъемом уровня Каспия в X веке. В частности, обосновывается предположение о разборке кирпичных сооружений на Малом Костюбе-1 и переносе строительного материала для возведения крепости на Самосдельское городище. Статья подчеркивает необходимость учета локальных поправок (разницы уровней между морем и рекой у конкретного памятника) при использовании палеогидрологических данных и намечает направления для будущих исследований, например, на городище Мошаик.

Ключевые слова: дельта Волги, колебания уровня Каспийского моря, Самосдельское городище, Хазарский каганат, город Саксин, археологическая стратиграфия, Семибугоринский археологический комплекс.

Цитирование. Васильев Д. В., 2026. Влияние природных факторов на условия существования памятников археологии в астраханском Поволжье в эпоху средневековья // Нижневолжский археологический вестник. Т. 25, № 3. С. 169–188. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.3.7>

Благодаря археологическим изысканиям в дельте Волги, систематически проводившимся на протяжении последних трех с половиной десятилетий, сформировался новый взгляд на средневековую историю этого региона. Наиболее показательным является период первой четверти XXI в., когда был накоплен обширный корпус фактических данных, касающихся нижневолжской Хазарии – феномена, о котором ранее практически не имелось сведений. Локальные полевые исследования закономерно акцентировали внимание специалистов на определяющей роли гидрологической составляющей: ключевым фактором при выборе локации как поселенческих, так и погребальных комплексов исследуемой эпохи выступал Каспий, чей уровень отличался выраженной нестабильностью. Наиболее детально данную проблематику разработал Е.М. Пигарев. В своей недавней монографии он не только обосновал корреляцию между трансгрессивно-регрессивными циклами Каспия и формированием локальной археологической карты, но и продемонстрировал влияние колебаний водной поверхности на политическую динамику подъема и упадка таких государственных образований, как Хазарский каганат, область Саксин, Улус Джучи (Золотая Орда) и Астраханское ханство [Пигарев, 2024].

В целом концепция, предложенная Е.М. Пигаревым, не вызывает серьезных воз-

ражений. Тем не менее, в силу широты поставленных задач и генерализующего характера указанной работы, в ней оказались не раскрыты детали пространственной логики размещения археологических объектов в границах отдельных хронологических срезов. Однако в открытом доступе имеются сводные данные по палеодинамике Каспия [Варущенко и др., 1987, с. 117, табл. 16] (рис. 1). Сопоставление этих материалов с археологическим контекстом способно не только генерировать новый аналитический материал, но и, вероятно, уточнить периоды генезиса ряда археологических локаций.

Продemonстрируем данное положение на примере Самосдельского городища и сопряженного с ним Левобережного селища. На данных объектах в ходе раскопочных работ были верифицированы слои, подвергавшиеся затоплению. Эти горизонты могут выступать в качестве реперных уровней, позволяющих в перспективе выстраивать хронологическую шкалу регионального масштаба.

Городище располагается в западном секторе дельты Волги, на правой стороне протоки Старая Волга (также именуемой Бирюль) [Зиливинская, Васильев, 2024, с. 16]. Гипотеза о том, что здесь могут находиться руины Итиля (последней хазарской столицы), впервые возникла в начале 1990-х годов. Изуче-

ние объекта стартовало в 1990 г. силами экспедиции Госдирекции по охране памятников Астраханской области под началом С.А. Котенькова [Васильев, Зиливинская, 2011, с. 8–9]. С 2000 г. эстафету исследований приняла комплексная Самосдельская (Нижневолжская) экспедиция Астраханского госуниверситета, работающая при участии специалистов Института этнологии и антропологии РАН и сотрудников Государственного исторического музея.

Многолетние полевые изыскания зафиксировали здесь стратифицированные напластования X–XIV веков. В нижних горизонтах на островной части (сегодня это правый берег реки Бирюль) сохранились остатки кирпичной цитадели. Кроме того, были выявлены расположенные рядом Правобережное и Левобережное селища, отделенные от основной площадки городища как пересохшими, так и действующими водотоками. На островном участке памятника за время работ было заложено три раскопа. В 2018 г. полевые работы охватили три раскопа на Левобережном селище (восточнее села Самосделка). В границах этого же комплекса на северной периферии идентифицирован могильник, синхронный периоду существования Левобережного селища, а также мощные отложения культурного слоя на бэровском бугре «Рябичкин» (к северу от вышеназванного селища) [Зиливинская, Васильев, 2024, с. 23–25].

Была выдвинута аргументированная гипотеза о соотношении верхних и срединных стратиграфических горизонтов памятника с городом Саксином (XI–XIV вв.), а также об атрибуции нижних пластов как археологических остатков хазарского Итиля [Зиливинская, Васильев, 2008, с. 224–226].

Археологические исследования на раскопе № 2 начались в 2006 г.; основным направлением исследований являлось выявление остатков кирпичной фортификации [Васильев, 2024б]. Общее руководство раскопками осуществляли д-р ист. наук Э.Д. Зиливинская (ИЭА РАН, г. Москва) и канд. ист. наук Д.В. Васильев (АГУ, г. Астрахань). В период с 2014 по 2021 г. работами на указанном раскопе руководила канд. ист. наук Е.М. Болдырева (ГИМ, г. Москва), а в период 2023–2025 гг. — канд. ист. наук П.В. Попов

(ООО «Археоцентр», г. Астрахань). В ходе поисков крепостных сооружений ежегодно происходило расширение вскрытой площади, что привело к формированию участка длиной 60 м в меридиональном направлении при ширине 12 м. Данная площадь позволила изучить как участки городища, не затронутые ингрессией вод в XIII столетии, так и площади, оказавшиеся под водой вскоре после монгольского нашествия (1230-е гг.). Масштаб открытий на раскопе № 2 создает предпосылки для практически полной исторической реконструкции памятника [Васильев, 2025].

Именно здесь впервые был зафиксирован мощный горизонт разрушений и пожарищ, ассоциируемый с захватом Саксина монголами в зимний период 1236/37 года. Л.В. Яворская, обрабатывая коллекцию археозоологического материала, первой констатировала, что костные остатки из пластов 3 и 4 несут следы длительной термической экспозиции [Васильев, Яворская, 2011]. Последующий ситуационный анализ позволил выдвинуть версию о тотальном пожаре и гибели людей и фауны в контексте монгольского нашествия. Под слоями пожара локализуются горизонты хозяйственного и культурного подъема, тогда как вышележащие пласты отражают фазу длительной депрессии городской жизни и последующего ренессанса во второй четверти XIV века. Новая фаза функционирования города маркируется сносом руин и возведением новых сооружений с характерной золотоордынской системой отопления (суфы с тандырами и канами), причем новая застройка не повторяла предшествующую планиграфию.

Сама планировка кварталов, образующих улицы, ориентированные по линии север-северо-запад – юг-юго-восток и запад-юго-запад – восток-северо-восток, была впервые для Нижнего Поволжья прослежена именно на Самосдельском городище (раскоп № 2). Перекрестки улиц маркированы квадратными площадями с общественными колодцами. Кварталы застраивались многокомнатными домами на цоколях из сырцового кирпича, установленными поверх фундаментных траншей, заполненных утрамбованной жидкой глиной (просеянным и замешанным на воде культурным слоем [Зиливинская, 2026, с. 130]. Материал стен варьировался от сырцовой кладки до тур-

лучной техники на деревянном каркасе. Вероятно, общая ориентация улиц и кварталов детерминировалась направлением на юг михрабов квартальных мечетей. Одно из сооружений в границах раскопа № 2 своей планировкой напоминает мечеть.

Именно на раскопе № 2, под горизонтами расцвета городской жизни, были вскрыты слои, содержащие многочисленные турлучные жилища (квадратной и юртообразной круговой формы). Данные постройки погибли в огне единого мощного пожара, датируемого второй половиной XI столетия. Обнаружение в одном из сгоревших юртообразных строений комплекса из двух «брошенных» (непреднамеренных) захоронений позволило датировать это событие. У одного из погибших воинов присутствовали топор и меч, характерные для второй половины XI в., а комплект из трех медных котлов, найденных в сгоревшем жилище, относится к середине XI столетия [Васильев и др., 2025].

Более того, в южной части раскопа № 2 (участок № 3) была идентифицирована фортификационная стена из обожженного кирпича, с заполнением внутреннего объема кирпичным боем и глиной [Васильев, 2022]. С востока к стене примыкали отпечатки в грунте двух разобранных квадратных башен (5 × 5 м) с воротным проемом между ними. Именно от этого проема брала начало одна из исследованных городских улиц, уходящая на север-северо-запад. Стена была выявлена в 2019 г., однако ее датировка была установлена лишь в 2025 г.: сооружение возведено поверх слоев пожара середины XI в., ассоциируемого с началом кыпчакских набегов на Саксин. Опираясь на то, что Абу Хамид ал-Гарнати, подробно описавший Саксин [Абу Хамид ал-Гарнати, 2010], умалчивает о наличии крепости, мы полагаем, что к моменту его визита в Саксин (1131 г.) фортификация была демонтирована. Вероятно, к тому времени кыпчакская опасность миновала (возможно, вследствие ослабления половецкого могущества после походов Владимира Мономаха 1103–1116 гг.).

Участок № 4 (раскоп № 3), заложенный в 2023 г., является по сути прирезкой к основной площади раскопа с западной стороны. Приоритетной целью было проследить протя-

женность крепостной стены, обнаруженной в 2019 г., на большем протяжении для уточнения хронологии и обстоятельств строительства. Стратиграфия бортов участка № 4 дала материал для выстраивания целостной хронологии функционирования городища, верифицируя предыдущие наблюдения. Ниже изложена картина стратиграфических наблюдений, являющаяся результатом сравнительного анализа бортов на различных участках раскопа № 2 (рис. 2).

Современная дневная поверхность перекрыта техногенным перемешанным грунтом, возникшим в период функционирования животноводческой фермы (1980–1990-е гг.). Ниже залегает горизонт, маркирующий фазу затопления памятника. Его верхняя часть относится к началу – середине XIX века. Слой сложен окатанными прибором мелкими фрагментами керамики, кирпича, останками животных и людей, а также включает обильные раковины речных моллюсков. Мощность отложений, сформировавшихся в прибойной зоне, варьируется от 20 см до 2 м.

Под данным слоем локализуется культурный горизонт XVIII столетия (фаза низкого стояния вод). В это время на острове базировалась рыболовецкая ватага, фигурирующая в архивных материалах как «Образцовая ватага» [Зиливинская, Васильев, 2024, с. 21]. Рыбозавод при ватаге был сооружен на прослое серого легкого песка – донных отложениях глубокого водоема с быстрым течением (реки, которая протекала над культурным слоем городища в промежутке XIV–XVIII вв.). Мощность этого прослоя относительно стабильна по всей площади памятника (10–20 см).

Еще ниже залегает мощный пласт серой глины, содержащей золу, угольную крошку и фрагменты керамики (следы размытых в XIII в. строений). Мощность этого горизонта достигает 40 см.

Протяженность раскопа № 2 (60 м с севера на юг) демонстрирует разнообразие морфологии и хронологии слагающих участок слоев. На северных, более высоких участках раскопа зафиксированы конструкции XII–XIII вв., уничтоженные при монгольском вторжении (И.Л. Измайлов предполагает даже конкретную дату захвата Саксина монголами – зима

1236–1237 гг.) [Измайлов, 2009, с. 139]. Выше слоя пожара и погрома выявлены дома XIV в., соответствующие фазе ренессанса городища в первой половине XIV столетия. Периоду монгольского нашествия здесь соответствуют множественные коллективные захоронения погибших (люди и животные) [Васильев, 2024в, с. 8].

На южных участках раскопа артефакты золотоордынского времени и постройки XIV в. отсутствуют. Зато здесь в слое серой глины с золой, углями и керамикой выявлено значительное число несобранных останков людей с признаками насильственной смерти. Мы считаем, что резкий подъем воды произошел весной 1237 г., затопив часть кварталов разрушенного города вместе с неубранными трупами, и вода не отступала вплоть до конца XIX века.

Предпримем попытку верификации относительной хронологии описанных слоев с привлечением таблицы колебаний уровня Каспия (от начала н.э. до современности), где уровни градуированы по десятилетиям каждого столетия [Варущенко и др., 1987, с. 117].

Замеры глубин в раскопе № 2 выполнены от репера, привязанного к Балтийской системе высот. Координаты репера № 1: 46°0'48.99"С и 47°49'21.57"В, высотная отметка: -20,940 м. Уровень воды фиксируется гидропостом «Самосделка». За ноль здесь принята отметка -28 м по Балтийской системе. Абсолютный минимум уровня воды в реке за годы наблюдений достигал 172 см (или -26,28 м). Абсолютный максимум – 431 см (или -23,69 м). Современный средний уровень – 301,5 см (или -24,985 м). Среднее превышение уровня воды в реке в районе Самосделки над уровнем моря составляет 3,015 м. Именно эту величину следует прибавлять к табличным данным [Гидропост Самосделка ...].

Из отчета о работах на раскопе № 2 за 2023 г. [Попов, 2023] следует, что нижняя граница слоя затопления (окатанная керамика, кирпич, кости, раковины) находится на отметках от -22,6 до -22,3 по Балтийской системе (рис. 2). Полагаем, что этот горизонт имеет датировку XVIII–XIX веков. Согласно табличным данным пик стояния Каспия в этот период приходится на 70–80-е гг. XVIII в. (-23,5 – -23,3 м). Введение поправки в 3 м подтверждает формирование прибойной зоны именно в это время, что дает

основания считать, что в указанный период рыбзавод на городище был перенесен на левый берег Бирюля (ближе к современному селу Самосделка).

Нижняя граница прослая серого легкого песка (донные отложения глубокого проточного водоема) локализуется на отметках от -22,3 до -22,5 – это относительно горизонтальный слой, чьи колебания связаны лишь с локальными неровностями подстилающей поверхности. Если в 30-х гг. XIII в. уровень Каспия находился на -30,2 м, то в 40-е гг. начинается трансгрессия, продолжающаяся до конца XIV в. и достигающая -24,4 м. Прибавляя разницу между уровнем моря и воды в Волге у Самосделки (3,015 м), получаем -26,79 для 40-х гг. XIII в. и -21,39 для конца XIV века. С учетом сезонных колебаний (превышающих 3 м) можно уверенно соотнести данный слой с периодом от 80-х гг. XIII в. до середины XVIII в. [Варущенко и др., 1987, с. 117].

Нижний слой затопления (серая глина с золой, углями и керамикой), залегающий на глубинах -22,7 – -22,8, укладывается в хронологические рамки XIII века.

Наблюдаемые данные позволяют уточнить начало быстрой трансгрессии Каспия в XIII в., связав его с конкретной датой – 1236/37 г. [Измайлов, 2009, с. 149].

Применим ту же методику к Левобережному Самосдельскому селищу.

Репер на восточной окраине села Самосделка имеет координаты 46°01'26.1"С и 47°50'52.8"В, высотная отметка -23,305 по Балтийской системе. Современная поверхность левого берега Старой Волги примерно на 2 м 30 см ниже правого.

В южной части раскопа № 1 в 2018 г. обнаружены юртообразные жилища с отличной сохранностью, практически незатронутые прибойным воздействием, что указывает на их быстрое и внезапное затопление глубокой водой [Васильев, 2018]. Впускной уровень котлованов находился в интервале -24,00 – -24,20. Предположительно, жилища были затоплены не позже X в., поскольку в их заполнении отсутствуют фрагменты кашинной посуды (распространившейся на памятнике с XI в.). Севернее жилищ располагался некрополь с мусульманскими захоронениями в деревянных гробах, сколоченных железными гвоздями.

Уровень обнаружения погребений: -23,6 по Балтийской системе. Вероятно, изначально он был выше на 50–100 см (-23,1 – -22,6), так как верхняя часть ям была срезана техникой при сооружении рисовых полей. Некрополь также был затоплен, о чем свидетельствует плотное, промоченное и впоследствии затвердевшее заполнение могил [Васильев, 2018].

Таблица изменения отметок уровня Каспия демонстрирует подъем в X в.: с 20-х гг. (от -28,4) до отметки -24,5 в 70-х гг. [Варущенко и др., 1987, с. 117]. При прибавлении поправки 3,015 м получаем: в 20-х гг. X в. уровень воды у селища находился на -25,385, в 30-х гг. поднялся до -24,685, а к 70-м гг. достиг -19,5. Данный подъем коррелирует с уровнем обнаружения затопленных объектов Левобережного селища. Второй этап подъема воды соотносится с трансгрессией XIII в. (вновь затапливается площадка Левобережного селища, вода подступает к южному склону бугра «Рябичкин»). Третий период подъема фиксируется в XVIII–XIX вв. (вода вновь подходит к южной подошве бугра (современная отметка -20,9) и частично его подмывает). В раскопе № 3 на селище зафиксированы смытые со склона бугра кости разрушенных захоронений и керамика золотоордынского периода во вторичном залегании.

Таким образом, на основе приведенных данных можно сформулировать выводы: 1) стратифицированные слои затопления на Самосдельском городище в целом соответствуют предварительной датировке по контексту; некоторые из них уточняют хронологию трансгрессий Каспия; 2) подтверждается гипотеза о затоплении Левобережного селища в ходе подъема уровня вод Каспия и Волги в 20-х гг. X столетия; 3) при использовании таблицы палеоуровней Каспия необходима корректирующая поправка с учетом местоположения конкретного археологического объекта в дельте.

Рассмотрим по аналогичной методике природные условия функционирования еще одного памятника дельты Волги, привлечшего внимание исследователей в последние годы – Семибугоринского археологического комплекса (рис. 3). Изысканиями с 2019 г. в окрестностях сел Семибугры и Бараний бугор выявлен комплекс поселений эпохи Хазарского ка-

ганата (VIII–IX вв.) [Соловьев, 2024]. Он расположен в Камызякском районе Астраханской области (географический центр дельты Волги, на двух берегах реки Болда, которая в раннем средневековье являлась главной дельтовой протокой Волги) [Бухарицын, Котеньков, 2022, с. 297]. Южную часть комплекса образуют крупные по площади кочевнические стоянки к югу от с. Семибугры (правый берег Болды). Здесь перемытый водой и переотложенный культурный слой выявлен на глубине свыше 2 м. Стратиграфия фиксирует три основных слоя трансгрессий Каспия, определяемые по мощным отложениям окатанной керамики салтово-маяцкого типа – X, XIII–XIV и XIX веков. Насыщенность слоев окатанной и переотложенной керамикой уменьшается от слоя к слою [Соловьев и др., 2021a]. Это указывает на отсутствие нового поступления керамического материала поселенческого масштаба в XIII–XIX вв., значит Семибугоринские стоянки на правом берегу Болды следует датировать исключительно хазарским временем. Хотя на вершине бэровского бугра здесь обнаружены мусульманские захоронения (вероятно, золотоордынской эпохи, так как на поверхности бугра встречаются золотоордынские монеты) [Соловьев и др., 2020, с. 39; 2021b, с. 102]. По нашему мнению, обосновываемому отсутствием культурного слоя как такового, однообразием керамического материала и отсутствием дальних внехазарских импортов, памятники окрестностей Семибугров носят не городской, а кочевнический характер, представляя собой, возможно, остатки ставки (зимника) правителя Хазарии [Васильев, 2021, с. 36–38; 2024a].

Северную часть комплекса составляет ряд поселений в окрестностях с. Бараний бугор (левый берег Болды, рис. 3): собственно, поселение Бараний бугор с насыщенным культурным слоем хазарского времени, а также поселения Малый Костюбе-1, 2, 3, 4, Бихтобе-1 и Кинелле-1. Исследователи полагают, что наиболее ранними являются Малый Костюбе-2 и Бихтобе-1, к позднему периоду относятся Малый Костюбе-1 и Кинелле-1, остальные – промежуточный горизонт [Сарапулкин, Соловьев, 2025]. Наиболее показательно, на наш взгляд, поселение Малый Костюбе-1. Здесь обнаружены остатки больших

кирпичных сооружений, полностью разобранных еще в средневековье, при этом их интерпретация пока затруднительна [Соловьев, 2024; Сарапулкин, Соловьев, 2025, с. 263–264]. Однако в популярных электронных изданиях информация о памятнике распространилась в контексте обнаружения хазарской столицы Итиля [Астраханские археологи нашли ... , 2024]. Курьезом следует считать опубликованную в прессе первичную интерпретацию частично изученного кирпичного сооружения с большой апсидой с запада как «православного храма высотой до 20–30 метров и вместимостью от 4 000 до 7 000 человек» [В дельте Волги ... , 2025]. Тем не менее наличие культурных отложений на левом берегу Болды и кирпичное строительство однозначно выделяют этот памятник, повышая его статус, так как общеизвестен тезис о царской монополии на кирпичное строительство в Хазарии [Ивик, Ключников, 2013, с. 212].

Для проверки гипотезы о размещении хазарской столицы в X в. в окрестностях с. Бараний бугор сравним табличные и фактические данные уровней воды около Семибугоринского комплекса в хазарскую эпоху.

Данные по уровню воды в районе Семибугров принимаются по ближайшему гидропосту у г. Камызяк [Гидропост Камызяк]. За ноль здесь принята отметка -28 м по Балтийской системе. Абсолютный минимум уровня воды у Камызяка: 178 см (-26,22 м). Абсолютный максимум: 501 см (-22,99 м). Средний уровень: 339,5 см (-24,605 м). Налицо превышение абсолютных отметок западной части дельты над центральной дельтой. Поправка по отношению к уровню Каспия для окрестностей Семибугров составит 3,4 м.

Отметки уровня Каспия в хазарский период довольно низкие: от -25,5 до -32,3 [Варущенко и др., 1987, с. 117]. Окрестности Семибугров становятся пригодны для заселения с середины VIII в., когда уровень моря опускается ниже -27 м. Такая ситуация сохраняется в течение всего IX в. и до 40-х гг. X века. Учитывая, что кочевая ставка располагалась в дельте в зимний период, угроза наводнений для нее была минимальна.

Очевидно, что из-за подъема воды в Каспии увеличился подпор воды в Волге, поэтому с начала X в. окрестности Семибугров,

Бараньего бугра и, соответственно, кирпичные сооружения Малого Костюбе-1 подвергались эпизодическому затоплению в периоды нагонов воды. Авторы исследований подтверждают это, констатируя сложность гидрографической обстановки и указывая, что поселение могло возникнуть при уровне Каспия -30 – -33 м, при этом в X в. население могло переместиться на вершины бэровских бугров или в северную часть дельты, а культурные отложения на поселении Бараний бугор носят следы затопления с присутствием пресноводных и солоноватоводных моллюсков [Матлахова и др., 2024, с. 514].

Во второй половине X в. окрестности Семибугров и Бараньего бугра оказались полностью покрыты водой. В этот период локальный уровень воды в реке колебался около отметок -22,6 – -21,1 при отметке поверхности -25 [Варущенко и др., 1987, с. 117; Матлахова и др., 2024, с. 514]. Вероятно, разборка сооружений на Малом Костюбе-1 была осуществлена в первой половине X в. или в XI в. (то есть либо до, либо после пика трансгрессии). Кто разбирал эти сооружения – вполне понятно. В верхних слоях памятника обнаружена и идентифицирована керамика, аналогичная керамике из слоев X–XI вв. на Самосдельском городище [Сарапулкин, Соловьев, 2025, с. 266]. Таким образом, кирпич добывался и вывозился жителями поселения, находившегося в соответствующий хронологический период на Самосдельском городище. Если дальнейшие исследования подтвердят, что разборка проходила в первой половине X в., то это делалось превентивно, до затопления поселения Малый Костюбе-1. Если же разборка состоялась в XI в., то это дело рук жителей города Саксина после относительного падения уровня воды. Кирпич мог быть перевезен на место современного Самосдельского городища и использован для возведения стен и башен крепости. Подтверждением служат обнаруженные на Самосдельском городище многочисленные кирпичи крупного формата (аналогичные найденным на Малом Костюбе-1) со следами известкового раствора, тогда как свидетельств использования известкового раствора на Самосдельском городище до сих пор нет, отсутствует и обильная известковая крошка в культурном слое. Кроме того,

наблюдается значительная разноформатность кирпичей на Самосдельском городище, а также использование глиняного (а не известкового) раствора – прямое свидетельство вторичного использования кирпича в течение XI–XIV вв. [Васильев и др., 2003, с. 105]. В настоящее время на Самосдельском городище ведутся раскопки на участке № 4 раскопа № 2, которые должны дать представление о времени появления обожженного кирпича. Если будет установлено, что нижние слои не содержат кирпича и кирпичной крошки, то следует признать, что заимствование стройматериала с Малого Костюбе-1 для возведения фортификации на Самосдельском городище началось во второй половине XI века. При этом нельзя исключать и местное производство кирпича примитивным способом.

Интересно также, что, как указывалось ранее, в IX–X вв. основным руслом Волги в дельте являлась Болда [Бухарицын, Котеньков, 2022, рис. 5], тогда как в XI–XII вв. роль основного русла переходит к протоке Старая Волга (Бирюль) [Бухарицын, Котеньков, 2022, рис. 2–5]. Период перемещения следует связать с гидрологическими изменениями после падения уровня Каспия в XI веке. С этим изменением маршрута судоходства по Волге в Каспий и обратно можно связать размещение главного населенного пункта в дельте в этот период – города Саксина – именно на Самосдельском городище (на берегах Старой Волги).

В Астраханской области за последние 30–35 лет выявлено множество археологических объектов хазарского времени, которые концентрируются, главным образом, на бэровских буграх в северной и центральной частях дельты. Самым ранним захоронением в дельте является единичное погребение по обряду трупосожжения на грунтовом могильнике «Вакуровский бугор» (северо-восточная часть дельты) [Васильев, 2021, с. 22]. Среди сохранившихся обгоревших костей присутствуют кости человека и лошади. В погребении среди углей найдены обрывки кольчуги, фрагменты железного стремени и золотой солид Тиберия III Апсимара (705–711 гг.). Солид хорошо датирует комплекс, который явно синхронен курганам с квадратными ровиками (соколового типа). Присутствие костей коня и стремени свидетельствует о кочевническом

характере. Захоронения по обряду трупосожжения среди памятников салтово-маяцкой культуры известны (например, в Новопокровском могильнике [Кухаренко, 1952] или в могильнике у с. Молдовановское [Тарабанов, 1992]), однако погребение на Вакуровском бугре им мало соответствует. А.А. Иванов полагает, что его культурный облик трудно связать с какой-либо группой памятников, известной на сегодня в регионе [Иванов, 1999, с. 159–160].

К периоду VIII–IX вв. относится поясной набор из разрушенного погребения на бэровском бугре «Ялан-Тобе» (недалеко от с. Татарская Башмаковка южнее Астрахани). В его составе: лировидная пряжка с полуовальным щитком и массивным язычком и массивным прямоугольным выступом в задней части [Ковалевская, 1979, с. 33, табл. XV, 1–4], полукруглые накладки с прямоугольными прорезями для подвесных ремней, а также две круглые накладки с шарнирной круглой петлей снизу [Васильев, 2021, с. 52, рис. 9].

Из других памятников дельты следует обратиться к захоронениям на бэровском бугре «Татарский» (исследования Е.В. Шнайдштейн [Шнайдштейн, 1992], Д.В. Рябичкина [Васильев, 2001] и С.А. Пантелеева [Пантелеев, 2010]). Бугор расположен рядом с городищем Мошаик, долгое время считался его могильником, однако сопоставление материалов показало несовпадение типов керамики на городище и могильнике [Васильев, 2015].

В центральной части дельты, к юго-востоку от Астрахани (около с. Фунтово), выявлены захоронения хазарского времени на грунтовых могильниках «Бугор Щучий» и «Бугор Посольский» [Кутуков, Пантелеев, 2013].

В 1993 г. в восточной части дельты Волги полностью исследован грунтовый могильник на бугре «Лбище» [Васильев, 2021, с. 25–26], где выявлены, среди прочего, погребения хазарского времени. Известны захоронения хазарского периода на бэровских буграх в северо-восточной части дельты (Володарский район).

Начало активного освоения дельтовых районов населением Хазарского каганата совпадает с переносом столицы государства в Нижнее Поволжье. Захоронения середины VIII – середины X в. (позднего хазарского

периода) концентрируются в грунтовых могильниках на бэровских буграх в северной, западной и северо-восточной частях дельты (часть из них перечислена выше). Они совершены в грунтовых ямах со ступеньками или небольшими подбоями-тайниками; погребенные ориентированы головой на запад; в большинстве захоронений прослеживаются элементы обряда обезвреживания покойного. Заупокойная пища и прочий инвентарь располагаются за головами погребенных. Характерно, что при наличии костей барана в качестве остатков заупокойной пищи, кости коня отсутствуют, что ставит под вопрос принадлежность населения, оставившего данные захоронения, к тюркской культурной традиции. Тем не менее на данном этапе исследователи трактуют подобные захоронения как раннеболгарские (вероятно, из-за типологической близости с погребениями «зливкинского» типа, с погребениями ранних болгар на Волге, а также из-за наличия типичных «болгарских» лощеных кувшинов с выделенными сливами, хотя чаще всего – не сероглиняных, а красноглиняных). Необходимо отметить, что эти кувшины отличаются от приземистых кувшинов со сливами из раннеболгарских захоронений – они имеют яйцевидное тулово и более вытянутые пропорции, что позволяет искать истоки этих форм в керамике Северного Кавказа [Васильев, 2021, с. 27].

По сведениям Е.М. Пигарева, на настоящий момент в дельте Волги известны следующие поселенческие памятники хазарского времени: 3 городища (Е.М. Пигарев упоминает Самосдельское, Мошаик и Бекетовское, но к ним, видимо, следует отнести и поселение Малый Костюбе-1), 32 поселения и 3 местонахождения. Они располагаются главным образом в северной и центральной частях дельты Волги, а также в примыкающей к дельте с запада зоне подстепных ильменей. Жизнь на значительной части этих памятников продолжается и в XI–XII вв. (период существования в Нижнем Поволжье города и области Саксин) [Пигарев, 2024, с. 40].

Анализ размещения этих объектов выявляет закономерность: в хазарский период заселена северная и северо-восточная часть дельты, причем подавляющее число памят-

ников локализуется на бэровских буграх, возвышающихся над равниной на 5–15 метров. Возможно, затопление дельты в X в. привело к оттоку населения в ее западную часть, которая значительно выше центральных и восточных районов по уровню поверхности (рис. 4). Области центральной и восточной дельты располагаются на отметках -26 – -30 м по Балтийской системе, западная же часть дельты – на уровне -24 – -25 м. Граница между ними (обозначена на рисунке голубой линией) соответствует примерно прохождению горизонтали -25 м.

К домонгольскому времени относится и городище Мошаик (рис. 4), расположенное на восточной окраине г. Астрахани (правый берег реки Болда) [Пигарев, 2024, с. 31] – напомним, что именно Болда являлась основной протокой Волги в хазарскую эпоху. Городище занимает поверхность бэровского бугра и, судя по материалам раскопок и разведок конца XX – начала XXI в., также и периодически затопливаемую низину под бугром. Первая исследовательница памятника, Е.В. Шнайштейн, обнаружила три культурных слоя, разделенных прослойками чистого речного песка мощностью до 0,5 м [Шнайштейн, 1978; 1992]. Средний слой содержал остатки дома с подпольем и системой отопления (тандыр и кань), датируется золотоордынской монетой 1350-х годов. К сожалению, сейчас сложно установить, где именно находился ее раскоп – на вершине бугра или на северном склоне, поэтому невозможно точно определить глубинные отметки для границ каждого слоя. Раскопки на вершине бугра в 2011–2012 гг. (экспедиция Института археологии АН РТ под руководством А.Г. Ситдикова) не выявили слоев затопления – вероятно, этот участок располагался слишком высоко [Ситдинов, 2011–2012]. Вполне возможно, что нижние слои городища соотносятся с «саксинским» временем (X–XIII вв.), когда низины подвергались эпизодическим затоплениям во время высоких паводков. В возвышенной части городища (на бугре) поселение существовало именно в это время и в эпоху Золотой Орды, как следует из материалов раскопок [Ситдинов, 2011–2012]. После локальных наводнений могли заселяться и низины (доступ к воде был проще). Можно осторожно предположить, что

нижний слой на городище датируется хазарским периодом, а слой затопления соответствует подъему Каспия в X веке. О том, что городище возникло в хазарское время, свидетельствует наличие в материалах керамики соответствующего периода [Попов, 2008; Мухамедьянова, 2013]. Поиск и точную датировку слоев затопления на городище необходимо провести в будущем.

Таким образом, сопоставление результатов археологических исследований на памятниках домонгольского периода в дельте Волги с табличными значениями уровней Каспийского моря на рубеже I и II тысячелетий н.э. (с внесением необходимых поправок по данным современных гидропостов) позволяет сделать следующие выводы:

– Апробация методики сопоставления уровня залегания слоев затопления Самосдельского городища с табличными значениями уровней Каспия в средневековье дала положительный результат.

– Районы центральной и восточной дельты располагаются на 3–4 м ниже по уровню относительно западной дельты и зоны подступных ильменей.

– Районы центральной дельты в начале X в. подвергались сначала нагонным явлениям (периодическим сезонным затоплениям), а затем были полностью залиты водой, что могло способствовать процессам перетока населения и переносу населенных пунктов в западную часть дельты в первой половине X века.

– Весьма вероятно, что процесс разборки кирпичных сооружений на поселении Малый Костюбе-1 (находившемся в угрожаемой нагонами воды и подтоплением центральной части дельты) состоялся именно в начале X в. с целью возведения новой ставки на Самосдельском городище.

– Соотнесение нижних слоев городища Мошаик с хазарским периодом пока не доказано, однако дополнительные раскопки с сопоставлением глубинных отметок слоя первичного затопления с табличными значениями по предложенной методике позволят подтвердить или опровергнуть это предположение.

Разумеется, выводы, приведенные в данной статье, являются предварительными и могут рассматриваться как гипотеза, поскольку они нуждаются в эмпирической проверке археологическими исследованиями.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Изменения уровня Каспийского моря с начала нашей эры

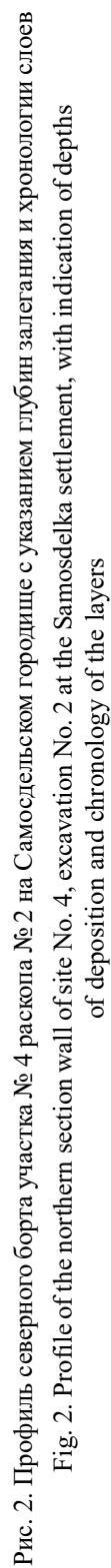
Столе- тия н.э.	Десятилетия каждого столетия									
	0	10	20	30	40	50	60	70	80	90
0	-28,0	-27,2	-26,4	-26,5	-26,4	-25,8	-24,0	-22,9	-22,5	-22,7
100	-23,8	-25,3	-26,7	-27,4	-27,4	-26,8	-26,1	-25,3	-24,9	-24,8
200	-25,1	-26,0	-27,0	-27,4	-27,3	-27,1	-26,5	-26,1	-26,0	-26,4
300	-27,8	-29,6	-31,0	-31,3	-31,1	-30,6	-29,6	-28,9	-28,8	-30,0
400	-31,5	-31,9	-31,6	-30,8	-29,1	-27,2	-26,3	-26,0	-26,1	-26,7
500	-28,5	-30,6	-32,0	-33,2	-34,0	-34,4	-34,5	-34,4	-33,8	-32,0
600	-29,7	-28,1	-27,4	-27,2	-27,4	-27,6	-27,5	-27,3	-26,7	-26,1
700	-25,8	-25,5	-25,6	-25,8	-26,5	-27,2	-27,8	-28,5	-29,7	-30,3
800	-30,4	-30,1	-29,7	-29,4	-29,3	-29,4	-29,8	-31,1	-31,9	-32,3
900	-32,0	-30,5	-28,4	-27,7	-27,0	-26,0	-24,7	-24,5	-24,9	-26,5
1000	-29,0	-29,0	-29,2	-28,5	-27,7	-27,5	-28,1	-29,3	-30,6	-31,8
1100	-32,0	-31,7	-31,1	-30,6	-30,2	-30,0	-29,9	-30,2	-30,6	-30,9
1200	-31,0	-30,9	-30,6	-30,2	-29,8	-29,2	-28,4	-27,5	-26,6	-26,0
1300	-25,5	-25,2	-25,4	-25,8	-26,8	-27,0	-26,8	-26,1	-25,1	-24,4
1400	-24,5	-24,8	-25,5	-26,6	-27,4	-27,5	-27,3	-26,8	-26,1	-25,6
1500	-25,5	-25,6	-26,0	-26,6	-29,2	-30,8	-31,0	-30,9	-30,1	-28,9
1600	-27,4	-25,9	-24,5	-23,9	-23,6	-24,0	-24,5	-24,7	-24,9	-24,9
1700	-25,0	-25,5	-25,9	-25,6	-24,0	-23,8	-23,7	-23,5	-23,3	-23,6
1800	-23,4	-23,5	-24,7	-25,7	-25,8	-25,9	-26,1	-25,8	-25,4	-25,6
1900	-25,6	-25,9	-26,1	-26,2	-27,7	-28,1	-28,3	-28,5	-28,6	

Рис. 1. Таблица изменения уровней Каспийского моря с начала н.э.

Красным выделен период трансгрессии X в. (по: [Варушенко и др., 1987, с. 117, табл. 16])

Fig. 1. Table of the Caspian Sea level changes since the beginning of the Common Era.

The 10th-century transgression period is highlighted in red (after: [Varushchenko et al., 1987, p. 117, table 16])

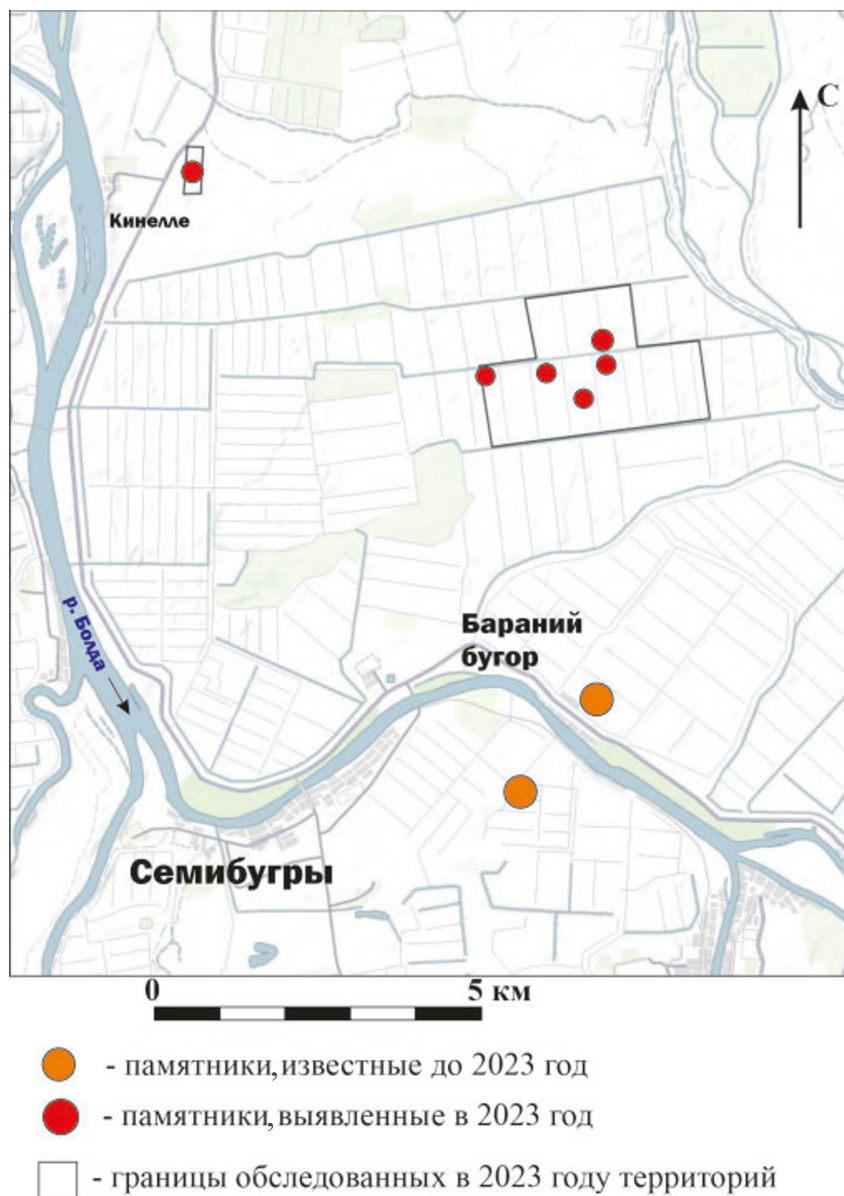

Рис. 3. Схема расположения памятников археологии хазарского периода в окрестностях сел Семибугры и Бараний бугор (по: [Сарапулкин, Соловьев, 2025, с. 260, рис. 2])

Fig. 3. Map showing the location of archaeological sites of the Khazar period in the vicinity of the villages of Semibugry and Baraniy Bugor (after: [Sarapulkin, Solovyov, 2025, p. 260, fig. 2])

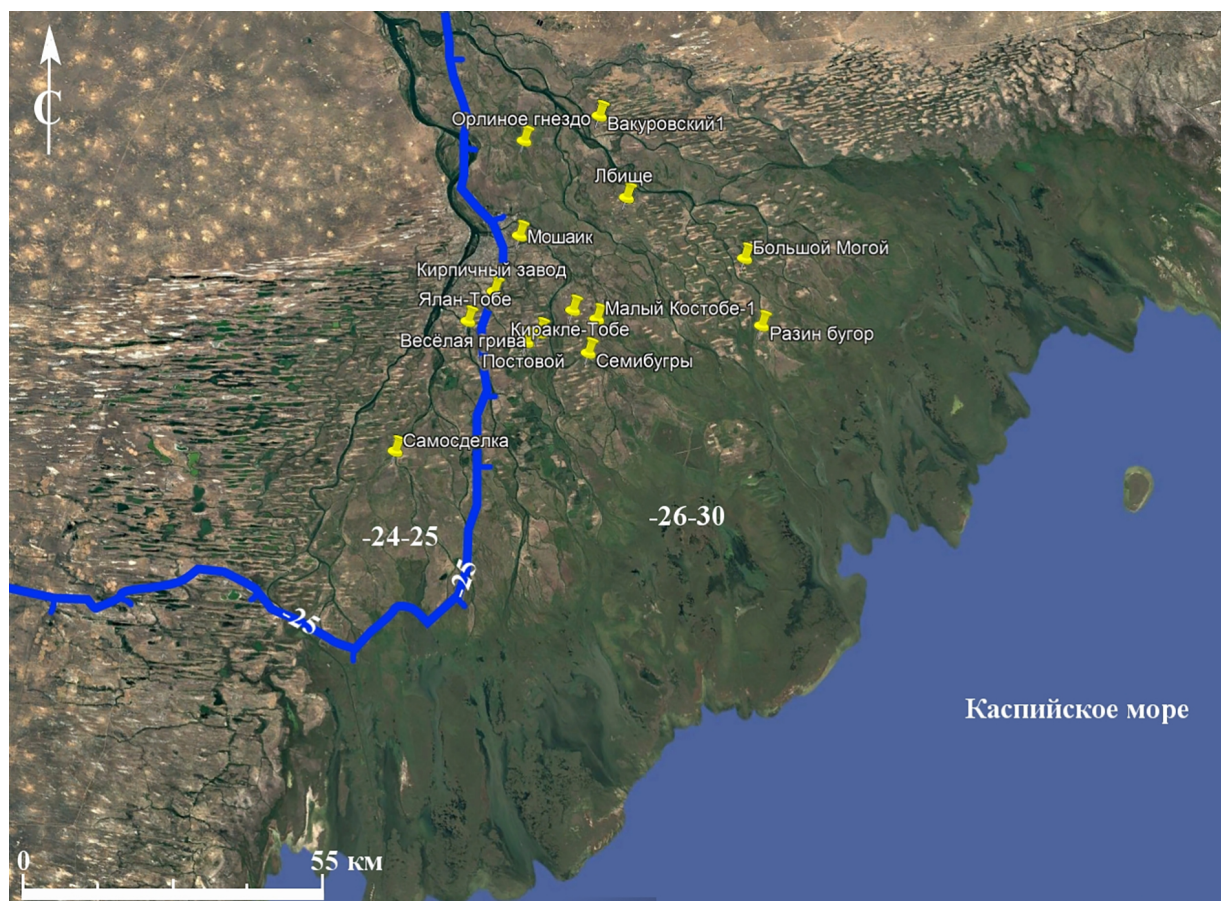

Рис. 4. Космоснимок дельты Волги с нанесением некоторых памятников археологии хазарского периода и горизонтали -25 м по Балтийской системе (фото Google Earth)

Fig. 4. Satellite image of the Volga Delta showing the locations of several archaeological sites of the Khazar period and the -25 m isobath (Baltic system) (image: Google Earth)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абу Хамид ал-Гарнати, 2010. Сочинения. М. : Директ-Медиа. 184 с.
- Астраханские археологи нашли возможную столицу Хазарского каганата, 2024. URL: <https://a24.press/news/science/2024-12-31/astrahanskies-arheologi-nashli-vozmozhnuyu-stolitsu-hazarskogo-kaganata-180832>
- Бухарицын П. И., Котеньков С. А., 2022. Трудные перекаты Волго-Каспия. Историческая ретроспектива. Ч. I (IX–XIX вв.) // Гидрометеорология и экология. № 67. С. 283–304.
- В дельте Волги нашли тысячелетний православный храм, 2025. URL: <https://dzen.ru/a/aH4alKkrOByjzWW2>
- Варущенко С. И., Варущенко А. Н., Клиге Р. К., 1987. Изменение режима Каспийского моря и бессточных водоемов в палеовремени. М. : Наука. 240 с.
- Васильев Д. В., 2001. Новые исследования на городище Мошаик // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Астрахань : Изд-во АГПУ. С. 48–54.
- Васильев Д. В., 2015. Город и область Саксин в свете новых данных археологии // Поволжская археология. № 2 (12). С. 189–267.
- Васильев Д. В., 2018. Об археологических исследованиях в окрестностях села Самосделка в 2018 году // Перекрестки истории. Актуальные проблемы исторической науки : материалы XIV Всерос. науч. конф. (г. Астрахань, 17 мая 2018 г.). Астрахань : Астрах. ун-т. С. 27–29.
- Васильев Д. В., 2021. Нижнее Поволжье в хазарскую эпоху (VIII–X вв.). Астрахань : Издатель: Сорокин Роман Васильевич. 58 с.
- Васильев Д. В., 2022. Результаты 20 лет исследований на Самосдельском городище и новые перспективы // Археология Евразийских степей. № 5. С. 42–50.
- Васильев Д. В., 2024а. О причинах возникновения хазарского города в дельте Волги // Археология Евразийских степей. № 2. С. 64–69.
- Васильев Д. В., 2024б. Раскоп № 2. Итоги работ на участке № 1 // Город Саксин: археологическая реальность. М. : Триумф. С. 58–70.
- Васильев Д. В., 2024в. Самосдельское городище и тысячелетие городской культуры в дельте Волги // Город Саксин: археологическая реальность. М. : Триумф. С. 5–15.
- Васильев Д. В., 2025. Промежуточные результаты исследований на раскопе № 2 на Самосдельском городище и новые данные о трансгрессиях Каспия в эпоху средневековья // Археология средневековых городов Нижнего Поволжья. Нижнее Поволжье в эпоху средневековья : сб. материалов докл. молодеж. науч. конф. и полевого семинара, Астрахань, 25–28 сентября 2025 года. Астрахань : Издатель: Сорокин Роман Васильевич. С. 22–35.
- Васильев Д. В., Гречкина Т. Ю., Зиливинская Э. Д., 2003. Городище Самосделка – памятник домонгольского периода в низовьях Волги // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3. Половецко-золотоордынское время. Донецк : Изд-во ДонНУ. С. 83–122.
- Васильев Д. В., Зиливинская Э. Д., 2011. Топография городища и история его изучения // Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации. Астрахань : Издатель: Сорокин Роман Васильевич. С. 3–10.
- Васильев Д. В., Зиливинская Э. Д., Болдырева Е. М., 2025. Комплекс «брошенных» захоронений с территории городища «Самосделка» // Нижневолжский археологический вестник. Т. 24, № 2. С. 171–185. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.2.9>
- Васильев Д. В., Яворская Л. В., 2011. Слои периода монгольского нашествия на Самосдельском городище по археологическим и археозоологическим данным // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве : материалы V Междунар. конф., посвящ. памяти Г.А. Федорова-Давыдова (г. Астрахань, 2–6 октября 2011 г.). Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. С. 338–343.
- Гидропост Камызяк. Данные по уровню воды на гидропосту у города Камызяк. URL: <https://allrivers.info/gauge/volga-ruk-kamyzyak-kamyzyak/waterlevel>
- Гидропост Самосделка. Данные по уровню воды на гидропосту у села Самосделка. URL: <https://allrivers.info/gauge/staraya-volga-samosdelka/waterlevel>
- Зиливинская Э. Д., 2026. Многокомнатные дома Самосдельского городища (по материалам I раскопа) // Нижневолжский археологический вестник. Т. 25, № 1. С. 123–143. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.1.6>

- Зиливинская Э. Д., Васильев Д. В., 2008. О вероятной локализации города Итиля на Самосдельском городище в дельте Волги // Труды II (XVIII) Всероссийского Археологического съезда в Суздале 2008 г. Т. II. М. : ИА РАН. С. 224–226.
- Зиливинская Э. Д., Васильев Д. В., 2024. Общие сведения о Самосдельском городище // Город Саксин: археологическая реальность. М. : Триумф. С. 16–25.
- Иванов А. А., 1999. Раннесредневековые подкурганые кочевнические захоронения второй половины VII – первой половины IX в. Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья : дис. ... канд. ист. наук. Волгоград. 255 с.
- Ивик О., Ключников В., 2013. Хазары. М. : Ломоносовъ. 336 с.
- Измайлов И. Л., 2009. Походы в Восточную Европу 1223–1240 гг. // История Татар с древнейших времен. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. С. 133–160.
- Ковалевская В. Б., 1979. Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки // Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Е1-2. М. : Наука. 113 с.
- Кутуков Д. В., Пантелеев С. А., 2013. Исследования болгарских захоронений домонгольского времени на территории Астраханской области // Поволжская археология. № 3 (5). С. 175–190.
- Кухаренко Ю. В., 1952. Новопокровский могильник и поселения // Археология. Т. VI. С. 33–49.
- Матлахова Е. Ю., Макшаев Р. Р., Лобачева Д. М., Лысенко Е. И., Ткач А. А., Ткач Н. Т., Котеньков С. А., Соловьев Д. С., 2024. Влияние колебаний уровня Каспия и динамики русловой сети дельты Волги на расположение и развитие хазарских поселений Семибугоринского археологического комплекса // Limnology and Freshwater Biology. № 4. С. 510–515.
- Мухамедьянова Э. Т., 2013. Керамика городища Мошаик: типологизация по технико-технологическим признакам // Астраханские краеведческие чтения. Вып. V. Астрахань : Издатель: Сорокин Роман Васильевич. С. 80–86.
- Пантелеев С. А., 2010. Об археологических исследованиях на грунтовом могильнике городища Мошаик // Научный Татарстан. № 4. С. 92–106.
- Пигарев Е. М., 2024. Низовья реки Волги в конце X – первой половине XVI в. (по материалам археологических исследований). Йошкар-Ола : Изд-во МарГУ. 288 с.
- Попов П. В., 2008. К вопросу о датировке городища Мошаик // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 9. С. 206–226.
- Попов П. В., 2023. Отчет об археологических раскопках на городище Самосделка в Камызякском районе Астраханской области в 2023 году. Раскоп № 2. Участки № 2 и 4. Открытый лист № 2016–2023 от 23.06.2023 г. // Архив ИА РАН.
- Сарапулкин В. А., Соловьев Д. С., 2025. Поселения хазарского времени в дельте Волги (по результатам работ 2023 года) // Археология Евразийских степей. № 4. С. 258–270.
- Ситдилов А. Г., 2011–2012. Отчет об археологических раскопках на городище Мошаик в Приволжском районе Астраханской области в 2011–2012 гг. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 35563–35566.
- Соловьев Д. С., 2024. Краткое сообщение об итогах изучения Семибугоринского археологического комплекса в 2024 году // Астраханский краеведческий вестник. Вып. 12. Астрахань : Издатель: Сорокин Роман Васильевич. С. 35–41.
- Соловьев Д. С., Котеньков С. А., Тимофеев А. А., Стукалов Г. В., 2020. Новый памятник хазарского времени в дельте Волги // Астраханские краеведческие чтения. Вып. XII. Астрахань : Издатель: Сорокин Роман Васильевич. С. 38–44.
- Соловьев Д. С., Котеньков С. А., Тимофеев А. А., Стукалов Г. В., Коваленко А. В., 2021а. Первые результаты исследований на поселении «Семибугры» // Перекрестки истории. Актуальные проблемы исторической науки : материалы XVII Всерос. науч. конф. (г. Астрахань, 21 мая 2021 г.). Астрахань : Изд-во АГУ. С. 300–306.
- Соловьев Д. С., Тимофеев А. А., Стукалов Г. В., Котеньков С. А., Коваленко А. В., 2021б. Археологические исследования на поселении «Семибугры» в 2019–2020 гг. // Астраханские краеведческие чтения. Вып. XIII. Астрахань : Издатель: Сорокин Роман Васильевич. С. 99–104.
- Тарабанов В. А., 1992. Раскопки средневекового кремационного могильника у с. Молдованское Крымского района // Археологические раскопки на Кубани в 1989–1990 гг. Ейск. С. 76–79.
- Шнайдштейн Е. В., 1978. Отчет об археологических исследованиях в Астраханской области в 1978 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 7255.
- Шнайдштейн Е. В., 1992. Средневековый Мошаик // Материалы четвертой краеведческой конференции (Ч. II). Астрахань : Изд-во АГПИ. С. 3–11.

REFERENCES

- Abu Hamid al-Garnati, 2010. *Sochineniya* [Works]. Moscow, Direct-Media Publ. 184 p.
- Astrakhanskiye arkheologi nashli vozmozhnyuyu stolitsu Khazarskogo kaganata* [Astrakhan Archaeologists Have Found a Possible Capital of the Khazar Khaganate], 2024. URL: <https://a24.press/news/science/2024-12-31/astrahanskies-arheologi-nashli-vozmozhnyuyu-stolitsu-hazarskogo-kaganata-180832>
- Bukharitsyn P.I., Kotenkov S.A., 2022. Trudnyye perekaty Volgo-Kaspiya. Istoricheskaya retrospektiva. Ch. I (IX–XIX vv.) [Difficult Rapids of the Volga-Caspian Sea. Historical Retrospective. Part I (9th – 19th Centuries)]. *Gidrometeorologiya i ekologiya* [Hydrometeorology and Ecology], no. 67, pp. 283–304.
- V del' te Volgi nashli tysyacheletniy pravoslavnyy khram* [A Thousand-Year-Old Orthodox Church Was Found in the Volga Delta], 2025. URL: <https://dzen.ru/a/H4alKkrOByjzWW2>
- Varushchenko S.I., Varushchenko A.N., Klige R.K., 1987. *Izmeneniye rezhima Kaspiyskogo morya i besstochnykh vodoyomov v paleovremeni* [Changes in the Regime of the Caspian Sea and Endorheic Reservoirs in Paleotime]. Moscow, Nauka Publ. 240 p.
- Vasiliev D.V., 2001. Novyye issledovaniya na gorodishche Moshaiik [New Research at the Moshaiik Settlement]. *Arkheologiya Nizhnego Povolzh'ya na rubezhe tysyacheletiy: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf.* [Archaeology of the Lower Volga Region at the Turn of the Millennium: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. Astrakhan, ASPU, pp. 48–54.
- Vasiliev D.V., 2015. Gorod i oblast' Saksin v svete novykh dannykh arkheologii [The City and Region of Saksin in Light of New Archaeological Data]. *Povolzhskaya arkheologiya* [The Volga River Region Archaeology], no. 2 (12), pp. 189–267.
- Vasiliev D.V., 2018. Ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v okrestnostyakh sela Samosdelka v 2018 godu [On Archaeological Research in the Vicinity of the Village of Samosdelka in 2018]. *Perekrostki istorii. Aktual'nyye problemy istoricheskoy nauki: materialy XIV Vseros. nauch. konf. (g. Astrakhan', 17 maya 2018 g.)* [Crossroads of History. Actual Problems of Historical Science. Proceedings of the XIV All-Russian Scientific Conference (Astrakhan, May 17, 2018)]. Astrakhan, Astrakhan University, pp. 27–29.
- Vasiliev D.V., 2021. *Nizhneye Povolzh'ye v khazarskuyu epokhu (VIII–X vv.)* [The Lower Volga Region in the Khazar Era (8th – 10th Centuries)]. Astrakhan, Izdatel: Sorokin Roman Vasilievich Publ. 58 p.
- Vasiliev D.V., 2022. Rezul'taty 20 let issledovaniy na Samosdel'skom gorodishche i novyye perspektivy [Results of 20 Years of Research at the Samosdelka Settlement and New Prospects]. *Arkheologiya Evraziyskikh stepey* [Archaeology of the Eurasian Steppes], no. 5, pp. 42–50.
- Vasiliev D.V., 2024a. O prichinakh vozniknoveniya khazarskogo goroda v del' te Volgi [On the Causes of the Emergence of the Khazar City in the Volga Delta]. *Arkheologiya Evraziyskikh stepey* [Archaeology of the Eurasian Steppes], no. 2, pp. 64–69.
- Vasiliev D.V., 2024b. Raskop № 2. Itogi rabot na uchastke № 1 [Excavation No. 2. Results of Work at Site No. 1]. *Gorod Saksin: arkheologicheskaya real'nost'* [The City of Saksin: An Archaeological Reality]. Moscow, Triumph Publ., pp. 58–70.
- Vasiliev D.V., 2024v. Samosdelskoye gorodishche i tysyacheletniy gorodskoy kul'tury v del' te Volgi [The Samosdelka Settlement and a Millennium of Urban Culture in the Volga Delta]. *Gorod Saksin: arkheologicheskaya real'nost'* [The City of Saksin: An Archaeological Reality]. Moscow, Triumph Publ., pp. 5–15.
- Vasiliev D.V., 2025. Promezhutochnyye rezul'taty issledovaniy na raskope № 2 na Samosdel'skom gorodishche i novyye dannyye o transgressiyakh Kaspiya v epokhu srednevekov'ya [Interim Results of Research at Excavation Site No. 2 at the Samosdelskoye Settlement and New Data on the Caspian Transgressions in the Middle Ages]. *Arkheologiya srednevekovykh gorodov Nizhnego Povolzh'ya. Nizhneye Povolzh'ye v epokhu srednevekov'ya: sb. materialov dokl. molodozh. nauch. konf. i polevogo seminara, Astrakhan', 25–28 sentyabrya 2025 goda* [Archaeology of Medieval Cities of the Lower Volga Region. The Lower Volga Region in the Middle Ages: Collection of Materials from Reports of a Youth Scientific Conference and Field Seminar, Astrakhan, September 25–28, 2025]. Astrakhan, Publisher: Roman Vasilievich Sorokin, pp. 22–35.
- Vasiliev D.V., Grechkina T.Yu., Zilivinskaya E.D., 2003. Gorodishche Samosdelka – pamyatnik domongol'skogo perioda v nizov'yakh Volgi [The Samosdelka Settlement – a Pre-Mongol Period Monument in the Lower Reaches of the Volga]. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya. T. 3. Polovetsko-zolotoordynskoye vremya* [The Steppes of Europe in the Middle Ages. Vol. 3. Polovtsian-Golden Horde Time]. Donetsk, DonNU, pp. 83–122.

- Vasiliev D.V., Zilivinskaya E.D., 2011. Topografiya gorodishcha i istoriya ego izucheniya [Topography of the Settlement and the History of its Study]. *Samosdel'skoye gorodishche: voprosy izucheniya i interpretatsii* [Samosdelka Settlement: Issues of Study and Interpretation]. Astrakhan, Izdatel: Sorokin Roman Vasilyevich Publ., pp. 3-10.
- Vasiliev D.V., Zilivinskaya E.D., Boldyreva E.M., 2025. Kompleks «broshennykh» zakhoroneniya s territorii gorodishcha «Samosdelka» [Complex of “Abandoned” Burials from the Samosdelka Settlement Territory]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 24, no. 2, pp. 171-185. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.2.9>
- Vasiliev D.V., Yavorskaya L.V., 2011. Sloi perioda mongol'skogo nashestviya na Samosdel'skom gorodishche po arkheologicheskim i arkheozoologicheskim dannym [Layers of the Mongol Invasion Period at the Samosdelka Settlement Based on Archaeological and Archaeozoological Data]. *Dialog gorodskoy i stepnoy kul'tur na yevraziyskom prostranstve: materialy V Mezhdunar. konf., posvyashch. pamyati G.A. Fedorova-Davydova (g. Astrakhan', 2–6 oktyabrya 2011 g.)* [Dialogue of Urban and Steppe Cultures in the Eurasian Space: Proceedings of the V International Conference “Dialogue of Urban and Steppe Cultures in the Eurasian Space” Dedicated to the Memory of G.A. Fedorov-Davydov (Astrakhan, October 2–6, 2011)]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History, AS RT, pp. 338-343.
- Gidropost Kamyzyak. Dannyye po urovnyu vody na gidropostu u goroda Kamyzyak* [Kamyzyak Hydropost. Water Level Data at the Hydropost Near the Town of Kamyzyak]. URL: <https://allrivers.info/gauge/volga-ruk-kamyzyak-kamyzyak/waterlevel>
- Gidropost Samosdelka. Dannyye po urovnyu vody na gidropostu u sela Samosdelka* [Samosdelka Hydropost. Water Level Data at the Hydropost Near the Village of Samosdelka]. URL: <https://allrivers.info/gauge/staraya-volga-samosdelka/waterlevel>
- Zilivinskaya E.D., 2026. *Mnogokomnatnyye doma Samosdel'skogo gorodishcha (po materialam I raskopa)* [Multi-Room Houses of the Samosdelskoye Settlement (Based on the Materials of the 1st Excavation)]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskii vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 25, no. 1, pp. 123-143. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.1.6>
- Zilivinskaya E.D., Vasiliev D.V., 2008. O veroyatnoy lokalizatsii goroda Itilya na Samosdel'skom gorodishche v del'te Volgi [On the Probable Localization of the City of Itil on the Samosdelka Settlement in the Volga Delta]. *Trudy II (XVIII) Vserossiyskogo Arkheologicheskogo syezda v Suzdale 2008 g. T. II* [Proceedings of the II (XVIII) All-Russian Archaeological Congress in Suzdal, 2008. Vol. II]. Moscow, IA RAS, pp. 224-226.
- Zilivinskaya E.D., Vasiliev D.V., 2024. Obshchiye svedeniya o Samosdel'skom gorodishche [General Information About the Samosdelka Settlement]. *Gorod Saksin: arkheologicheskaya real'nost'* [The City of Saksin: An Archaeological Reality]. Moscow, Triumph Publ., pp. 16-25.
- Ivanov A.A., 1999. *Rannesrednevekovyye podkurgannyye kochevnicheskkiye zakhoroneniya vtoroy poloviny VII – pervoy poloviny IX v. Nizhnego Dona i Volgo-Donskogo mezhdurech'ya: dis. ... kand. ist. nauk* [Early Medieval Nomadic Burials Under Burial Mounds of the Second Half of the 7th – First Half of the 9th Centuries in the Lower Don and Volga-Don Interfluve. Cand. hist. sci. diss.]. Volgograd, 255 p.
- Ivik O., Klyuchnikov V., 2013. *Khazary* [Khazars]. Moscow, Lomonosov Publ. 336 p.
- Izmailov I.L., 2009. Pokhody v Vostochnuyu Yevropu 1223–1240 gg. [Campaigns in Eastern Europe 1223–1240]. *Istoriya Tatar s drevneyshikh vremen. T. III. Ulus Dzhuichi (Zolotaya Orda). XIII – seredina XV v.* [History of the Tatars From Ancient Times. Vol. III. Ulus Jochi (Golden Horde). 13th – mid-15th centuries]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History, AS RT, pp. 133-160.
- Kovalevskaya V.B., 1979. Poyasnyye nabory Evrazii IV–IX vv. Pryazhki [Belt Sets of Eurasia, 4th – 9th Centuries. Buckles]. *Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov* [Archaeology of the USSR. Collection of Archaeological Sources], iss. E1-2. Moscow, Nauka Publ. 113 p.
- Kutukov D.V., Panteleev S.A., 2013. Issledovaniya bulgarskikh zakhoroneniya domongol'skogo vremeni na territorii Astrakhanskoy oblasti [Research of Bulgar Burials of the Pre-Mongol Period in the Astrakhan Region]. *Povolzhskaya arkheologiya* [The Volga River Region Archaeology], no. 3 (5), pp. 175-190.
- Kukharenko Yu.V., 1952. Novopokrovskiy mogil'nik i poseleniya [Novopokrovsky Burial Ground and Settlements]. *Arkheologiya* [Archaeology], vol. VI, pp. 33-49.
- Matlakhova E.Yu., Makshaev R.R., Lobacheva D.M., Lysenko E.I., Tkach A.A., Tkach N.T., Kotenkov S.A., Soloviev D.S., 2024. Vliyaniye kolebaniy urovnya Kaspiya i dinamiki ruslovoy seti del'ty Volgi na raspolozheniye i razvitiye khazarskikh poseleniy Semibugorinskogo arkheologicheskogo kompleksa

- [The Influence of Caspian Sea Level Fluctuations and the Dynamics of the Volga Delta Channel Network on the Location and Development of the Khazar Settlements of the Semibugry Archaeological Complex]. *Limnology and Freshwater Biology*, no. 4, pp. 510-515.
- Mukhamedyanova E.T., 2013. Keramika gorodishcha Moshai: tipologizatsiya po tekhniko-tekhnologicheskim priznakam [Ceramics of the Moshai Settlement: Typology Based on Technical and Technological Features]. *Astrakhanskiye krayevedcheskiye chteniya* [Astrakhan Local History Readings], iss. V. Astrakhan, Izdatel: Sorokin Roman Vasilievich Publ., pp. 80-86.
- Pantelev S.A., 2010. Ob arkheologicheskikh issledovaniyakh na gruntovom mogil'nike gorodishcha Moshai [On Archaeological Research at the Ground Burial Ground of the Moshai Settlement]. *Nauchnyy Tatarstan* [Scientific Tatarstan], no. 4, pp. 92-106.
- Pigarev E.M., 2024. *Nizov'ya reki Volgi v kontse X – pervoy polovine XVI v. (po materialam arkheologicheskikh issledovaniy)* [The Lower Reaches of the Volga River in the Late 10th – First Half of the 16th Centuries (Based on Archaeological Research)]. Yoshkar-Ola, Mari State University. 288 p.
- Popov P.V., 2008. K voprosu o datirovke gorodishcha Moshai [On the Dating of the Moshai Settlement]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskii vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], iss. 9, pp. 206-226.
- Popov P.V., 2023. Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh na gorodishche Samosdelka v Kamyzyakskom rayone Astrakhanskoy oblasti v 2023 godu. Raskop № 2. Uchastki № 2 i 4. Otkrytyy list № 2016–2023 ot 23.06.2023 g. [Report on Archaeological Excavations at the Samosdelka Settlement in the Kamyzyak District of the Astrakhan Region in 2023. Excavation No. 2. Plots No. 2 and 4. Open Sheet No. 2016–2023 Dated June 23, 2023]. *Arkhir IA RAN*.
- Sarapulkin V.A., Solovyov D.S., 2025. Poseleniya khazarskogo vremeni v del'te Volgi (po rezul'tatam rabot 2023 goda) [Settlements of the Khazar Period in the Volga Delta (Following the 2023 Research Results)]. *Arkheologiya Evraziyskikh stepey* [Archaeology of the Eurasian Steppes], no. 4, pp. 258-270.
- Sitdikov A.G., 2011–2012. Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh na gorodishche Moshai v Privolzhskom rayone Astrakhanskoy oblasti v 2011–2012 gg. [Report on the Archaeological Excavations at the Moshai Settlement in the Privolzhsky District of the Astrakhan Region in 2011–2012]. *Arkhir IA RAN*, f. 1, iss. 1, no. 35563-35566.
- Soloviev D.S., 2024. Kratkoye soobshcheniye ob itogakh izucheniya Semibugorinskogo arkheologicheskogo kompleksa v 2024 godu [Brief Report on the Results of the Study of the Semibugry Archaeological Complex in 2024]. *Astrakhanskiy krayevedcheskiy vestnik* [Astrakhan Local History Bulletin], iss. 12. Astrakhan, Izdatel: Sorokin Roman Vasilievich Publ., pp. 35-41.
- Soloviev D.S., Kotenkov S.A., Timofeev A.A., Stukalov G.V., 2020. Novyy pamyatnik khazarskogo vremeni v del'te Volgi [New Monument of the Khazar Period in the Volga Delta]. *Astrakhanskiye krayevedcheskiye chteniya* [Astrakhan Local History Readings], iss. XII. Astrakhan, Izdatel: Sorokin Roman Vasilievich Publ., pp. 38-44.
- Soloviev D.S., Kotenkov S.A., Timofeev A.A., Stukalov G.V., Kovalenko A.V., 2021a. Pervyye rezul'taty issledovaniy na poselenii «Semibugry» [First Research Results at the Semibugry Settlement]. *Perekrestki istorii. Aktual'nyye problemy istoricheskoy nauki: materialy XVII Vseros. nauch. konf. (g. Astrakhan', 21 maya 2021 g.)* [Crossroads of History. Actual Problems of Historical Science: Proceedings of the XVII All-Russian Scientific Conference (Astrakhan, May 21, 2021)]. Astrakhan, ASU, pp. 300-306.
- Soloviev D.S., Timofeev A.A., Stukalov G.V., Kotenkov S.A., Kovalenko A.V., 2021b. Arkheologicheskiye issledovaniya na poselenii «Semibugry» v 2019–2020 gg. [Archaeological Research at the Semibugry Settlement in 2019–2020]. *Astrakhanskiye krayevedcheskiye chteniya* [Astrakhan Local History Readings], iss. XIII. Astrakhan, Izdatel: Sorokin Roman Vasilievich Publ., pp. 99-104.
- Tarabanov V.A., 1992. Raskopki srednevekovogo krematsionnogo mogil'nika u s. Moldovanskoye Krymskogo rayona [Excavations of a Medieval Cremation Burial Ground Near the Village of Moldovanskoye, Krymsk District]. *Arkheologicheskiye raskopki na Kubani v 1989–1990 gg.* [Archaeological Excavations in Kuban in 1989–1990]. Yeisk, pp. 76-79.
- Shnaidshtein E.V., 1978. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v Astrakhanskoy oblasti v 1978 g. [Report on Archaeological Research in the Astrakhan Region in 1978]. *Arkhir IA RAS*, f. 1, R. 1, no. 7255.
- Shnaidshtein E.V., 1992. Srednevekovyy Moshai [Medieval Moshai]. *Materialy chetvortoy krayevedcheskoy konferentsii (Ch. II)* [Proceedings of the Fourth Local History Conference (Part II)]. Astrakhan, ASPU, pp. 3-11.

Information About the Author

Dmitry V. Vasiliev, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History, Astrakhan Tatishchev State University, Tatishchev St, 20A, 414956 Astrakhan, Russian Federation; Senior Researcher, Department of History, Astrakhan Museum-Reserve, Sovetskaya St, 15, 414000 Astrakhan, Russian Federation, hvdv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2346-8856>

Информация об авторе

Дмитрий Викторович Васильев, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, ул. Татищева, 20А, 414956 г. Астрахань, Российская Федерация; старший научный сотрудник отдела истории, Астраханский музей-заповедник, ул. Советская, 15, 414000 г. Астрахань, Российская Федерация, hvdv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2346-8856>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.3.8>

UDC 902.01

LBC 63.4

Submitted: 04.07.2025

Accepted: 24.10.2025

RARE GROUPS OF IMPORTED TRANSPORTATION POTTERY IN THE TERRITORY OF THE GOLDEN HORDE ¹

Sergey G. Bocharov

Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation

Andrey N. Maslovskiy

Azov Historical-Archeological and Paleontological Museum-Reserve, Azov, Russian Federation

Abstract. The study of the mass ceramic complex of the Golden Horde state in all of its diversity is one of the most important areas of archaeological research for this period. This article presents information on several groups of imported container pottery that arrived on the territory of the Golden Horde in small quantities. Among them are three groups of amphorae, two groups of molded jugs, and groups of pithoi. The identification and description of such groups of imported pottery and the beginning of their targeted search lead to a rapid increase in the number of finds and an expansion of their geographical distribution. Information is provided on the morphology, technological features, and chronology of the arrival of the published vessels. Any assumptions about the place of their production today can only be hypothetical. The first group: yellow clay amphorae with a funnel-shaped neck (the time of their arrival to the territory of the Golden Horde is the mid-13th – early 14th centuries). The second group: wide-necked light-gloss amphorae with string imprints (arrived in 1310–1340). The third group: light-gloss amphorae with painting (arrived in the first half to the middle of the 14th century). The molded vessels are represented by two groups. The first group: brown molded jugs (they arrived in the territory of the Golden Horde in the late 13th – late 14th centuries). The second group: dark red molded jugs. Three groups of large vessels pithoi are distinguished. Pithoi with a trapezoidal rim of two groups, “brown” and “orange” (arrived on the territory of the Golden Horde in the second half of the 13th century), and a separate group of massive red-clay pithoi.

Key words: Golden Horde, imported pottery, trade, amphorae, pithoi, molded jugs.

Citation. Bocharov S.G., Maslovskiy A.N., 2026. Redkie gruppy tarnoy importnoy keramiki na territorii Zolotoy Ordy [Rare Groups of Imported Transportation Pottery in the Territory of the Golden Horde]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskij Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 25, no. 3, pp. 189-219. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.3.8>

УДК 902.01

ББК 63.4

Дата поступления статьи: 04.07.2025

Дата принятия статьи: 24.10.2025

РЕДКИЕ ГРУППЫ ТАРНОЙ ИМПОРТНОЙ КЕРАМИКИ НА ТЕРРИТОРИИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ ¹

Сергей Геннадиевич Бочаров

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация

Андрей Николаевич Масловский

Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник,
г. Азов, Российская Федерация

Аннотация. Изучение массового керамического комплекса золотоордынского государства во всем его разнообразии сегодня является одним из важнейших направлений археологических исследований. В работе собрана информация о нескольких группах импортной тарной керамики, которая поступала на территорию

Золотой Орды в незначительном количестве. В их числе три группы амфор, две группы лепных тарных кувшинов и три группы пифосов. Выделение и описание таких групп импортной керамики и начало их целенаправленного поиска приводит к тому, что число находок быстро растет, а география их распространения расширяется. Приведена информация о морфологии, технологических особенностях и хронологии поступления публикуемых сосудов. Любые предположения о месте их производства сегодня могут быть только гипотетическими. Первая группа: желтоглиняные амфоры с воронковидным горлом (время их поступления на территорию Золотой Орды середина XIII – начало XIV в.). Вторая группа: широкогорлые светлоглиняные амфоры с оттисками веревочки (время поступления – 1310–1340 гг.). Третья группа: светлоглиняные амфоры с росписью (время поступления – первая половина – середина XIV в.). Тарные лепные сосуды представлены двумя группами. Первая группа: коричневые лепные кувшины (время их поступления на территорию Золотой Орды – конец XIII – конец XIV в.). Вторая группа: темно-красные лепные кувшины. Выделяются три группы крупных сосудов – пифосов: с трапезиевидным венчиком двух групп, «коричневой» и «оранжевой» (время их поступления на территорию Золотой Орды – вторая половина XIII в.), и отдельная группа массивных красноглиняных пифосов.

Ключевые слова: Золотая Орда, импортная керамика, торговля, амфоры, пифосы, тарные лепные кувшины.

Цитирование. Бочаров С. Г., Масловский А. Н., 2026. Редкие группы тарной импортной керамики на территории Золотой Орды // Нижневолжский археологический вестник. Т. 25, № 3. С. 189–219. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.3.8>

Тарная керамика составляет значительную часть керамического комплекса Золотой Орды. Заметную ее долю образуют импорты, поступавшие с южного направления из регионов Средиземноморья через причерноморские порты. Хотя по мере удаления от морского побережья их процент в культурных напластованиях снижается, они, тем не менее, присутствуют на удаленных от Черноморского региона как городских, так и сельских памятниках европейской части Золотой Орды. 99 % этого импорта составляют южно-понтитские амфоры (группа «Трапезунд»), которым уделено достаточное внимание исследователей (недавняя обобщающая публикация [Бочаров, Масловский, 2023, с. 269–288]). Еще 2–3 группы керамической тары уступают им минимум на два порядка по численности, но всё же имели заметное распространение в отдельные периоды и на некоторых территориях, и поэтому представлены значительными сериями находок [Бочаров, Масловский, 2023, с. 270–296].

Предметом рассмотрения данной статьи станут группы тарной керамики, которые ввозились на территорию Золотой Орды спорадически небольшими партиями. Некоторые представлены единичными целыми формами, другие только сериями фрагментов. До настоящего времени они не получили достаточно внимания специалистов или отсутствует их развернутое описание в научной литературе. Вполне вероятно, что их кажущаяся редкость

отчасти и объясняется отсутствием внимания специалистов. Целенаправленный поиск может существенно увеличить объем имеющихся в нашем распоряжении материалов.

Желтоглиняные амфоры с воронковидным горлом

Первой среди редких групп керамической тары, по вниманию к ней специалистов и отчасти по численности находок, следует назвать желтоглиняные амфоры с воронковидным расширением в верхней части горла из неизвестного производственного центра (рис. 1–3). Информация о них, часто очень краткая, представлена в ряде публикаций [Волков, 1989, с. 97–98, рис. 15,6–8; Мыц, 1991, с. 97; Волков, 1992, с. 156, рис. 6; Зеленко, 1999, с. 228, рис. 10; Булгаков, 2000, рис. 3, 4, 6; Масловский, 2006, с. 435–437; Коваль, 2010, с. 167–168, рис. 61,3; Майко и др., 2014, с. 329–332, рис. 1, 2, 3; Жеребилов, Масловский, 2016, с. 12], включая одну из предыдущих работ авторов [Бочаров, Масловский, 2023, с. 294–295, рис. 1,5, 9,7, 17,1–2].

Лучше известны амфоры этого же производственного центра, поступавшие в Восточную Европу в домонгольский период [Мыц, 1991, с. 97, рис. 32,4–5; Hayes, 1992, p. 74, fig. 26,1–3; Волков, 1996, с. 97, рис. 5; Булгаков, 2000; Волков, 2001, с. 132–135; Коваль, 2010, с. 160–162, рис. 52,5, 55,3–10; Волков,

2017, с. 179; Günsenin, 2018, p. 110, fig. 18]. На территории Руси их доля составляла 2–5 % от объема импортных амфор [Коваль, 2010, с. 160]. Морфология ранних амфор несколько отличалась, прежде всего, более удлиненной нижней частью корпуса и наличием округлого дна. Изменение профилировки происходит, вероятно, около середины XIII века.

Сосуды изготовлены из формовочной массы, насыщенной хорошо заметными мелкими слюдистыми чешуйками. Окраска черепка может колебаться от светло-желтого, светло-бежевого до светло-коричневого и светло-серого цвета. Реже встречается черепок более ярких оттенков, вплоть до красно-коричневого (рис. 2,3). Чаще всего фиксируется светло-желтая окраска. В литературе используется их определение как светлоглиняных [Волков, 1989, с. 97–98; 2017, с. 179; Майко и др., 2014, с. 329]. Поскольку такое название применимо минимум к трем группам редких амфор, отмеченных на территории Золотой Орды, такое обозначение, по меньшей мере, неполно и его стоит избегать.

Тулово подобных амфор вытягивалось из одного куска глины без стыковки частей. Имеется только одна находка сосуда (рис. 2,4–6) со стыковочным швом на месте максимального диаметра. Соединение выполнено «встык» с небольшим «нахлестом». Использовался ли дополнительный жгут, по причине неполной сохранности места стыковки, неясно. Соединение выполнено аккуратно и обращает внимание только благодаря тонкой трещинке. С внешней стороны на месте максимального диаметра – отпечаток тесьмы из трех тонких веревочек, в одном месте перекрученной (рис. 2,5). Диаметр сосуда 32 см.

Горло невысокое, с воронковидным расширением в верхней части. Ручки петлевидные, уплощенные в сечении (соотношение ширины и толщины не менее чем 3 к 1). Верхние прилепы размещены ниже венчика. Ручки отходят от них горизонтально. От нижнего прилепа ручки отходят под отрицательным углом. Тулово несколько удлиненное, яйцевидное, с уровня нижнего прилепа ручки покрыто неглубоким крупным равномерным рифлением. Шаг рифления 1,0–1,5 см. Дно уплощенное, с вогнутой серединой.

Значительная часть находок принадлежит небольшим сосудам с диаметром тулова около 17–18 и 20–22 см. Диаметр венчика 6–7 см. Однако отмечен размерный тип существенно крупнее, с максимальным диаметром тулова 28–32 см. Амфоры среднего размера имели высоту около 35 см.

Ввоз амфор этой группы на территорию Восточной Европы не был массовым в домонгольский период. После создания Золотой Орды объем их поступления снижается еще больше. Это наглядно видно при сопоставлении домонгольских памятников дельты Дона и Азака. Большая часть находок целых и крупнофрагментированных сосудов происходит из груза корабля, затонувшего в бухте Судак-Лимен (Крым, пгт. Новый Свет) [Зеленко, 1999, с. 228, рис. 10], который датируется третьей четвертью XIII века. Находки золотоордынского периода встречены на памятниках Крыма: Алустоне [Мыц, 1991, с. 97]; Судак [Майко и др., 2014, с. 330–332, рис. 3,1,8]. Здесь их выделение затрудняется тем, что датировать мелкие фрагменты при отсутствии доньев затруднительно.

Помимо Крыма, сколь-нибудь заметную долю керамического комплекса амфоры этой группы могут составлять только на некоторых поселениях Приазовья, расположенных неподалеку от моря, как, например, Железнодорожный 1–2 в Закубанье, где встречены целые сосуды и крупные обломки [Майко и др., 2014, с. 331, рис. 3,7,9]. Здесь доля этой группы амфор составляет 0,3 % импортной тары [Жеребилов, Масловский, 2016, с. 12].

На остальной территории Золотой Орды находки единичны, тем не менее, они отмечены не только в портовом Азаке и поселениях его окружи, но и в Укеке и Болгаре. Из раскопок последнего памятника происходит почти полностью склеенный экземпляр (рис. 1,1–2).

Было высказано несколько гипотетических предположений относительно места производства этих амфор: Хиос [Волков, 1996, с. 97], западные регионы Византийской империи [Волков, 2001, с. 134–135], район административного контроля властей Константинополя [Булгаков, 2000], Мальвазия [Волков, 2017, с. 179]. Ни одно из высказанных и возможных новых предположений на настоящий момент не может быть проверено.

На внутренней стороне всех амфор из кораблекрушения в бухте Судак-Лимен встречен смолообразный осадок коричневого цвета, в одном случае с зернами проса [Зеленко, 1999, с. 228]. По мнению С.М. Зеленко, это указывает на перевозку в амфорах оливкового масла. И.В. Волковым предполагается транспортировка в этих амфорах очень дорогого сладкого вина [Волков, 2017, с. 179].

Вопрос о хронологии поступления амфор этой группы непрост. Относительно начала их поступления никаких разногласий быть не может. Поскольку они ввозились в Восточную Европу с домонгольского времени и никакого перерыва в их поступлении, кажется, не фиксируется, то они могут присутствовать в самых ранних комплексах золотоордынских поселений начиная с середины XIII века. Относительно же верхней границы времени распространения у всех исследователей есть определенные сомнения. Амфоры датируют преимущественно XIII в. [Волков, 2001, с. 132] и говорят о почти полном прекращении их поступления в XIV в. [Волков, 2017, с. 179], или вовсе ограничиваются размытой датой XIII–XIV вв. [Булгаков, 2000]. В Алустоне амфора с вогнутым дном происходит из комплекса XIII в. [Мыц, 1991, с. 97]. В литературе есть указания на то, что в Судаке они встречены в первой половине XIV в., а в Азаке и в комплексах второй половины XIV в. [Майко и др., 2014, с. 331].

У В.Ю. Ковалю упоминаются амфоры комплекса конца XIII – начала XIV в. из раскопок Коринфа [Коваль, 2010, с. 167]. Однако эти находки имеют слабое сходство с рассматриваемой группой [Sanders, 1987, p. 187–189, fig. 9,33–34]. Помимо не совпадения в морфологии сосудов, разительно отличается черепок, насыщенный минеральными частицами, с крупными порами от выгорающих извлекательных включений. К тому же сосуды покрыты росписью красной краской, которая не отражена на рисунках в публикациях. Очевидно, что это продукция иного производственного центра.

Степень смешанности материалов в Судаке исключает возможность использовать их для уточнения хронологии. К сожалению, мало чем может помочь Азак. Хотя здесь действительно можно встретить единичные фрагмен-

ты амфор этой группы в комплексах второй половины XIV в., они также с высокой вероятностью относятся к числу переотложенных материалов.

Для уточнения датировки обратим внимание на то, что желтоглиняные амфоры с воронковидным горлом встречены на золотоордынских памятниках, где хорошо представлены материалы XIII в. (Азак, Укек, Болгар). Максимальный процент зафиксирован на поселении Железнодорожный 2, период расцвета которого приходится на вторую половину XIII – первую треть XIV в. [Жеребилов, Масловский, 2016, с. 15]. Обращаясь к планиграфии находок в Азаке, отметим, что они почти не выходят за пределы города первого десятилетия XIV века. Все это позволяет говорить, что амфоры данной группы поступали на территорию Золотой Орды во второй половине XIII века. Уже в самом начале XIV в. их ввоз если и имел место, то очень маленькими партиями или спорадически, и никак не позднее первой трети XIV века.

Желтоглиняные амфоры с воронковидным горлом можно было бы использовать в качестве хроноиндикатора для вышеуказанного периода, если бы не их чрезвычайная редкость. В Азаке, при огромном объеме изученных материалов, встречено не более сотни обломков.

Широкогогорлые светлоглиняные амфоры с отгисками веревочки

Еще менее известной представляется группа крупных светлоглиняных амфор с широким горлом (рис. 4, 5). Их примечательной особенностью являются часто встречающиеся на внешней поверхности отгиски веревочки, расположенные примерно на месте максимального диаметра тулова (рис. 5, 1–6). Впервые подробно эта группа амфор на золотоордынских памятниках была описана на основании фрагментированного развала из раскопок Болгара [Волков, Губайдуллин, 2012, с. 191–200, рис. 1–4, 5, 1–3], хотя ранее давалось краткое описание находок из Азака с неверной интерпретацией их как пифосов [Масловский, 2006, с. 453–454, рис. 57, 9–10]. В классификации керамического комплекса Азака группа получила номер 39. Описание этой группы амфор так-

же приведено в одной из работ авторов [Бочаров, Масловский, 2023, с. 295–296, рис. 9,8, 17,3–5].

Пример этих амфор наглядно показывает, что после описания новой группы керамики и начала целенаправленного поиска число находок быстро растет, а география их распространения расширяется. В Болгаре были выявлены фрагменты еще от нескольких амфор [Коваль, 2016, с. 115, 117–118, рис. 11,1–2]. Помимо Болгара и Азака они обнаружены на Селитренном городище и Маджаре [Волков, Губайдуллин, 2012, с. 191], Увеке², в Восточном Крыму на поселении Жемчужина 1 [Коваль и др., 2021, с. 127–130, рис. 1–3, 4,1] и в бухте Каффы (Феодосии) [Зеленко и др., 2016, с. 13, 42, 101, рис. 4,6,9]. Наверняка география находок будет расширяться при должном внимании исследователей к массовому материалу.

При этом в Азаке их число вовсе не единично. Экстраполируя данные статистики последних десятилетий на раскопы более раннего периода, когда обломки таких амфор попадали в массовый материал и выбрасывались, можно говорить о том, что за последние полвека при исследованиях Азака было найдено несколько тысяч фрагментов от нескольких сотен сосудов. Среди них найденный в 1994 г. при раскопках во дворе Азовского музея фрагментированный развал (рис. 4,8). Число фрагментов этой группы в разы превышает количество находок желтоглиняных амфор с воронковидным горлом.

Причина того, что они не были опубликованы ранее и не привлекали должного внимания специалистов – это разрозненность находок и редкость профильных фрагментов. На настоящий момент в Азаке удалось выявить только 4 фрагмента венчиков (рис. 4,2–5), 1 донце и ни одной ручки. Найдено всего два фрагментированных развала сосудов (рис. 4,6,8), впрочем, не столь полные, как находка из Болгара, и несколько крупных фрагментов (рис. 4,7). Большая часть находок происходит из полосы вдоль центральной улицы Азака. Здесь они отмечены на каждом крупном раскопе, и их доля достигает десятых долей процента. Отдельные фрагменты встречены на периферии центрального городского района.

Черепок настолько специфичен для керамики Золотой Орды, что можно диагностировать совсем маленькие обломки амфор этой группы размером в 2–3 см². Цветность его неустойчива – от светло-бежевого до светло-розового, бледно-желтого или бледно-серого оттенка даже в пределах одного сосуда (рис. 5). Часто черепок трехслойный или пятислойный с бежевой или кофейной сердцевинной и более яркими розоватыми внешними слоями. При этом внешняя поверхность может иметь очень светлую окраску вплоть до почти белой.

Формовочная масса насыщена (до 20 %) смесью разноцветных (прозрачных, серых, коричневых, красно-коричневых, молочно-белых) минеральных зерен различной степени окатанности, размерами преимущественно до 0,5 мм. Из-за этой примеси поверхность мелкобугристая. Размерность и состав частиц неустойчивы. Есть образцы с большой долей фракции зерен размером в 2–3 мм. Присутствуют мелкие удлиненные поры. На участках с отслоившейся поверхностью видны крупинки размером в 2–3 мм, похожие на концентрат (шамот). Поверхность тщательно заглаживалась мокрой рукой, хотя встречаются отдельные крупные капли жидкой глины на внутренней стороне придонной части сосуда (рис. 5,11).

Находки из Болгара позволили создать графическую реконструкцию этих сосудов [Волков, Губайдуллин, 2012, с. 191, рис. 1], которую можно несколько дополнить благодаря находкам профильных фрагментов из Азака (рис. 4,1).

Сосуды крупные, тулово грушевидной формы с максимальным диаметром в верхней трети сосуда. В этом месте может фиксироваться слабозаметное ребро. Максимальный диаметр – 47–49 см. Для находки с поселения Жемчужина 1 указывается диаметр в 52 см [Коваль и др., 2021, с. 127]. Высота сосуда из Феодосии 67 см [Зеленко и др., 2016, с. 42]. Реконструируемая высота сосудов из Болгара и Азака 61–62 см. Горло короткое, цилиндрическое. Венчик утолщенный, с округлым верхним краем, диаметром около 11–13 см. У основания горла расположен небольшой валик. Петлевидные профилированные ручки расположены на плечах. Учитывая, что

в Азаке не найдено ни одной ручки, а находка из Феодосии ручек не имеет, можно предполагать, что большая часть сосудов, поступавших на территории Золотой Орды, ручек не имела.

Глубокое рифление с четким профилем покрывает верхнюю часть тулова ниже плеча и придонную часть тулова на $\frac{1}{4}$ высоты. На верхней части тулова рифление имеет шаг в 11–12 мм, в придонной части несколько уже (7–8 мм).

Учитывая размеры и форму сосуда, можно предполагать, что амфоры вытягивались по частям с последующей сборкой элементов. Однако, из-за высокого качества обработки поверхности, места стыковки не фиксируются. Толщина стенок меняется плавно. На наиболее логичном для соединения элементов участке перехода полусферической придонной в среднюю усеченноконическую часть тулова с гладкими стенками толщина стенок не меняется вовсе (рис. 4,7). Хорошо заметное утоньшение стенок в придонной части тулова приходится на место с четким мелким рифлением (рис. 5,10). По мнению В.Ю. Ковалю, стыковка элементов производилась на уровне максимального диаметра тулова [Коваль и др., 2021, с. 127]. Внимательный осмотр серии обломков из Азака не выявил следов стыковки в этом месте. На азаком экземпляре видны радиальные спирально закручивающиеся трещины (рис. 5,11). Логично предположение об изготовлении горла отдельно, но ни одного полностью сохранившегося места стыковки осмотреть не удалось.

На стенках, в наиболее широкой части сосудов, регулярно встречаются отпечатки тонкой веревочки (рис. 4,6, 5,1–6), использовавшейся для проверки стандартности сосудов, из-за чего группа получила свое рабочее название – «светлоглиняные амфоры с отпечатком веревочки». Наряду с обычными горизонтальными, неоднократно фиксируются отпечатки веревочки, расположенные наискось (рис. 5,2). Отмечены дипинты, нанесенные красной краской на плечики сосудов (рис. 4,6, 5,8).

Для определения хронологических рамок поступления амфор данной группы на территорию Золотой Орды следует обратиться к материалам Азака, где их встречено больше всего. Они отсутствуют в наиболее ранних

комплексах. Все крупные обломки и фрагментированные развалы происходят или из слоя, или из комплексов с монетами хана Узбека. Исключение составляют находки из комплексов с длительным накоплением (подвалы купеческих домов), которые начали заполняться в 1340-е годы. Таким образом, вероятно, период ввоза светлоглиняных широкогорлых амфор в пределы Золотой Орды можно ограничить 1310–1340-ми годами. Это подтверждает и находка из Болгара [Волков, Губайдуллин, 2012, с. 192]. Для находки из поселения Жемчужина 1 не указан хронологический контекст, но сделана отсылка к датировке испанских исследователей, по мнению которых производство этого типа сосудов началось в середине XIV в. [Коваль и др., 2021, с. 128].

Вопрос о месте производства этих амфор требует отдельного подробного рассмотрения. По осторожному предположению И.В. Волкова, амфоры этой группы происходят из сиро-палестинского региона [Волков, Губайдуллин, 2012, с. 194, 199]. Эта гипотеза базируется на отдаленных по хронологии аналогиях (большая их часть датируется ранним средневековьем) и деталях морфологии. По мнению автора гипотезы, более существенно то, что в этом регионе длительное время бытовала традиция изготовления амфор с петлевыми ручками, крепившимися на плечи, широким низким горлом и широким туловом. Консерватизм гончарных традиций мог сохранить такую форму на протяжении длительного времени при резком сокращении объемов производства. Хронологический же разрыв может объясняться плохой изученностью памятников, которая не позволяет выявлять малочисленные разновидности керамики. Стоит отметить, что некоторые аргументы данной работы устарели. Амфоры этой группы обнаружены в Крыму, а в Азаке они вовсе не единичны.

Позже появилось две публикации [Коваль, 2016, с. 115, 117–121, рис. 11,1,2; Коваль и др., 2021, с. 127–130, рис. 1–3, 4,1] с подробным анализом находок амфор данной группы из Болгара и Крыма. В первой работе было высказано предположение о производстве их в Испании. Хотя в статье эта локализация названа гипотезой [Коваль, 2016, с. 121], словосочетание «испанская керамика» вынесено в на-

звание статьи. Во второй работе, посвященной находкам из Крыма, гипотеза уже принимается как доказанный факт [Коваль и др., 2021, с. 128]. Испанское происхождение считается несомненным и авторами публикации находки из Феодосии [Зеленко и др., 2016, с. 13, 42], что, впрочем, объясняется самим характером работы.

Казалось бы, авторитетные исследователи на обширном материале установили место производства, и эту локализацию нужно принять. В действительности, к сожалению, появление данной точки зрения свидетельствует только о снижении уровня критического анализа при обращении отечественных исследователей к зарубежной литературе. В особенности это касается, так сказать, теоретических основ исследования. И поэтому следует несколько подробно остановиться на них.

Проблема локализации места производства транспортировочной тары очень сложна. По ряду причин для эпохи средневековья эта задача становится еще сложнее. Необходимо собрать и проанализировать несколько категорий данных: 1) определить ареал той или иной группы керамики; 2) собрать статистику по численности находок в различных точках этого ареала; 3) хотя бы попытаться найти производственные комплексы с достоверными браками, исключающими возможность их продажи, и печным припасом; 4) выявить специфические особенности технологии, как субстратные, так и приспособительные; 5) выполнить поиск на территории предварительно выбранных возможных центров производства других видов керамики, которые изготовлены с теми же особенностями технологии или из той же формовочной массы, что и транспортировочная тара; 6) провести анализ письменных источников, связанных с торговлей региона, где предполагается производство керамики.

Работа не обязательно должна идти именно в такой последовательности. Возможно привлечение иных видов источников, например изобразительных или результатов естественно-научных анализов. Последние, однако, имеют скорее вспомогательное значение и должны привлекаться только на финальной стадии исследования для проверки гипотез и более полного описания материала.

Проблема в том, что на пути исследования возникают непредвиденные препятствия. Во-первых, разные регионы и потенциальные производственные центры могут быть охвачены с неодинаковой полнотой. Многие районы почти не изучены. Более или менее достоверная статистика известна в единичных случаях.

Во-вторых, полнота описаний материала в публикациях далеко не всегда достаточна для использования ее в подобных исследованиях. Объехать же десяток стран и побывать в сотне музеев – задача не всегда выполнимая.

Существуют и другие более мелкие проблемы, в частности неполнота письменных источников или особенности выпадения находок очень неодинаковые на различных памятниках.

Из самого определения «транспортировочная тара» следует, что амфоры не выступали как самостоятельный товар. Поэтому ситуация, когда больше всего находок будет встречено на месте их производства, мало-реальная. Заметное число амфор будет использоваться на месте своего изготовления в случае перебоев в торговле, нехватки транспортируемого товара или из-за серьезного дефекта самого сосуда. Однако затяжные сложности в торговле быстро сократят производство, не купленные в этом сезоне сосуды будут использованы в следующем году. При небольшом дефекте сосуды все равно могли применить для транспортировки.

С другой стороны, опустевшая тара на месте прибытия могла использоваться вторично длительное время, и совсем не обязательно по своему прямому назначению. Например, их могли наполнить другим товаром и отправить в новое место, сделать стационарной тарой или даже употребить при строительстве. Вторичное использование амфоры говорит скорее против предположения о месте ее производства на данном памятнике.

Посмотрим, как обстоит дело с доказательствами испанского происхождения данных амфор. В пользу этого, по мнению В.Ю. Ковалья, указывают следующие факты.

1. Амфоры (пифосы) данного производственного центра разных типов встречены в Испании с XIV по XVII в. [Коваль, 2016, с. 120–121]. Здесь можно проследить их эволюционный ряд. Несомненно производство не-

скольких типов тарных сосудов в одном центре с сохранением гончарных традиций.

2. В Испании найдено много целых сосудов. Большинство из них использовались как голосники и закладывались в своды церквей: кафедрального собора Барселоны, базилики Санта-Мария (Аликанте), Сан-Феликс (Сабадель), монастыря Санто-Доминго (Валенсия), Сант-Марти-де-Мата (Маресме), церкви Эль-Кармен (Манреса) [Bevia García, Azuar Ruiz, 2005, p. 89–90, fig. 3, 2; Коваль, 2016, с. 120]. Встречены они и в других регионах Франции и Италии – в жилом доме (Авиньон), зале совета Медичи (Серавечце, Тоскана).

3. Сосуды составляли груз корабля «Les Sorres X», затонувшего неподалеку от Барселоны [Raurich et al., 1992]. В деталях их форма несколько отличается от находок из Золотой Орды, но это, несомненно, та же группа амфор. Отличия могут объясняться разницей в датировке. Находки из затонувшего корабля относятся к периоду 1350–1400 гг., то есть несколько позднее находок с территории Золотой Орды. Они также найдены на нескольких кораблях, затонувших в Атлантическом океане [Bevia García, Azuar Ruiz, 2005, p. 90].

4. Известен еще один случай использования гончарами Андалусии веревочки для проверки стандартности сосудов [Коваль, 2016, с. 118].

5. Мнение испанских исследователей, которые считают, что амфоры производились в Андалусии, вероятно в Севилье [Коваль, 2016, с. 118].

Прежде всего, обратим внимание на то, что, помимо находок в Испании, небольшом районе Приморской Франции и Северной Италии, а также в Золотой Орде, данные амфоры в публикациях не отмечены. Уже это показывает слабую изученность конкретно данной группы керамики. Из того факта, что амфоры выделены пока только в этих двух регионах, не следует, что их привозили из Испании в Золотую Орду. Умозрительное предположение, что их экспортировали из неизвестного нам третьего региона и в Испанию, и Золотую Орду, еще до детального рассмотрения вопроса выглядит столь же весомо, как и гипотеза об их испанском происхождении.

Для всех групп тарной керамики наиболее вероятным предположением будет исполь-

зование их для перевозки вина. Между тем среди многочисленных упоминаний о ввозе вина в Северное Причерноморье испанская продукция не отмечена [Еманов, 1995, с. 57; Карпов, 1990, с. 126–129]. Самым западным центром – экспортером вина значится Марсель. Такое умолчание не является просто следствием плохой сохранности письменных источников. Бурный рост испанского виноделия и экспорт готовой продукции начинается только в XVI в. [Филлипс, 2004, с. 150–152]. В XIV–XV вв. западноевропейская знать вплоть до Англии предпочитала более дорогие, зато сладкие греческие вина [Филлипс, 2004, с. 122–123], в район производства которых входила, естественно, и Южная Италия. Поэтому в период существования золотоордынских городов Испания была скорее не экспортером, а импортером вина. Вероятность того, что испанские вина в этот период вывозились на восток, да еще так далеко, и это никак не отразилось в письменных источниках, близка к нулю. Собственно, эти соображения ранее уже были озвучены [Зенюк, Масловский, 2018, с. 216].

Существуют сообщения о ввозе в Северное Причерноморье оливкового масла [Еманов, 1995, с. 56], но какова вероятность того, что это масло могло поступать из Испании? Его производило все Средиземноморье. Возможно, современные испанцы и считают отечественное масло лучшим в мире, но даже если бы средневековые купцы считали так же, то, учитывая стоимость перевозки, в числе потенциальных центров – экспортеров на территорию Золотой Орды, Испания находилась бы на последнем месте. По нашему субъективному мнению, использование для транспортировки оливкового масла в Золотую Орду сосудов такого большого размера еще более уменьшает такую вероятность. Поставка в амфорах из Испании в Золотую Орду других более экзотических товаров, например засахаренных фруктов, представляется вовсе малореальной.

Хотелось бы услышать примеры из письменных источников о перевозке продовольственных товаров из Испании в Восточное Средиземноморье. Подобное, даже единичное свидетельство было бы очень веским аргументом в пользу гипотезы В.Ю. Ковалья.

Помимо красноречивого молчания письменных источников, против испанского происхождения данной группы керамики говорит то, что все находки, которыми оперируют исследователи данного региона, использовались вторично при строительстве. Испанские исследователи не сомневаются, что перед нами именно специализированная транспортировочная тара, использованная вторично по причине дешевизны [Bevia García, Azuar Ruiz, 2005, p. 90]. О бракованных сосудах в публикациях не говорится. Тогда чем должна объясняться дешевизна? Также вторичным использованием испанские ученые признают перевозку в амфорах рыбы на корабле «Les Sorres X». Между тем местные гончары могли без труда наладить производство специальных сосудов для возведения церквей, но строители предпочитали иметь дело с использованной тарой.

Недостаточность аргументов в пользу локализации производства амфор этой группы в Испании можно продемонстрировать двумя примерами. Использование амфор при строительстве церквей известно и на Руси [Якобсон, 1979, с. 111], но из этого, кажется, уже никто не делает вывода об их местном производстве. Наибольшее число желтоглиняных амфор с воронковидным горлом происходит с корабля, затонувшего у берегов Крыма [Зеленко, 1999, с. 228, рис. 10], тем не менее никто не выдвигает версии об их местном производстве.

Сегодня нет статистических данных о количестве сосудов этой группы в бытовых комплексах и о пространственных границах ее распространения. Нет вовсе никакой информации, присутствуют ли среди керамики Испании этого времени другие виды сосудов из той же формовочной массы. В.Ю. Коваль вынужден признать, что испанскими исследователями не установлено место производства амфор [Коваль и др., 2021, с. 128]. Если одни исследователи указывают на Севилью, то другие считают, что производственный центр расположен где-то между валенсийской Патерной и Каталонией [Bevia García, Azuar Ruiz, 2005, p. 90]. Не будем забывать, что этот производственный центр должен был располагаться в регионе развитого товарного виноделия.

Использование веревочки для проверки стандартности амфор нельзя назвать чем-

то специфичным для Испании. Трапезундские амфоры проверялись подобным образом не столь уж редко и не только в первой четверти XIV века. Такая процедура, как уже было сказано ранее, отмечена для желтоглиняных амфор с воронковидным горлом. Подобная идея вполне могла приходить в голову администраторам разных регионов самостоятельно.

Аргумент о длительности бытования амфор этой группы в Испании [Коваль, 2016, с. 120–121] нуждается в подтверждении пока, и, если не будут выявлены сосуды других видов, изготовленных теми же гончарами. Ведь с тем же успехом данная ситуация объяснима длительностью ввоза в Испанию вин с востока.

Маленьким штришком является несовпадение датировки испанских находок, которые датируются не ранее середины XIV в. [Bevia García, Azuar Ruiz, 2005, p. 90], с находками с территории Золотой Орды, которые, по крайней мере в своем большинстве, датируются первой половиной XIV века. Это показатель точности датировки, доступной испанским археологам.

На сегодня данных, позволяющих предложить убедительную локализацию производства светлоглиняных широкогорлых амфор с оттисками веревочки, недостаточно. Хотя факт поступления их в Испанию на протяжении XIV–XVII вв. позволяет исключить некоторые варианты, остаются еще Кипр, Крит, Южная Италия и другие, менее вероятные регионы, не перешедшие до середины XVI в. под власть турок. Такая неопределенность несколько странна, учитывая, что перед нами продукция высокоразвитого гончарного производства с жесткой стандартизацией, а значит с контролем со стороны властей, из региона с развитым товарным виноделием или (маловероятно) оливководством. Информация о таком центре – импортере в Золотую Орду должна была быть зафиксирована хоть в одном из письменных источников. Среди этих упомянутых центров и следует искать место производства данной группы амфор.

Необходимо накопление информации и выделение этой группы керамики на новых памятниках и в новых регионах. Как уже отмечалось, ее малочисленность отчасти объясняется невнимательностью исследователей.

Светлоглиняные амфоры с росписью

Амфоры этой группы – единственные сосуды, которые с полным правом могут быть названы светлоглиняными (рис. 6, 7). До настоящего времени они, кажется, ни разу не становились предметом изучения. Одним возможным исключением является упоминание их в статье В.И. Волкова, посвященной амфорной таре Азака, если допустить, что она была объединена с другими светлоглиняными амфорами в одну группу [Волков, 1989, с. 97–98, рис. 15,6–9]. Во всяком случае, два рисунка [Волков, 1989, рис. 15,7–8] больше похожи на сосуды этой группы, чем на желтоглиняные амфоры с воронковидным горлом. Ранее опубликована наиболее сохранный находка, которая тогда была сочтена единичной [Масловский, 2006, с. 360–361, рис. 61,1]. Причина такого невнимания, помимо их несомненной редкости, в том, что отдельные фрагменты сложно даже идентифицировать как амфоры из-за их тонкостенности.

Общее число находок в Азаке на настоящий момент, вероятно, не превышает 2–3 десятков. Помимо Азака, единичные находки сделаны в Укеке. Нет сомнений, что со временем целенаправленный поиск выявит их и в других местах.

Количество визуально заметных примесей в формовочной массе минимально. Исключение составляют крупинки концентрата, заметные главным образом в виде бугорков на поверхности. Есть, однако, единичные образцы с большим содержанием мелкого песка. Черепок имеет сквозной обжиг от светлокофейного до белого цвета с серым или кремовым оттенком. Поверхность обычно светлее излома. Толщина стенок в верхней части сосуда 4–5 мм. В нижней части тулова она возрастает до 1,2–1,3 см.

Сохранился только один экземпляр верхней части амфоры (рис. 7,1–2), несколько фрагментов ручек и обломки различных частей тулова, которые позволяют представить частичную (без дна) реконструкцию облика амфор (рис. 6,1). Горло короткое. Верхние прилепы ручек расположены ниже венчика. Ручки широкие, сильно уплощенные, отходят от места прилепа почти горизонтально и после перегиба опускаются почти вертикально. Ниж-

ний прилеп ручки без дополнительного жгута (рис. 7,2).

Тулово удлиненное, покрыто специфическим, хорошо проработанным рифлением. Часто его бороздки и желобки на верхней части тулова имеют подпрямоугольную форму. Шаг рифления на верхней части тулова увеличивается кверху от 7 до 13 мм. На нижней части тулова рифление становится менее четким. Его шаг возрастает до 2,0–2,5 см. Ни одного донца обнаружить не удалось.

Зафиксировано два размерных стандарта. Наиболее сохранный находка имеет максимальный диаметр тулова в 18 см (рис. 7,1). Более крупные, но хуже сохранившиеся экземпляры, которые составляют большинство, имеют диаметр 33–34 см (рис. 6,4). Есть единичная находка стенки с местом стыковки двух элементов (рис. 7,3–4), которые позволяют предполагать наличие еще более крупных сосудов.

Специфической только для этой группы амфор является роспись, нанесенная на плечи и ручки красной краской в виде спиралей и прямых линий (рис. 6,2–3, 7,1–2). То, что роспись наносилась не только на малые амфоры, но и на амфоры основного стандарта, доказывают потеки и капли краски на нижней части тулова (рис. 6,3–4) и роспись на крупной ручке (рис. 6,2).

Хронология их поступления из-за малого числа находок может быть определена пока предварительно в пределах первой половины – середины XIV века. Возможно, следует сузить период их поступления на территорию Золотой Орды до второй четверти – середины XIV века.

Единственной аналогией, которую можно провести, являются светлоглиняные амфоры с росписью из Коринфа [Sanders, 1987, p. 187–189, fig. 8, 9, 33–34, pl. XXIV, 31]. Их роднит светлый черепок, одинаковая профилировка горла и ручек и идентичная по мотивам роспись. Близки они и по хронологии. Однако в коринфских амфорах присутствует значительная примесь разноцветных минеральных частиц. Заметно отличаются золотоордынские находки по пропорциям и профилировке тулова. Очевидно, перед нами продукция иного центра. Тем не менее коринфские амфоры указывают направление для возможного поиска центра производства этой группы амфор.

Лепные кувшины

На территории Золотой Орды помимо амфор встречены также тарные лепные кувшины (рис. 8–11). Выделяются две очень неодинаковые по численности группы, которые, вместе с тем, обладают некоторыми общими чертами морфологии и технологии: 1) отсутствие следов использования гончарного круга для заглаживания поверхности; 2) для конструирования сосудов применялся донный начин и спиральный ленточный налеп; 3) большая часть сосудов покрыта специфическими только для этой группы керамики расчесами; 4) ручки орнаментированы одиночными глубокими насечками.

Вместе с тем очевидно, что эти две группы кувшинов производились в разных центрах, но, вероятно, расположенных в одном регионе. Ранее краткая информация о них была приведена в классификации керамики Азака, где они получили обозначение «группа 34» [Масловский, 2006, с. 447–449, рис. 55,2–4].

До настоящего времени отдельных развернутых публикаций, посвященных этим лепным кувшинам, сделано не было.

Коричневые лепные кувшины

Основную массу находок составляют кувшины подгруппы 34А по классификации материалов Азака [Масловский, 2006, с. 447, рис. 55,2] (рис. 8–10). Помимо Азака они отмечены в Чембало [Адаксина и др., 2006, рис. 79,12; 2014, с. 104], Укеке, на Тамани³. Несомненно, целенаправленный поиск расширит географию находок на территории Золотой Орды. В Азаке общее число подобных кувшинов за последние десятилетия составило, вероятно, значительно более тысячи единиц. Один кувшин был восстановлен (рис. 9,2). Форму второго сосуда удалось реконструировать графически (рис. 9,1). Кроме того, было собрано несколько десятков обломков венчиков, ручек и донец (рис. 9,3–8, 10,3–8).

Формовочная масса насыщена большим количеством мелких (доли миллиметра) разноцветных минеральных частиц, из-за чего фактура черепка мелкозернистая. Наиболее заметной примесью являются мелкие блестящие золотистые чешуйки, размеры которых

могут достигать 1 мм. Впрочем, концентрация этой примеси нестабильна и может быть небольшой. Могут встречаться отдельные мелкие включения бурого железняка и крупинки мелкой дресвы.

Обжиг, как правило, сквозной. Его цветность колеблется от темно-коричневого до красно-коричневого или буро-коричневого. Трехслойный обжиг с серой или светло-бурой внутренней прослойкой может фиксироваться в ручках и придонных частях.

Все сосуды относятся к одному типу двухручных кувшинов. Венчик высокий, полуовальный в сечении, со скругленным верхним краем. Горло высокое, с плавным переходом в высокие плечи. Тулово яйцевидное с местом максимального диаметра чуть выше середины сосуда. Верхний прилеп ручки расположен под венчиком. Нижний прилеп находится чуть выше места максимального диаметра. Дополнительный жгут на внутренней стороне нижнего прилепа ручки отсутствует. Ручки широкие (4,5–6 см) при толщине не более 1,5 см, слабоизогнутые. На внутренней стороне стенок, в местах прилепов ручек, хорошо заметны многочисленные вмятины от пальцев.

За единичными исключениями (рис. 9,6), ручки всегда орнаментированы вертикальным рядом одиночных глубоких насечек (рис. 9,2,7–8, 10,3–5). У основания ручки ряд из 3, реже 4 насечек (рис. 9,2, 10,3–4). На доньях фиксируются (не всегда) следы подсыпки из тонко просеянной золы. Редко можно заметить не очень аккуратные следы подрезки дна.

Вся поверхность большинства сосудов с обеих сторон покрыта расчесами (рис. 8,2–6). Не покрывались расчесами донья и узкие полоски придонной части тулова (рис. 8,5–6), а также венчики и участки горла выше прилепов ручек (рис. 8,1–2). Пока не удалось установить, чем они наносились. Валики и бороздки расчесов имеют округлые профили. Бороздки уже валиков. Ширина полосок расчесов колеблется от 1 до 3 мм часто в пределах одного участка сосуда. Чаше расчесы горизонтальные (рис. 8,4–6), но встречены вертикальные и косые расчесы. Причем все они могут быть отмечены на одном участке сосуда (рис. 8,3, 9,2).

Реконструируемая высота до 50 см. Максимальный диаметр тулова кувшинов 24–

25 см. Диаметр венчика – 9–10 см. Диаметр дна – 14–15,5 см. Толщина стенок, несмотря на технику изготовления и большие размеры сосудов, составляет обычно 5–6 мм и редко достигает 8 мм.

Внутренняя поверхность кувшинов иногда покрыта черным налетом. Еще одной особенностью являются граффити на плечиках кувшинов (рис. 9,2, 10,1–2).

Хронология данной группы керамики по своему уникальна для керамических импортов Золотой Орды. Она встречена и в самых ранних (конец XIII в.), и в наиболее поздних (конец XIV в.) комплексах Азака. При этом не прослеживается каких-либо изменений ни в формах изделий, ни в их количестве.

Локализация места производства таких кувшинов является загадкой. С одной стороны, налицо стандартизация производства и пусть не большой по объему, но стабильный экспорт на протяжении длительного временного отрезка. С другой стороны, как это могло сочетаться с предельно низким технологическим уровнем производства, который резко ограничивал его объемы? Это кажется взаимоисключающим. Вряд ли таким центром мог быть крупный город. И маловероятно расположение этого региона за пределами Северного Причерноморья.

Темно-красные лепные кувшины

По сравнению с предыдущей группой, численность темно-красных лепных кувшинов, даже в Азаке, меньше на два порядка (рис. 11). Впервые они были выделены в Азаке под названием группа 34Б [Масловский, 2006, с. 447, рис. 55,4]. За его пределами встречены при раскопках Судака. Общее число находок не превышает двух-трех десятков. Ни одного сколь-нибудь полного экземпляра до сих пор не встречено. Не ясно даже, были эти кувшины одно- или двуручными. Оказалось возможным выполнить графическую реконструкцию одного сосуда до места максимального диаметра тулова (рис. 11,3).

Для их производства использовалась пластичная глина с небольшой добавкой цветного, слабо окатанного песка с размером частиц до 1 мм. Фиксируются фракции черных блестящих, прозрачных, молочно-белых и ко-

ричевых частиц. Черепок сквозного обжига темно-красного или красно-коричневого цвета. Поверхность темнее излома. Внешняя поверхность подложена.

Венчик слабо выделен (рис. 11,1–2). Вероятно, его форма вообще не была стандартизирована. Горло высокое, плавно расширяется в плечи. Высота плечиков ниже, чем у коричневых лепных кувшинов. Верхний прилеп ручек на средней части горла. Ручки дуговидные и очень массивные, в сечении овальной формы (4–4,5 × 2–3 см). На внутренней стороне стенок, в месте прилепа ручек, хорошо заметны отпечатки пальцев. Характерной особенностью крепления ручек является продавливание их оснований сквозь стенку (рис. 11,4). Ручки орнаментированы длинными и очень глубокими нарезками по три на средней части ручки и от 5 до 7 на краях.

На плече, чуть выше прилепа ручек, ряд из овальных косых отпечатков (рис. 11,1,3). Расчесы нанесены только на внешнюю поверхность кувшинов, кроме узкой полосы горла под венчиком. Они менее заметны по сравнению с коричневыми кувшинами. В пределах даже одного участка сосуда встречаются горизонтальные, вертикальные и косые расчесы.

Хронология их поступления в Золотую Орду из-за малочисленности пока неясна. Локализация места их производства столь же загадочна, как и коричневых лепных кувшинов. Единственно, что можно утверждать более или менее определенно, что производственные центры, выпускавшие эти сосуды, располагались в пределах одного этнокультурного региона.

Пифосы с трапецевидным венчиком

Пифосы двух различных производственных центров имеют почти идентичную морфологию, хронологию и ареал поступления, что позволяет дать здесь их общую характеристику (рис. 12).

При всей их малочисленности, пифосы этих групп встречены на многих приморских поселениях Приазовья [Волков, 2003, с. 113, рис. 6,5–6; Масловский и др., 2021, с. 236], и Северо-Восточного Причерноморья [Зажигина, 1996, с. 118–119, рис. 3,1; Жеребилов,

Масловский, 2016, с. 12, рис. 1,8], а также в Азаке [Масловский, 2006, с. 387, 390–391, рис. 32,12–13], где найден 1 венчик, 3 донца и некоторое количество стенок. Помимо территории собственно Золотой Орды они отмечены также в Херсонесе [Якобсон, 1966, с. 199–200, рис. 8], где тоже являются импортами. На поселениях, расположенных неподалеку от моря, их количество составляет десятки доли процента всего комплекса [Жеребилов, Масловский, 2016, с. 12]. Учитывая, сколь громоздкие и неудобные для транспортировки сосуды перевозили в дальнейшем между регионами Золотой Орды, исключать возможность встретить данные пифосы в Поволжье нельзя.

Пифосы первой «коричневой» группы изготовлены из глины с примесью дресвы из смеси разноцветных минералов размером от 1–2 до 5 мм, а также крупными рыхлыми железистыми включениями. Обжиг черепка – оттенки коричневого цвета.

Пифосы второй «оранжевой» группы изготовлены из глины с примесью дресвы, состоящей преимущественно из полупрозрачного или молочного кварца с характерными крупными золотистыми чешуйками. Черепок оттенков светло-желтого или светло-оранжевого цвета. Поверхность покрыта оранжевым ангобом (?).

При их изготовлении использовали кольцевой ленточный налеп (рис. 12,15). Донце и венчик наклеивались отдельно. Донце изготавливалось из нескольких порций глины (рис. 12,14).

Сосуды имеют близкое к шаровидному тулово (рис. 12,1). Венчик трапециевидный с угловатым контуром (рис. 12,2–8,10–11). Донце маленькое, уплощенное (рис. 12,13–14). На плечах и выделенной шейке мог использоваться орнамент из налепного валика с оттиснутыми медальонами (рис. 12,8–9), наколов (рис. 12,6) или зигзагообразных линий (рис. 12,12). Факт их перевозки морем засвидетельствован в материалах кораблекрушения в бухте Судак-Лимен [Зеленко, 1999, с. 225, рис. 3,2,3].

На территорию Золотой Орды ввозились, вероятно, не самые крупные пифосы, которые, судя по находкам из Херсонеса, имели следующие размеры: высота – 80 см, диаметр тулова – 60–65 см [Якобсон, 1966, с. 199]. Опу-

ликованный образец имеет следующие размеры: диаметр – около 58 см (рис. 12,12), диаметр венчика – около 25 см, диаметр дна – 9–11 см. Таким образом, размеры этих пифосов не намного превышают размер наиболее крупных амфор.

Пифосы этих двух групп поступали на территорию Золотой Орды во второй половине XIII в., что делает их хорошим хрономаркером для выделения материалов этого периода.

Вопрос о месте производства пифосов с трапециевидным венчиком затруднительно даже ставить, поскольку в большинстве работ считается само собой разумеющимся изготовление пифосов исключительно на месте их использования, о чем говорят и письменные источники. Единственная наша подсказка – кораблекрушение в бухте Судак-Лимен. Однако груз корабля, совершенно очевидно, загружался далеко не в одном пункте.

Массивные пифосы

Помимо относительно небольших пифосов, на территорию Золотой Орды могли ввозиться и сосуды высотой в 1,5–2 м (рис. 13,1–4). Пока они зафиксированы только в Азаке, где свидетельства о них представлены десятком обломков. Из профильных фрагментов встречены только венчики. Даже при небольшом количестве очевидно, что ввоз крупных пифосов происходил из разных центров. Для изготовления использовались глины с примесью крупной (до полсантиметра) дресвы из смеси минералов и разноразмерных железистых частиц. Черепок от светло-красного до красно-коричневого цвета. Венчики массивные с обтекаемыми подтреугольными сечениями.

Конечно, могут быть высказаны сомнения, что крупные пифосы поступали в Азак вместе с содержимым, а не в качестве пустой тары для переселенцев, привыкших к их использованию.

Помимо вышеописанных групп тарной керамики, при раскопках золотоордынских памятников время от времени находят обломки амфор и пифосов других производственных центров. В большинстве своем это единичные обломки или очень небольшие их серии, которые в настоящее время еще не получили

полноценного описания. Их систематизация еще предстоит.

В качестве примера приведем верхнюю часть амфоры с петлевидными ручками из раскопок Азака (рис. 13,5–6). Она была найдена в 2000 г. и длительное время считалась изолированной находкой и опубликована именно в таком качестве [Масловский, 2006, с. 460–461, рис. 61,1]. Только в последние годы было обнаружено несколько единичных стенок, которые позволили установить, что перед нами все-таки образцы еще одной серийно поступавшей группы амфор. Глина с примесью минимального количества частиц, которые скорее фиксируются в виде мелких бугорков на поверхности. Также глина содержит редкие мелкие (1–2 мм) частицы оолитовой извести, с кратерообразными сколами вокруг них, хорошо заметные на внешней поверхности. Обжиг трехслойный, что является общим признаком группы. Внутренняя прослойка светло-серая, с размытыми границами. Горло узкое (7 см), короткое, с трапециевидным венчиком. Максимальный диаметр около 31 см. У основания проходит ряд из парных скобообразных оттисков. Ниже поверхность покрыта мягким рифлением, шаг которого увеличивается к месту максимального диаметра с 1 до 2 см.

Несмотря на многолетние исследования, работа по выявлению и классификации импортов Золотой Орды далека от своего завершения. Во многом полнота наших знаний зависит от внимания к фрагментарному и

массовому материалу. Без этой трудоемкой работы невозможно представить себе всю полноту торговых связей Золотой Орды. Однако даже та информация, которая уже собрана, показывает, что число групп импортной тарной керамики значительно превышает те две-три группы, на которые обычно обращают внимание исследователи. При обработке массовых комплексов керамических материалов из культурных напластований золотоордынских городов и селений мы хотим привлечь внимание коллег к выделению еще восьми групп импортных тарных сосудов – трех групп амфор, трех групп пифосов и двух групп лепных кувшинов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено в рамках Государственного задания Института истории и археологии Византии и Причерноморья Севастопольского государственного университета «Комплексное историко-археологическое изучение Византии и Причерноморья в период поздней Античности и Средние века» (FEFM-2025-0002).

This research was carried out under the State Assignment of the Institute of History and Archaeology of Byzantium and the Black Sea Region, Sevastopol State University: “Comprehensive Historical and Archaeological Study of Byzantium and the Black Sea Region in Late Antiquity and the Middle Ages” (FEFM-2025-0002).

² Благодарим за все консультации по материалам Укека автора раскопок Д.А. Кубанкина.

³ Информация И.В. Волкова.

ПРИЛОЖЕНИЯ

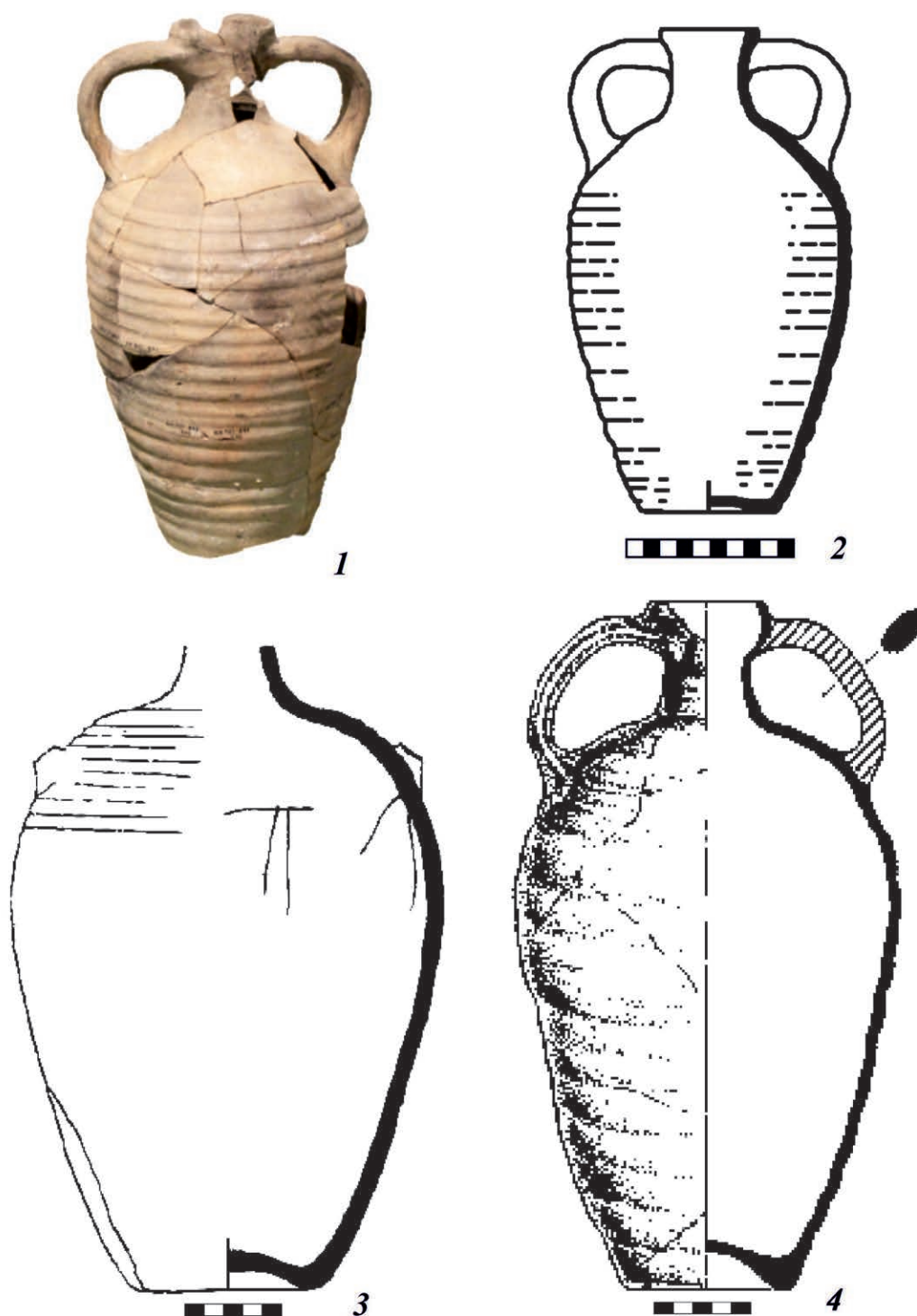

Рис. 1. Желтоглиняные амфоры с воронковидным горлом
(1–2 – Болгар; 3 – Новый Свет; 4 – Железнодорожное 2 (3–4 по: [Майко и др., 2014]):

1 – Болгар, экспозиция музея (фото А.Н. Масловский); 2 – Болгар, прорисовка по фотографии А.Н. Масловского;
3 – Новый Свет; 4 – Железнодорожное 2, яма 203

Fig. 1. Yellow clay amphorae with funnel-shaped necks (3–4 after: [Maiko et al., 2014]):

1 – Bolgarmuseum exposition (photo by A.N. Maslovskiy); 2 – Bolgar, drawing based on a photograph
by A.N. Maslovskiy; 3 – Novy Svet; 4 – Zheleznodorozhnoye 2, pit 203

Рис. 2. Желтоглиняные амфоры с воронковидным горлом, публикуется впервые (1–2, 4–6 – Азак; 3 – Укек) (фото и рисунки выполнены авторами):

1 – ул. Советская, 26, Р-1, яма 6 (2014); 2 – ул. Ленинградская, 42, Р-1, кв. 21, пл. 9 (1985);
3 – 10-й Увекский проезд, 1, Р-1, кв. 2Г (2024); 4–6 – Петровский бульвар, 7, Р-2, кв. 7В, пл. 2 (2013):
5 – фрагмент тулова амфоры (А – следы мерного тройного шнура; Б – место стыка);
6 – профиль фрагмента тулова амфоры с местом стыка двух элементов

Fig. 2. Yellow clay amphorae with funnel-shaped neck, first publication (1–2, 4–6 – Azak; 3 – Ukek) (first publication, photo and drawing by the authors):

1 – Sovetskaya St, 26, Ex-1, pit 6 (2014); 2 – Leningradskaya St, 42, Ex-1, sq. 21/1.9 (1985); 3 – 10th Uveysky proezd, 1, Ex-1, sq. 2Г (2024); 4–6 – Petrovsky boulevard, 7, Ex-2, sq. 7B/1.2 (2013): 5 – body fragment of the amphora (A – traces of a measured triple cord; B – the place of the joint); 6 – profile of body fragment of the amphora with the joint of two elements

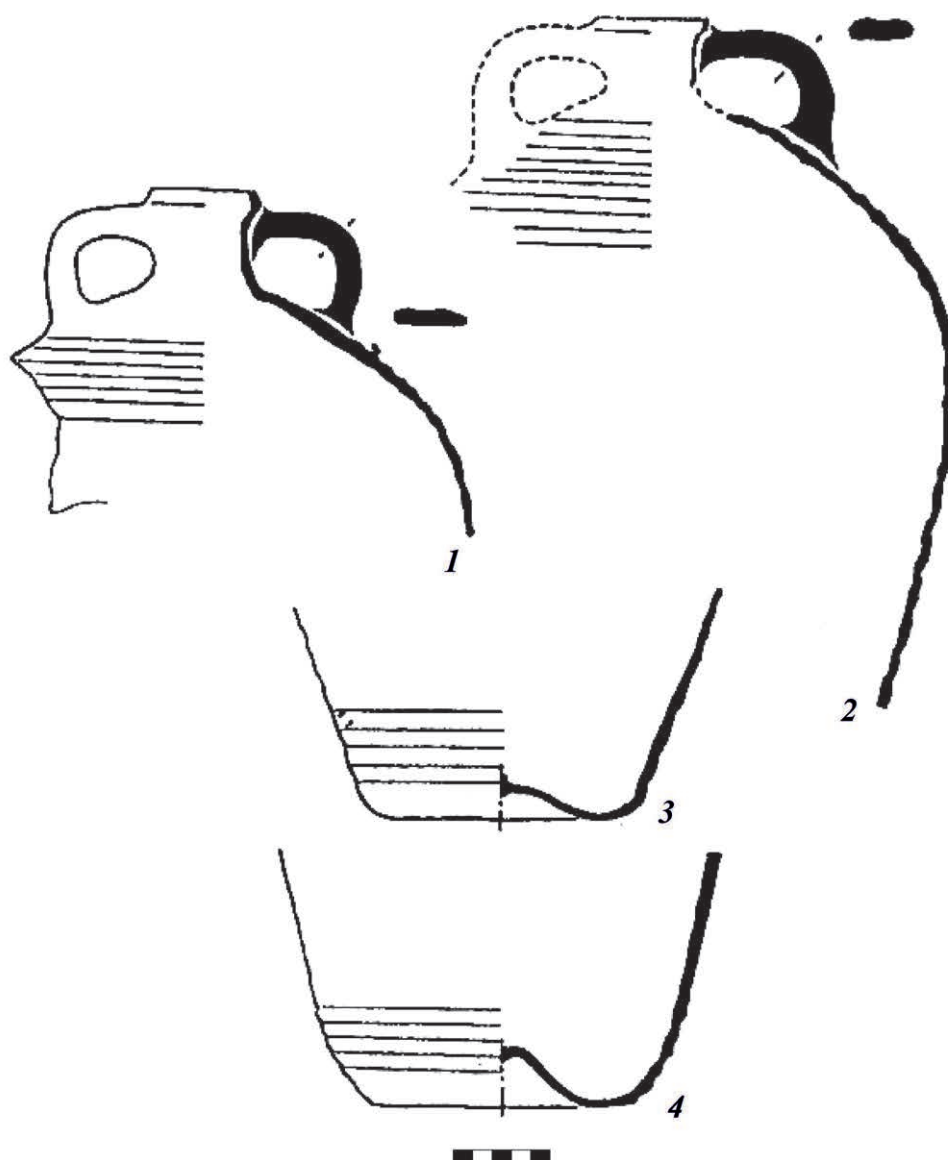

Рис. 3. Желтоглиняные амфоры с воронковидным горлом. Новый Свет (по: [Зеленко, 1999])

Fig. 3. Yellow clay amphorae with a funnel-shaped neck. Novyy Svet (after: [Zelenko, 1999])

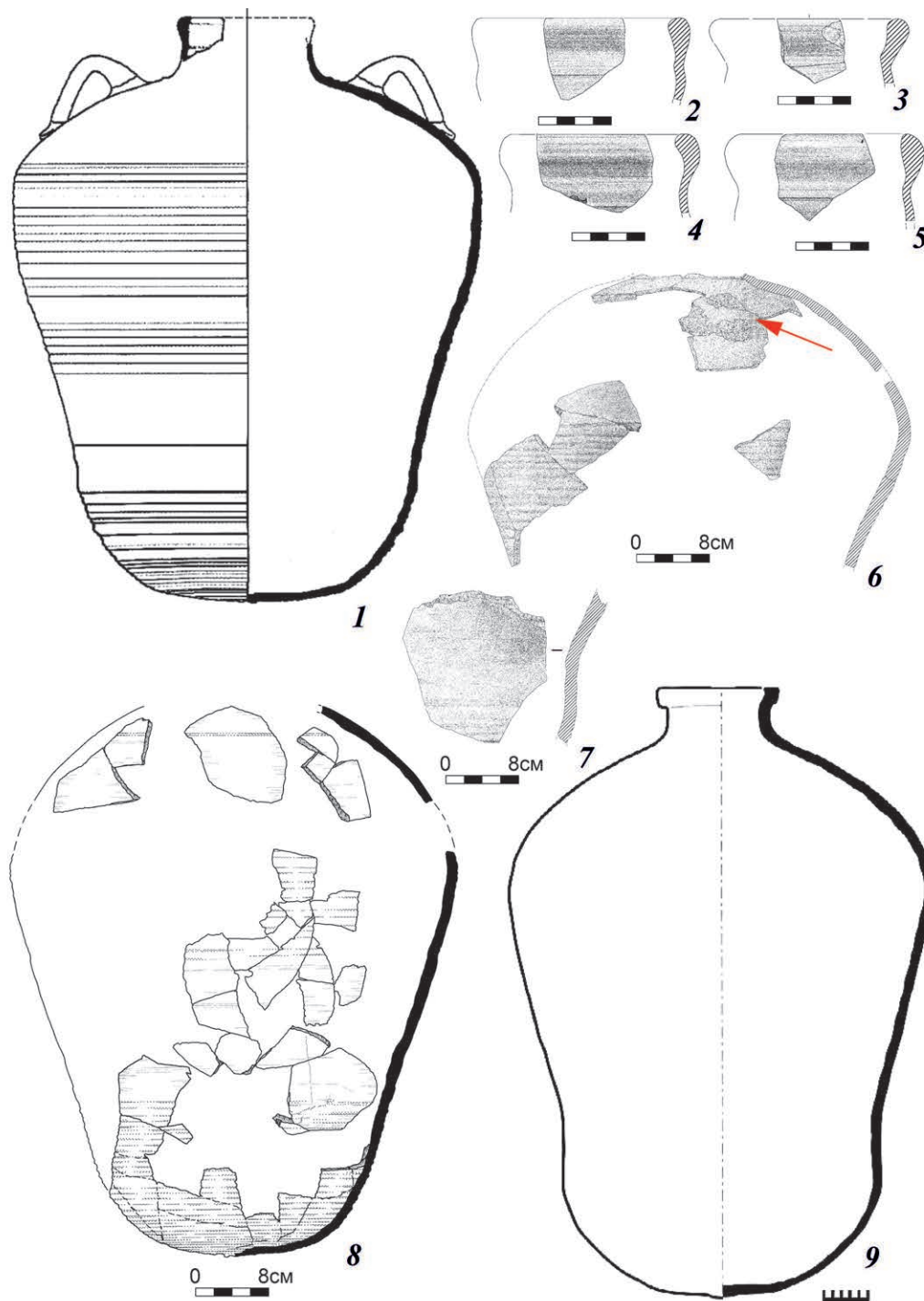

Рис. 4. Светлоглиняные широкогорлые амфоры (1 – Болгар (по: [Волков, Губайдуллин, 2012]); 2–8 – Азак; 9 – Феодосия (по: [Зеленко и др., 2016]) (2–8 публикуется впервые, рисунки авторов):
1 – Р-CLXXII; 2 – парк Социалистический, Р-1, яма 5 (1975); 3 – Петровский бульвар, 8–14, Р-1, кв. 84/4 (2019);
4–5 – Петровский бульвар, 7, Р-2, жил. 5 (2013); 6 – Петровский бульвар, 20, Р-16, уч. 12, пл. 6 (2019);
7 – Петровский бульвар, 38-22, Р-1, жил. 7 (2019); 8 – ул. Московская, 38/40, Р-1, яма 1 (1994); 9 – акватория Феодосии

Fig. 4. Light-clay broad-necked amphorae (1 – Bolgar (after: [Volkov, Gubaidullin, 2012]); 2–8 – Azak;
9 – Theodosia (after: [Zelenko et al., 2016])) (2–8 first publication, drawing by the authors):
1 – Ex-CLXXII; 2 – Socialisticheskyy Park, Ex.-1, pit 5 (1975); 3 – Petrovsky Boulevard, 8–14, Ex.-1, sq. 84/4 (2019);
4–5 – Petrovsky Boulevard, 7, Ex.-2, dw. 5 (2013); 6 – Petrovsky Boulevard, 20, Ex.-16, sq. 12/6 (2019);
7 – Petrovsky Boulevard, 38-22, Ex.-1, dw. 7 (2019); 8 – Moskovskaya St, 38/40, Ex.-1, pit 1 (1994); 9 – water area of Theodosia

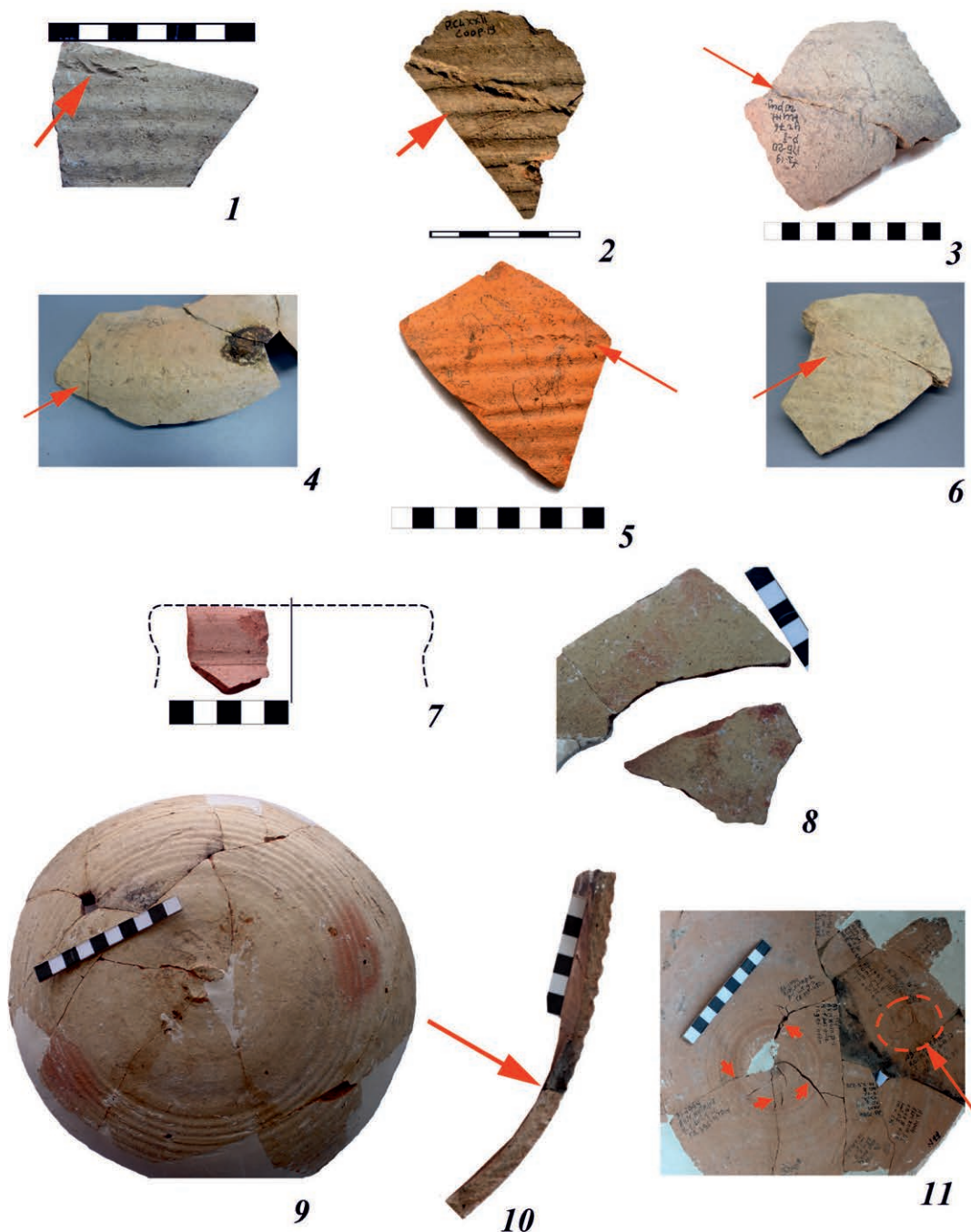

Рис. 5. Светлоглиняные широкогорлые амфоры (1, 3–11 – Азак (публикуется впервые, фото и рисунки авторов; 2 – Болгар (по: [Волков, Губайдуллин, 2012]));

1–6 – отпечаток мерного шнура; 7 – венчик амфоры; 8 – стенка с дипинти; 9–11 – дно амфоры.

1, 8–11 – ул. Московская, 38/40, Р-1, яма 1 (1994); 2 – Р-CLXXII, соор. 19; 3 – Петровский бульвар, 20, Р-1, уч. 76 (2019); 4 – Петровский бульвар, 5, Р-1, яма 4 (2012); 5 – Петровский бульвар, 20, Р-1, уч. 71, пл. 2 (2019); 6 – Петровский бульвар, 20, Р-16, уч. 12, пл. 6 (2019); 7 – Петровский бульвар, 8–14, Р-1, уч. 84, пл. 4 (2019)

Fig. 5. Light clay wide-necked amphorae (1, 3–11 – Azak (first publication, photo and drawing by the authors; 2 – Bolgar (after: [Volkov, Gubaidullin, 2012]));

1–6 – imprint of a measuring cord; 7 – corolla of amphora; 8 – wall with dipinti; 9–11 – bottom of amphora.

1, 8–11 – Moskovskaya St, 38/40, Ex-1, pit 1 (1994); 2 – P-CLXXII, dw. 19; 3 – Petrovsky boulevard 20, R-1, sec. 76 (2019); 4 – Petrovsky Boulevard, 5, Ex-1, pit 4 (2012); 5 – Petrovsky Boulevard, 20, Ex-1, sec. 71, sq. 2 (2019); 6 – Petrovsky Boulevard, 20, Ex-16, sec. 12, str. 6 (2019); 7 – Petrovsky Boulevard, 8–14, Ex-1, sec. 84, str. 4 (2019)

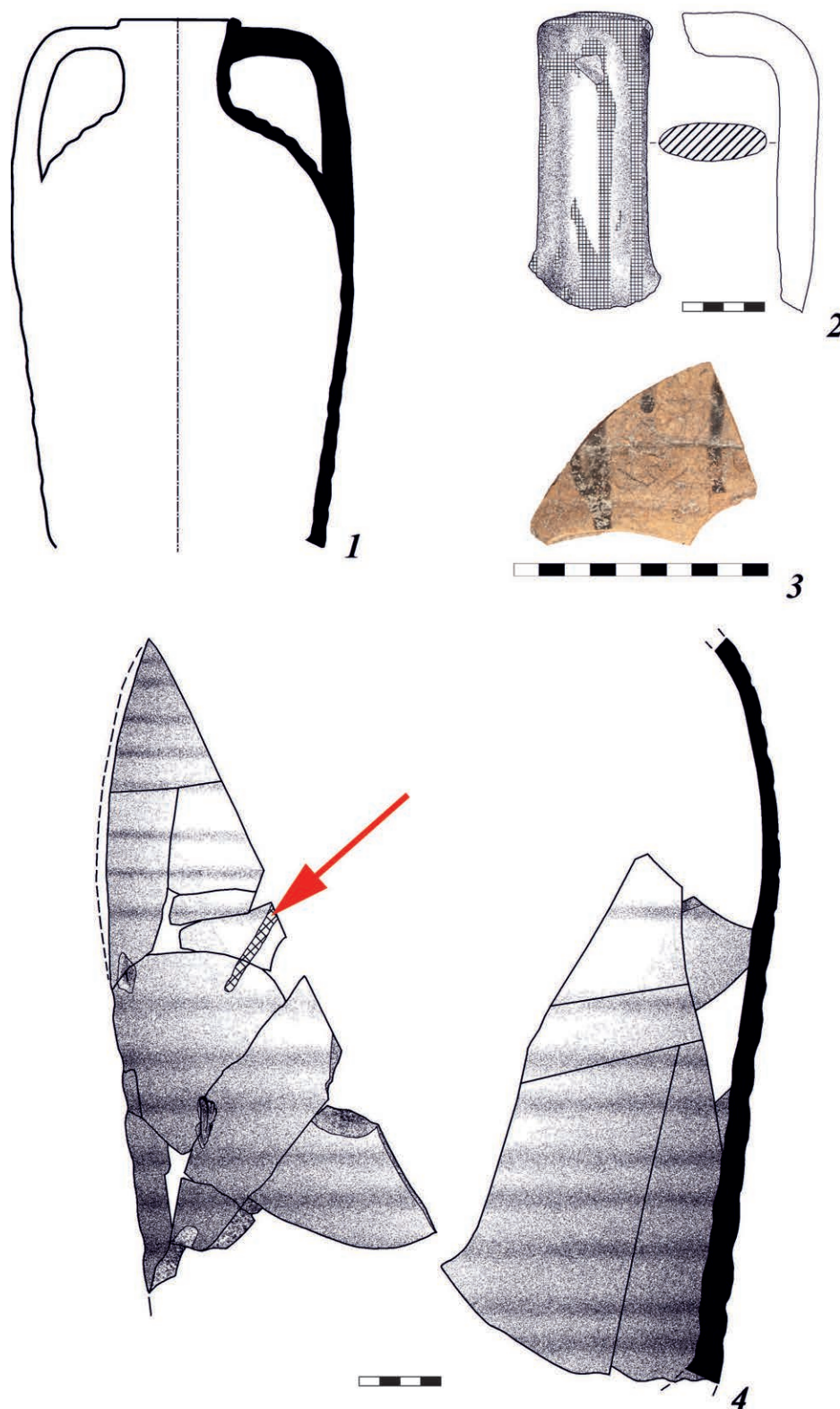

Рис. 6. Светлоглиняные расписные амфоры. Азак (публикуется впервые, фото и рисунки авторов):

1 – реконструкция; 2 – ул. Московская, 38/40, Р-1, яма 4 (1996); 3 – Петровский бульвар, 8–14, Р-1, уч. 92, пл. 5 (2019); 4 – Привокзальная пл., Р-1, кв. 12Б, горн 5

Fig. 6. Light clay painted amphorae. Azak (first publication, photo and drawing by the authors):

1 – reconstruction; 2 – Moskovskaya St, 38/40, Ex-1, pit 4 (1996); 3 – Petrovsky Boulevard, 8–14, Ex-1, sec. 92, str. 5 (2019); 4 – Privokzalnaya Sq., Ex-1, sq. 12B, horn 5

Рис. 7. Светлоглиняные расписные амфоры. Азак (публикуется впервые, фото и рисунки авторов):

1–2 – ул. Чехова, 8, Р-1, яма 14 (1991); 3–4 – Привокзальная пл., 6Б, Р-1, яма 12 (2012)

Fig. 7. Light clay painted amphorae. Azak (first publication, photo and drawing by the authors):

1–2 – Chekhova St, 8, Ex-1, pit 14 (1991); 3–4 – Privokzalnaya Sq., sq. 6Б, Ex-1, pit 12 (2012)

Рис. 8. Коричневые лепные кувшины. Азак (публикуется впервые, фото авторов):
1, 3 – ул. Московская, 38/40, Р-8, жил. 1 (2013); 2, 4–6 – Петровский бульвар, 7, Р-2, жил. 5 (2013)

Fig. 8. Brown molded jugs. Azak (first publication, photoby the authors):
1, 3 – Moskovskaya St, 38/40, Ex-8, dw. 1 (2013); 2, 4–6 – Petrovsky Boulevard, 7, Ex-2, dw. 5 (2013)

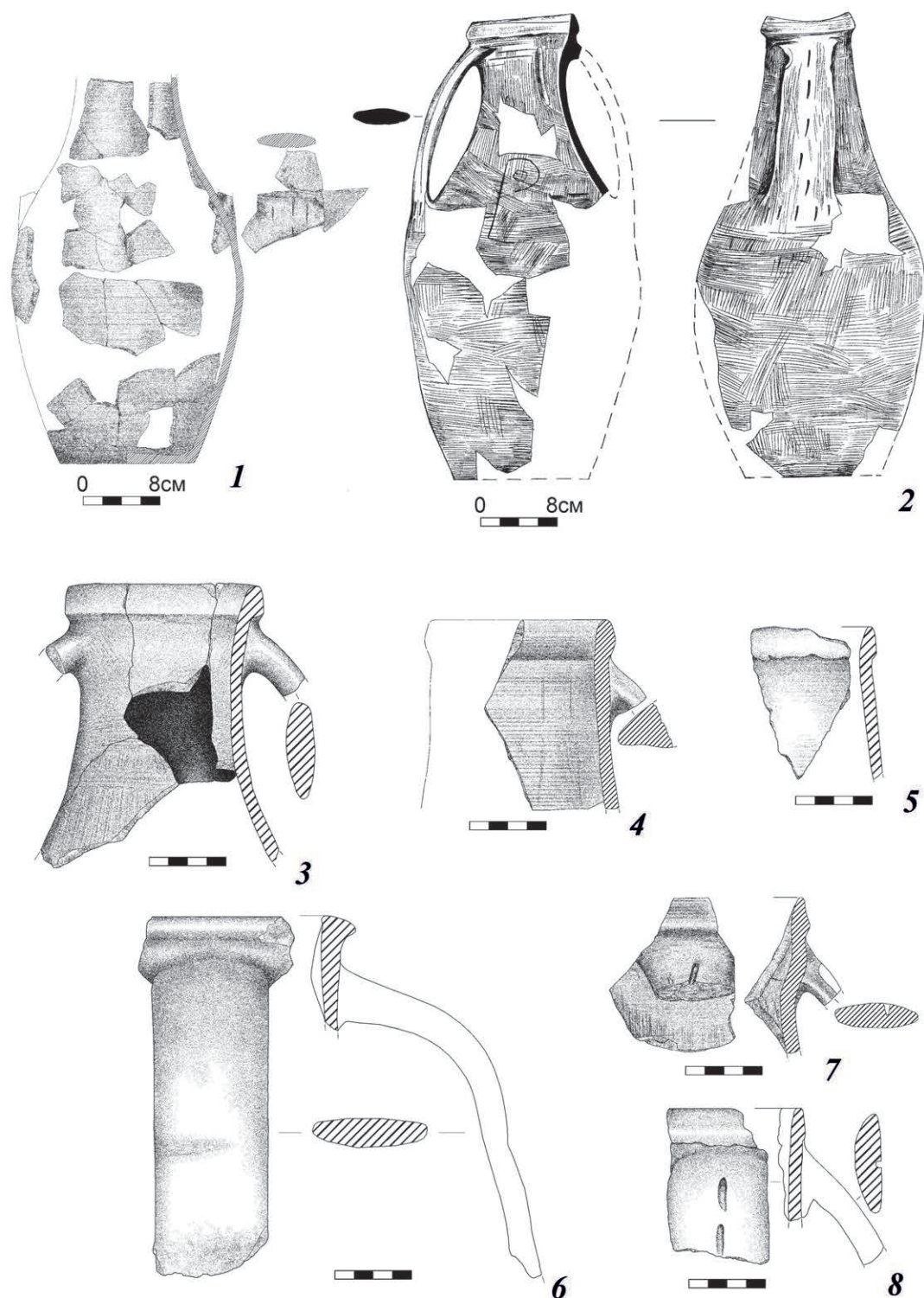

Рис. 9. Коричневые лепные кувшины. Азак (публикуется впервые, рисунки авторов):

1 – ул. Московская, 47, тр. (2013); 2 – ул. Макаровского, 7, Р-1, яма 2 (1998); 3 – ул. Московская, 38/40, Р-8, жил. 1 (2013); 4–5, 8 – Петровский бульвар, 7, Р-2, жил. 5 (2013); 6 – Пролетарский спуск, 20, Р-1, кв. 2В;
7 – Социалистический спуск, 53, Р-1, яма 7 (2014)

Fig. 9. Brown molded jugs. Azak (first publication, drawing by the authors):

1 – Moskovskaya St, 47, trench (2013); 2 – Makarovskiy St, 7, Ex-1, pit 2 (1998); 3 – Moskovskaya St, 38/40, Ex-8, dw. 1 (2013);
4–5, 8 – Petrovskiy Boulevard, 7, Ex-2, dw. 5 (2013); 6 – Proletarskiy Spusk, 20, Ex-1, sq. 2B;
7 – Socialisticheskiy Spusk, 53, Ex-1, pit 7 (2014)

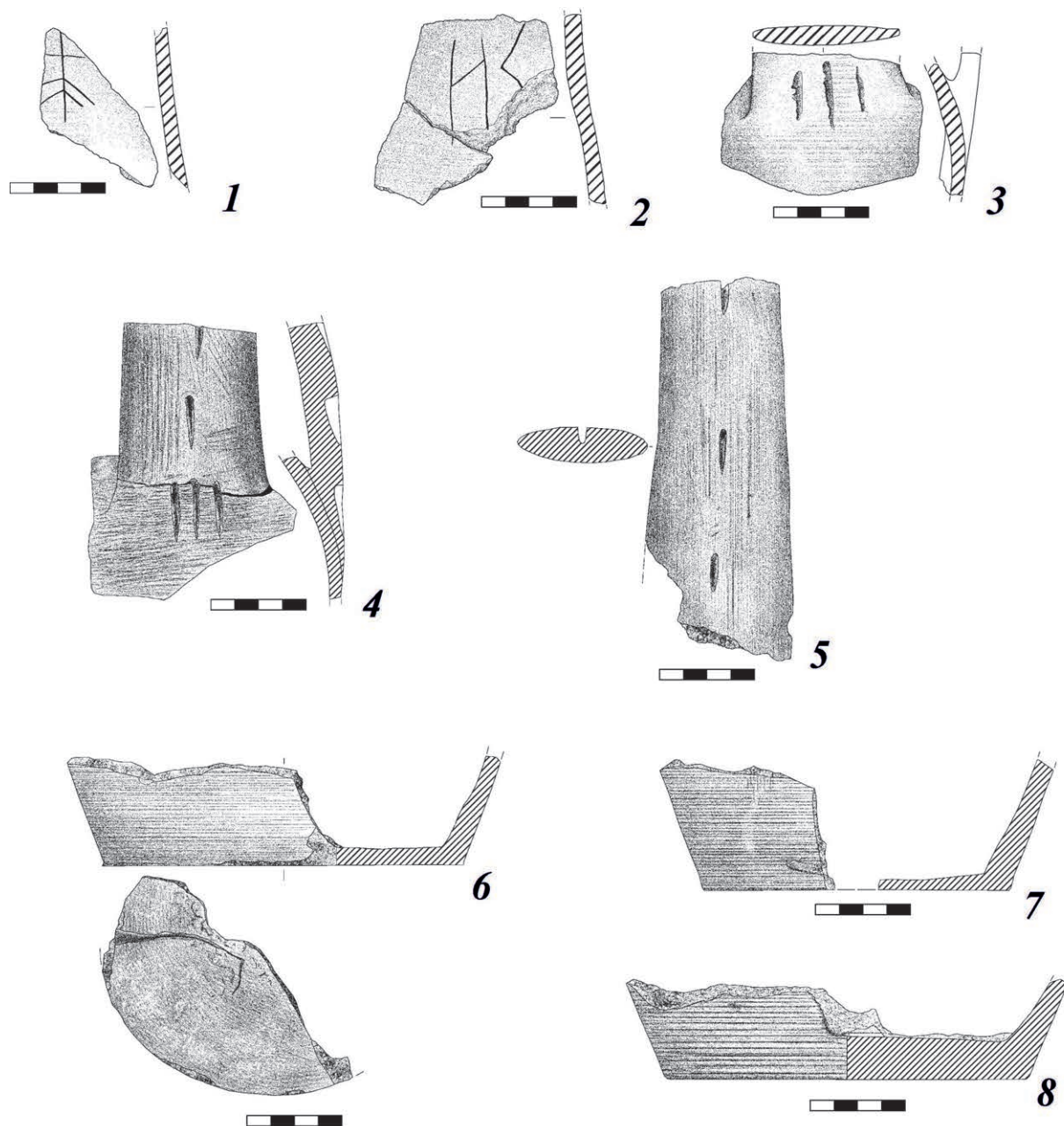

Рис. 10. Коричневые лепные кувшины. Азак (публикуется впервые, рисунки авторов):

- 1, 4, 6, 7 – Петровский бульвар, 7, Р-2, жил. 5 (2013); 2 – ул. Лермонтова, 40, Р-1, кв. 2А, пл. 8 (2014);
3 – Социалистический спуск, случ. находка (1980); 5 – ул. Ленина, 8, тр. яма 1 (1982);
8 – Петровский бульвар, 20, Р-2, кв. 7Б, пл. 6 (2019)

Fig. 10. Brownmoldedjugs. Azak (first publication, drawing by the authors):

- 1, 4, 6, 7 – Petrovsky Boulevard, 7, Ex-2, dw. 5 (2013); 2 – Lermontova St, 40, Ex-1, sq. 2A, str. 8 (2014);
3 – Socialisticheskyy Spusk, chance find (1980); 5 – Lenin St, 8, trench, pit 1 (1982);
8 – Petrovsky Boulevard, 20, Ex-2, sq. 7B, str. 6 (2019)

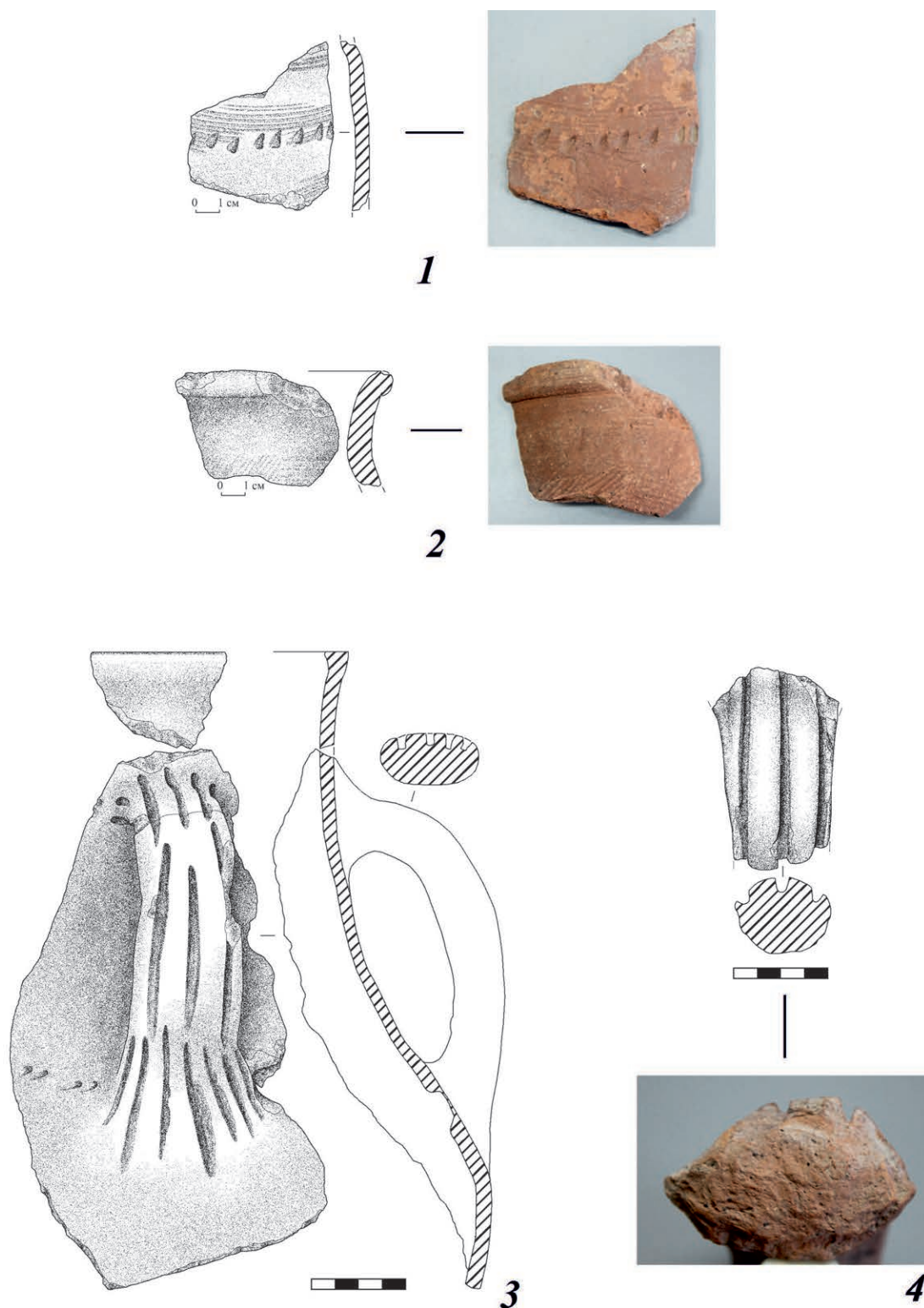

Рис. 11. Темно-красные лепные кувшины. Азак (публикуется впервые, фото и рисунки авторов):

1 – ул. Чехова, Р-1, кв. 9Б, пл. 1 (2008); 2 – Петровский бульвар, 20, Р-16, уч. 4, пл. 6 (2019);
3 – ул. К. Либкнехта, 12, Р-2, жил. 1 (2003); 4 – ул. Мира, случ. находка (1960-е гг.)

Fig. 11. Dark-red molded jugs. Azak (first publication, photo and drawing by the authors):

1 – Chekhova St, Ex-1, sq. 9Б, str. 1 (2008); 2 – Petrovsky Boulevard, 20, Ex-16, sec. 4, str. 6 (2019);
3 – K. Libknekhta St, 12, Ex-12, dw. 1 (2003); 4 – Mira St, chance find (1960s)

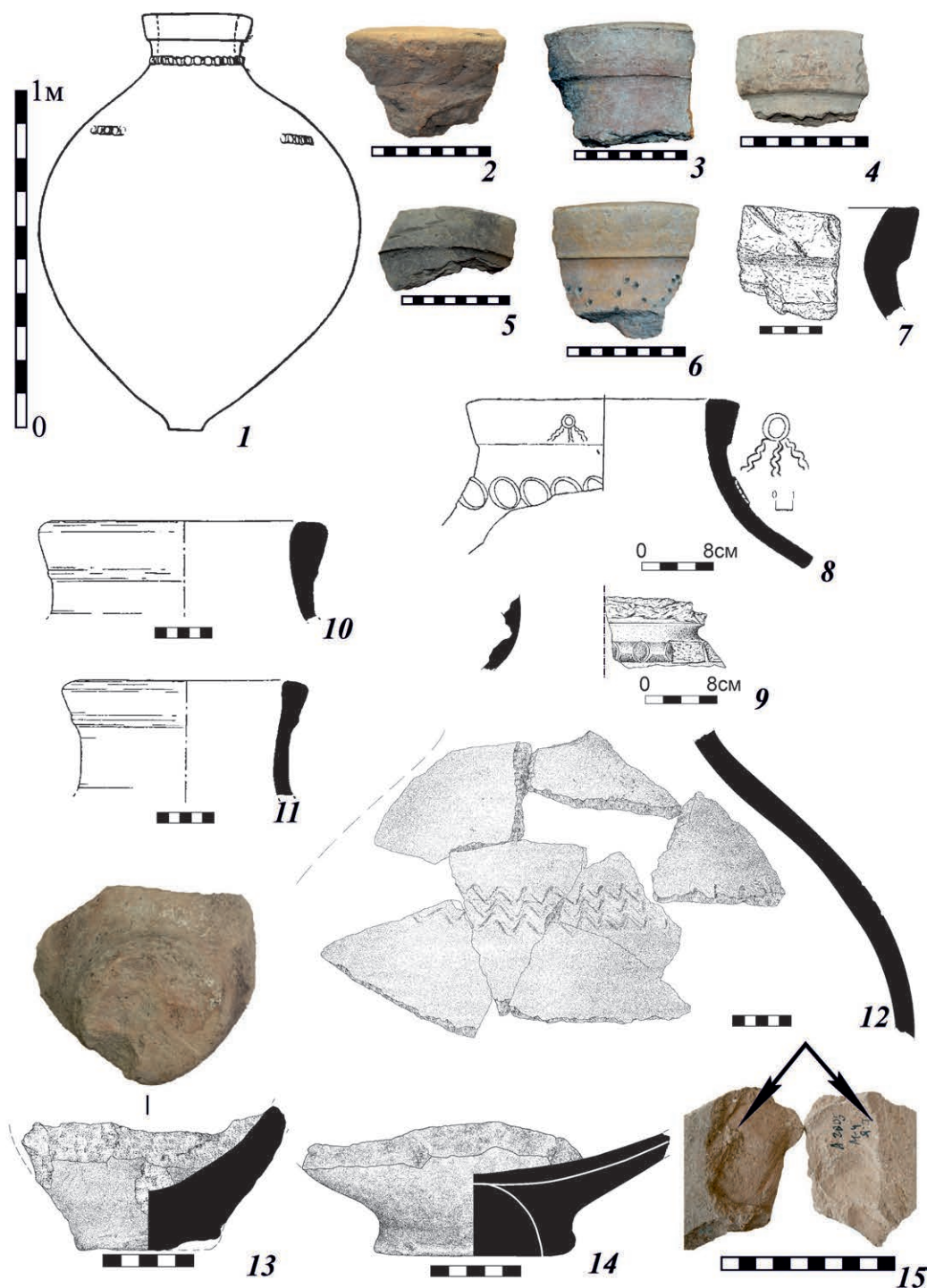

Рис. 12. Пифосы с трапециевидным венчиком (1 – Херсонес (по: [Якобсон, 1966]); 2–6 – Железнодорожное 2 (по: [Майко и др., 2014]); 7 – Пешково I; 8 – Новый Свет (по: [Зеленко, 1999]); 9, 12–15 – Азак; 10–11 – Семеновская крепость (по: [Волков, 2003]) (7, 9, 12–15 публикуется впервые, фото и рисунки авторов) 9 – ул. Толстого, 41, Р-1, яма 11; 12, 15 – ул. Московская, 4, Р-1, яма 7 (2005); 13 – ул. Суворова, 13, Р-1, кв. 2, пл. 2 (2002); 14 – ул. Московская, 7, Р-1, яма 30 (1995)

Fig. 12. Pithoi with trapezoid rim (1 – Khersonesos (after: [Yakobson, 1966]); 2–6 – Zheleznodorozhnoe 2 (after: [Maiko et al., 2014]); 7 – Peshkovo I; 8 – Novy Svet (after: [Zelenko, 1999]); 9, 12–15 – Azak; 10–11 – Semyonovskaya Fortress (after: [Volkov, 2003]) (7, 9, 12–15 first publication, photo and drawing by the authors): 9 – Tolstoy St, 41, Ex-1, pit 11; 12, 15 – Moskovskaya St, 4, Ex-1, pit 7 (2005); 13 – Suvorov St, 13, Ex-1, sq. 2, str. 2 (2002); 14 – Moskovskaya St, 7, Ex-1, pit 30 (1995)

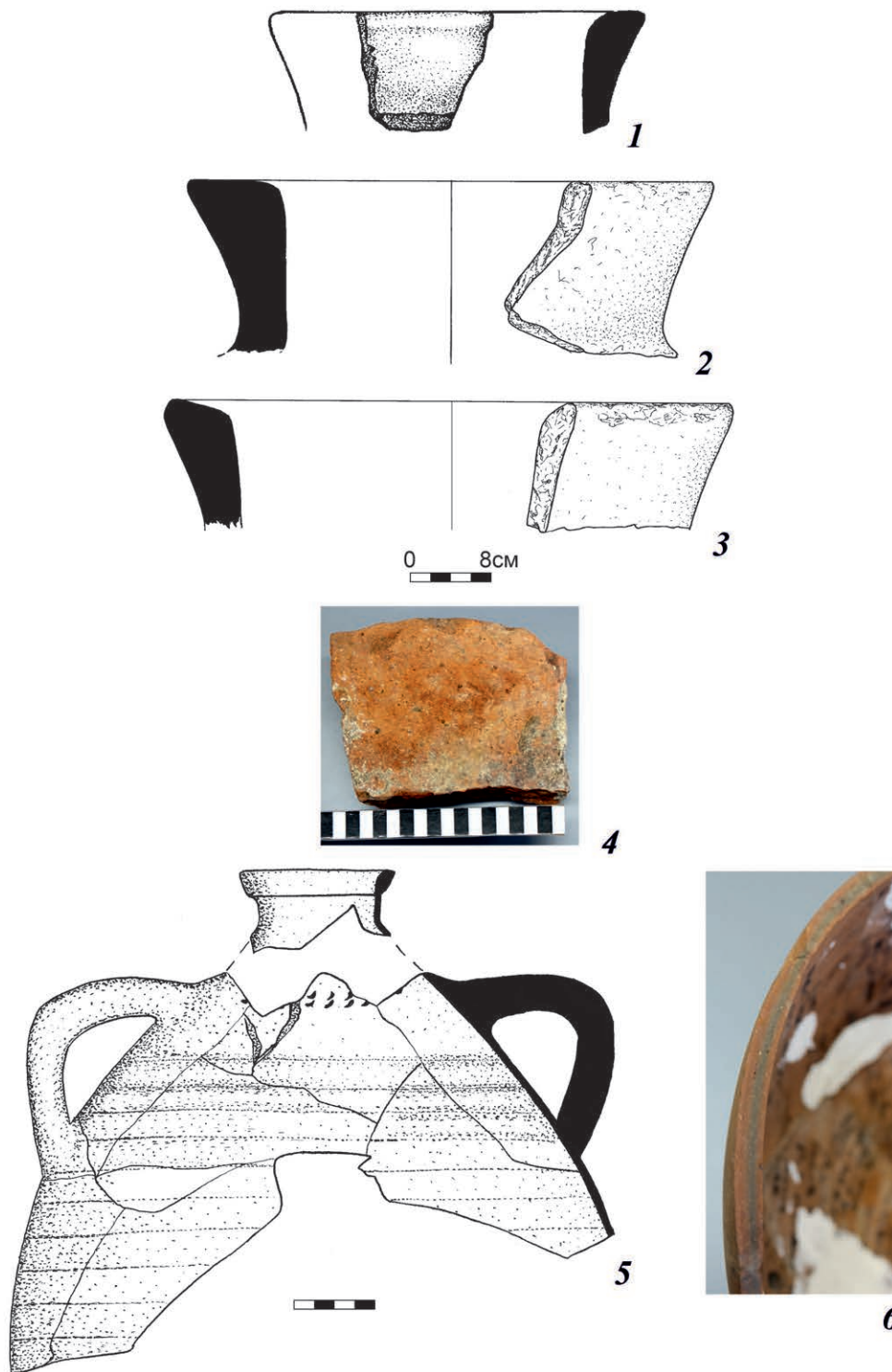

Рис. 13. Массивные пифосы (1–4), амфора неизвестного центра (5–6).

Азак (публикуется впервые, фото и рисунки авторов):

1 – ул. Р. Люксембург, Р-2, яма 6 (2001); 2–4 – ул. Толстого, 41, Р-1, яма 58, 59 (2001); 5–6 – ул. Толстого, 41, Р-1, жил. 1 (2000)

Fig. 13. Massive pithoi (1–4), amphora of unknown center (5–6).

Azak (first publication, photo and drawing by the authors):

1 – R. Luxemburg St, Ex-2, pit 6 (2001); 2–4 – Tolstoy St, 41, Ex-1, pit 58, 59 (2001); 5–6 – Tolstoy St, 41, Ex-1, dw. 1 (2000)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адаксина С. Б., Кирилко В. П., Мыц В. Л., 2006. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2005 году // Материалы Южно-Крымской археологической экспедиции. Вып. V. СПб. ; Севастополь : Гос. Эрмитаж. 223 с.
- Адаксина С. Б., Мыц В. Л., Ушаков С. В., 2014. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2012–2013 гг. // Материалы Южно-Крымской археологической экспедиции. Вып. XI. СПб. ; Севастополь : Гос. Эрмитаж. 272 с.
- Бочаров С. Г., Масловский А. Н., 2023. Византийские амфоры в Золотой Орде // *Stratum plus*. № 6. С. 267–299.
- Булгаков В. В., 2000. Византийские амфоры IX–XIV вв.: основные типы // *Восточноевропейский археологический журнал*. URL: <http://archeology.kiev.ua/byzantine/amphorae/classification/4.htm>
- Волков И. В., 1989. Импортная амфорная тара золотоордынского города Азака // *Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI веках*. Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та. С. 85–100.
- Волков И. В., 1992. О происхождении и эволюции некоторых типов средневековых амфор // *Донские древности*. Вып. 1. С. 143–157.
- Волков И. В., 1996. Амфоры Новгорода Великого и некоторые заметки о византийско-русской торговле вином // *Новгород и Новгородская земля. История и археология*. Вып. 10. Новгород : Новгород. гос. объедин. музей-заповедник. С. 90–103.
- Волков И. В., 2001. О происхождении двух групп средневековых клейменных амфор // *Морская торговля в Северном Причерноморье*. Киев : Стило. С. 130–146.
- Волков И. В., 2003. Поселения Приазовья в XII–XIII веках // *Русь в XIII веке. Древности темного времени*. М. : Наука. С. 108–130.
- Волков И. В., 2017. Амфоры // *Новгородский детинец и владычный двор в XI–XV вв.* СПб. : Дмитрий Буланин. С. 172–180.
- Волков И. В., Губайдуллин А. М., 2012. Редкие группы керамического импорта в Болгарах // *Поволжская археология*. № 1. С. 190–203.
- Еманов А. Г., 1995. Север и Юг в истории коммерции: на материалах Кафы XIII–XV вв. Тюмень : РУТРА. 225 с.
- Жеребилов С. Е., Масловский А. Н., 2016. Керамический комплекс поселения Железнодорожный II (Западное Закубанье, долина реки Адагум) (XIII–XIV вв.) // *Материалы Первого Маджарского археологического форума. Пятигорск – Буденновск – 2012 год. Археология евразийских степей*. Вып. 23. Казань. С. 10–15.
- Зажигина Л. Ю., 1996. Средневековые пифосы из собрания Анапского музея // *Историко-археологический альманах (Армавирского краеведческого музея)*. Вып. 2. Армавир ; М. С. 117–119.
- Зеленко С. М., 1999. Итоги исследований подводно-археологической экспедиции Киевского университета им. Тараса Шевченко на Черном море в 1997–1999 гг. // *Vita Antiqua*. № 2. С. 223–234.
- Зеленко С. М., Лебединский В. В., Кузьминов В. В., Новицкая Р. С., Царенко С. А., Морозова Я. И., Пронина Ю. А., 2016. Подводно-археологические исследования в Юго-Восточном Крыму в 2014 г. Феодосия : Арт Лайф. 169 с.
- Зенюк Д. И., Масловский А. Н., 2018. Керамический комплекс первой четверти XV в. из раскопок в городе Азове // *Поволжская археология*. № 2. С. 204–221.
- Карпов С. П., 1990. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли. М. : Изд-во МГУ. 336 с.
- Коваль В. Ю., 2010. Керамика Востока на Руси (IX–XVII века). М. : Наука. 269 с.
- Коваль В. Ю., 2016. Испанская керамика в средневековом Болгаре // *Поволжская археология*. № 4. С. 99–124.
- Коваль В. Ю., Мелькова В. Р., Хохлов А. Н., 2021. Новые находки испанской керамической тары в Крыму // *Мир средневековья. Познавая прошлое. К 70-летию отдела средневековой археологии*. М. : Ин-т археологии РАН. С. 126–135.
- Майко В. В., Василенко Д. Э., Соков П. В., Тищенко И. Б., 2014. Материалы к типологии, хронологии и клеймлению некоторых типов византийских амфор XIII–XIV вв. (по материалам Восточного Крыма и западного Закубанья) // *Боспорские исследования*. Вып. XXX. Симферополь, Керчь. С. 329–343.

- Масловский А. Н., 2006. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. Вып. 21. Азов : Азов. музей-заповедник. С. 308–473.
- Масловский А. Н., Минаев А. П., Юдин Н. И., 2021. Сельская округа Азака по данным керамических и нумизматических находок. Взаимодействие города и сельского населения // Поволжская археология. № 2 (36). С. 231–247.
- Мыц В. Л., 1991. Укрепления Таврики X–XV вв. Киев : Наук. думка. 164 с.
- Филлипс Р., 2004. История вина. М. : Эксмо. 416 с.
- Якобсон А. Л., 1966. Средневековые пифосы Северного Причерноморья // Советская археология. № 2. С. 189–202.
- Якобсон А. Л., 1979. Керамика и керамическое производство Средневековой Таврики. Л. : Наука. 164 с.
- Bevia Garcia M., Azuar Ruiz R., 2005. Santa Maria Descubierta. Arqueologia, arquitectura y ceramic. Alicante : MARQ. 259 p.
- Günsenin N., 2018. La typologie des amphores Gunsenin. Une mise au point nouvelle // Anatolia Antiqua. XXVI. P. 89–124.
- Hayes J. W., 1992. The Pottery. Excavations at Sarachane in Istanbul. Vol. 2. Princeton : Princeton University Press. 455 p.
- Raurich X., Pujol M., Martin A., Jover A., Izquierdo P., Garrido E., 1992. Les Sorres X. Un vaixell medieval al canal olimpic de rem (Castelldefels, Baix Llobregat). Barcelona : Generalitat de Catalunya. 71 p.
- Sanders G. D. R., 1987. An Assemblage of Frankish Pottery at Corinth // Hesperia. Vol. 56, № 2. P. 159–195.

REFERENCES

- Adaksina S.B., Kirilko V.P., Myts V.L., 2006. Otchyot ob arheologicheskikh issledovaniyakh srednevekovoy kreposti Chembalo (g. Balaklava) v 2005 godu [Report on Archaeological Investigations of the Medieval Fortress of Cembalo (Balaklava) in 2005]. *Materialy Yuzhno-Krymskoy arheologicheskoy ekspeditsii*, iss. V. Saint Petersburg, Sevastopol, State Hermitage Museum. 223 p.
- Adaksina S.B., Myts V.L., Ushakov S.V., 2014. Otchyot ob arheologicheskikh issledovaniyakh srednevekovoy kreposti Chembalo (g. Balaklava) v 2012–2013 gg. [Report on Archaeological Investigations of the Medieval fortress of Cembalo (Balaklava) in 2012–2013]. *Materialy Yuzhno-Krymskoy arheologicheskoy ekspeditsii*, iss. XI. Saint Petersburg, Sevastopol, State Hermitage Museum. 272 p.
- Bocharov S.G., Maslovskiy A.N., 2023. Vizantiyskie amfory v Zolotoy Orde [Byzantine Amphorae in the Golden Horde]. *Stratum plus*, no. 6, pp. 267–299.
- Bulgakov V.V., 2000. Vizantiyskie amfory IX–XIV vv.: osnovnye tipy [Byzantine Amphorae of the 9th – 14th Centuries: the Main Types]. *Vostochnoevropeyskiy arheologicheskiy zhurnal* [East European Archaeological Journal]. URL: <http://archeology.kiev.ua/byzantine/amphorae/classification/4.htm>
- Volkov I.V., 1989. Importnaya amfornaya tara zolotoordynskogo goroda Azaka [Imported Amphora Containers from the Golden Horde City of Azak]. *Severnoe Prichernomor' e i Povolzh'e vo vzaimootnosheniyakh Vostoka i Zapada v XII–XVI vekah* [Northern Black Sea and Volga Regions in the Relations Between East and West in the 12th – 16th Centuries]. Rostov-on-Don, Rostov University, pp. 85–100.
- Volkov I.V., 1992. O proiskhozhdenii i evolyutsii nekotorykh tipov srednevekovykh amfor [On the Origin and Evolution of Some Types of Medieval Amphorae]. *Donskie drevnosti* [Don Antiquities], iss. 1, pp. 143–157.
- Volkov I.V., 1996. Amfory Novgoroda Velikogo i nekotorye zametki o vizantiysko-russkoy torgovle vinom [The Amphorae of Novgorod the Great and Some Notes on the Byzantine-Russian Wine Trade]. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arheologiya* [Novgorod and the Novgorod Land. History and Archeology], iss. 10. Novgorod, Novgorod State Museum-Reserve, pp. 90–103.
- Volkov I.V., 2001. O proiskhozhdenii dvuh grupp srednevekovykh kleymennykh amfor [On the Origin of Two Groups of Medieval Stamped Amphorae]. *Morskaya torgovlya v Severnom Prichernomor'e* [Maritime Trade in the Northern Black Sea Region]. Kiev, Stilos Publ., pp. 130–146.
- Volkov I.V., 2003. Poseleniya Priazov'ya v XII–XIII vekah [Settlements of the Azov Region in the 12th – 13th Centuries]. *Rus' v XIII veke. Drevnosti temnogo vremeni* [Rus in the 13th Century. Antiquities of the Dark Age]. Moscow, Nauka Publ., pp. 108–130.

- Volkov I.V., 2017. Amfory [The Amphorae]. *Novgorodskiy detinets i vladychnyy dvor v XI–XV vv.* [Novgorod Citadel and Bishop's Court in the 11th – 15th Centuries]. Saint Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., pp. 172–180.
- Volkov I.V., Gubaydullin A.M., 2012. Redkie gruppy keramicheskogo importa v Bolgarah [Rare Groups of Ceramic Imports in Bulgar]. *Povolzhskaya arheologiya* [The Volga River Region Archaeology], no. 1, pp. 190–203.
- Emanov A.G., 1995. *Sever i Yug v istorii kommertsii: na materialah Kaffy XIII–XV vv.* [North and South in the History of Commerce: Based on the Materials of the 13th – 15th Centuries' Kafa]. Tyumen', RUTRA Publ. 225 p.
- Zherebilov S.E., Maslovskiy A.N., 2016. Keramicheskiy kompleks poseleniya Zheleznodorozhnyy II (Zapadnoe Zakuban'e, dolina reki Adagum) (XIII–XIV vv.) [Ceramic Complex of Zheleznodorozhny II Settlement (Western Transkuban', Valley of the Adagum River) (13th – 14th Centuries)]. *Materialy Pervogo Madzharskogo arheologicheskogo foruma. Pyatigorsk – Budennovsk – 2012 god* [Materials of the First Madzhar Archaeological Forum. Pyatigorsk – Budennovsk – 2012]. *Arheologiya evraziyskikh stepey*, iss. 23, Kazan, pp. 10–15.
- Zazhigina L.Yu., 1996. Srednevekovye pifosy iz sobraniya Anapskogo muzeya [Medieval Pithoi from the Collection of the Anapa Museum]. *Istoriko-arheologicheskii al'manah (Armavirskogo kraevedcheskogo muzeya)* [Historical and Archaeological Almanac (Armavir Museum of Local History)], iss. 2. Armavir, Moscow, pp. 117–119.
- Zelenko S.M., 1999. Itogi issledovaniy podvodno-arheologicheskoy ekspeditsii Kievskogo universiteta im. Tarasa Shevchenko na Chernom more v 1997–1999 gg. [Research Results of the Underwater Archaeological Expedition of Taras Shevchenko University of Kyiv on the Black Sea in 1997–1999]. *Vita Antiqua*, no. 2, pp. 223–234.
- Zelenko S.M., Lebedinskiy V.V., Kuz'minov V.V., Novitskaya R.S., Tsarenko S.A., Morozova Ya.I., Pronina Yu.A., 2016. *Podvodno-arheologicheskie issledovaniya v Yugo-Vostochnom Krymu v 2014 g.* [Underwater Archaeological Research in the Southeastern Crimea in 2014]. Feodosiya, Art Layf Publ. 169 p.
- Zenyuk D.I., Maslovskiy A.N., 2018. Keramicheskiy kompleks pervoy chetverti XV v. iz raskopok v gorode Azove [Ceramic Complex of the First Quarter of the 15th Century from Excavations in the Town of Azov]. *Povolzhskaya arheologiya* [The Volga River Region Archaeology], no. 2, pp. 204–221.
- Karpov S.P., 1990. *Ital'yanskije morskije respubliki i Yuzhnoe Prichernomor'e v XIII–XV vv.: problemy trgovli* [Italian Maritime Republics and the Southern Black Sea Region in the 13th – 15th Centuries: Trade Issues]. Moscow, MSU. 336 p.
- Koval' V.Yu., 2010. *Keramika Vostoka na Rusi (IX–XVII veka)* [Ceramics of the East in Rus' (9th – 17th Centuries)]. Moscow, Nauka Publ. 269 p.
- Koval' V.Yu., 2016. Ispanskaya keramika v srednevekovom Bolgare [Spanish Ceramics in the Medieval Bolgar]. *Povolzhskaya arheologiya* [The Volga River Region Archaeology], no. 4, pp. 99–124.
- Koval' V.Yu., Mel'kova V.R., Hohlov A.N., 2021. Novye nahodki ispanskoy keramicheskoy tary v Krymu [New Finds of Spanish Ceramic Containers in Crimea]. *Mir srednevekov'ya. Poznavaya proshloe. K 70-letiyu otdela srednevekovoy arheologii* [The World of the Middle Ages. Learning about the Past. For the 70th Anniversary of the Medieval Archaeology Department]. Moscow, Institute of Archaeology RAS, pp. 126–135.
- Maiko V.V., Vasilinenko D.E., Sokov P.V., Tishchenko I.B., 2014. Materialy k tipologii, hronologii i kleymleniyu nekotorykh tipov vizantiyskikh amfor XIII–XIV vv. (po materialam Vostochnogo Kryma i zapadnogo Zakuban'ya) [Materials for the Typology, Chronology and Stamping of Some Types of Byzantine Amphorae of the 13th – 14th Centuries (Based on Materials from Eastern Crimea and Western Trans-Kuban)]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporan Studies], iss. XXX. Simferopol', Kerch', pp. 329–343.
- Maslovskiy A.N., 2006. Keramicheskiy kompleks Azaka. Kratkaya kharakteristika [Ceramic Complex of Azak. Brief Description]. *Istoriko-arheologicheskie issledovaniya v g. Azove i na Nizhnem Donu v 2004 g.* [Historical and archaeological research in the city of Azov and on the Lower Don in 2004], iss. 21. Azov, Azov Museum-Reserve, pp. 308–473.
- Maslovskiy A.N., Minaev A.P., Yudin N.I., 2021. Sel'skaya okrugaz Azaka po dannym keramicheskikh i numizmaticheskikh nahodok. Vzaimodeystvie goroda i sel'skogo naseleniya [Azak's Rural District Based on Ceramic and Numismatic Finds. Interaction Between the Urban and Rural Populations]. *Povolzhskaya arheologiya* [The Volga River Region Archaeology], no. 2 (36), pp. 231–247.
- Myts V.L., 1991. *Ukrepleniya Tavriki X–XV vv.* [Fortifications of Taurica in the 10th – 15th Centuries]. Kiev, Nauk. dumka Publ. 164 p.
- Fillips R., 2004. *Istoriya vina* [History of Wine]. Moscow, Eksmo Publ. 416 p.

- Yakobson A.L., 1966. Srednevekovie pifosi Severnogo Prichernomor'ya [Medieval Pithoi of the Northern Black Sea Region]. *Sovetskaya arheologiya* [The Soviet Archaeology], no. 2, pp. 189-202.
- Yakobson A.L., 1979. *Keramika i keramicheskoe proizvodstvo Srednevekovoy Tavriki* [Ceramics and Ceramic Production of Medieval Taurica]. Leningrad, Nauka Publ. 164 p.
- Bevia Garcia M., Azuar Ruiz R., 2005. *Santa Maria Descubierta. Arqueologia, arquitectura y ceramic*. Alicante, MARQ. 259 p.
- Günsenin N., 2018. La typologie des amphores Günsenin. Une mise au point nouvelle. *Anatolia Antiqua*, XXVI, pp. 89-124.
- Hayes J.W., 1992. *The Pottery. Excavations at Sarachane in Istanbul*. Vol. 2. Princeton, Princeton University Press. 455 p.
- Raurich X., Pujol M., Martin A., Jover A., Izquierdo P., Garrido E., 1992. *Les Sorres X. Un vaixell medieval al canal olimpic de rem (Castelldefels, Baix Llobregat)*. Barcelona, Generalitat de Catalunya. 71 p.
- Sanders G.D.R. 1987. An Assemblage of Frankish Pottery at Corinth. *Hesperia*, vol. 56, no. 2, pp. 159-195.

Information About the Authors

Sergey G. Bocharov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Vice-Director, Institute of History and Archaeology of Byzantium and the Black Sea Region, Head of the Department of Archaeology, Sevastopol State University, Universitetskaya St, 33, 299053 Sevastopol, Russian Federation, sgbotcharov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4775-4136>

Andrey N. Maslovskiy, Candidate of Sciences (History), Head of the Department of Archaeology, Azov Historical-Archeological and Paleontological Museum-Reserve, Moskovskaya St, 38/40, 346780 Azov, Russian Federation, maslovskiazak@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2452-4306>

Информация об авторах

Сергей Геннадиевич Бочаров, кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора по научной работе Института истории и археологии Византии и Причерноморья, заведующий кафедрой археологии, Севастопольский государственный университет, ул. Университетская, 33, 299053 г. Севастополь, Российская Федерация, sgbotcharov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4775-4136>

Андрей Николаевич Масловский, кандидат исторических наук, заведующий отделом археологии, Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник, ул. Московская, 38/40, 346780 г. Азов, Российская Федерация, maslovskiazak@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2452-4306>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.3.9>

UDC 903'15

LBC 63.442.7

Submitted: 02.06.2026

Accepted: 26.06.2026

**12th ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC CONFERENCE
“PROBLEMS OF SARMATIAN ARCHAEOLOGY AND HISTORY”:
MAIN DIRECTIONS IN THE STUDY OF THE CULTURAL GENESIS
OF SAUROMATIAN AND SARMATIAN CULTURES**

Aleksey L. Chibirov

Vladikavkaz Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Vladikavkaz, Russian Federation

Abstract. The article provides an overview of the 12th All-Russian Scientific Conference “Problems of Sarmatian Archaeology and History”, held in Vladikavkaz on May 18–22, 2026. The paper examines the principal directions of scholarly discussion devoted to the cultural genesis of Sauromat and Sarmatian cultures and contemporary approaches to the study of early nomadic societies of Eurasia. Particular attention is paid to reports addressing regional patterns in the formation of Sauromat and Sarmatian cultures, migration processes, intercultural interactions, funerary traditions, and issues of ethnogenesis. A separate thematic block was formed by reports on interdisciplinary research methods, including physical anthropology, paleopathology, palynology, and paleopedology. The conference proceedings demonstrate current trends in Sarmatian studies and outline promising directions for further research into cultural-genetic processes in the steppe zone of Eurasia.

Key words: Sarmats, Sauromats, cultural genesis, archaeology of early nomads, migrations, ethnogenesis, intercultural contacts, interdisciplinary studies.

Citation. Chibirov A.L., 2026. XII Vserossiyskaya nauchnaya konferentsiya «Problemy sarmatskoy arheologii i istorii»: osnovnye napravleniya issledovaniy kulturogeneza savromatskoy i sarmatskih kultur [12th All-Russian Scientific Conference “Problems of Sarmatian Archaeology and History”: Main Directions in the Study of the Cultural Genesis of Sauromatian and Sarmatian Cultures]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 25, no. 3, pp. 220–223. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.3.9>

УДК 903'15

ББК 63.442.7

Дата поступления статьи: 02.06.2026

Дата принятия статьи: 26.06.2026

**XII ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ПРОБЛЕМЫ САРМАТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ»:
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ КУЛЬТУРОГЕНЕЗА
САВРОМАТСКОЙ И САРМАТСКИХ КУЛЬТУР**

Алексей Львович Чибиров

Владикавказский научный центр РАН, г. Владикавказ, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлен обзор работы XII Всероссийской научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории», состоявшейся 18–22 мая 2026 г. во Владикавказе. Рассматриваются ос-

новные направления научной дискуссии, посвященной проблемам культурогенеза савроматской и сарматских культур, а также современным подходам к изучению истории ранних кочевников Евразии. Анализируются доклады, посвященные региональным особенностям формирования савроматской и сарматских культур, миграционным процессам, межкультурным взаимодействиям, развитию погребальных традиций и вопросам этногенеза. Отдельный тематический блок образовали доклады, посвященные использованию междисциплинарных методов исследования, включая данные физической антропологии, палинологии и палеопочвоведения. Материалы конференции демонстрируют современные тенденции развития сарматоведения и позволяют определить перспективные направления дальнейших исследований культурогенетических процессов в степной зоне Евразии.

Ключевые слова: сарматы, савроматы, культурогенез, археология ранних кочевников, миграции, этногенез, межкультурные контакты, междисциплинарные исследования.

Цитирование. Чибиров А. Л., 2026. XII Всероссийская научная конференция «Проблемы сарматской археологии и истории»: основные направления исследований культурогенеза савроматской и сарматских культур // Нижневолжский археологический вестник. Т. 25, № 3. С. 220–223. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.3.9>

С 18 по 22 мая 2026 г. во Владикавказе на базе Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований Владикавказского научного центра РАН была проведена XII Всероссийская научная конференция «Проблемы сарматской археологии и истории». Тема форума «Проблемы культурогенеза савроматской и сарматских культур». Выбор данной темы отражает современные тенденции развития археологической науки, связанные с переходом от локального анализа отдельных памятников к комплексному исследованию процессов формирования культурных общностей в широком пространственно-временном контексте. Организаторами конференции выступили Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Владикавказский научный центр Российской академии наук, Институт археологии РАН и Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований ВНИЦ РАН. Особое значение конференции было обусловлено тем, что впервые за всю историю ее проведения форум состоялся на Северном Кавказе – в регионе, имеющем важное значение для изучения взаимодействия степных и автохтонных культур региона, что способствует расширению научного диалога между исследователями различных регионов и укреплению межинституционального сотрудничества.

Работа форума проходила в очном и дистанционном форматах. В конференции приняли участие 61 исследователь из научных учреждений Российской Федерации и Республики Казахстан, представлявшие более двадцати городов. В рамках программы было зас-

лушано 43 научных доклада, в том числе шесть сообщений в дистанционном формате. По итогам конференции материалы докладов опубликованы в сборнике [Проблемы культурогенеза ... , 2026].

География прозвучавших докладов охватывала практически весь ареал распространения савроматских и сарматских древностей – от Южного Урала и Казахстана до Северного Причерноморья, Крыма и Северного Кавказа.

Программа конференции была структурирована по нескольким основным тематическим направлениям. Наибольшее количество докладов прозвучало в блоке «Региональные особенности культурогенеза савроматской и сарматских культур». Тематика докладов, посвященных генезису и связям кочевнических культур предсавроматского, савроматского и раннесарматского периодов в Южном Приуралье и Нижнем Поволжье, была представлена в докладах Н.С. Савельева, С.В. Сиротина и В.М. Клепикова. Яркие элитарные комплексы в Предкавказье и ритуальные клады на Нижнем Дону в раннесарматское время были проанализированы в сообщениях А.Р. Канторовича, В.Е. Маслова, В.П. Глебова, А.В. Дедюлькина. Оформление концепции об атрибуции памятников предкавказских степей конца IV в. до н.э. – первой половины / середины I в. н.э. с обоснованием новой археологической культуры получило в докладе Я.Б. Березина и В.Ю. Малашева. Разнообразие кочевнических памятников раннесарматского времени Северного Причерноморья было продемонстрировано в докладе В.В. Кропотова.

Л.А. Краева охарактеризовала керамику как маркер идентификации различных сарматских культур. С идеей о возможной связи алан с рядом памятников Zubovsko-Vozdvizhenской группы выступил С.В. Воронятов.

Вопросы генезиса и особенностей различных культур позднесарматского времени в Зауралье, Казахстане, Волго-Донье, Крыму, Буджаке были затронуты в докладах К.А. Жамбулатова, М.В. Кривошеева, С.В. Шараповой и В.Ю. Малашева, И.Н. Храпунова, А.А. Васильева.

Некоторые особенности конструкций могильных ям ранних кочевников Дона и их связь с центральноазиатскими традициями были озвучены самым старшим участником конференции Б.А. Раевым.

Отдельному аспекту в виде традиции ремесленного производства бронзовых котлов, отражающей преемственность ранне- и среднесарматской культур, был посвящен доклад С.В. Демиденко.

Кочевой мир степей в раннем железном веке не существовал изолированно, а находился в постоянном взаимодействии с окружающими его соседями. Именно формы и результаты этих взаимодействий стали темой другого тематического блока конференции: «Ранние кочевники евразийских степей и их взаимодействие с оседлым населением: выделение новых культур и типов памятников». Вопросы кавказского фронта были затронуты в докладах В.Ю. Малашева, Ю.А. Прокопенко, С.В. Демиденко, А.А. Кадиевой и А.А. Перевозчиковой. В.Ю. Малашевым представлена новая структура древностей (в виде культур и типов памятников) центральных и восточных районов Северного Кавказа сарматского времени. Взаимодействия кочевого варварского и оседлого миров на Нижнем Дону касались доклады С.Ю. Монахова, Е.В. Кузнецовой, Е.В. Вдовченкова, в Крыму – Ю.П. Зайцева и А.А. Стояновой. Вопросы контактов на северной границе кочевого мира в лесостепной зоне Подонья и Урало-Поволжья поднимались в докладах А.А. Хохлова, В.Н. Мышкина, С.Э. Зубова, А.П. Медведева, И.В. Зиньковской, А.О. Голышкина, И.Е. Бирюкова.

Все шире на конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» представляются доклады, посвященные применению

естественнонаучных методов в археологии, которые в этом году были объединены в блок «Естественнонаучные методы в изучении генезиса культур савромато-сарматской эпохи».

Такие направления, как антропология и генетика, в решении вопросов культурогенеза были озвучены в докладах М.А. Балабановой и соавторами, А.Х. Чирковой, А.А. Хохловым и А.И. Нечвалодой. Новейшие данные по одонтологии представлены Н.А. Лейбовой и А.Ж. Машковой. Анализ минеральных пигментов из погребений кочевников охарактеризован в докладе О.В. Анисеевой, К.Г. Маргарян и А.М. Юминова. Рассмотрение археозоологических материалов с Южного Урала прозвучало в докладе И.М. Сосновцевой. Информационный потенциал палеопочвенного и спорово-пыльцевого методов в реконструкциях природных условий оценен в докладе А.В. Борисова.

Отдельное место в работе конференции занял круглый стол «Проблемы соотношения раннекочевнических археологических культур с этнической номенклатурой письменных источников и возможности археологии в решении вопросов этногенеза», в рамках которого были подняты вопросы теоретического плана о формировании скифского этноса в докладе С.И. Лукьяшко и термина «сарматская культура» в выступлении Е.Ф. Корольковой.

В блок «Вопросы археологии кочевников савромато-сарматского времени» были объединены доклады, напрямую не связанные с вопросами культурогенеза, но представляющие несомненный интерес для савромато-сарматской археологии. В.Н. Мышкин представил анализ конского снаряжения савроматской эпохи. Обзор музыкальной культуры скифов озвучил С.И. Лукьяшко с соавторами. Вопросы оружейоведения и связанных с ним традиций прозвучали в докладах С.Ю. Николаева и К.Б. Шаушева. Сарматские тамги с поселений Северного Причерноморья были продемонстрированы С.А. Яценко. Новые материалы раннего этапа аланской культуры Северного Кавказа представлены в докладах С.И. Безуглова и В.Т. Чшиева.

Материалы конференции показали высокий уровень современных исследований сарматской проблематики и подтвердили значимость комплексного подхода к изучению куль-

турогенетических процессов. Представленные доклады продемонстрировали, что формирование савроматской и сарматских культур являлось результатом сложного взаимодействия миграционных процессов, локальных традиций, межрегиональных контактов и адаптации к различным природно-географическим условиям.

По итогам работы конференции была принята резолюция, определившая приоритетные направления дальнейших исследований в области сарматской археологии. Следующая, XIII Всероссийская научная конференция с международным участием «Проблемы сарматской археологии и истории», состоится в 2029 г. в Уфе на базе Института истории, язы-

ка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН. Основной темой форума станет обсуждение культурных и хронологических маркеров савроматской и сарматских культур.

Результаты конференции свидетельствуют о необходимости дальнейшего изучения сложных механизмов формирования культур, их взаимодействий, особенностей генезиса савроматской и сарматских культур. Проведенный форум в очередной раз выступил в роли ведущей научной площадки для обсуждения актуальных проблем археологии ранних кочевников Евразии и определения перспективных направлений дальнейших исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Проблемы культурогенеза савроматской и сарматских культур : материалы XII Всерос. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории», г. Владикавказ, 18–22 мая 2026 г., 2026. Владикавказ : ВНИЦ РАН. 332 с.

REFERENCES

Problemy kul'turogeneza savromatskoy i sarmatskih kul'tur: materialy XII Vseros. nauch. konf. «Problemy sarmatskoy arheologii i istorii», g. Vladikavkaz, 18–22 maya 2026 g. [Problems of Cultural Genesis of the Sauromat and Sarmatian Cultures: Proceedings of the 12th All-Russian Scientific Conference “Problems of Sarmatian Archeology and History” May 18–22, 2026, Vladikavkaz], 2026. Vladikavkaz, VSC RAS. 332 p.

Information About the Author

Aleksey L. Chibirov, Candidate of Sciences (History), Head of the Vladikavkaz Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Williamsa St, 1, 363110 Prigorodny District, Mikhaylovskoye, Republic of North Ossetia – Alania, Russian Federation, chibiroff@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5821-8246>

Информация об авторе

Алексей Людвигович Чибиров, кандидат исторических наук, директор, Владикавказский научный центр РАН, ул. Вильямса, 1, 363110 Пригородный район, с. Михайловское, Республика Северная Осетия – Алания, Российская Федерация, chibiroff@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5821-8246>

Миссия журнала «Нижеволжский археологический вестник» — создание благоприятных условий для научного общения, популяризации и обмена новейшими достижениями в области археологии евразийских степей и сопредельных территорий; обогащение науки новыми археологическими источниками; ознакомление широкого круга исследователей с новациями и достижениями в области теории и практики современной археологии.

Редакционная политика журнала направлена на популяризацию исторических знаний и оперативный обмен новейшими разработками в евразийской степной археологии между отечественными и зарубежными учеными и заинтересованными читателями. Степи Евразии являются важнейшим регионом, история которого непосредственно влияла на процессы культурогенеза и этногенеза как в древности, так и в средневековье, связывая цивилизации Востока и Запада. Археологические исследования на данной территории остаются ценным источником реконструкции многих исторических процессов и важным фактором для понимания современных процессов мировой интеграции в Евразийском регионе.

Журнал приветствует естественнонаучные исследования в области археологии и исторических реконструкций.

С целью обеспечения высокого качества публикуемых материалов рецензентами выступают ведущие российские и зарубежные специалисты в различных областях знаний и периодах истории. Публикация полевых исследований допускается при наличии в статье глубокого анализа материалов с учетом достижений мировой науки.

Цели журнала — освещение и обсуждение актуальных теоретических и практических проблем археологии, использование естественнонаучных методов в области археологии евразийских степей и сопредельных территорий; информирование научной общественности о достижениях в области полевой и теоретической археологии в древности и средневековье.

Задачи журнала:

- публикация аналитических научных статей, рецензий и критических обзоров;
- оперативное введение в научный оборот результатов полевых археологических исследований;
- организация дискуссий по наиболее актуальным проблемам археологии евразийских степей и сопредельных территорий;
- развитие научных контактов между специалистами в области археологии и естественнонаучных дисциплин;
- обзор прошедших и анонс предстоящих научных мероприятий по археологии и междисциплинарным исследованиям;
- поддержание высокого уровня научных публикаций.

The mission of *The Lower Volga Archaeological Bulletin* is to create favorable conditions for scientific communication, promoting and exchanging the latest achievements in the Archaeology of Eurasian steppes and adjacent territories; to enrich the science with new archaeological sources; to present the most recent advances and innovations in the contemporary Archaeology to a wide range of researchers.

The aim of the journal is to cover and discuss current research issues related to Archaeology and scientific methods applied to the Archaeology of Eurasian steppes and adjacent territories; to inform the scientific community on the achievements of field and theoretical Archaeology in ancient times and the Middle Ages.

The editorial policy of the journal is aimed at the historical knowledge popularization and rapid exchange of the latest developments in the Eurasian steppe Archaeology between Russian and foreign scholars. The Eurasian steppes are a very important region. Its history had a direct impact on the processes of culture-genesis and ethnogenesis both in ancient times and in the Middle Ages and connected Eastern and Western civilizations. Archaeological research in this territory remains a valuable source of reconstructing many historical processes and a key factor for understanding modern world integration processes in the Eurasian region.

The journal welcomes natural scientific research applied to Archaeology and historical reconstructions.

To ensure the high quality of published materials the international team of leading experts in various disciplines, fields and historical periods provide their reviews. We publish field studies only if the article contains the in-depth analysis of materials and takes into account the achievements of world science.

The objectives of the journal are to:

- publish research papers, reviews and critical notes;
- present research findings to end users in the most useful way;
- create a platform for discussing challenges related to the Archaeology of the Eurasian steppes and adjacent territories;
- develop scientific contacts between experts in Archaeology and Natural Sciences;
- review the past scientific events in Archaeology and interdisciplinary studies and announce the future ones;
- maintain the high level of academic publications.

УСЛОВИЯ И ПРАВИЛА ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ

1. Редакционная коллегия журнала принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными. Никаких авторских взносов не предусмотрено.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить или исправить статью.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (nav@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются в **открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции nav@volsu.ru является формой **акцента оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Нижеволжский археологический вестник».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте. Решение о публикации статей принимается после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Подробнее о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей см.: <https://nav.jvolsu.com> («Для авторов»).

CONDITIONS AND RULES OF PUBLICATION IN THE JOURNAL

1. The editorial staff of *The Lower Volga Archaeological Bulletin* publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. When the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail nav@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in **Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail nav@volsu.ru, the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *The Lower Volga Archaeological Bulletin* print periodical.

The editorial staff starts the reviewing process after receiving all cover documents via e-mail.

The decision to publish articles is made by the editorial staff after reviewing. The editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, review and publication of academic articles, please refer to the journal's website <https://nav.jvolsu.com/index.php/en> (section "For Author").

